БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
женскимъ курсамъ.
Шкафъ И.
Полка 12.
№ 20.

1 руб. 25 коп.

ЛЕКЦІИ

по

РУССКОЙ ИСТОРІИ,

читанныя Профессоромъ Ю.В.Платоновымъ.

на

С.Петербургскихъ Высшихъ

Женскихъ Курсахъ.

Библіотека
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ
346/98.

Часть II.

Общій Курсъ.

1897-1898.-

Лен. Го... т
НАУЧНАЯ БИБ... КА
им. Горького

14671

Лекторъ С.Ѳ. Платоновъ, соглашаясь на воспроизведеніе сего курса литографскимъ способомъ, считаетъ при этомъ необходимымъ сдѣлать слѣдующія оговорки: 1, предлагаемый текстъ его лекцій составился постепенно изъ записей, сдѣланныхъ частію самимъ лекторомъ, частію его слушателями и слушательницами въ разное время и съ различною степенью подробности; поэтому 2, изложеніе курса не имѣетъ полной точности, цѣльности и законченности, качествъ, какихъ можно было бы требовать отъ печатнаго курса, - тѣмъ болѣе, что 3, лекторъ не имѣлъ времени редактировать всѣ части курса для настоящаго ихъ изданія съ одинаковымъ вниманіемъ и тщательностью.-

Время царя Ивана IУ Грознаго.

Въ русскомъ обществѣ эпоха царствованія Ивана IУ пользуется большою популярностью. Это объясняется: I| ея содержательностью и 2| ея историческимъ значеніемъ. Содержательность этой эпохи зависитъ съ одной стороны отъ блестящихъ внѣшнихъ дѣлъ этого царствованія. Ливонская война - есть первый шагъ къ овладѣнію берегами Балтійскаго моря. Восточныя царства, все еще напоминавшія о прежнемъ позорномъ игѣ, были подчинены Москвѣ. Съ другой стороны, все это время наполнено животрепещущими вопросами объ отношеніяхъ къ Западной Европѣ, слѣдившей за постепеннымъ ростомъ русскаго могущества. Помимо чисто внѣшнихъ событій время Ивана IУ полно разнообразныхъ внутреннихъ реформъ, изобилуетъ фактами внутренней борьбы: опалами, казнями, погромами и т.д. Что касается историческаго значенія этой эпохи, то мы видимъ территоріальный ростъ Руси и полное разстройство ея внутренняго организма. По содержательности и историческимъ слѣдствіямъ царствованіе это представляетъ цѣлую историческую эпоху. Но вмѣстѣ съ тѣмъ время это въ высшей степени темно. Историкъ, занимающійся изслѣдованіемъ этой эпохи, получаетъ въ свое распоряженіе массу источниковъ иностранныхъ и русскихъ и тѣмъ не менѣе, въ концѣ концовъ окажутся значительны пробѣлы въ знаніи просто фактовъ. Еще затруднительнѣе объяснить мотивы поступковъ дѣйствующихъ лицъ. Самая личность Грознаго въ высшей степени загадочна. Въ научной литературѣ мы встрѣчаемъ самые противоположные взгляды на Грознаго и его время, и писатели по поводу ихъ вступаютъ въ жаркую полемику. Историку, желающему остаться совершенно объективнымъ, предстоитъ очень трудная, до сихъ поръ никѣмъ не выполненная задача, дать картину событій,

Русская Исторія Проф. Платонова. Часть II-ая. Листъ I-й.
Литографія Богданова Эртелевъ пер. д.№-I.

темныхъ по состоянію источниковъ, и лицъ, скорѣе затемненныхъ, чѣмъ объясненныхъ литературою. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній мы будемъ разсматривать это царствованіе строго фактически.

Внутреннія событія времени Грознаго.

У Василія III осталось два сына, изъ которыхъ старшему было около трехъ лѣтъ. Правительницею была назначена молодая жена Василія, Елена Глинская, оказавшаяся очень умною и распорядительною женщиной. Первый разъ послѣ княженія Ольги на русскомъ престолѣ появляется женщина. Изъ первыхъ ея распоряженій видно, что она знаетъ, что ей дѣлать. На первыхъ же порахъ оказалось необходимымъ устранить опасныхъ претендентовъ на престолъ. Дядя Ивана IУ, князь Юрій Ивановичъ, былъ схваченъ и посаженъ въ темницу. Таже участь постигаетъ и Андрея Ивановича. Объ арестѣ Юрія сохранилось преданіе довольно полное, по которому оказывается, что Юрій былъ схваченъ и наказанъ совершенно невинно. Однако, и сказанію нельзя вполнѣ вѣрить. Дѣло Андрея Ивановича служитъ лучшимъ доказательствомъ, что и Юрій былъ не совсѣмъ правъ.

Андрей отправился изъ Москвы по направленію къ Новгороду; по пути своемъ разсылалъ грамоты помѣщикамъ и боярскимъ дѣтямъ, приглашая ихъ къ себѣ на службу; можно думать, что онъ затѣвалъ даже цѣлый мятежъ. Въ Москвѣ ко всему этому относились очень подозрительно, - и Андрей былъ арестованъ. Однако, Елена правила государствомъ не одна. Ей помогалъ въ дѣлѣ управленія любимецъ ея князь Оболенскій. Иностранцы, бывшіе въ это время въ Москвѣ, передаютъ, что Елена состояла въ довольно близкихъ отношеніяхъ съ Оболенскимъ. Противъ усиленія Оболенскаго былъ дядя великой княгини Мих. Вас. Глинскій, который также старался пріі-

обрѣсти преобладающее значеніе въ государствѣ. Но племянница стала на сторону Оболенскаго, и Михаилъ Васильевичъ былъ посаженъ въ тюрьму, гдѣ и умеръ. Правленіе Елены ничѣмъ особеннымъ во внѣшней политикѣ не ознаменовалось. Въ 1538 г. Елена скончалась. Герберштейнъ говоритъ, что она была отравлена, Власть перешла теперь къ боярамъ. Эта эпоха правленія бояръ извѣстна въ исторіи подъ названіемъ б о я р щ и н ы. Преобладающая роль колеблется между партіями Шуйскихъ и Бѣльскаго. Наконецъ, Шуйскіе берутъ верхъ и ссылаютъ Бѣльскаго. Однако, черезъ два года, по просьбѣ митрополита Іасафа, онъ былъ освобожденъ. Выпущенный на волю Бѣльскій снова сталъ во главѣ правленія и прежде всего старался удалить своихъ недруговъ - Шуйскихъ. Ивана Шуйскаго онъ сдѣлалъ главнокомандующимъ надъ восточнымъ военнымъ корпусомъ и послалъ во Владиміръ оберегать восточныя русскія земли отъ набѣговъ татаръ. Но это высокое назначеніе для Шуйскихъ было равносильно ссылкѣ. Въ 1542 г. Шуйскіе снова свергли Бѣльскаго, сослали его на Бѣлоозеро, свергли Іосафа и на его мѣсто поставили Макарія. Что касается до характера правленія, то бояре правили очень дурно. Умѣренный и сдержанный Псковскій лѣтописецъ прямо называетъ одного изъ Шуйскихъ - злодѣемъ. Въ другомъ мѣстѣ лѣтописи говорится о необыкновенной свирѣпости партіи Шуйскихъ; правленіе ихъ вообще описано черными красками. О правленіи Бѣльскаго отзываются хорошо, хотя лѣтописцы добавляютъ, что люди Бѣльскаго позволяли себѣ разныя безчинства и не были останавливаемы своими господами. Политическая дѣятельность боярскаго правленія во внѣшней политикѣ ничѣмъ особеннымъ не выразилась, а внутренняя была направляема каждой партіей на усиленіе и упроченіе своего положенія. Однако, мы находимъ только рядъ жестокихъ междоусобій, эгоизмъ каждаго отдѣльнаго рода и отсутствіе

какой либо программы. Вотъ при какой обстановкѣ происходило воспитаніе Ивана IУ. Иванъ Грозный самъ характеризуетъ своихъ воспитателей. Онъ говоритъ, что братъ его былъ жертвой такого воспитанія. Въ письмахъ къ Курбскому онъ вспоминаетъ, какъ ихъ съ братомъ въ дѣтствѣ во всемъ стѣсняли, плохо кормили и одѣвали, все заставляли дѣлать насильно и не по возрасту. Въ торжественные, церемоніальные дни при выходѣ, при пріемѣ пословъ его окружали царственной пышностью, становились вокругъ него съ раболѣпнымъ смиреніемъ, а въ будни тѣ же люди нисколько съ нимъ не церемонились. Такъ, онъ припоминаетъ, что во время ихъ игры съ братомъ И.В.Шуйскій входилъ къ нимъ въ комнату и здѣсь велъ себя очень непочтительно, разваливаясь на ихъ постели, на кровати Василія. Два случившіеся еще въ дѣтствѣ эпизода повліяли сильно на Ивана. Въ 1542 г. сторонники Шуйскаго напали ночью на митрополита Іасафа. Владыка скрылся во дворецъ великаго князя. Мятежники бросились за нимъ и вломились въ спальню Ивана, разбудили и перепугали его. Этотъ случай подѣйствовалъ такъ, что Грозный на всю жизнь остался напуганнымъ. Далѣе, любимецъ его Воронцовъ подвергся опалѣ и былъ сосланъ несмотря на всѣ его просьбы и увѣщанія. Курбскій сообщаетъ подробности, дополняющія картину этой обстановки. Даже у него не во всемъ выходитъ виноватымъ самъ Иванъ. Послѣдній еще въ дѣтствѣ любилъ мучить животныхъ, а подросши, сталъ мучить и людей. Бояре же не останавливали его отъ такихъ поступковъ. Конечно, подобная среда давала обильную пищу для развитія самыхъ дурныхъ, порочныхъ сторонъ въ характерѣ Ивана. Свою личность онъ проявилъ впервые въ исторіи жестокостью, когда, будучи 14 лѣтъ, отдалъ псарямъ Андрея Шуйскаго для растерзанія. До 1547 года мы находимъ одни только дурные отзывы о немъ. Все это время онъ проводилъ въ охотѣ и разнообразныхъ забавахъ. Когда

пришли къ нему Псковскіе челобитчики, онъ пригласилъ ихъ съ собою на охоту, а потомъ разсердился на нихъ за самый фактъ, что они пришли жаловаться, жегъ имъ бороды, поливалъ головы горячимъ виномъ и т. д. Но всѣ эти свѣдѣнія до 1547 года отрывочны и не рисуютъ характера Ивана IУ.

Въ 1547 году совершается нравственный переломъ. Еще въ декабрѣ 1546 года Иванъ объявилъ митрополиту, что хочетъ жениться и вѣнчаться на царство, но не по примѣру предковъ, а желаетъ принять титулъ царя. Мысль эта по всей вѣроятности, созрѣла въ его головѣ. Дѣло въ томъ, что Иванъ извѣстную часть досуга посвящалъ чтенію книгъ, которыя, вѣроятно, доставалъ у митрополита Макарія, знаменитаго составителя Великихъ Миней. Вотъ изъ чтенія то, можетъ быть, онъ и вынесъ эту мысль принять, по примѣру Византійскихъ Монарховъ, титулъ царя.

16 января 1547 года онъ вѣнчался на царство, затѣмъ женился на Анастасіи, дочери умершаго окольничаго Романа Юрьевича Захарьина-Кошкина. Этотъ годъ считается началомъ самостоятельной дѣятельности Грознаго. Въ сущности до 1550 года мы не найдемъ фактовъ, указывающихъ на эту дѣятельность. Въ 1547 году 21 Іюня былъ пожаръ, какого еще никогда не бывало въ Москвѣ. Огонь потекъ, какъ молнія, начиная съ церкви Воздвиженія на Арбатѣ, спалилъ на западѣ все вплоть до Москвы рѣки. Потомъ буря повернула на Кремль; сгорѣла Оружейная Палата, всѣ архивы, загорѣлись кремлевскіе дворцы и соборы. Митрополитъ Макарій едва не задохся въ тайникѣ, откуда спасли его, спустивъ по веревкѣ къ рѣкѣ но веревка оборвалась и митрополитъ расшибся: "едва отдыхалъ", какъ говоритъ лѣтописецъ. Самъ Иванъ съ женой и боярами уѣхалъ въ село Воробьево, а народъ произвелъ волненіе противъ бояръ; преимущественно возмущены были противъ Глинскихъ. Потомъ чернь направилась въ Воробьево и требо-

вала выдачи бабки царя, княгини Анны Глинской, чарамъ которой чернь приписывала пожаръ. Иванъ въ отвѣтъ на это велѣлъ казнить зачинщиковъ волненія. Смуты продолжались еще 5 дней; между прочимъ чернь, по наущенію бояръ, избила Юрія Глинскаго, роднаго дядю царя. Подъ вліяніемъ этого пожара и народныхъ волненій Иванъ измѣнилъ свое поведеніе. Курбскій говоритъ, что во время этого пожара въ село Воробьево явился къ Ивану священникъ Сильвестръ, который указывалъ на этотъ пожаръ, какъ на наказаніе за его прежніе дурные поступки. Старые историки вмѣстѣ съ Курбскимъ связывали появленіе Сильвестра со временемъ пожара и перемѣною въ образѣ жизни Ивана. Но позднѣйшія изысканія, и особенно С. М. Соловьева показали [illegible] вѣстенъ Ивану. По его мысли [illegible] князя Андрея Ивановича, а это было въ 1541 году. Кромѣ того, Сильвестръ, какъ старшій священникъ Благовѣщенскаго Собора "на сѣняхъ" былъ царскимъ духовникомъ и безъ сомнѣнія пользовался покровительствомъ Макарія, потому что онъ вмѣстѣ съ послѣднимъ пріѣхалъ изъ Новгорода. И такъ выходитъ, что Сильвестръ явился въ Москву и сталъ извѣстенъ Ивану IУ раньше пожара 1547 года.

Новое направленіе Ивана начинается сказываться съ дѣйствіемъ перваго Земскаго Собора въ 1550 г. Единственныя упоминанія объ этомъ соборѣ сохранились въ одной степенной книгѣ. По этому отрывку, Иванъ, достигнувъ 20-лѣтняго возраста, сдѣлалъ возваніе къ населенію Московскому, и приказалъ собрать выборныхъ отъ городовъ въ Москву. И вотъ, въ одинъ воскресный день Иванъ съ возвышеннаго лобнаго мѣста началъ рѣчь. Смыслъ этой рѣчи таковъ: до сихъ поръ народъ не имѣлъ правосудія. Сильные мои бояре", говоритъ Иванъ, "самовластны были; сами себѣ саны и почести моимъ именемъ похищали...; азъ же, яко глухъ и не слышахъ и не

имый въ устахъ своихъ обличенья по молодости моей и безпомощности". Но минувшаго зла не исправить; онъ только можетъ спасать народъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. "Отнынѣ я вашъ судья и защитникъ". Эта рѣчь была какъ бы обвинительной рѣчью противъ боярства. И дѣйствительно, въ это же время онъ назначаетъ молодого Алексѣя Фед. Адашева, человѣка незнатнаго происхожденія для принятія просьбъ къ царю. Что касается до этого Собора 1550 г., то изслѣдованія историковъ рѣшили вопросъ о его причинахъ предположительно, за неимѣніемъ историческаго матеріала. Собраны были передовые люди. Царь несомнѣнно хотѣлъ отъ своего лица сдѣлать заявленіе къ народу о томъ, какихъ началъ онъ будетъ держаться при управленіи. Странна форма этого Собора. По остаткамъ нѣсколькихъ лѣтописныхъ извѣстій того времени мы видимъ, что народъ узналъ, какъ дурно бояре обращались съ царемъ во время его молодости, и что царь обѣщаетъ на будущее время защищать народъ свой отъ насилій бояръ - и только. Такая странность положенія выборныхъ лицъ бросилась въ глаза нашимъ изслѣдователямъ этой эпохи. Ждановъ въ своей статьѣ "Церковно-земскій соборъ" помѣщенной въ " Историческомъ Вѣстникѣ" за 1880 годъ, старается связать дѣятельность этого Собора съ дѣятельностью Собора 1551 года. Онъ говоритъ, что въ сущности вопросы Стоглаваго Собора были подготовлены и предварительно рѣшены еще на Земскомъ Соборѣ 1550 года. Въ самомъ Стоглавѣ Ждановъ старается подмѣтить вопросы, выходящіе изъ сферы дѣятельности церкви. Иванъ Грозный предложилъ Стоглавому Собору между прочимъ такіе вопросы, которые указывали на полное растлѣніе нравовъ, на господство старыхъ языческихъ суевѣрій рядомъ съ новыми, установившимися подъ религіозной формой, благодаря разнымъ странствующимъ шарлатанамъ; что жизнь низшаго класса приносилась

въ жертву высшимъ властямъ. Но рядъ такихъ данныхъ не устанавливаетъ еще того факта, что Земскій Соборъ принималъ дѣятельное участіе какими либо рѣшительными мѣрами въ обсужденіи вопросовъ, предложенныхъ на Стоглавомъ Соборѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Иваномъ было изложено на Земскомъ Соборѣ печальное состояніе не только судебнаго и областнаго управленія, но и церковнаго. Но это только предположеніе и предположеніе не лишенное истины. Въ 1550 году былъ изданъ Судебникъ, которымъ по собственному своему признанію, Иванъ IУ только дополнилъ Уложеніе Ивана III согласно съ новыми опытами, съ новыми потребностями государства, желая искоренить зло, вкравшееся въ систему судебнаго и областнаго управленія. Бестужевъ-Рюминъ старается установить связь между дѣятельностью Земскаго Собора и Судебникомъ, связь, болѣе чувствуемую, чѣмъ доказанную. Онъ говоритъ, что царь Иванъ пожелалъ высказаться передъ народомъ, какъ впредь онъ намѣренъ править, и торжественно заявилъ, на комъ лежитъ вина въ бывшихъ безпорядкахъ. А для прекращенія подобныхъ безпорядковъ въ управленіи необходимо было пересмотрѣть законы. И вотъ Иванъ IУ созвалъ первый Земскій Соборъ, на утвержденіе котораго и былъ предложенъ Судебникъ. Такимъ образомъ въ нашей ученой исторической литературѣ раздаются голоса, что Земскій Соборъ съ одной стороны имѣлъ связь съ Стоглавомъ, а съ другой - съ Судебникомъ. Мнѣнія эти основаны на скудныхъ лѣтописныхъ отрывкахъ. Но и по этимъ скуднымъ даннымъ мы безъ большаго риска на погрѣшность можемъ установить этотъ фактъ, что земскіе люди дѣйствительно съѣхались для того, чтобы помочь Ивану обсудить вопросы объ управленіи. Нашъ выводъ имѣетъ тѣмъ большую вѣроятность, что онъ подтверждается словами самого Ивана при открытіи Земскаго Собора. Онъ говорилъ: Забудемъ всѣ прежнія злодѣянія, соединимся всѣ съ любовью

христіанскою, дабы приняться сообща за общее дѣло - управленіе". Это воззваніе Грознаго соединиться вмѣстѣ и вступительная рѣчь его на Стоглавѣ удовлетворительно объясняетъ внутреннюю связь этихъ 3-хъ важныхъ фактовъ, которые были первымъ шагомъ Ивана умиротворить народъ и прекратить злоупотребленія въ управленіи.

Судебникъ лучше обработанъ, чѣмъ Управленіе Ивана III. Въ немъ мы замѣчаемъ новыя начала суда. Въ дѣло суда уже привлекаются земскіе люди. Стоглавый соборъ представляетъ собою рядъ постановленій, касающихся сферы церковной жизни. Здѣсь впервые поднятъ былъ вопросъ объ исправленіи церковныхъ книгъ. Иванъ Грозный прямо заявилъ, что на Москвѣ "поисшатались обычаи и самовластіе учинилось по своимъ волямъ и преданіе и законы порушились". Этимъ Соборомъ Иванъ какъ бы хотѣлъ охватить всю жизнь русскаго общества и дать ей лучшее направленіе, потому что Соборъ былъ созванъ "во исправленіе церковнаго благочинія, государственнаго управленія и всякаго земскаго строенія". И вотъ Стоглавый Соборъ постановилъ: чтобы старѣйшіе священники соборне исправляли неисправленныя книги, руководствуясь хорошимъ переводомъ; чтобы они слѣдили за распространеніемъ книгъ церковныхъ среди вѣрующихъ и запрещали продавать книги съ испорченнымъ неисправленнымъ текстомъ; чтобы при переводѣ и перепискѣ книгъ не допускались измѣненія. Помимо этого, на Стоглавомъ Соборѣ затрогивались и другіе вопросы о церковныхъ реформахъ, вопросы, касающіеся церковнаго управленія и вопіющіе противъ нарушенія общественной безопасности.

На слѣдующій 1552 годъ покорена была Казань; послѣ этого все теченіе Волги начинаетъ мало по малу переходить къ Ивану IУ; окончательно же Волга вошла въ составъ Московскаго государства послѣ покоренія Астрахани въ 1556 го-

ду. Что касается до самаго факта взятія Казани, то это фактъ исторической и національной важности. О взятіи Казани существуетъ сказаніе " О Казанскомъ взятіи", написанное въ XVI вѣкѣ и представляющее довольно обширный трудъ въ которомъ разсматриваются не только факты овзятія Казани, но и политика Московскихъ князей до совершенія этого важнаго историческаго событія; важность этого поступательнаго шага Ивана Грознаго уже вполнѣ понимали и высоко цѣнили современники. И дѣйствительно, это было завоеваніе того Татарскаго царства, обитатели котораго своими хищническими набѣгами на пограничныя русскія страны причиняли Руси много вреда, тревоги и безпокойства. Теперь уже, когда было завоевано такое грозное татарское царство, національное и религіозное чувство русскихъ уже поднялось на болѣе высокую степень.

Послѣ взятія Казани Иванъ продолжалъ рядъ общественныхъ реформъ глубокаго значенія. Прежде общинное управленіе Московскаго государства не имѣло опредѣленнаго принципа и всѣ его функціи разсматривались Московскимъ государствомъ просто какъ статьи финансоваго характера. Такое отсутствіе опредѣленнаго руководства въ управленіи, конечно, представляло намѣстникамъ много выгодъ, такъ что населеніе сильно ими тяготилось. При такомъ положеніи дѣлъ умъ Московскихъ государей рѣшился передать областные города въ управленіе самимъ же городамъ: послѣднимъ выдавались грамоты, по которымъ они передавали управленіе надъ собою выборнымъ лицамъ. Подобное явленіе областнаго управленія уже и раньше замѣчалось на Руси, но послѣ изданія Судебника оно получило широкое распространеніе. Мы видимъ, что Иванъ Грозный даетъ много грамотъ, опредѣляя порядокъ государственный и судебный. Тутъ мы замѣчаемъ уже широкое распространеніе самоуправленія: власть судебная и законо

дательная переходитъ въ руки земскимъ старостъ, создается рядъ областей, которыми управляютъ земскіе люди. Иванъ налагаетъ на области большія подати и такимъ образомъ совершается выкупъ "кормленія" изъ рукъ земскихъ старостъ. Однако областное управленіе не получило вполнѣ широкаго распространенія: многія области оказались неспособными къ этому, такъ что въ XVII вѣкѣ это управленіе должно было совершенно прекратиться. Приписать эту реформу Ивану нѣтъ основанія, нѣтъ даже и смысла. Иванъ былъ окруженъ боярами, уже заранѣе выработавшими эту мысль, такъ что тутъ боярская дума играла довольно видную роль. Кто составлялъ эту боярскую думу, сказать съ точностью совершенно невозможно, такъ что разсматривая боярскіе списки XVI столѣтія, мы въ нихъ не найдемъ другихъ, кромѣ обычныхъ именъ. Во главѣ ея однако стояли Сильвестръ и Адашевъ. По словамъ Курбскаго, Грозный ничего не могъ сдѣлать самъ лично: все дѣлала его рада и самъ Грозный не скрывалъ этого, говоря, что рада захватила всю власть, и что Сильвестръ пугалъ его разными угрозами. Однимъ словомъ, и Грозный и Курбскій приписываютъ радѣ стремленіе овладѣть всѣми дѣлами. Но совершенно справедливо нѣкоторые историки сомнѣваются въ такомъ положеніи дѣлъ. Въ искренности словъ Грознаго можно сомнѣваться, потому что они написаны въ порывахъ вспыльчивости. Но и Курбскій также преувеличиваетъ значеніе этой рады, такъ что вообще вопросъ этотъ является очень темнымъ. Мы можемъ только утверждать, что существовалъ кружокъ бояръ, что во главѣ его стоялъ Сильвестръ, имѣвшій извѣстную долю вліянія на Ивана Грознаго, что эта рада несочувственно относилась къ Ивану Грозному и его роду. Тѣмъ не менѣе эта рада до 1558 года имѣла значеніе. Но скоро Ивану пришлось убѣдиться въ томъ, что Сильвестръ, Адашевъ и другіе бояре не сочувствуютъ ему и его семейству. Въ 1553 году Иванъ

опасно занемогъ и, думая о смерти, велѣлъ призвать бояръ, чтобы привести ихъ къ присягѣ сыну его, младенцу Дмитрію. Бояре завели споръ, такъ что больной царь слышалъ рѣзкія ихъ выходки противъ него самаго и теперь лично увидѣлъ, что за него стоятъ очень немногіе бояре. Иванъ, однако, на этотъ разъ съумѣлъ пересилить волю бояръ, и всѣ они присягнули его сыну. Но вотъ Иванъ выздоровѣлъ и понятно, не могъ забыть объ этомъ событіи, произведшемъ на него сильное впечатлѣніе во время болѣзни. Однако онъ не принялъ рѣшительныхъ мѣръ противъ бояръ; все было спокойно. Но вотъ Иванъ отправляется на богомольѣ въ Кирилловъ Бѣлозерскій монастырь вмѣстѣ съ женой и младенцемъ Дмитріемъ. Когда Иванъ пріѣхалъ въ Троицкую Лавру, Максимъ Грекъ тщетно старается его отклонить отъ этого дальняго путешествія, такъ какъ съ нимъ былъ еще ребенокъ , который по дорогѣ въ Бѣлозерскій монастырь скончался . Дорогою въ одномъ монастырѣ Иванъ встрѣтилъ Вассіана, бывшаго Коломенскаго епископа, который, говорятъ, на вопросъ царя: какъ надобно царствовать, чтобы держать вельможъ въ послушаніи, отвѣчалъ: "Не держи совѣтниковъ умнѣе себя".

Въ 1554 году мы замѣчаемъ уже разладъ Ивана съ его совѣтниками: въ этомъ году схваченъ былъ, во время побѣга въ Литву, князь Никита Ростовскій, который, какъ оказалось по изслѣдованіи дѣла, дѣйствовалъ по наущенію отца своего Симеона. Бояре рѣшили казнить его, но Иванъ ограничился лишь ссылкою. Скоро произошелъ и окончательный разрывъ съ любимцами Сильвестромъ и Адашевымъ, тѣми лицами, которымъ царь когда то вполнѣ довѣрялъ, на нравственное достоинство которыхъ сильно полагался. Мы знаемъ, что Иванъ, сознавая всю важность усвоенія западнаго просвѣщенія, сознавая и то, какое огромное значеніе для Россіи будетъ имѣть пріобрѣтеніе Прибалтійскихъ областей, собственно изъ за этихъ моти-

вовъ и началъ Ливонскую войну. Но Сильвестръ тщетно старался отклонить его отъ этой войны, указывая на то, что надо покорить Крымъ и что исполнить это будетъ гораздо предпочтительнѣе для царя, чѣмъ воевать съ единовѣрными слабыми народами. Но Иванъ не послушался и продолжалъ Ливонскую войну, понимая всю трудность, съ которою сопряжено завоеваніе Крыма, отдѣленнаго отъ Московскаго государства рядомъ обширнѣйшихъ степей и находящагося притомъ подъ покровительствомъ Турціи, угрозы для всей тогдашней Европы. Въ 1559 году произошло и послѣднее столкновеніе Сильвестра съ Анастасіей. Обстоятельства этого событія покрыты полнымъ мракомъ неизвѣстности, развѣ только одно выраженіе Грознаго въ письмѣ къ Курбскому проливаетъ свѣтъ на это темное дѣло, уясняя причину этого столкновенія Сильвестра съ царицей. Слова Грознаго въ данномъ мѣстѣ чрезвычайно любопытны и характерны" За одно малое слово", говоритъ онъ, "съ ея стороны она вамъ неугодна; за одно малое слово вы на нее разсердились". Въ августѣ этого года Анастасія умерла, и мы видимъ, что Иванъ виновниками ея смерти считаетъ бояръ вмѣстѣ съ Адашевымъ; такъ въ письмѣ къ Курбскому онъ говоритъ: " А зачѣмъ вы разлучили меня съ женою; если бы моя юница не умерла, то не было бы и кровавой смерти; все учинилось отъ вашего самовольства". Вскорѣ послѣ смерти Анастасіи Сильвестръ и Адашевъ были удалены. Весною 1560 года мы видимъ уже Адашева въ почетной ссылкѣ при войскѣ, отправившемся въ Ливонію. Въ это же время долженъ былъ удалиться и Сильвестръ и онъ дѣйствительно скоро удаляется добровольно. Иванъ говоритъ, что онъ не сдѣлалъ ему съ своей стороны никакого зла, а судиться они будутъ передъ судомъ Христовымъ. Адашевъ же былъ потомъ воеводой въ одномъ изъ взятыхъ Ливонскихъ городовъ, но въ скоромъ времени по навѣту его противниковъ и клеветниковъ

былъ переведенъ въ Дерптъ, гдѣ уже находился подъ стражею. Вскорѣ онъ занемогъ горячкою и умеръ, причемъ враги его донесли Ивану, что измѣнникъ его отравился. Сильвестра же завезли на Соловки . Трудно предположить, чтобы многочисленная и сильная партія Сильвестра и Адашева осталась спокойною зрительницею своего паденія, не старалась возвратить свое прежнее значеніе, что конечно, было возможно только при условіи возвращенія изъ ссылки Сильвестра и Адашева. Но эта вспышка уже съ перваго раза повела къ дальнѣйшимъ опаламъ и казнямъ, такъ что былъ казненъ и братъ Адашева.

И такъ обзоръ событій царствованія Ивана Грознаго мы довели до 1560 года. Въ этотъ годъ случилось два важныхъ факта: смерть жены Ивана Васильевича, Анастасіи, и разрывъ царя съ радой. Нѣтъ сомнѣнія, что Анастасія имѣла сильное нравственное вліяніе на своего мужа; она умиротворяла его страстный характеръ, сообщала ему новые, болѣе нѣжные вкусы. Со смертью Анастасіи связано начало новаго періода въ жизни царя. Вглядываясь въ предъидущій періодъ, мы находимъ, что онъ представляетъ связную, свѣтлую картину, частности и подробности которой, впрочемъ, ускользаютъ отъ насъ. Нельзя того же самаго сказать о новомъ періодѣ, идущемъ отъ 1560 года. Онъ открывается фактомъ, представляющимъ до сихъ поръ неразъяснимую загадку. Какъ случился разрывъ Ивана IV съ радой, въ какой онъ выразился формѣ, вслѣдствіе какихъ причинъ онъ произошелъ, все это для историковъ почти совершенно покрыто мракомъ неизвѣстности. Сперва Иванъ Грозный только противится, не возвращаетъ своей симпатіи прежнимъ приближеннымъ, а затѣмъ начинаются казни. Были казнены родственники Адашева, Казнены князья Воротынскіе.

Но въ это же время, рядомъ съ этими казнями, которыя съ

ография Богданова, Эртелевъ пер. д. №-1-12 Директоръ

психологической точки вполнѣ могутъ быть объяснимы, - совершаются казни, смыслъ которыхъ непонятенъ въ человѣкѣ владѣющемъ цѣльными, неповрежденными умственными способностями, казни, въ которыхъ проглядываетъ сильная нравственная порча. Сюда относится казнь Михаила Рѣпнина и казнь князя Дмитрія Овчинина. Объ этихъ казняхъ сообщаетъ намъ Курбскій; такъ какъ въ данномъ случаѣ не было надобности возводить на Ивана клевету, то мы и должны вѣрить этому свидѣтельству. И такъ, съ 1560 года начинается новый періодъ: періодъ казней, опалъ, нравственнаго паденія царя.

.....

2,5 стр. Прежде чѣмъ начать бесѣду объ этомъ періодѣ, упомянем о характерѣ источниковъ, изъ которыхъ мы почерпаемъ свѣдѣнія о событіяхъ этого времени. О казняхъ и жестокостяхъ Ивана Грознаго говорятъ два иностранца: Таубе и Крузе. Эти лица неразрывно связаны въ нашей исторіи. Измѣнивъ своимъ прежнимъ господамъ, они перешли на службу къ Ивану а затѣмъ измѣнивъ, въ свою очередь, и ему, покинули его. Такимъ образомъ они теряютъ всякое нравственное довѣріе. Ихъ сочиненія полны сообщеній о казняхъ и безумныхъ выходкахъ Ивана IУ. Съ другой стороны объ этомъ періодѣ говоритъ Курбскій, но это былъ человѣкъ замѣшанный и принимавшій непосредственное участіе въ политической исторіи того времени, человѣкъ пристрастный, неспособный къ объективной оцѣнкѣ. Рядомъ съ перепиской и исторіей Курбскаго сохранился рядъ лѣтописей, мало дающихъ для освѣщенія эпохи, и много сказаній, относящихся къ этой эпохѣ таковы: житіе митрополита Филиппа Колычева, замученнаго при Иванѣ, сказаніе о царѣ Турскомъ Ив. Пересвѣтова, его же челобитная, сказаніе нѣкоего боголюбиваго мужа и другіе памятники свѣтской письменности.

Но эти сочиненія оказываются носящими на себѣ характеръ пристрастный, характеръ публицистическихъ статей, а не строго объективныхъ историческихъ сочиненій. Такъ, въ житіи Филиппа Колычева мы встрѣчаемъ взгляды, которые тогда господствовали въ верхнихъ слояхъ церковнаго общества, и основнымъ тезисомъ которыхъ была полная автономія духовная. То же самое нужно сказать и о другихъ произведеніяхъ, въ которыхъ подъ видимою наружною объективностью скрываются черты, изобличающія принадлежность къ той или другой партіи. Относительно большинства источниковъ можно сказать, что они принадлежатъ его врагамъ. Отъ друзей же его дошло сочиненій гораздо меньше и главнымъ оправдателемъ, адвокатомъ своихъ поступковъ является самъ Иванъ IУ.

.....

Послѣ этой предварительной замѣтки перейдемъ къ обзору фактовъ разсматриваемаго періода. За первыми казнями въ средѣ боярства начинается движеніе, вызванное жестокостью царя, движеніе, впрочемъ, совершенно пассивное: бояре не хотятъ служить царю, отъѣзжаютъ отъ него. Московское боярство становится на точку зрѣнія боярства Литовскаго. Но Московское правительство, ласково принимавшее чужихъ, не признаетъ права отъѣзда за своими, смотритъ на отъѣздъ изъ Руси, какъ на измѣну религіознымъ и національнымъ интересамъ. Иванъ IУ, желая удержать бояръ, придумываетъ оригинальное средство. Отъ 66-хъ годовъ этого столѣтія до насъ дошелъ цѣлый рядъ грамотъ, въ которыхъ нѣсколько бояръ ручалось за одного боярина въ томъ, что онъ не отъѣдетъ. Въ случаѣ отъѣзда поручившіеся бояре, кромѣ личной отвѣтственности, должны были нести громадные денежные штрафы, опредѣлявшіеся заранѣе въ п о р у ч н ы х ъ грамотахъ. Несмотря однако, на всѣ эти предупредительныя мѣры, бояре находили благопріятный случай для отъѣзда и нѣкоторые

успѣли покинуть Московскаго царя. Въ числѣ отъѣхавшихъ былъ знаменитый князь Курбскій, Андрей Михайловичъ Курбскій, оставивъ свою жену со всѣмъ имуществомъ, отъѣхалъ въ Литву, гдѣ былъ принятъ королемъ съ большою честью, награжденъ большими имѣніями и поставленъ воеводой |1564|. Устроившись на новомъ жилищѣ, Курбскій отправилъ Ивану Грозному для оправданія своего поступка письмо. Полагали, что письмо это было доставлено слугой Курбскаго Шибановымъ, который будто -бы былъ схваченъ и допрошенъ. Но изъ Александро-Исискій лѣтописи |Русская историческая библіотека" III 222| мы видимъ, что Шибановъ былъ арестованъ какъ простой слуга бѣжавшаго князя и не имѣлъ отъ него никакихъ особенныхъ порученій. Такимъ образомъ, предположеніе объ отправкѣ Шибанова съ письмомъ не имѣетъ достаточно фактическаго основанія. Принявъ это письмо, довольно краткое, Иванъ написалъ въ отвѣтъ цѣлый трактатъ полемическій, "зѣло широкую эпистолію". Такъ завязалась эта интересная переписка, имѣющая для историковъ громадное, незамѣнимое значеніе, такъ какъ въ ней выразились ясно воззрѣнія обѣихъ сторонъ. Кромѣ того, Курбскій написалъ еще полемическую исторію царствованія Ивана Грознаго, которая имѣетъ такое же значеніе, какъ и переписка. Разбирая содержаніе этихъ писемъ, мы находимъ въ нихъ полемическія черты: взаимныя обвиненія, рѣзкіе упреки, жалобы и т. п. Въ письмахъ Курбскаго довольно ясно выражены его жалобы и желанія. Онъ обвиняетъ царя въ жестокости, говоритъ, что жестокость есть наслѣдственная черта всѣхъ Московскихъ князей, упрекаетъ въ нарушеніи основныхъ условій жизни Московскаго боярства. Курбскій требуетъ такого государственнаго порядка, который основанъ не на личномъ произволѣ царя, а на участіи и на синклитѣ бояръ. Впрочемъ, государь долженъ искать совѣта не у однихъ бояръ, а у "все-

народныхъ человѣкъ" у простыхъ людей. И такъ, Курбскій требуетъ той формы управленія, которая начинала уже развиваться въ Москвѣ въ формѣ Земскихъ Соборовъ. Замѣтимъ, что до этой мысли дошелъ не одинъ Курбскій, она была достояніемъ всего Московскаго общества. Около половины XVI вѣка кѣмъ-то было написано публицистическое сочиненіе подъ именемъ "Бесѣды Валаамскихъ Чудотворцевъ Сергія и Германа". Это произведеніе довольно ра пространено въ спискахъ и въ немъ между прочими размышленіями публистическаго свойства [о монашескомъ землевладѣніи] находимъ мысль и о томъ, что необходимо созывать земскихъ представителей, какъ средство царя слѣдить за ходомъ управленія и положеніемъ народа. Въ отвѣтномъ письмѣ Иванъ IV не полемизируетъ противъ этой программы въ ея цѣломъ. Онъ противополагаетъ ей свою программу. Всѣ политическіе идеалы царя сводятся къ одной идеѣ, къ мысли о самодержавіи. Самодержавіе есть не только свыше установленный порядокъ, но и исконный фактъ нашей исторіи.

Этой самодержавной власти Иванъ даетъ божественное происхожденіе: Тщусь съ усердіемъ людей на истину и свѣтъ наставить, да познаютъ единаго истиннаго Бога, въ Троицѣ славимаго, и отъ Бога даннаго имъ государя:" Значеніе этой самодержавной власти Иванъ выражаетъ въ такой формулѣ: "жаловать своихъ холоповъ мы вольны и казнить ихъ вольны же". Такова политическая программа Ивана. Затѣмъ съ большой діалектической ловкостью царь предлагаетъ цѣлый рядъ вопросовъ, которые должны были поставить въ большое затрудненіе его соперника, такъ какъ вытекали изъ его точки зрѣнія на свою власть, какъ на неограниченное самодержавіе. Изъ этой переписки мы видимъ, что Иванъ Грозный былъ очень начитанный во всѣхъ родахъ литературныхъ произведеній своего времени. Рѣчь его переполнена фразами и цита-

тами изъ книгъ Св. Писанія, изъ Византійскихъ хронографовъ, русскихъ лѣтописей и въ дополненіе ко всему этому полна всякаго рода философскими и политическими афоризмами. Но ни умъ Курбскаго, ни умъ Грознаго не дошли до яснаго представленія, не формулировали точно то, чего они хотѣли. Вотъ почему трудно, на основаніи ихъ переписки, уловить во всѣхъ деталяхъ ихъ точки зрѣнія.

.....

Отъѣздъ Курбскаго, какъ указываетъ Соловьевъ, произвелъ сильное впечатлѣніе на Ивана Грознаго и повелъ къ окончательному разрыву царя съ боярами. 8 декабря 1564 года Иванъ выѣхалъ изъ Москвы съ огромнымъ поѣздомъ. Поѣздка эта не походила на прежнія его путешествія, когда онъ выѣзжалъ на богомолье или на какія нибудь забавы, а представляла цѣлое переселеніе: царь выѣхалъ со своей семьей, большимъ количествомъ придворныхъ, захвативъ съ собою утварь, иконы, кресты, платье и всю казну. Цѣль поѣздки оставалась неизвѣстной; Москва находилась въ недоумѣніи. Ровно черезъ мѣсяцъ царь прислалъ изъ Александровской слободы, гдѣ онъ остановился, гонцевъ, которые привезли съ собою двѣ грамоты. Въ грамотѣ къ народу царь писалъ, чтобы онъ никакого сомнѣнія не имѣлъ, что гнѣва и опалы на него нѣтъ никакой. Въ другой грамотѣ, къ духовенству, онъ объяснялъ причину своего отъѣзда, упрекалъ духовныхъ лицъ въ томъ, что они покрывали виновныхъ, защищали ихъ, ходатайствовали за нихъ передъ царемъ. Здѣсь важна одна странная подробность: царь полагалъ различіе поведенію простаго народа и знатныхъ людей. Это обстоятельство должно было разрознить московское населеніе, раздѣлить его на враждебные лагери. Однако мы не видимъ, чтобы единогласіе нарушилось. Всѣ сходятся на томъ, чтобы послать депутацію изъ высшаго духовенства и бояръ съ митрополитомъ во главѣ и просить его снова воз-

вратиться на царство. Иванъ Грозный послѣ нѣсколькихъ пререканій согласился "паки взять свои государства", но при этомъ оставилъ за собою право выработать новую форму управленія и учредить опричину. Опричина - терминъ не новый; подъ именемъ опричины разумѣлись тѣ части удѣловъ, которыя назначались въ полную безконтрольную частную собственность княгинямъ вдовамъ, въ отличіе отъ данныхъ въ пожизненное владѣніе - "пожитковъ". Самый указъ объ опричинѣ до насъ не дошелъ. Но по сохранившимся лѣтописнымъ намекамъ можно составить нѣкоторое понятіе объ этомъ учрежденіи. Иванъ Грозный раздѣлилъ все государство на двѣ части: з е м щ и н у и о п р и ч и н у. Опричина - это особый дворъ, который образовалъ себѣ царь съ особыми боярами, дворецкимъ, казначеемъ, съ цѣлымъ придворнымъ штатомъ. Иванъ выбралъ себѣ изъ служилыхъ людей 1000 человѣкъ, которымъ въ столицѣ были отведены особыя улицы и слободы. На содержаніе этого двора царь выдѣлилъ изъ состава государства 20 городовъ съ уѣздами, въ которыхъ земли были отданы опричникамъ, а прежнія обитатели были выведены изъ своихъ помѣстій въ другіе уѣзды. Вся остальная земля получила названіе земщины, которая оставлена была подъ управленіемъ прежнихъ опальныхъ бояръ, получившихъ названіе земскихъ. Наиболѣе яркое освѣщеніе этого учрежденія и вѣрная оцѣнка его значенія сдѣланы Соловьевымъ и Ключевскимъ. По мнѣнію Соловьева, Иванъ пришелъ къ той мысли, чтобы окончательно истребить бояръ всѣхъ поголовно. Онъ понималъ, что бояре - неудобное орудіе въ управленіи Московскаго государства, но въ то же время сознавалъ, что замѣнить ихъ нечѣмъ, слѣдовательно, избавиться ему отъ нихъ нельзя никакимъ другимъ путемъ, какъ уйти самому отъ бояръ. И вотъ онъ удалился въ опричину. Форма опричины - удѣлъ, цѣль ея - достиженіе неограниченнаго самодержавія. По Ключевскому, цѣль

опричины была болѣе узкая: истребить крамолу, гнѣздившуюся въ русской землѣ, преимущественно въ средѣ боярской. Итакъ, опричина является учрежденіемъ, которое должно было ограждать личную безопасность царя. Вслѣдствіе своей склонности подыскивать для каждаго новаго учрежденія соотвѣтствующій современный терминъ, Ключевскій называетъ опричину "высшей полиціей по дѣламъ государственной измѣны". Далѣе Ключевскій говоритъ, что главное управленіе оставалось по прежнему въ рукахъ бояръ; боярская дума, ставъ во главѣ земщины, начала пользоваться даже еще большею самостоятельностью.

З н а ч е н і е о п р и ч и н ы.

Опричина вредно отразилась на государствѣ, внесла разладъ въ русское общество, нарушила всякую связь между государемъ и государствомъ. Однако нельзя предполагать, что Иванъ Грозный съ учрежденіемъ опричины оставилъ всякое вмѣшательство въ дѣла государства. Напротивъ, онъ съ большимъ вниманіемъ слѣдилъ за ходомъ внѣшней политики и даже въ эпоху учрежденія опричины созвалъ Земскій Соборъ, гдѣ узналъ искренне мнѣніе народа о Ливонской войнѣ. Въ то же время казни продолжаются и наконецъ, принимаютъ характеръ какъ бы простой привычки. Начались онѣ по поводу письма Сигизмунда Августа къ московскимъ боярамъ.

Польскій король захотѣлъ воспользоваться неудовольствіемъ, вызваннымъ опричиной, и съ этой цѣлью послалъ нѣкоего гонца Козлова съ письмами, въ которыхъ московскіе бояре приглашались на польскую службу. Письма эти были перехвачены. [Существуетъ, однако, сомнѣніе, что письма посланы дѣйствительно Сигизмундомъ]. Бояре дали на это приглашеніе гордый, насмѣшливый отвѣтъ. Они отвѣчали не какъ бояре, а какъ князья, помнившіе свое родство съ московскимъ госу -

даремъ и свое самостоятельное существованіе. Значитъ традиціи у нихъ были еще живы. Между тѣмъ эти перехваченныя письма возбудили строгій розыскъ, слѣдствіемъ котораго была казнь Челяднина и другихъ лицъ.

Около этого времени произошло избраніе и сверженіе митрополита Филиппа.

Дѣло Филиппа Колычева.

Въ царствованіи Ивана Грознаго въ первый разъ произошло столкновеніе духовенства съ верховною властью. Московское духовенство, оказавшее столь важныя услуги великимъ князьямъ въ ихъ борьбѣ съ притязаніями удѣльныхъ князей и бояръ, такъ сильно содѣйствовавшее возникновенію самодержавія, въ то же время "приняло на себя священную обязанность", какъ говоритъ Соловьевъ, "сдерживать всякое насиліе во время этой борьбы, взяло подъ свою защиту опальныхъ бояръ". Этотъ то обычай печалованія и вызвалъ неожиданное столкновеніе между духовенствомъ и самодержавною властью, интересы которыхъ были до сихъ поръ вполнѣ гармоничны. Въ 1564 году на московскую митрополію былъ поставленъ Филиппъ Колычевъ. Онъ былъ аристократическаго происхожденія, прославился своимъ прекраснымъ управленіемъ Соловецкаго монастыря и рѣдкимъ благочестіемъ. Онъ согласился принять предложенный ему санъ, но только подъ нѣкоторыми условіями, изъ которыхъ самымъ важнымъ было уничтоженіе опричины. Царь этимъ оскорбился. Наконецъ, Филиппъ, уступая просьбамъ духовенства, обѣщалъ не вмѣшиваться болѣе въ опричину. Тѣмъ не менѣе онъ постоянно слѣдилъ за поступками опричниковъ, не упускалъ случая печаловаться, указывалъ царю на ненормальность казней, просилъ пощады и смягченія участи заключенныхъ, вообще велъ себя какъ независимый іерархъ русской церкви. Такое поведеніе Ивану не понравилось и онъ рѣшилъ избавиться отъ докучливаго

митрополита. Надъ Филиппомъ былъ снаряженъ судъ и въ Соловки была отправлена особая комиссія для собиранія о немъ свѣдѣній. Во главѣ этой комиссіи находился недругъ Филиппа - Суздальскій архіепископъ Пафнутій. Состоялся судъ на которомъ судьи были лицепріятны. Филиппъ былъ обвиненъ въ разныхъ мнимыхъ злоупотребленіяхъ во время управленія Соловецкимъ монастыремъ. Его однако еще разъ заставили служить 8 ноября |1568| въ Успенскомъ соборѣ и тутъ опричники во время служенія съ безчестіемъ вывели его изъ храма. Въ 1569 г., во время похода Ивана на Тверь, онъ былъ задушенъ Малютой Скуратовымъ. Въ 1569 г. погибъ двоюродный братъ царя - Владиміръ Андреевичъ Старицкій.

. . . . . .

Въ 1570 г. произошелъ разгромъ Новгорода, самый ужасный поступокъ Ивана Грознаго. Получивъ доносъ отъ нѣкоего Петра Волынца, что въ Новгородѣ возобновили сношенія съ Польскимъ королемъ и хотятъ возстановить свои прежнія привилегіи, что у нихъ уже написана грамота объ этомъ и положена въ Софійскомъ соборѣ за образомъ Богоматери; царь тотчасъ приказалъ разслѣдовать это дѣло. Дѣйствительно, была найдена грамота, очевидно, подложная и составленная, какъ передаютъ, этимъ самымъ Петромъ Волынцемъ изъ мести новгородцамъ, которые хотѣли его за что то наказать. Иванъ собралъ цѣлое войско и отправился въ походъ. По пути къ Новгороду онъ разгромилъ Клинъ и Тверь, а въ самомъ Новгородѣ опричники бевчинствовали цѣлыхъ шесть недѣль.

Изъ Новгорода онъ отправился въ Псковъ, но полная покорность горожанъ смягчила его гнѣвъ и онъ смиловался надъ ними. По возвращеніи изъ Москвы царь началъ слѣдственное дѣло, при чемъ погибло много именитыхъ гражданъ и въ томъ числѣ любимецъ Ивана -Алексѣй Басмановъ съ сыномъ Федоромъ и князь Афанасій Вяземскій. И такъ Иванъ началъ казнить и тѣхъ лицъ, которыхъ онъ приблизилъ къ себѣ въ

качествѣ опричниковъ, безпрекословныхъ исполнителей своей воли.

Этотъ темный періодъ опалъ и казней заканчивается завѣщаніемъ Ивана Грознаго 1572 года. Свое завѣщаніе онъ начинаетъ признаніемъ, что не имѣетъ ни одного человѣка, который бы понялъ его страданія, что онъ всѣми покинутъ, выставляетъ себя изгнанникомъ, ведущимъ борьбу со своими врагами. Въ наставленіи къ дѣтямъ онъ совѣтуетъ имъ научаться всякому полезному дѣлу, жить въ согласіи, во всемъ дѣйствовать сообща. Чтобы закончить обозрѣніе этого періода, скажемъ еще нѣсколько словъ о бракахъ царя. Въ 1561 году, 21 августа, Иванъ женился на инородкѣ Маріи Темрюковнѣ, дочери Черкесскаго князя, которая и умерла въ 1569 г. Въ 1571 г. Иванъ выбралъ себѣ въ жены дочь одного Новгородскаго купца Марфу Собакину. Но молодая царица не прожила и одного мѣсяца. Тогда произошелъ 4-й бракъ на Аннѣ Колтовской. Такъ какъ 4-й бракъ по уставамъ православной вѣры запрещенъ, то Иванъ Грозный собралъ духовный совѣтъ, на которомъ просилъ о разрѣшеніи новаго брака и, согласно его постановленію, принялъ на себя эпитемію. Послѣ этого онъ женился еще нѣсколько разъ.

Съ 1576 года мы не встрѣчаемъ упоминаній о казняхъ Въ 1574 г. мы видимъ странный фактъ: царь ставитъ во главѣ правленія Касимовскаго царевича Симеона Бекбулатовича, давъ ему титулъ князя всея Руси, т. е. назначаетъ его предсѣдателемъ земскихъ бояръ. Всѣ правительственные указы съ этого времени пишутся отъ имени Симеона, а Иванъ довольствуется титуломъ государя князя Московскаго и въ челобитныхъ къ Симеону величаетъ себя княземъ Московскимъ Иваномъ Васильевымъ. По поводу этого факта Соловьевъ высказываетъ предположеніе, что опричина существовала все время царствованія Ивана IУ, что только терминъ, а, можетъ быть, отчасти основы учрежденія были измѣнены. Вмѣсто наз-

ваній: опричина и опричный городъ мы находимъ названія: дворъ и дворовый городъ.

Внѣшнія неудачи сильно подѣйствовали на здоровье Ивана IУ. 53-хъ лѣтъ онъ представлялъ уже вполнѣ истощеннаго старца. Къ этому присоединилось еще убійство старшаго сына, которое совершенно потрясло его разстроенный организмъ. Разсердившись за что то на царевича, царь нанесъ ему смертельный ударъ по головѣ. Причина гнѣва въ точности неизвѣстна: Псковскій лѣтописецъ передаетъ въ видѣ слуха, что царь ударилъ сына жезломъ за то, что тотъ сталъ говорить о необходимости освободить Псковъ отъ Баторія. Антоній же Поссевинъ разсказываетъ, что убійство произошло изъ за семейной ссоры: царевичъ вступился за свою беременную жену, которую прибилъ его отецъ. Иванъ Ивановичъ былъ сотрудникомъ своего отца въ его дѣлахъ, товарищемъ въ пирушкахъ и забавахъ. Въ немъ, повидимому, готовился такой-же преемникъ, какимъ былъ его предшественникъ. Онъ былъ человѣкъ довольно образованный, какъ это видно изъ того, что сохранилось написанное имъ житіе Антонія Сійскаго |нужно, впрочемъ, замѣтить, что это только переработка ранѣе существовавшей редакціи житія|. Послѣ смерти сына съ Иваномъ начинаются постоянныя галлюцинаціи, во время которыхъ онъ сожалѣлъ объ убійствѣ сына, каялся въ своемъ проступкѣ, но затѣмъ снова переходилъ къ еще болѣе ужаснымъ казнямъ.Въ такомъ состояніи онъ и умеръ

Если теперь мы посмотримъ на характеръ дѣятельности Ивана Грознаго, то увидимъ, что мотивы этой дѣятельности очень темны; мы находимъ только отрывки изъ его дѣйствій, отрывки изъ его настроеній, встрѣчаемъ пристрастныя характеристики, сообщаемыя намъ иностранцами, вслѣдствіе чего у изслѣдователей, являются не твердо построенные историческіе выводы, а только личныя мнѣнія. Оцѣнки Грознаго скорѣе произведенія художественныя, чѣмъ историческія. Такая зависимость отъ

источниковъ болѣе всѣхъ отразилась на Карамзинѣ. Карамзинъ не могъ найти точки болѣе объективной. Сначала подъ вліяніемъ однихъ источниковъ онъ создаетъ одну личность, подъ вліяніемъ другихъ - другую, діаметрально противоположную первой. Грозный VIII тома не похожъ на Грознаго IX. Въ первомъ случаѣ онъ является героемъ, во второмъ-свирѣпымъ тираномъ Такой же отрицательный взглядъ на личность Ивана IУ находится у Полеваго, Погодина и наконецъ въ окончательно обработанной формѣ у Н.И. Костомарова. Съ другой стороны объ Иваннѣ Грозномъ существуетъ другое мнѣніе, представителемъ, котораго является К.Аксаковъ. К.Аксаковъ разбираетъ личность Ивана IУ съ психологической точки зрѣнія. "Іоаннъ IУ" говоритъ онъ, "былъ природа художественная - художественная въ жизни. Образы являлись ему и увлекали его своею внѣшнею красотою; онъ, художественно понималъ добро, красоту его, понималъ красоту раскаянія, красоту доблести и, наконецъ, самые ужасы влекли его къ себѣ своею страшною картинностью. Одно чувство художественности, не утвержденное на строгомъ и суровомъ нравственномъ чувствѣ, есть одна изъ величайшихъ опасностей душѣ человѣка. Съ одной стороны оно не допускаетъ человѣка исполнять ни одного чувства справедливо, ибо человѣкъ, наслаждаясь красотою состоянія, имъ испытываемаго, или дѣла, имъ совершаемаго, не относится къ нимъ цѣльно и непосредственно: онъ любуется ими, онъ любитъ красоту, а не самое дѣло... Но есть и другая сторона художественнаго чувства, въ свою очередь губящая человѣка. Художественное чувство можетъ отыскать красоту и въ самомъ дикомъ, и въ самомъ низкомъ состояніи. Въ Іоаннѣ была художественная природа не основанная на нравственномъ чувствѣ. Она влекла его отъ образа къ образу, отъ картины къ картинѣ, и эти картины любилъ онъ осуществлять собѣ въ жизни. То представлялась ему площадь присланныхъ отъ всей земли представителей, и царь сто-

ящій торжественно подъ осѣненіемъ крестнымъ на лобномъ мѣстѣ и говорящій рѣчь народу. То представлялось ему торжественное собраніе духовенства и опять царь посрединѣ, предлагающій вопросы. То являлись ему, тоже съ художественной стороны, площадь, уставленная орудіями пытки, страшное проявленіе царскаго гнѣва, громъ, губящій народы.. и вотъ ужасы казней московскихъ, ужасы Новгорода. Появлялся передъ нимъ монастырь, черныя одежды, постъ, молитва, покаяніе, труды и земные поклоны, картины царскаго смиренія и, увлеченный ими, онъ обращалъ и себя и опричниковъ въ отшельниковъ, дворецъ свой въ обитель. Какъ трудно тому, кто любитъ картину покаянія, покаяться въ самомъ дѣлѣ. Но такъ какъ Иванъ Грозный дѣйствовалъ не только въ сферѣ частной, но и государственной, то поэтому является вопросъ объ его политическомъ умѣ. Замѣчательно, что тѣ историки, которые не представляютъ намъ цѣльнаго воззрѣнія на русскую исторію, отрицаютъ за нимъ какіе либо задатки политическаго ума: напротивъ, историки, представившіе опредѣленный взглядъ на ходъ исторической жизни русскаго народа, признаютъ за нимъ извѣстную политическую силу и большой политическій тактъ. Такъ, Костомаровъ въ рѣзкой формѣ высказываетъ мысль о "глупости" Грознаго. Карамзинъ и Погодинъ слишкомъ много значенія придавали вліянію Сильвестра и Адашева и не видѣли политическихъ заслугъ за самимъ Иваномъ. Наоборотъ, Кавелинъ даетъ намъ цѣлую апологію политической дѣятельности Ивана Грознаго. Къ Кавелину примыкаютъ: Соловьевъ, Аксаковъ, Бестужевъ-Рюминъ и вообще историки, понимающіеся за свои изслѣдованія съ общими философскими представленіями о Русской исторіи, цѣнятъ политическую дѣятельность Ивана. Если ходъ русской исторіи строго прагматиченъ, то личность непремѣнно должна выражать какія нибудь начала, дѣйствующія и развивающіяся въ жизни націи въ извѣстную эпоху.

Если взглянуть на дѣло съ этой точки зрѣнія, то внѣшняя политика Ивана Грознаго, несомнѣнно направляемая самимъ Иваномъ, убѣдить насъ, что Московское правительство шло въ уровень съ тѣми задачами, которыя ставила ему современная жизнь. Это яснѣе всего видно изъ Ливонской войны Грознаго, хотя она и кончилась неудачей.

Ливонская война.

Ливонія нужна была Іоанну для сношеній съ Западною Европою и война за нее заняла всю вторую половину царствованія его. Въ XУ и XУI вѣкахъ въ Москвѣ все болѣе и болѣе сознавали потребность просвѣщенія и стремились къ усвоенію европейской цивилизаціи. Уже Иванъ III завелъ сношенія съ Европой, выписывалъ художниковъ, архитекторовъ, врачей, оружейниковъ и другихъ необходимыхъ лицъ. Съ паденіемъ Новгородской самостоятельности внѣшнія сношенія Новгорода съ Швеціей, Ливоніей и Ганзой перешли въ руки Московскаго правительства. Сношенія съ Ганзой скоро прекратились. По соображеніямъ дипломатическаго и торговаго характера Иванъ III захватилъ въ Новгородѣ всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ, отнялъ у нихъ товары, гостинные дворы, божницу; этимъ былъ нанесенъ окончательный ударъ торговлѣ Ганзы съ Новгородомъ. Впрочемъ, надо замѣтить, что Новгородъ отъ этой торговли не пользовался большими выгодами. Въ Новгородѣ собственно говоря, находилась только факторія Ганзы, основанная съ цѣлью эксплоатировать русскихъ. Мѣсто Ганзейцевъ заняли ливонскіе и германскіе купцы; главнымъ торговымъ пунктомъ стала Рига и черезъ нее совершался ввозъ и вывозъ товаровъ, но характеръ торговли остался такимъ же. Ливонское правительство стѣсняло русскую торговлю и не позволяло русскимъ корабламъ показываться на Балтійскомъ морѣ. Вообще сосѣди враждебно относились къ распространенію у насъ европейской культуры, и не только Ливонія, но и Германскій

императоръ. Въ 1547 году Ивнаъ Грозный отправилъ въ Германію саксонца Шлитте и другихъ агентовъ съ порученіемъ набрать тамъ "знатцевъ" т. е. ученыхъ и ремесленниковъ. Шлитте набралъ больше ста человѣкъ и привезъ ихъ уже въ Любекъ, но Ливонское правительство добилось у Карла V разрѣшенія не пропускать въ Москву ни одного ученаго и художника. Одинъ изъ нихъ наиболѣе настойчивый и во что бы то ни стало желавшій пробраться въ Москву, поплатился жизнью. Такимъ образомъ политическія и торговыя сношенія Москвы съ Европой начались при обстоятельствахъ крайне неблагопріятныхъ, но одна случайность нѣсколько облегчила исполненіе намѣреній Московскаго правительства. Въ 1553 году одинъ изъ англійскихъ кораблей явился въ устье Сѣверной Двины, вслѣдствіе чего начались наши сношенія съ Англіей. Путешествіе англичанъ было слѣдствіемъ ихъ торговой конкурренціи съ Испаніей и Португаліей. Открытіе Америки сдѣлало приливъ золота въ Испанію и Португалію, такъ что эти страны по наплыву богатства оставили далеко позади себя Англію и Голландію.

Англія и Голландія изыскивали съ своей стороны средства обогатиться. Въ Англіи образовалось общество, поставившее своею задачею изыскать новые рынки для англійской торговли. Для открытія морскаго пути въ Китай черезъ Сѣверный Ледовитый Океанъ отправлена была экспедиція Виллогби и Ченслера. Не достигнувъ цѣли, корабль Ченслера случайно прибылъ въ устье Сѣверной Двины. Ченслеръ пробрался въ Москву, и результатомъ этой поѣздки была его вторичная поѣздка и заключеніе торговаго трактата съ Англіей. Англичане выхлопотали себѣ право безпошлинной торговли въ Россіи. Но и англичане, и русскіе хорошо понимали, что торговля эта не могла получить широкаго развитія вслѣдствіе географическихъ условій. Поэтому сильнѣе сознава-

лась необходимость овладѣть берегами Балтійскаго моря, которыми владѣли Швеція и Ливонія.

Въ 1554 г. началась война со шведами по слѣдующему поводу. Дипломатическія сношенія московскаго правительства со шведами велись въ Новгородѣ, а не въ Москвѣ. Шведы требовали, чтобы мѣсто дипломатическихъ сношеній было перенесено въ Москву, но получили отказъ. Это обстоятельство, а также пограничныя ссоры и были ближайшимъ поводомъ къ войнѣ. Но война эта не была ознаменована никакими важными дѣйствіями; помощь, обѣщанная Густаву Вазѣ Польшею и Ливоніею, не приходила и престарѣлый король заключилъ миръ на условіяхъ, довольно выгодныхъ для Москвы |1557| Въ договорѣ находится статья о свободѣ русской торговли на Шведской границѣ. Но граница эта шла по сѣверному берегу Финскаго залива въ мѣстности мало населенной и безъ видныхъ гаваней, слѣдовательно торговля могла имѣть только частный характеръ; большого обмѣна товаровъ здѣсь не могло быть, и такимъ образомъ не удовлетворялось стремленіе русскихъ войти въ сношенія съ цивилизованнымъ Западомъ.

Московское правительство перенесло свои виды на Ливонію, занимавшую болѣе видное географическое положеніе, такъ какъ Рижскій портъ близокъ къ средней Европѣ. Кромѣ того, рознь въ обществѣ и между властями ослабляла Ливонію и обѣщала русскимъ успѣхъ въ войнѣ. Въ Ливоніи въ то время существовали двѣ политическія власти, которыя враждовали между собою: орденъ и Рижскій архіепископъ. Владѣнія ордена не представляли цѣльной территоріи, а были разсѣяны по областямъ духовныхъ князей |архіепископа и епископа Дерптскаго, Эзельскаго, Курляндскаго и Ревельскаго| Епископы не зависѣли отъ архіепископа и орденъ, подчиняясь сначала архіепископу, потомъ

Литографія Богданова Эртелева д.№-I| I2

пріобрѣлъ надъ ними первенство и подчинилъ свою администрацію папѣ и Германскому Императору, но только номинально. Свои пререканія архіепископъ и орденъ переносили то на судъ Цезаря, то на судъ Папы и часто заканчивали ихъ междоусобіемъ. Стремленіе городскихъ общинъ, въ особенности Дерпта, Риги, выйти изъ подъ власти князей было новымъ элементомъ слабости въ Ливоніи; но самою важною причиною слабости былъ племенной антагонизмъ. Ливы и Эсты, находившіеся въ состояніи крѣпостной зависимости, враждовали съ высшимъ сословіемъ - потомками нѣмецкихъ выходцевъ. Значеніе этого антагонизма сказалось крестьянскимъ возстаніемъ во время войны Русско-Литовской. Такимъ образомъ низшій классъ въ Ливоніи не представлялъ прочной базы для высшихъ сословій. Появленіе реформаціи было важною эпохою въ жизни Ливоніи, создавшею новые поводы къ общему раздору. Реформація секуляризировала Пруссію, т. е. обратила ее въ свѣтское владѣніе и такимъ образомъ Ливонскій орденъ сдѣлался вполнѣ самостоятельнымъ. Во главѣ ордена стоялъ тогда знаменитый Плеттенбергъ. Плеттенбергъ относился сдержанно къ реформаціи и безуспѣшно старался примирить враждующія стороны. Послѣ смерти Плеттенберга |въ 1535 году| реформаціонное движеніе стало быстро расти въ Ливоніи, многіе города приняли реформацію; Рига пристала къ Шмалькальденскому союзу, но магистръ ордена сохранялъ католическое вѣроисповѣданіе. Когда въ 1555 году на сеймѣ въ городѣ Вольмарѣ было опредѣлено, чтобы "впредь до Общаго Собора каждый свободно и безпрепятственно оставался при своемъ вѣроисповѣданіи", то Ливонія распалась на два религіозные лагеря. Такъ какъ протестантизмъ развивался очень быстро и архіепископъ, чтобы пріостановить это развитіе долженъ былъ еще считаться съ городами, то онъ вступилъ въ союзъ съ Христофоромъ, герцогомъ Мекленбургскимъ

родственникомъ Сигизмунда Польскаго. Это вызвало противодѣйствіе ордена и вооруженное вмѣшательство короля Польскаго и герцога Бранденбургскаго на защиту архіепископа. Польскія войска вступили уже въ Курляндію, но обезсиленный орденъ не могъ противиться и въ 1557 году, 5 сентября новый магистръ Фюрстенбергъ заключилъ миръ у мѣстечка Позволя |у Бауска| Затѣмъ 14 сентября Литва и орденъ заключили наступательный и оборонительный союзъ противъ Россіи.

Враждебное отношеніе ордена и нарушеніе существовавшихъ договоровъ давали Москвѣ всегда достаточно поводовъ къ войнѣ съ Ливоніей. Въ 1554 году Московское правительство потребовало отъ Ливоніи платежа Юрьевской дани ,Дерптъ Юрьевъ долженъ былъ платить великому князю дань, которая называлась по имени города "Юрьевскою| Ливонцы сознавали, что Московское правительство имѣетъ историческія основанія требовать этой дани, которая была обусловлена старыми договорами |1463, 1503 гг.|.Но вопросъ объ этой дани не поднимался до 1554 года, до тѣхъ поръ, пока не прибыли въ Москву Ливонскіе послы ходатайствовать о продолженіи стариннаго перемирія. Епископъ обязался заплатить въ три года недоимку Юрьевской дани за 50 лѣтъ, очистить русскія церкви, разграбленныя протестантами, не стѣснять свободы русской торговли и не помогать Польшѣ. Но недомика не была выплачена. Ливонцы старались отдѣлаться отъ платежа дани, или, по крайней мѣрѣ, уменьшить ея сумму, два раза присылали въ Москву, но безуспѣшно. На просьбы Ливонцевъ Московское правительство отвѣчало угрозами, и пока велись переговоры, русская рать стояла уже на границахъ Ливоніи. Въ Сентябрѣ 1557 года былъ договоръ между Ливоніей и Польшей, а въ Январѣ 1558 года русскія войска опустошали Ливонію. Таковы внѣшніе факты, предшествовавшіе Ливонской войнѣ.

Обыкновенно говорятъ, что причиною войны были торговые и культурные интересы Москвы, а поводомъ къ ней послужила Юрьевская дань. Справедливости этого отвергать, конечно, нельзя, но нельзя не замѣтить, что Иванъ Грозный рѣшился на войну именно тогда, когда созрѣлъ Ливонско-Польскій союзъ. Онъ тянулъ время въ надеждѣ, что Ливонія покорится безъ войны. Но когда она стала искать опоры въ Польшѣ, Иванъ понялъ, что рискуетъ отдать Ливонію Польшѣ и не хотѣлъ этого допустить. Толчкомъ къ начатію военныхъ дѣйствій послужила такимъ образомъ не одна Юрьевская дань, а опасность Польскаго вліянія въ Ливоніи. Во главѣ Московской политики въ это время дѣйствовали Сильвестръ и рада. Но совѣтники Ивана были въ упоеніи отъ пріобрѣтенія Казани и Астрахани и противились намѣренію Грознаго воевать съ Ливоніей. Избранная рада указывала Ивану на Крымъ, но Иванъ, какъ Стефанъ Баторій, думалъ, что съ Крымомъ наступательно воевать нельзя, и, вопреки совѣтникамъ, обратился на Западъ. Такимъ образомъ, главнымъ руководителемъ въ войнѣ съ Ливоніей былъ самъ Иванъ. Дѣйствительно, государство Московское было отдѣлено отъ Крыма такъ называемыми "польными мѣстами" |степью|. Дорогъ въ этой степи было мало и передвиженіе войскъ было сопряжено съ такими трудностями, что даже Татары не всегда рѣшались пускаться въ степь. Столѣтіе спустя эта же степь уничтожила результаты похода Василія Васильевича Голицына.

Кромѣ того, война съ Крымомъ неминуемо привела бы Россію къ столкновенію съ Турціей, потому что ей принадлежала верховная власть надъ Крымомъ; а Турція въ это время была еще сильной державой, которой боялась вся Европа. Иванъ несомнѣнно понималъ эти обстоятельства лучше, чѣмъ его совѣтники и потому Ливонскую войну слѣдуетъ разсматривать какъ продуктъ личной дѣятельности Ивана Грозна-

го. Ходъ войны спутанъ: изъ войны Ливонской она становится скоро Шведско-Польской. Можно, однако, установить двѣ грани въ развитіи этой войны. Первый поворотный пунктъ - это распаденіе Ливоніи, поставившее Русь лицомъ къ лицу съ Польшей и Швеціей; второй пунктъ-начало дѣйствій короля Стефана Баторія.

Ливонія была покрыта замками, которые русскимъ приходилось брать. Въ первый походъ русскіе подъ начальствомъ Мих. Вас. Глинскаго и Даніила Романовича Захарьина вошли въ Ливонію и страшно ее опустошили; русскіе были за 50 в. отъ Риги и за 30 верстъ отъ Ревеля. Въ Февралѣ рать вернулась на Русь. Сеймъ въ Вольмарѣ рѣшилъ просить мира и отправилъ пословъ въ Москву, но война возобновилась. Была взята Нарва и нѣсколько другихъ крѣпостей. Магистръ, находившійся недалеко отъ Нейгаузена, ушелъ въ Валкъ, гдѣ Готгардъ Кетлеръ былъ избранъ въ Кондъ-юторы магистра. Въ 1558 году въ Дерптѣ собрался ландтагъ для обсужденія, у кого просить помощи. На ландтагѣ Дерптскій бургомистръ Тило высказалъ самое разумное мнѣніе: онъ совѣтовалъ пожертвовать имуществомъ, говорилъ, что Ливонія можетъ спастись только при полномъ единеніи разрозненныхъ элементовъ, но "онъ проповѣдовалъ глухимъ". Архіепископъ искалъ покровительства Польши, магистръ - Швеціи.

Между тѣмъ русскіе взяли Дерптъ и другіе города, числомъ до 20-ти. Швеція и Данія не оказали существенной помощи Кетлеру, но Польша вступилась и въ 1559 году Сигизмундъ Второй Августъ заключилъ договоръ съ Ливонскимъ правительствомъ, по которому обязался защищать орденскія владѣнія отъ Москвы. Но несмотря на союзъ съ Польшею русское войско продолжало опустошать Ливонію. Орденскія владѣнія распадались: Эзельскій епископъ продалъ этотъ островъ Датскому королю Фридриху III, который отдалъ его

брату своему Магнусу; Ревельцы поддались Швеціи; наконецъ въ 1561 году Кетлеръ уступилъ Ливонію Польшѣ, а себѣ взялъ Курляндію и Семигалію съ титуломъ герцога и съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такимъ образомъ вмѣсто Ливоніи мы видимъ нѣсколько провинцій, принадлежащихъ Швеціи, Даніи и Польшѣ.

Съ Польшею столкновеніе было всего серьезнѣе. Война съ Польшею началась, по обыкновенію, опустошительными набѣгами. Въ началѣ 1563 года Иванъ съ большимъ войскомъ самъ двинулся къ Литовскимъ границамъ и взялъ Полоцкъ, городъ важный своею торговою связью черезъ Двину съ Ригою. Московское правительство перевело въ Полоцкъ русскихъ поселенцевъ и поставило тамъ епископа. Побѣда, одержанная Литовцами недалеко отъ Орши, на рѣкѣ Улѣ, у села Иванцева, не могла вознаградить короля за потерю Полоцка. Но потомъ 3-4 года войны идутъ крайне неопредѣленно. Въ 1566 году Польша предложила Ивану перемиріе, уступая всѣ земли, завоеванныя русскими войсками. Но Иванъ еще не дошелъ до моря. Для рѣшенія вопроса, мириться съ королемъ или нѣтъ, онъ созвалъ Земскій Соборъ 1566 года. На Соборѣ участвовали: дума, Церковный Соборъ, выборные отъ Москвы, Смоленска и завоеванныхъ городовъ. Соборъ рѣшилъ, что войну слѣдуетъ продолжать. Поляки воевали вяло. Сигизмундъ II Августъ |изъ дома Ягеллоновъ| скоро умеръ. Несмотря на то овладѣть приморскими городами Ливоніи было трудно и Иванъ, чтобы облегчить это дѣло, задумалъ устроить изъ Ливоніи вассальное государство. Онъ предложилъ Магнусу, владѣтелю Эзеля, быть королемъ Ливонскимъ. Магнусъ согласился, пріѣхалъ въ Москву въ 1570 году и былъ объявленъ женихомъ племянницы царской, дочери казненнаго Владиміра Андреевича Старицкаго.

Послѣ смерти бездѣтнаго Сигизмунда Августа, которымъ

окончилась Ягеллонская династія, престолъ теперь неразрывно соединенныхъ Литвы и Польши сталъ избирательнымъ По смерти Сигизмунда Литовско-Русскія православныя области обратили свое вниманіе на Ивана и предлагали избрать его королемъ. Но Иванъ медлилъ, отказывался за себя и за своего сына Федора и Польскимъ королемъ былъ избранъ Генрихъ III Анжуйскій, братъ французскаго короля Карла IX. Генихъ скоро уѣхалъ во Францію и снова начались выборы. На этотъ разъ Иванъ сталъ добиваться польскаго престола, но королемъ былъ избранъ Стефанъ Баторій, воевода Трансильванскій |1575 г.|

Только съ 1579 года Баторій началъ энергичныя военныя дѣйствія съ прекрасно устроеннымъ войскомъ. Грозный думалъ, что онъ направится на Ливонію, но Баторій осадилъ и взялъ Полоцкъ и много другихъ городовъ, отнятыхъ Иваномъ у Литовско-Польскаго государства. Въ другой походъ свой онъ измѣнилъ маршрутъ и сталъ дѣйствовать сѣвернѣе и прежнему удачно. Только подъ Псковомъ онъ былъ отраженъ и безъ результата долженъ былъ снять осаду. Въ тоже время Шведы успѣли взять Нарву, Иванъ-городъ, Ямъ, Копорье. Силы Московскаго государства, напряженныя долгой войной, были совсѣмъ подорваны постѣдними неудачами. Враги отняли всѣ завоеванія прежнихъ лѣтъ и возвратить ихъ у Ивана не было силъ. Обстоятельства вынуждали Грознаго мириться съ врагами, не достигнувъ желанной цѣли, и вотъ въ началѣ 1582 года заключенъ былъ миръ съ Баторіемъ въ деревнѣ Киверова Горка |близъ Порхова| по которому Иванъ отказался отъ завоеванія въ Ливоніи Литвѣ. А въ 1583 году состоялся миръ со Швеціей, которая не только вытѣснила Русь изъ Эстляндіи, но и захватила русскіе города | Иванъ-городъ, Копорье, Ямъ|. Война, шедшая четверть вѣка, не дала Россіи ничего и страшно истощила ея силы. Миръ

при Киверовой Горкѣ отнялъ у Россіи всѣ ея завоеванія. Тяжелыми условіями его Россія обязана была отчасти вмѣшательству папскаго легата Поссевина, который явился посредникомъ между Русью и Польшею и искусно дѣйствовалъ въ пользу послѣдней. Свѣдѣнія о сношеніяхъ Россіи съ Римомъ даютъ намъ труды Пирлинга и Успенскаго. Поссевинъ былъ посланъ съ инструкціей установить торговыя сношенія Руси съ Венеціей и содѣйствовать заключенію мира между царемъ и Баторіемъ, имѣя въ виду соединеніе церквей. Поссевинъ явясь къ Баторію, скоро пріобрѣлъ его довѣріе. При переговорахъ о мирѣ онъ не могъ оставаться безпристрастнымъ: въ его выгодахъ Ливонія должна была оставаться за королемъ для возстановленія въ ней католицизма. Заставивъ Ивана согласиться на условія такого мира, Поссевинъ пріѣхалъ въ Москву и имѣлъ съ нимъ въ присутствіи бояръ пренія о вѣрѣ, но не имѣлъ въ нихъ успѣха. Перспектива "Крестоваго" похода на Византію не подѣйствовала на царя. Конечно, Иванъ не могъ состязаться съ іезуитомъ въ ученомъ богословскомъ спорѣ, но изъ его возраженій противъ католичества видно, что главныя особенности послѣдняго въ существѣ имъ поняты. Онъ настаивалъ преимущественно противъ притязаній папской власти.

С и б и р ь и Т а т а р ы.

Въ Январѣ 1583 года получено извѣстіе о завоеваніи Сибири. Завоеваніе это совершилось въ два года, точное же время ея присоединенія неизвѣстно. Завоеваніе ея было не государственнымъ дѣломъ, а частнымъ: завоеваніе Сибири дѣло Строгановыхъ. Походы въ Сибирь не были новостью ни въ XУI, ни даже въ XУ вѣкахъ. Имя Сибири |неизвѣстнаго происхожденія| встрѣчается въ памятникахъ конца XУ вѣка. Но знакомство съ нею русскихъ началось еще раньше;

еще въ XI вѣкѣ Новгородцы торговали съ Юргой, а въ XIУ вѣкѣ предпринимали уже походы на Обь.

Въ XУI вѣкѣ въ системѣ Оби образовалось изъ татаръ, башкиръ и остяковъ Татарское Ханство. Въ I563 году Ханствомъ овладѣлъ Кучумъ, Ногайскій царь. По покореніи Новгорода Москва продолжала дѣло Новгородцевъ, двигалась все дальше на востокъ; Московскіе воеводы въ концѣ XУ вѣка доходили до Оби. Князья сибирскіе платили имъ дань. Кучумъ признавая зависимость отъ Москвы, въ то же время нападалъ на пограничныя московскія владѣнія и между прочимъ на поселенія Строгановыхъ въ Прикамскомъ краѣ. Строгановы, по преданію, происходятъ изъ знаменитаго рода Добрынинныхъ, изъ котораго происходили многіе Новгородскіе посадники. Когда стали стѣсняться Новгородскія вольности, нѣкоторые представители этого рода ушли на востокъ, заняли земли и вели хозяйство въ широкихъ размѣрахъ. Въ I558 году они получили право на заселеніе пустыхъ мѣстъ на Камѣ до рѣки Чусовой, всего I46 верстъ. Они могли по этой грамотѣ имѣть свой судъ надъ поселенцами. Въ I574 году они исходатайствовали право ставить на Тоболѣ городки и посылать въ Сибирь казацкія дружины для защиты государевыхъ данниковъ. Въ I579 году были приглашены казаки съ Волги, въ числѣ 540 человѣкъ, во главѣ съ Ермакомъ Тимофѣевичемъ. I-го Сентября I58I года Строгановы отправили этихъ казаковъ въ Сибирь, присоединивъ къ нимъ своихъ ратныхъ людей всего въ числѣ 840. Завоеваніе Сибирскаго ханства при этомъ, быть можетъ, и не предполагалось. Въ I582 году Чердынскій воевода, поссорившись за что то со Строгановыми, донесъ, что они вмѣсто того, чтобы оберегать свою землю, посылаютъ казаковъ воевать въ Сибирь. Послѣдствіе этого грозною грамотою приказывалось вызвать казаковъ обратно. Но казаки были уже на границахъ Сибирскаго цар-

ства. Благодаря тому, что они сражались огнестрѣльнымъ оружіемъ казаки побѣдили татарскіе отряды, наконецъ напали на Кучума подъ его столицею, разбили и отбросили на югъ въ степи. Сибирь| городъ| была взята и отсюда Ермакъ послалъ въ Москву атамана Кольцо. За такую удачу предпріятія опала со Строганова была снята, казаки пожалованы различными милостями. Окончательное покореніе Сибирскаго царства относится къ царствованію Федора Ивановича.

Славянскія поселенія въ Сибири идутъ срединною полосою, врѣзываясь клиномъ въ страну, прямо на востокъ, вдаваясь къ сѣверу или къ югу, только по теченію большихъ рѣкъ; углубляясь все болѣе на востокъ, менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе они дошли до Великаго Океана. Занятіе Сибири-результатъ колонизаціоннаго движенія славянской народности на востокъ, стихійнаго движенія, въ силу котораго она прежде заняла всю великую сѣверно-европейскую равнину. Это завоеваніе - дѣло народа; не дожидаясь приказанія, онъ занялъ страну, а правительство уже занятыя земли приняло подъ свою опеку.

Съ покореніемъ Казани и Астрахани Московское правительство могло быть спокойнымъ относительно восточныхъ границъ; главное вниманіе его должно было обратиться на югъ. Вслѣдствіе завоеванія Астрахани сношенія съ Крымомъ и Константинополемъ осложнились, ухудшились. Иванъ IУ послалъ къ султану пословъ, но это не помогло. Въ 1569 году отправилось по Дону Турецкое войско взять Астрахань. Но походъ былъ неудаченъ; Астрахань была хорошо укрѣплена. Въ 1571 году послѣдовало нападеніе крымскаго хана. Напавши неожиданно, татары прорвались черезъ сторожевую линію |на Окѣ|, дошли до Москвы, пожгли посады. Иванъ удалился къ Ростову, завелъ переговоры и даже готовъ былъ уступить Астрахань. Но ханъ, будучи не въ силахъ долго

держаться среди уже сильнаго Московскаго государства отступилъ. Въ слѣдующемъ году онъ сдѣлалъ попыткуповторить набѣгъ, но неудачно: онъ былъ отброшенъ княземъ Воротынскимъ, которому поручена была охрана южныхъ границъ.

Въ XУI и XУII вѣкахъ это укрѣпленіе южныхъ границъ состояло въ проведеніи рвовъ, засѣкъ, валовъ, которые шли отъ рѣки до рѣки; съ теченіемъ времени, съ усиленіемъ Московскаго государства, линія укрѣпленія подвигается далѣе на югъ. Первоначально эта линія шла отъ Самарской луки до верховьевъ Дона, затѣмъ правый флангъ идетъ къ югу. Приблизительно линію укрѣпленій можно вести отъ Самарской луки на Кіевъ, а во второй половинѣ XУII вѣка уже громадное пространство степи освоено и укрѣплено Москвой и южную границу составляетъ Средній Днѣпръ и теченіе Донца. Защита Южныхъ границъ получила правильную организацію впервые при Иванѣ IУ. Въ степи были постоянныя дороги; направленіе ихъ опредѣлялось удобствомъ относительно провіанта и водопоя. Конечно, эти дороги, носившія названіе "сакма" не были торными. На нихъ ставились "сторожи" или стоячіе посты. Каждую составляли нѣсколько человѣкъ; у каждаго было два коня. Когда замѣчали по дорогѣ облако пыли, одинъ отправлялся въ ближайшій городъ извѣстить объ опасности, а остальные должны были узнать достовѣрнѣе, что за опасность грозитъ, пропустить непріятеля и слѣдовать за нимъ издали, чтобы вывѣдать его цѣли. Далѣе, такъ какъ непріятель могъ идти и не по дорогамъ, въ сторону отъ сакмы ѣздили "станичники". Станицы - это передвижные посты. Въ 1571 году охраною всей южной границы завѣдывалъ князь Воротынскій. Онъ созвалъ людей, знакомыхъ съ дѣломъ защиты южной границы, собралъ нужныя свѣдѣнія и составилъ наказъ, которымъ опредѣлялись постоянныя правила защиты. Этотъ наказъ былъ разосланъ

по городамъ южнымъ: въ Тулу, въ Рязань и др. Имъ каждый городъ дѣлился на 8 станицъ или отрядовъ. Всѣ станицы должны были отбывать службу по очереди. Далѣе предписывался цѣлый рядъ правилъ для службы. Между прочимъ, за ложную тревогу, произведенную станичниками, когда собственно опасности не было, имъ грозило наказаніе. Въ 1574 году Воротынскій былъ смѣненъ. Назначенный на его мѣсто Юрьевъ ввелъ нѣкоторыя измѣненія и улучшенія въ порядокъ службы. Такимъ образомъ, при обзорѣ дѣятельности Ивана Грозного мы видѣли, что, несмотря на всѣ его казни, опалы, организація, дѣла идутъ своимъ чередомъ, правительство Московское нигдѣ не упускаетъ своихъ интересовъ. Во всѣхъ его дѣйствіяхъ мы видимъ ясно намѣченныя задачи и тѣ же бояре, которымъ ни въ чемъ не довѣряетъ Иванъ, которыхъ постоянно преслѣдуетъ, являются вездѣ исполнителями. Но и самъ Грозный принимаетъ весьма дѣятельное участіе въ политической жизни государства. Онъ дѣятельно вмѣшивался въ управленіе и характеръ этого вмѣшательства рѣшаетъ вопросъ о политическомъ умѣ Ивана IУ въ положительномъ смыслѣ. Если бы онъ не обладалъ умомъ, Московская политика не была бы такою цѣльною.

Черты внутренней исторіи великорусскаго общества въ XVI вѣкѣ.

Служилые люди.

Въ XVI вѣкѣ въ Московскомъ государствѣ уяснялись и замыкались общественныя группы, обозначались еще неясными чертами сословія. Болѣе строгое ихъ разграниченіе и устройство составляло одну изъ задачъ правительства въ XVI вѣкѣ. Къ этому XVI вѣку главнѣе всего относится процессъ сложенія служилаго сословія, т. е. того разряда лицъ, который обязанъ былъ нести личную службу государ-

ству за право землевладѣнія. Въ виду внѣшнихъ враговъ для защиты государства Московское правительство въ XУ и XУI вѣкахъ усиленно привлекаетъ къ себѣ людей, желающихъ ему служить, и въ XУI вѣкѣ мы видимъ уже чрезвычайно многочисленный служилый классъ, составленный изъ очень разнородныхъ элементовъ. Выключая изъ него бояpство, можно сказать, что составился этотъ классъ: I| изъ старыхъ дружинниковъ, московскихъ и удѣльныхъ, 2| изъ низшихъ слугъ московскаго князя и удѣльныхъ, 3| изъ тяглыхъ людей, успѣвшихъ разными путями выйти изъ своего тягла и попавшихъ на службу и 4| изъ громаднаго числа лицъ, перебѣжавшихъ въ Москву изъ Литвы, Татарскихъ ордъ и Западной Европы. Вся эта пестрая толпа служила не только князю, какъ это было въ старыхъ удѣлахъ, но уже и государству и была связана съ княземъ не однимъ договоромъ, но болѣе прочными служебными связями. Служба была уже не дѣломъ доброй воли, какъ прежде, а обязанностью. Московскіе порядки связали право владѣть землею съ обязанностью служить: каждый, кто владѣлъ землей, именно потому, что владѣлъ, долженъ былъ участвовать въ защитѣ государства всей земли. Прежній дружинникъ служилъ иногда одному князю, владѣя въ то же время землею въ землѣ другого князя. Противъ этого Московскіе князья начали дѣйствовать еще въ XIУ вѣкѣ, не допуская другихъ князей и чужихъ бояръ покупать вотчины въ Московскомъ княжествѣ |Семенъ Ивановичъ Гордый въ договорѣ съ братьями въ I34I году и другіе| Затѣмъ въ XУ вѣкѣ князья Московскіе запрещаютъ своимъ "служебнымъ князьямъ| т. е. потерявшимъ удѣлы и служащимъ Москвѣ| переходить на службу къ другимъ князьямъ съ вотчинами" иначе говоря, они конфискуютъ собственность своихъ слугъ, когда эти слуги перестаютъ имъ служить. Но въ XI вѣкѣ это ограниченіе касалось толь-

ко князей, а простые слуги могли еще по прежнему переходить отъ одного удѣльнаго князя къ другому, сохраняя свои земли за собою. А въ 1504 году [стало быть въ самомъ началѣ XVI вѣка] Иванъ III въ своемъ завѣщаніи распространяетъ это ограниченіе и на простыхъ „ не княжескаго происхожденія, своихъ слугъ; онъ пишетъ: "а боярамъ и дѣтямъ боярскимъ Ярославскимъ со своими вотчинами и съ куплями отъ моего сына отъ Василія не отъѣхати никому никогда, а кто отъѣдетъ, и земли ихъ сыну моему" Здѣсь уже прямо видна связь между службою и землевладѣніемъ: уничтожается первая, должно уничтожиться и второе. Въ XVI вѣкѣ вотчина окончательно измѣняетъ свой характеръ собственности по праву гражданскому и дѣлается владѣніемъ на правѣ государственномъ: по боярскимъ приговорамъ 1562 и 1572 годовъ вотчинники теряютъ право безконтрольнаго распоряженія вотчинами; вотчины не всегда могутъ быть проданы, заложены, не всѣмъ могутъ быть завѣщаны; онѣ перестаютъ быть полною частною собственностью и являются владѣніемъ, существующимъ въ интересахъ государственной службы. Въ XIV вѣкѣ вотчина становится очень близко къ другому виду поземельнаго Московскаго владѣнія- къ помѣстью. И вотчина и помѣстье являются средствомъ содержанія служилыхъ людей. Московское правительство XV и XVI вѣковъ не располагало въ достаточной степени средствами обезпеченія и вознагражденія своихъ многочисленныхъ слугъ, кромѣ земли. А эти слуги въ большинствѣ случаевъ, являлись на службу необезпеченными. Поэтому мы и замѣчаемъ рано, еще въ XIV вѣкѣ, что Московскіе государи платятъ за службу землею, "помѣщаютъ" служилыхъ людей на земли и даютъ имъ эти земли въ полное владѣніе на все то время, пока помѣщенный хочетъ или можетъ служить. Такое временное земельное владѣніе, данное подъ условіемъ обязательной государственной службы, называлось въ Московской Руси помѣстьемъ. О помѣ-

щикахъ, "за которыми земли великаго князя", говоритъ уже судебникъ Ивана III; самый же фактъ дачи земель за службу существовалъ не только въ XУ вѣкѣ | въ XУ вѣкѣ онъ былъ не въ одной Москвѣ, а во многихъ удѣлахъ| но и раньше, въ XIУ вѣкѣ: Иванъ Калита далъ какому то Б[illegible]ориску Воркову свою куплю село Богородическое и пишетъ въ своемъ завѣщаніи въ 1328 году: "если будетъ | Бориско | служить которому нибудь моему сыну, село будетъ за нимъ, если не будетъ служить дѣмъ моимъ, село отнимутъ". Къ сожалѣнію, наука до сихъ поръ не можетъ съ желаемою ясностью прослѣдить развитіе въ XУ и XУI вѣкахъ обычая [illegible] земли служилыхъ людей. Первымъ опредѣленнымъ показаніемъ о систематической раздачѣ земель въ помѣстья считаютъ обыкновенно боярскій приговоръ 1550 года о раздачѣ помѣстій въ Московскомъ уѣздѣ: въ этомъ году было роздано 1078 человѣкамъ около 150.000 четвертей ("четверть или четь" равнялась полъ десятинѣ: четь въ трехпольяхъ равнялась 1'2 дес.| . Отъ XУI вѣка мало вообще дошло законоположеній о помѣстьяхъ и о службѣ съ нихъ, но не смотря на это, вполнѣ увѣренно можно сказать, что во второй половинѣ XУI вѣка раздача помѣстій и служба съ этихъ помѣстій были укоренившимся и разработаннымъ обычаемъ, возведеннымъ въ систему. На этой то помѣстной системѣ и опиралась вся организація московскихъ войскъ; помѣщики составляли главное ядро военныхъ силъ и уже Грозный могъ, судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, выставить въ поле болѣе 100.000 войска, состоявшаго въ большинствѣ своемъ изъ помѣщичьихъ ополченій.

Помѣстья въ своемъ размѣрѣ были очень различны: рѣдко бывали болѣе 400 четей въ полѣ и менѣе 70 | въ XУII вѣкѣ на югѣ были болѣе мелкія помѣстья |. Мелкіе помѣщики въ придачу къ помѣстью получали и жалованье деньгами; впослѣдствіе это жалованіе стало даваться и болѣе крупнымъ. Военныя повинности помѣщиковъ выражались въ томъ, что

по первому призыву онъ долженъ былъ являться на службу "конемъ" | т. е. на конѣ |, "доспѣшенъ" | т.е. въ исправномъ вооженіи | и "люденъ" | съ извѣстнымъ числомъ вооруженныхъ людей", со ста четей требовался одинъ хорошо вооруженный человѣкъ на конѣ |. Служба дворянская въ XVI вѣкѣ была о-

чень тяжела и положеніе служилаго класса - незавидно; постоянныя войны разоряли помѣщиковъ. Московское правительство, когда и не стояло въ открытой войнѣ съ сосѣдями, всетаки каждое лѣто собирало сильные военные корпуса на южныхъ и восточныхъ границахъ въ защиту отъ татаръ, которые постоянно держали въ страхѣ наше государство. Эта позорящая служба ложилась тяжелымъ бременемъ и хозяйство помѣщиковъ, отнимая у него и рабочія руки, и хозяйскій глаОбиліе войнъ въ XVI вѣкѣ, особенно при Грозномъ, совсѣмъ разоряло служилыхъ людей. Войны Казанскія въ 40 хъ годахъ XVI. вѣка, потомъ долгая Ливонско Польская война требовали чрезмѣрнаго напряженія всѣхъ силъ государства, отозвались весьма тяжело и на средствахъ государства | Грозный долженъ былъ прибѣгать къ займамъ | и на служиломъ сословіи, на податныхъ классахъ. Мы ниже увидимъ, какъ бродилъ русскій крестьянинъ XVI вѣка. Землевладѣлецъ и особенно мелкій служилый землевладѣлецъ не могъ расчитывать на правильный ходъ своего хозяйства при общемъ недостаткѣ рабочихъ рукъ и при ихъ постоянномъ движеніи отъ одного землевладѣльца къ другому. "ри такомъ положеніи дѣлъ ясно, что масса служилаго люда, обезпеченная только землей, не была хорошо обезпечена и служилый человѣкъ въ половинѣ XVI вѣка предпочиталъ иногда холопство свопмъ служилыхъ преимуществамъ. и въ немъ искалъ избавленія отъ тяготъ службы Служебникъ 1550 года постановляетъ: дѣтей боярскихъ служилыхъ и дѣтей ихъ, которые еще не служили, въ холопы не

принимать никому. Сверхъ холопства, средствомъ избавленія отъ службы было простое укрывательство. Помѣщикъ не являлся на призывъ правительства и оставлялся въ "нѣтяхъ" | такъ назывались неявившіеся | сидѣть на своемъ скудномъ хозяйствѣ Кромѣ скудностей службы. оскудѣнію помѣщиковъ много содѣйствовали физическія бѣдствія: моры, недороды хлѣбные, которыми XVI вѣкъ былъ богатъ. Не мало разорила страну и опричина Грознаго; она къ тому же вносила въ служилую среду сѣмена деморализаціи, подрывала окончательно чувства гуманности и законности и безъ того не крѣпкія въ русскомъ обществѣ того времени.

Въ заключеніе рѣчи о служилихъ людяхъ слѣдуетъ упомянуть объ одномъ своеобразномъ явленіи московской служебной жизни - о мѣстничествѣ, составлявшемъ право высшихъ разрядовъ служилыхъ лицъ. Мѣстничество - настолько строго формулированный гражданскій институтъ, что двоякаго взгляда на его фактическую сторону быть не можетъ. Но ученые расходятся во взглядахъ на историческое происхожденіе этого учрежденія. О мѣстничествѣ писано очень много . Первый коснулся этого вопроса А. Валуевъ | сочиненіе его помѣщено въ "Симбирскомъ Сборникѣ" 1845 года |. Затѣмъ изслѣдованіемъ его занимался С. М. Соловьевъ, статьи котораго помѣщены въ "Московскомъ Сборникѣ" 1847 г.| Въ статьяхъ этихъ Соловьевъ занимается болѣе генезисомъ этого учрежденія|. Далѣе мѣстничество разбирается въ курсахъ по исторіи русскаго права | Сергѣевича, Владимирскаго - Буданова и др. | и наконецъ о немъ существуетъ цѣлая диссертація Маркевича | "О мѣстничествѣ 1879" |. Одни признаютъ подъ мѣстничествомъ право отказаться отъ чина или должности, другіе порядокъ гражданскихъ отношеній; одни понимаютъ его какъ личное право, другіе какъ гражданскій институтъ Мѣстничество - это условное распредѣленіе службъ и людей по родови-

---

Русская исторія пр. Платонова . Листъ 4.

Литографія Богданова ,Эртелевъ пер. №1

тости. Родовитость опредѣлялась "отьческою" честью; чѣмъ знатнѣе были предки, тѣмъ выше и "отьческая честь. Подъ именемъ "отьчества" разумѣлось унаслѣдственное отъ предковъ отношеніе служилаго лица и служилой фамиліи по службѣ къ другимъ служилымъ лицамъ или фамиліямъ. Былъ выработанъ особый способъ опредѣлять отьчество съ математической точностью - отьчество высчитывалось.,Счетъ былъ двоякій: " по родословцу" и двойной по родословцу вмѣстѣ съ Разрядами Родословецъ - поколѣнная роспись фамилій. Разрядами назывались книги Разряднаго Приказа, въ которыхъ отмѣчались всѣ служебныя назначенія, даваемыя лицамъ знатнаго происхожденія. Счетъ по Родословцу опредѣлялъ отношенія лицъ къ его родичамъ, счетъ по РОдословцу вмѣстѣ съ разрядами опредѣлялъ отношеніе лица къ членамъ чужихъ фамилій. Это отношеніе въ предѣлахъ своего рода и въ счетъ съ чужими лицами опредѣлялось точной цыфрой мѣстъ, отдѣлявшихъ одно лицо отъ другаго. Такъ, старшій сынъ занималъ отъ отца четвертое мѣсто. Каждый слѣдующій братъ сидѣлъ мѣстомъ ниже предшествующаго старшаго. Первоначальное понятіе о мѣстничествѣ, какъ думаютъ, сложилось среди бояръ за княжескимъ столомъ, а потомъ это понятіе было перенесено и на всѣ служебныя отношенія. Генеалогическое разстояніе между лицами одной или разныхъ фамилій должно было соотвѣтствовать іерархическому разстоянію между этими должностями . Поэтому всѣ мѣста были расположены въ извѣстномъ порядкѣ, составляли извѣстную іерархическую лѣстницу . Такъ, должности полковыхъ воеводъ были расположены въ такомъ порядкѣ: Московское войско въ походъ состояло изъ пяти полковъ. ЭТо были: большой полкъ, правая рука, сторожевой и боевой полки и лѣвая рука. Каждый полкъ сообразно съ своей величиной имѣлъ одного или нѣсколькихъ воеводъ,, Должность этихъ воеводъ по старшинству шла въ такомъ порядкѣ: I-е мѣсто принадлежало пер-

вому воеводѣ большаго полка, 2-е - первому воеводѣ правой руки 3-е первымъ воеводамъ передоваго и сторожеваго полковъ, которые были равны, 4-е- первому воеводѣ лѣвой руки, 5-е-второму воеводѣ большого полка 6-е-второму воеводѣ правой руки и т.д. Когда оканчивался счетъ мѣстъ вторыхъ воеводъ, слѣдовалъ счетъ мѣстъ третьихъ воеводъ и т.д. Если изъ двухъ родственниковъ, назначенныхъ служить вмѣстѣ, старшій выше младшаго двумя мѣстами, то при назначеніи перваго, положимъ, первымъ воеводой большого полка, младшій долженъ былъ занимать мѣсто перваговаго воеводы сторожевого или передового полкп, не ниже и не выше. Въ первомъ случаѣ, т.е. если послѣдній занималъ высшее мѣсто, то старшій билъ о безчестіи, говоря, что онъ несетъ "потерьку" своей чести. Гораздо труднѣе и запутаннѣе были счеты между чужеродцами. Если члены двухъ фамилій назначались служить вмѣстѣ, то они сначала справлялись, какъ служили ихъ предки, и при этомъ выбирали такой "случай", когда предкамъ ихъ пришлось служить также вмѣстѣ Они вычисляли разстояніе, лежавшее между доставшимися имъ мѣстами. Затѣмъ оба "совмѣстники" высчитывали по родословцу свое генеалогическое разстояніе, каждый отъ своего предка. Если разстояніе было одинаково, то они могли занимать тѣ же должности какія имѣли ихъ предки. Но если одинъ изъ совмѣстниковъ дальше отстоялъ отъ своего предка, чѣмъ другой отъ своего, то первый долженъ былъ спуститься на одно или нѣсколько мѣстъ. Вотъ приблизительно такова сущность отношеній мѣстническихъ. Мѣстничество имѣло чисто оборонительный характеръ. Имъ бояре защищались какъ отъ произвола государей, такъ и отъ происковъ отдѣльныхъ служилыхъ лицъ. И самая верховная власть признавала такой порядокъ законнымъ, хотя она и старалась ограничить мѣстническіе счеты различными распоряженіями, на которыя особенно былъ щедръ Иванъ IV. Эти распоряженія или просто отмѣняли счеты на извѣстный случай, или давали "счетъ" послѣ службы, и на службѣ заставляли быть "безъ мѣстъ", или

устранали мѣстничавшихся отъ службы, и вмѣсто нихъ назначал новыхъ лицъ писатели школы родового быта ведутъ мѣстничество изъ родовыхъ условій быта древней Руси, а иные видятъ въ немъ лишь перенесеніе застольныхъ семейныхъ обычаевъ въ сре ду государственныхъ отношеній. Какъ бы то ни было, формой своей мѣстничество прямо указываетъ на почву, изъ которой вы росло, - родовыя представленія. Вмѣстѣ съ тѣмъ врядъ ли можно вести этотъ обычай непосредственно изъ древнѣйшей эпо хи родовой жизни. Слѣды мѣстническихъ отношеній при Мос ковскомъ дворѣ восходятъ далѣе половины XУ вѣка.

Г о р о д с к о е н а с е л е н і е въ то время въ XУI вѣкѣ, еще не успѣло обособиться отъ сельскаго, не пред ставляло изъ себя замкнутаго класса и низшими слоями сво ими сливалось съ крестьянствомъ. Посадскій человѣкъ пахалъ какъ и крестьянинъ, а крестьянинъ часто жилъ въ посадѣ и тор говалъ какъ и посадскій. Крестьянинъ могъ вступить въ тяглую посадскую общину, а посадскій могъ изъ нея выйти. Меж ду посадомъ и селомъ существовалъ постоянный обмѣнъ лю дей; посадъ и село соединялись въ дѣлѣ самоуправленія и управлялись часто одной выборной властью | напримѣръ, зем скимъ старостой| Разница между посадомъ и селомъ часто была лишь въ томъ, что посадъ несъ тягло со двора, а село съ пахатной земли. Въ XУI вѣкѣ немного еще было людей, исклю чительно занятыхъ торговлей, промысломъ или ремесломъ: круп ная торговля сосредоточивалась въ рукахъ высшихъ москов скихъ тяглыхъ людей- "гостей" |которые во многомъ равнялись съ дворянами | и торговыхъ людей "гостинной" и "суконной" сотенъ Въ концѣ XУI вѣка торговля наша очень упала. Объ умаленіи ея оборотовъ много данныхъ приводитъ Флет черъ Конечно безпрерывные войны XУI вѣка и эпоха Гроз наго не могли способствовать развитію торговыхъ оборотовъ Мелкая же торговля въ городахъ и ремесла не находились

въ рукахъ посадскихъ исключительно: торговалъ и крестьянинъ даже и мелкій служилый человѣкъ, стрѣлецъ или пушкарь.

Если бы намъ возможно было охватить взглядомъ сельскую Русь XVI вѣка, то прежде всего поразили бы насъ рѣзкіе признаки повсѣмѣстной бродячести населенія и мѣстами полное запустѣніе страны; мы увидали бы массу оставленныхъ хозяевами дворовъ въ селахъ и деревняхъ и множество опустѣлыхъ и заброшенныхъ деревенъ и пашенъ; съ другой стороны удивило бы насъ обиліе только возникшихъ и возникавшихъ поселковъ и роспашенъ. Сельская округа того времени имѣла въ своемъ центрѣ с е л о съ церковью или небольшое с е л ь ц о . Вокругъ располагались д е р е в н и ; деревней часто назывался одинъ дворъ, да къ нему пашня, а большею частью въ деревнѣ было два, три или четыре двора. Кромѣ деревенъ къ селу въ писцовыхъ книгахъ приписывались п у с т о ш и или брошенныя жителями деревни и оставленныя пашни, и п о ч и н к и, т е. новыя поселенія, недавно возникшія на "нови", на вновь поднятой землѣ.

Въ XVI вѣкѣ русскій крестьянинъ не оставилъ исконнаго своего обычая бродить съ мѣста на мѣсто, напротивъ усилилъ его Онъ не былъ тогда землевладѣльцемъ и пахалъ на чужой землѣ: на земляхъ духовенства, на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ, вотчинниковъ и помѣщиковъ, или на черной, т. е. государевой землѣ. На этой послѣдней, на государевой землѣ, крестьянинъ кажется намъ полнымъ собственникомъ земли. онъ свой участокъ воленъ подарить, заложить или продать кому захочетъ; но продавая его, въ купчей онъ пишетъ, что это "земля государева, а моего владѣнія" или "земля Великаго Государя, а ржи и роспаши наши". Такимъ образомъ онъ не считаетъ себя собственникомъ земли, а только ея владѣльцемъ и продаетъ не землю, а свои "ржи и роспаши", свою пашню и дворъ, свой земледѣльческій промыселъ.

Въ своихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ древній крестьянинъ является арендаторомъ чужой земли, которую онъ воленъ оставить, если захочетъ, когда ему угодно: онъ воленъ перейти къ другому землевладѣльцу, разсчитавшись за землю съ прежнимъ. Въ свою очередь землевладѣлецъ могъ согнать крестьянина съ своей земли, покончивъ съ нимъ предварительно разсчеты за землю. Въ XУ вѣкѣ и раньше эти переходы крестьянъ съ одной земли на другую совершались круглый годъ, иногда землевладѣлецъ сгонялъ крестьянъ раньше чѣмъ тотъ успѣетъ собрать свою жатву, а это могло вести къ разоренію крестьянства. Иногда и самъ крестьянинъ уходилъ въ рабочую пору, оставляя или незапаханную землю, или неубранный посѣвъ на руки землевладѣльца, который рисковалъ потерять въ этомъ случаѣ часть своихъ земельныхъ доходовъ. Земледѣльческая практика указываетъ на осень, какъ на лучшее время для крестьянскихъ переходовъ, осенью кончались всѣ земледѣльческія работы, уяснялась степень урожая и производились разсчеты за землю между хозяиномъ и съемщикомъ. Осенью и было удобнѣе всего для съемщика перейти на новый участокъ, а для хозяина - сдать оставленую крестьяниномъ землю другому съемщику. Соблюдая интересы того и другого, древне - русское законодательство въ XУ вѣкѣ стало ограничивать время перехода однимъ срокомъ въ году, по законамъ Псковскимъ, напримѣръ, переходъ могъ происходить только "о Филипповѣ заговѣньѣ" (т. е. около I4 ноября), а въ сѣверовосточной Руси князья установляли срокомъ перехода "Юрьевъ день"(т. е. время около 26 ноября). Переходы въ остальное время года стали считаться незаконными: ушедшій не въ Юрьевъ день крестьянинъ подлежалъ возвращенію на старое мѣсто и обязанъ былъ дожить до слѣдующаго Юрьева дня, въ свою очередь и землевладѣлецъ долженъ былъ держать крестьянина до этого срока и ранѣе срока его не сгонять съ земли. Судебники окончательно уза-

коникли Юрьевъ день, какъ единственный срокъ для крестьянскаго перехода. Въ нихъ читаемъ: "А крестьянамъ отказываться | т. е. переходить | изъ волости въ волость и изъ села въ село одинъ срокъ въ году: за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣлю по Юрьевомъ днѣ осеннемъ."

Садясь на чью нибудь землю, крестьянинъ заключалъ съ ея владѣльцемъ п о р я д н у ю т. е. условіе, въ которомъ обозначалось количество взятой крестьяниномъ земли | оно бывало очень различно | и опредѣлялись взаимныя отношенія крестьянина и землевладѣльца: тѣ обязанности, которыя принималъ на себя крестьянинъ въ отношеніи землевладѣльца и тѣ льготы, которыя онъ получалъ на первое время для того, чтобы завести хозяйство на новой землѣ. Собственно арендная плата землевладѣльцу на землю была опредѣлена въ XVI вѣкѣ правительствомъ. По Судебнику 1550 года крестьянинъ долженъ былъ платить полтину и два алтыназа четыре года въ мѣстахъ лѣсныхъ, а въ мѣстахъ безлѣсныхъ за то же время рубль и два алтына со двора, независимо отъ количества арендуемой земли. Эту плату, или , какъ въ то время ее называли, п о ж и л о е слѣдовало платить только тогда, когда крестьянинъ оставлялъ арендуемую землю и уходилъ отъ землевладѣльца. Но и кромѣ этого пожилого въ порядныхъ встрѣчаются указанія на другія повинности крестьянъ въ пользу землевладѣльца, размѣръ которыхъ устанавливался ихъ добровольнымъ соглашеніемъ. Очень часто случалось, что крестьянинъ садился на землю , не имѣя земледѣльческихъ орудій или сѣмянъ для посѣва, или рабочаго скота, тогда онъ получалъ отъ землевладѣльца ссуду деньгами или натурою и въ оброкъ. Въ этомъ случаѣ повинности его намного увеличивались, хотя и въ этомъ случаѣ онъ считался свободнымъ человѣкомъ и не смѣшивался съ кабальными людьми

Такимъ образомъ, въ частной жизни крестьянинъ былъ въ XVI вѣкѣ свободнымъ арендаторомъ чужой земли. Въ государствен

номъ же отношеніи древнее крестьянство было особымъ податнымъ классомъ, платившимъ правительству подать съ своего земледѣльческаго труда. Въ Московскомъ государствѣ податью облагалась не вся земля , а только пахатная и тѣмъ самымъ подать шла какъ бы не съ земли, а съ труда, приложеннаго къ землѣ, съ земледѣльческаго промысоа. Крестьянинъ, взявшійземлю начиналъ платить съ нея подати не съ того момента когда онъ эту землю получилъ во владѣніе, а съ того момента, когда онъ началъ ее обработывать. Въ древнихъ актахъ нерѣдко встрѣчается случай, что одинъ крестьянинъ, принимая земельный участокъ послѣ другого, уговаривается платить подать съ "ярового" хлѣба, который онъ посѣетъ, а съ озимаго", который посѣялъ прежній земледѣлецъ, онъ платить не обязанъ.

Московское правительство обезпечивало исправную уплату податей круговой порукой. Оно не имѣло дѣла съ каждымъ отдѣльнымъ плательщикомъ, а знало лишь податныя общины. Какъ на черныхъ, такъ и на владѣльческихъ земляхъ крестьяне составляли общины, которыя правительство и облагало той или другой общей суммой подати, сообразно количеству запахиваемой земли, предоставляя уже самой общинѣ дальнѣйшую разверстку подати на своихъ членовъ. Выборные общинные люди должны были собирать подати со всѣхъ членовъ общины и передавать ее правительству безъ недоимокъ| такъ что податная неисправность одного какого нибудь члена общины должна была покрываться средствами всей общины. Такой способъ уплаты податей былъ очень тяжелъ для общинъ: при свободѣ перехода число членовъ общины могло очень уменьшиться, а сумма податей оставалась таже и своею тяжестью ложилась на меньшее число оставшихся въ общинѣ лицъ. Поэтому общины всѣми силами старались вмѣсто ушедшихъ членовъ привлекать новыхъ

поселенцевъ или просто возвращать ушедшихъ назадъ въ общину. О правѣ искать и возвращать своихъ членовъ общины били челомъ правительству и оно охотно давало имъ это право. И уже въ половинѣ XVI вѣка мы встрѣчаемся съ тѣмъ любопытнымъ фактомъ, что изъ тяглыхъ общинъ, жившихъ на черныхъ |государевыхъ| земляхъ, выхода нѣтъ. Онъ запрещенъ повсемѣстно на черныхъ земляхъ, но еще существуетъ на владѣльческихъ.

Что касается до экономическаго положенія крестьянъ XVI вѣка, то этотъ вопросъ ждетъ окончательнаго рѣшенія. Его касаются въ своихъ трудахъ И. Д. Бѣляевъ |"Крестьяне на Руси"|, князь Черкасскій |"Юрьевъ день" въ Русскомъ Архивѣ 1882 года кн. I| и В. О. Ключевскій |Русь за 1881г. № 28, Русская Мысль за 1885 г. №№ 8 и 10 | и всѣ трое склоняются къ одной мысли, что экономическое положеніе крестьянства въ то время было очень печально. Дѣйствительно въ томъ матеріалѣ, какимъ располагаетъ наука по этому предмету, существуютъ и прямыя, и косвенныя свидѣтельства, ведущія къ такому заключенію. Во-вторыхъ иностранцы рисуютъ намъ очень мрачно положеніе крестьянства: Герберштейнъ говоритъ, что поселяне живутъ въ ужасныхъ условіяхъ такъ какъ ихъ имущество не защищено отъ посягательства сильныхъ. Другой иностранецъ |Шиль| замѣчаетъ , что господа считали землевладѣльцевъ своими рабами, хотя и существовалъ переходъ. При всей краткости и неопредѣленности этихъ показаній , онѣ всетаки заслуживаютъ большаго вниманія

Во-вторыхъ, и въ русскихъ литературныхъ произведеніяхъ этой эпохи встрѣчаются намеки на плохое положеніе крестьянскихъ хозяйствъ. Житіе преподобнаго Іосафа Волоцкаго свидѣтельствуетъ намъ, что онъ убѣждалъ живущихъ вокругъ его

обители землевладѣльцевъ не разорять крестьянъ поборами и работами. Въ сочиненіяхъ Вассіана Косого Патрикѣева встрѣчаются упреки монастырямъ въ такомъ же обращеніи съ монастырскими крестьянами. Дошли до насъ и челобитныя, указывающія на разореніе крестьянъ землевладѣльцами и вообще на крестьянскую бѣдность. Но и эти частныя указанія не даютъ еще права заключать объ общемъ разстройствѣ крестьянскаго благосостоянія въ XVI вѣкѣ, если брать эти указанія отдѣльно отъ прочихъ свидѣтельствъ. Въ третьихъ, о разстройствѣ крестьянскаго хозяйства въ XVI вѣкѣ свидѣтельствуетъ и замѣчательная бродячесть крестьянъ, какъ и вообще низшихъ слоевъ Московскаго общества въ XVI вѣкѣ. Понятно, что хорошія экономическія условія жизни на мѣстѣ не могли заставить крестьянина бросать это мѣсто и искать въ бродячей жизни облегченія своихъ тяготъ. Изысканія князя Черкасскаго вскрываютъ намъ, до какой ужасающей степени дошло бродяжничество на Руси: въ XVI вѣкѣ пустовали цѣлыя вотчины: въ иныхъ изъ всего населенія оставалось, напримѣръ, три бобыля, въ другихъ не оставалось никого и лѣсомъ поростала вотчина. По разсказу Флетчера, между Вологдою и Ярославлемъ, на разстояніи 100 англійскихъ миль, встрѣчаются по крайней мѣрѣ до 50 поселеній, иныя въ полъ мили, другія въ цѣлую милю длины, совершенно оставленныя, такъ что въ нихъ нѣтъ ни однаго жителя. То же наблюдалось и въ южной части государства. По документальнымъ свѣдѣніямъ, Муромскій посадъ въ 1566 г. имѣлъ 587 жилыхъ дворовъ, а въ 1574 г. жилыхъ осталось всего III | 20% |, остальные же 476 дворовъ опустѣли. Въ Каширѣ до 1578-1579 годовъ было дворовъ жилыхъ 469, въ это же время осталось только 50 |т. е. 10% |, а остальные

ные 419 | почти 19% | были брошены. Такую картину запустѣнія представляли центральныя мѣстности государства въ концѣ XVI вѣка. Но въ то же время очень дѣятельно шла колонизація Средняго и нижняго Поволжья и южныхъ степей, куда частыми волнами отливало населеніе.

Задумываясь надъ такимъ явленіемъ бродячести, изслѣдователи ищутъ причинъ его развитія, во первыхъ въ томъ, что съ уничтоженіемъ удѣловъ крестьянинъ, бродившій раньше въ границахъ однаго удѣльнаго княжества, получилъ въ XV и XVI вѣкахъ возможность бродить съ полнымъ правомъ по всему государству. Вторую причину развитія [illegible] чества видятъ въ завоеваніяхъ на востокѣ, сдѣланныхъ Москвою въ XVI вѣкѣ. Съ паденіемъ татарскихъ ханствъ на Волгѣ открылись для русской колонизаціи богатыя земли Поволжья, куда немедленно двинулись переселенцы, гдѣ немедленно по завоеваніи правительство стало уже раздавать земли на льготныхъ условіяхъ | Перетяткович "Поволжье въ XV, XVI и XVII вѣкахъ"| Но и указанныя причины только помогали развитію бродяжническихъ склонностей крестьянства, а сами по себѣ не могли бы вызвать этихъ склонностей. Бродяжничество вообще коренилось въ историческихъ особенностяхъ русскаго хозяйства, а въ данную эпоху вызывалось, несомнѣнно, разстройствомъ народнаго благосостоянія, обусловленнымъ тяжестью государственныхъ податей и повинностей, бѣдствіями военными и физическими Частыя войны XVI столѣтія чрезвычайно тяжело отзывались на финансахъ Московскаго государства и влекли за собою увеличеніе податей. Кромѣ того на крестьянахъ лежали разнаго рода военныя повинности. Далѣе, страна опустошалась непріятелемъ и постоянными набѣгами крымскихъ татаръ, которые въ 1571 году, напримѣръ, разорили добрую половину государства. Такія обстоятельства, сопровожда-

ёмыя частыми голодовками и эпидеміями были достаточны для того, чтобы гибельно отозваться на благосостояніи податныхъ классовъ. Въ тяглыхъ общинахъ многіе члены ихъ, будучи не въ состояніи платить свою долю податей, убѣгаютъ изъ общинъ и селятся на льготныхъ "тарханныхъ" земляхъ или бѣгутъ на новыя земли, или продаются въ холопство. Оставшіеся въ общинѣ члены ея несутъ тѣже повинности какія раньше лежали на общинѣ, но несутъ уже меньшимъ числомъ лицъ, и, стало быть, въ большихъ доляхъ, а это, конечно, дурно отзывается на ихъ хозяйствѣ и создаетъ новыхъ бѣглецовъ. Такимъ образомъ усиленіе коченыхъ наклонностей древняго крестьянина несомнѣнно состоитъ въ связи съ разстройствомъ его благосостоянія и указываетъ на это разстройство.

Въ четвертыхъ, яснымъ намекомъ на разстройство крестьянскаго благосостоянія служатъ частые случаи въ XVI вѣкѣ порядныхъ со ссудою: садясь на новую землю, крестьянинъ часто не имѣлъ ровно ничего и получалъ отъ землевладѣльца не только рабочій скотъ, орудія и денежную ссуду, но даже хлѣбъ на сѣмена и прокормъ. Въ такомъ положеніи онъ становился должникомъ землевладѣльца и платилъ ему, кромѣ арендной платы, еще и проценты на занятый имъ капиталъ. Такой арендаторъ, понятно, становился въ полную зависимость отъ кредитора землевладѣльца и не могъ уйти съ его земли, не расплатившись съ нимъ; даже въ такомъ случаѣ, если царскій Судебникъ, какъ думаетъ [illegible]невъ, позволялъ крестьянину уходить безъ раз[illegible] ссуду, лишь бы только онъ выплатилъ пожилое. [illegible]дъ безъ разсчета ставилъ крестьянина, куда бы [illegible]шелъ и гдѣ бы не поселился, въ обязательныя [illegible]я къ кредитору, которыя могли окончится кабалой

или полнымъ разоренiемъ и это должно было удерживать задолжавшаго крестьянина на землѣ своего кредитора. Иногда не въ мѣру задолжавшiй крестьянинъ просто не въ срокъ бѣжалъ отъ землевладѣльца и скрывался или у другихъ вотчинниковъ; или въ козацкихъ кругахъ; а если его ловили, то возвращали на старую землю, такъ вообще всякiй крестьянинъ, задолжавшiй или нѣтъ, но ушедшiй не въ срокъ и не по обычаю, считался бѣглымъ и подлежалъ возвращенiю | Бѣляевъ "Крестьяне на Руси", -77-78| .

Такимъ образомъ экономическое положенiе крестьянства въ XУI вѣкѣ представляется намъ, съ большой вѣроятностью, разстроеннымъ. Неудовлетворительное состоянiе хозяйства заставляло крестьянина бродить, брать ссуду у землевладѣльцевъ и входить въ экономическую зависимость отъ нихъ. Крестьянинъ брелъ на окраины государства, оставляя его середину пустою: тѣ же тягдые люди, которые оставались на владѣльческихъ земляхъ въ центральныхъ областяхъ въ большей своей части, должали землевладѣльцамъ и этимъ были привязаны къ ихъ землямъ.

Фактическое положенiе крестьянъ въ XУI вѣкѣ достаточно объясняетъ намъ значенiе тѣхъ мѣръ XУI вѣка, которыя называются обыкновенно прикрѣпленiемъ крестьянъ къ землѣ и принадлежатъ правительству Бориса Годунова.

При существованiи перехода мы однако же замѣчаемъ, что въ XУI вѣкѣ крестьянскiй переходъ совершался не совсѣмъ свободно. Въ XУI вѣкѣ крестьянинъ могъ уйти съ земли двоякимъ способомъ: или вмѣсто себя посадить на землю другаго человѣка, который бы принялъ на себя всѣ обязанности уходящаго по отношенiю къ государству, общинѣ или землевладѣльцу, или представить за себя "отказчиковъ", т. е. представителей того землевладѣльца или той общины, куда крестьянинъ уходитъ. Отказчики "отказывали" крестъ

янина, т. е. вносили за него пожилое и всѣ деньги, которыя онъ повиненъ былъ заплатить государству и владѣльцу, и затѣмъ уводили крестьянина | Бѣляевъ "крестьяне на Руси" , 77| . Совершался такимъ образомъ переводъ а не переходъ: крестьянинъ уходилъ не самъ собою, а съ помощью и посредствомъ постороннихъ лицъ. Судебникъ Ивана Грознаго говоритъ не о выходѣ, а объ отказѣ. Акты о крестьянахъ начала XVII вѣка знаютъ не выходъ, а вывозъ крестьянина. Стало быть, въ XVI вѣкѣ прежній свободный выходъ крестьянина измѣнился въ чемъ то, перешелъ въ вывозъ, сталъ совершаться съ "отказомъ". Какъ въ данномъ случаѣ объяснить этотъ "отказъ" или необходимость участія въ дѣлѣ выхода третьихъ лицъ между крестьяниномъ и землевладѣльцемъ? А, что это участіе считалось необходимымъ, ясно изъ того , что крестьянинъ , вышедшій съ земли не по отказу и не посадившій на свое мѣсто другого поселенца, с
считался бѣглымъ; община или землевладѣлецъ имѣли право сыскать его, возвратить на старое мѣсто жительства.

Этотъ фактъ "отказа" нѣкоторыми очень правдоподобно объясняется такъ: большая часть крестьянства оставляла много земель пустыми и, отзываясь дурно на благосостояніи крестьянства, ставила на мель и землевладѣльцевъ, лишая ихъ владѣнія работниковъ. Опустѣніе земель заставляло ихъ собственниковъ стараться о томъ, чтобы привлекать на пустыя земли новыхъ поселенцевъ и крѣпче удерживать старыхъ еще неушедшихъ крестьянъ. Для послѣдней цѣли хорошимъ средствомъ были ссуды: задолжавшій крестьянинъ крѣпче сидѣлъ на землѣ, а въ XVI вѣкѣ разстройство крестьянскаго благосостоянія заставляло крестьянъ часто брать ссуды и это, конечно, было удобно для видовъ землевладѣльцевъ.

Другой цѣли - привлеченія новыхъ поселенцевъ землевладѣльцы достигали между прочимъ тѣмъ, что переманивали крестьянъ другъ у друга, платили за нихъ пожилое и ссуды, отказывали ихъ изъ за другихъ владѣльцевъ и переводили на свои земли, переводя ихъ долги съ другихъ кредиторовъ на себя. Такимъ образомъ распространенный обычай отказа становится въ связь съ недостаткомъ рабочихъ земледѣльческихъ рукъ въ странѣ и съ экономическимъ разстройствомъ крестьянства. Это весьма вѣроятное объясненіе не противорѣчитъ и тому общему научному убѣжденію, что послѣдовавшее въ концѣ вѣка прикрѣпленіе крестьянъ къ землѣ сдѣлано было въ пользу мелкихъ служилыхъ людей.

Крестьяне на мелкихъ земельныхъ владѣніяхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ были обложены большей суммой податей чѣмъ на земляхъ духовенства и боярства, которые свои земли иногда и вовсе освобождали отъ податей на большіе или меньшіе сроки. За бояриномъ или монастыремъ крестьянину вообще легче было жить, потому что крупный вліятельный землевладѣлецъ лучше могъ оборонить крестьянина отъ всякихъ обидъ со стороны, да и податей государству было меньше. Поэтому крестьянинъ охотно соглашался перейти или быть переведеннымъ отъ мелкаго владѣльца къ крупному и вліятельному и на оборотъ не шелъ къ мелкому отъ крупнаго. съ другой стороны бѣдный землевладѣлецъ часто не имѣлъ средствъ переманить крестьянина, заплатить за него пожилое и долгъ, а бояринъ или монастырь такими средствами обладали въ избыткѣ. Поэтому крестьяне перевозились по преимуществу съ мелкихъ земель на крупныя и льготныя и крестьянскій трудъ уходилъ изъ рукъ мелкаго служилаго люда, основной военной силы государства. И отъ этого великая нищета воинскимъ лю-

днмъ пріиде", говоритъ одинъ государственный актъ 1584 года Оставаясь съ пустыми землями, лишенные главныхъ своихъ доходовъ земельныхъ, служилые люди не могли исправно нести военную службу и государство чрезвычайно терпѣло отъ этого. Это вызвало въ концѣ XVI вѣка общій, какъ говорятъ указъ о прикрѣпленіи крестьянъ къ землѣ. Этотъ общій указъ, имѣвшій такое громадное значеніе въ исторіи русскаго общества, не сохранился до насъ ни въ одномъ спискѣ и содержаніе его неизвѣстно. Безслѣдное исчезновеніе такого важнаго акта во многихъ способно возбудить сомнѣніе въ самомъ его существованіи, тѣмъ болѣе, что послѣдующіе указы о крестьянахъ ни слова о немъ не упоминаютъ. Первый по времени дошедшій до насъ актъ о крестьянствѣ- это указъ 1597 года. Въ немъ говорится, что тѣ крестьяне, которые "изъ за бояръ и другихъ владѣльцевъ съ помѣстій и вотчинъ выбѣжали пять лѣтъ тому назадъ", подлежатъ возвращенію на старыя земли; тѣ, которые бѣжали болѣе, чѣмъ за пять лѣтъ до указа, возвращенію не подлежатъ и зависимость ихъ отъ старыхъ владѣльцевъ уничтожается. На основаніи этого указа ученые полагаютъ, что за пять лѣтъ до него или нѣсколько болѣе |словомъ въ 1590 - 1592 г.| послѣдовало общее прикрѣпленіе крестьянъ. Безъ этого прикрѣпленія, говорятъ, нельзя объяснить пятилѣтняго сыска бѣглыхъ крестьянъ, который устанавливается указомъ 1597 года. Безъ прикрѣпленія крестьянинъ не могъ быть бѣглымъ. Ясно, что незадолго до 1597 года послѣдовалъ общій законъ о прикрѣпленіи; крестьяне продолжали бродить и по новому закону считались бѣглыми; владѣльцы начинали массу дѣлъ о возвратѣ бѣглыхъ, а московское правительство, затрудненное обиліемъ этихъ дѣлъ, для ихъ уменьшенія, ограничило въ

1597 право искать бѣглыхъ пятилѣтнимъ срокомъ. Убѣжавшій и неотысканный въ теченіе пяти лѣтъ крестьянинъ считался свободнымъ; такимъ образомъ, указъ 1597 года до нѣкоторой степени ограничиваетъ полноту прикрѣпленія, ему предшествовавшаго.

Но такое толкованіе этого указа имѣетъ за себя не менѣе данныхъ, чѣмъ слѣдующее его пониманіе: указъ 1597 года не обусловливаетъ необходимо мысли объ общемъ прикрѣпленіи. И безъ этого прикрѣпленія на Руси были бѣглые крестьяне, ушедшіе съ земли безъ расплаты, а не въ срокъ и не по обычаю: ихъ землевладѣльцы имѣли право искать и возвращать. Для такихъ то исковъ и возвращеній правительство могло въ 1597 году установить пятилѣтній срокъ вовсе не устанавливая общаго прикрѣпленія.

Общаго прикрѣпленія въ концѣ XVI вѣка во всякомъ случаѣ не было. Во многихъ мѣстахъ тяглые люди были уже прикрѣплены къ землѣ въ половинѣ XVI вѣка и даже ранѣе |Уставная Важская грамота 1552 года и др.|; правительство часто разрѣшало разнымъ общинамъ "старыхъ своихъ тяглецовъ крестьянъ |изъ бѣговъ|...выводить назадъ безсрочно и безпошлинно и сажати ихъ по старымъ деревнямъ, гдѣ кто.... прежде того". Эти частыя разрѣшенія стали въ XVI вѣкѣ общимъ правиломъ, а многіе изслѣдователи |Чичеринъ и др.| считаютъ, что въ XVI вѣкѣ тяглые люди на государевыхъ земляхъ были уже "крѣпостными" и не могли уходить съ своихъ мѣстъ. Съ другой стороны въ XVI вѣкѣ, какъ въ началѣ его, такъ и въ концѣ, крестьяне еще переходятъ, заключаютъ съ землевладѣльцами порядныя, какъ въ XV и XVI вѣкахъ; словомъ они свободны въ нѣкоторой своей части и сохранили право и возмож-

усская Исторія проф. Платоновъ. Часть 2-ая. Листъ 5-й:
итографія Богданова Эртелевъ № 18

Дир... Курсъ Рас...

ность переводовъ. Эти достовѣрные факты заставляютъ думать, что таинственный указъ 1590- 1592 гг. о прикрѣпленіи, если онъ только былъ, не имѣлъ такого общаго характера, какой мы ему привыкли давать. Погодинъ | въ своей статьѣ "Должно ли считать Бориса Годунова основателем крѣпостнаго права" въ "Историко-Критическихъ отрывкахъ т. II| идетъ даже далѣе: онъ совсѣмъ отрицаетъ существованіе этого указа, говоря, что у насъ крестьянъ закрѣпилъ не законъ, а закрѣпостила жизнь. Противъ Погодина высказался Костомаровъ |Историческія монографіи и изслѣдованія", т. I|. Онъ защищаетъ общее мнѣніе о томъ, что закрѣпленіе произошло около 1591 года. Это мнѣніе высказано было Татищевымъ, поддержано Карамзинымъ и затѣмъ вошло въ общее сознаніе. Сущность обоихъ мнѣній, Костомарова и Погодина, показана выше: въ ихъ полемикѣ, по нашему личному мнѣнію, преимущество на сторонѣ Погодина. Онъ мастерски сводитъ мнѣніе о существованіи общаго указа 1591 года на степень легенды, очень удовлетворительно объясняетъ какъ указъ о бѣглыхъ крестьянахъ, такъ и всѣ послѣдующіе указы о крестьянахъ 1601, 1602, 1605, 1607 годовъ.

Дѣйствительно если мы допустимъ, что крестьяне въ XVI вѣкѣ значительною своею частью попали въ экономическую зависимость отъ землевладѣльцевъ | а это , какъ мы видѣли, очень вѣроятно|, то указъ 1597 года о бѣглыхъ объясняется чрезвычайно легко: въ немъ дѣло идетъ о крестьянахъ, сбѣжавшихъ безъ расплаты и не по обычаю, и указъ 1597 года слѣдуетъ разсматривать какъ направленный противъ землевладѣльцевъ, а не крестьянъ: кредиторъ могъ искать должника только пять лѣтъ. Первое же дѣйствительное ограниченіе перехода или перевоза владѣльческихъ

не черныхъ | крестьянъ заключается въ указѣ 1601 года Этотъ указъ запрещаетъ перевозъ крестьянъ крупнымъ землевладѣльцамъ и разрѣшаетъ мелкимъ, причемъ указываетъ правила этого перевоза. Въ 1602 году явился новый указъ подтверждающій указъ 1601 г. Въ 1606 г. состоялся боярскій приговоръ о бѣглыхъ крестьянахъ, признавшій тѣ же пять лѣтъ срокомъ для сыска бѣглыхъ крестьянъ, какъ и въ указѣ 1597 года. Есть и еще одинъ указъ о крестьянахъ 1607 года, но несомнѣнно подложный | Бѣляевъ, „Крестьяне на Руси", стр. 103. | и на немъ останавливаться невозможно. Какое же толкованіе можемъ мы придать всѣмъ этимъ указамъ? Московское правительство, конечно, замѣчало передвиженіе крестьянства на крупныя земли и опустѣніе мелкихъ земель, на что указано нами выше. Руководствуясь своими цѣлями, правительство стало на сторону мелкихъ служилыхъ землевладѣльцевъ и постаралось обезпечить за ними крестьянъ тѣмъ, что совершенно запретило крупнымъ помѣщикамъ перевозъ крестьянъ и разрѣшило его мелкимъ. Крестьяне теперь не могли мѣнять своихъ бѣдныхъ хозяевъ на богатыхъ менѣе льготныя земли на земли болѣе льготныя: они могли перемѣщаться только на земляхъ, стоявшихъ въ однихъ податныхъ условіяхъ. Этими указами 1601-1602 годовъ не создалось прикрѣпленіе къ землѣ полное, а вводились только новыя ограниченія крестьянскаго перехода, превращеннаго обстоятельствами въ переводъ или перевозъ. По указамъ этимъ прикрѣплены были на крупныхъ земляхъ и ограничены въ правѣ перехода на мелкихъ только тѣ лица, которыя арендовали владѣльческую землю по поряднымъ |по "крѣпостямъ", какъ называются онѣ въ Собр. Гос. Грам. и Дог. II. стр. 396|. Тѣ же, которые сидѣли на владѣльческихъ земляхъ за другими крестьянами и не были связаны съ землевладѣльцемъ "порядною"

[непахотные крестьяне, дѣти при отцахъ и т. п.], могли переходить на какія угодно земли. Они то и двигались въ теченіе всего XVII вѣка до Петра, съ однихъ земель на другія, заключая, по стародавнему обычаю, порядныя съ землевладѣльцами. Такимъ образомъ крестьянскіе переходы или вѣрнѣе перевозы въ 1601-1602гг. были только ограничены и регламентированы на массѣ мелкихъ служилыхъ земель и запрещены на крупныхъ льготныхъ земляхъ.

Такое ограниченіе перевоза, насколько можно судить, не возбудило неудовольствія въ служилыхъ людяхъ. Оно, кажется, пришлось по душѣ даже боярству, которое на первый взглядъ отъ него терпѣло тѣмъ, что лишалось возможности "переманить работника", какъ выразился авторъ "Бориса Годунова". По крайней мѣрѣ то дворянство, которое изъ Тушина въ 1610 году перебѣжало къ Сигизмунду и заключило съ нимъ договоръ объ избраніи въ цари Владислава, требовало въ договорѣ, чтобы крестьянскаго выхожденія не было. То же самое видимъ мы и въ договорѣ Московскаго правительства съ Жолкѣвскимъ въ августѣ 1610 года подъ Москвой. Бояре и прочіе члены требуютъ, чтобы на Руси промежъ себя крестьянамъ выходу не быти".

Въ такомъ смыслѣ понималось до сихъ поръ законодательство о крестьянахъ конца XVI вѣка и фактическое положеніе крестьянства въ ту эпоху. Въ послѣднее время въ литературѣ явилась попытка дать точную теоретическую схему вопросу о ходѣ прикрѣпленія крестьянъ [статьи В. О. Ключевскаго въ Русской Мысли 1885, VIII, и X]. Ключевскій отрицая всякое законодательное творчество въ развитіи крестьянскаго закрѣпощенія, считаетъ это закрѣпощеніе результатомъ чисто экономическихъ отношеній. Долговая зависимость крестьянина отъ землевладѣльца прикрѣпляла

его къ лицу послѣдняго, а не къ землѣ, равняла его кабальнымъ холопамъ | на что указываетъ, между прочимъ, ранняя въ началѣ XVII вѣка продажа крестьянъ безъ земли| . Но, замѣчая это стремленіе практики обратить крестьянина въ холопа, законодательство, въ свою очередь, стремилось оградить интересъ государственный и крѣпче привязало крестьянъ къ ихъ государственной повинности — п о д а т и . Находясь подъ давленіемъ двухъ различныхъ силъ, крестьянство пошло, какъ говоритъ Ключевскій, "по діагонали": сохранило характеръ государственнаго |податнаго| класса и усвоило черты холопьей зависимости. Процесъ этотъ шелъ въ продолженіе XVI и XVII вѣковъ и обошелся безъ всякихъ общихъ правительственныхъ мѣръ закрѣпленія. Точки зрѣнія г.. Ключевскаго весьма оригинальны: если критическая провѣрка установитъ ихъ историческую правдивость, то и сущность крѣпостнаго права и исторія его развитія будутъ пониматься иначе чѣмъ теперь. Но это дѣло будущаго, а теперь достовѣрнымъ мы будемъ считать, что въ XVI вѣкѣ подъ вліяніемъ разнаго рода причинъ крестьянство не пользовалось благосостояніемъ, бродило съ однихъ земель на другія и путемъ чисто житейскихъ отношеній, безъ вмѣшательства закона, путемъ факта, а не права, становилось въ болѣе и болѣе зависимыя отношенія къ землевладѣльцамъ. На рубежѣ XVI и XVII вѣковъ законодательство замѣтило эту зависимость и начало закрѣплять ее своею санкціею.

Такое состояніе крестьянства, его бродяжничество и "нищета", какъ выражается князь В. О. Черкасскій, ставили Московское государство въ плачевное положеніе. Закрѣпощеніе было изъ этого положенія выходомъ, къ которому, сознательно или нѣтъ, стремилось московское общество. Это общество строилось и держалось земледѣльческимъ трудомъ

и этотъ трудъ въ XVI вѣкѣ подвергался тяжелому кризису Понятно, какъ это должно было отзываться на всемъ обществѣ и матеріально и нравственно. Совершенно вѣрно судитъ одинъ изъ знатоковъ исторіи нашего крестьянства, князь Черкасскій, ставя обнаружившуюся въ смутѣ "совершенную шаткость нравственныхъ началъ" въ зависимость отъ положенія крестьянъ XVI вѣка. При разнаго рода физическихъ бѣдствіяхъ, при постоянныхъ вторженіяхъ непріятелей и татарскихъ набѣгахъ, находясь въ постоянныхъ войнахъ, Московское государство второй половины XVI вѣка требовало отъ служилыхъ людей усиленной службы, а отъ тяглыхъ - усиленна о платежа. А служить и платить приходилось съ разстроен нымъ хозяйствомъ съ опустѣлой земли. Очевидно, государство находилось въ ужасномъ матеріальномъ положеніи, у него не хватало силъ для своихъ политическихъ задачъ. Въ такомъ положеніи въ государствѣ не могло сложиться, при всеобщемъ броженіи, сколько нибудь крѣпкихъ общественныхъ связей и должны были развиться нездоровыя противоестественныя стремленія и вкусы. При отсутствіи крѣпости и сплоченности въ мѣстныхъ общественныхъ союзахъ, во всѣхъ общинахъ, господствовалъ полный разбродъ и полная разница стремленій личныхъ и сословныхъ. Если высшіе классы общества желали построить свое земельное хозяйство на кабальномъ трудѣ и экономической зависимости крестьянства, то это послѣднее стремилось сохранить свободу своего земледѣльческаго промысла постоянными переходами и побѣгами. Если правительство для выполненія своихъ политическихъ задачъ вынуждалось къ усиленной эксплоатаціи служилыхъ платежныхъ средствъ народонаселенія, то это послѣднее въ значительной своей части стремилось избавиться отъ такой эксплоатаціи и "брело розно", какъ тогда говорили, выходило за

предѣлы государства на Волгу или Донъ и составляло мно гочисленную казачью вольницу, которую Соловьевъ называетъ противугосударственнымъ элементомъ" . Это названіе очень мѣтко, потому что масса казачества дѣйствительно была напра влена противъ крѣпнувшихъ въ то время государственныхъ порядковъ, подчинявшихъ личныя стремленія государственнымъ интересамъ. Образовавшееся, какъ результатъ пассивнаго сопротивленія этимъ государственнымъ порядкамъ, казаче-ство въ смутное время явилось и активнымъ врагомъ госу-дарства, какъ оно тогда слагалось. И въ предѣлахъ государ-ства этотъ его врагъ находилъ поддержку въ розни обще-ственныхъ классовъ, въ діаметральной противоположности стремленій общественныхъ слоевъ, въ общемъ разбродѣ и шат-кости. Понятна трудность положенія, въ какомъ находилось тогда Московское государство.

Если же мы припомнимъ, какимъ нравственнымъ расш-емъ должны были отозваться въ обществѣ ужасы Ивановой опричнины, его казни, его время вообще, то мы поймемъ, что страна уже во время Ивана была готова и политически, и нравственно къ той смутѣ, которой дѣйствительно заболѣло русское общество въ началѣ XVII вѣка.

4 Глава. Смутное время.

Самый начальный фактъ XVII столѣтія - смута, въ сво-емъ происхожденіи есть дѣло предыдущаго XVI вѣка и изу-ченіе смутной эпохи внѣ связи съ предыдущими явленіями нашей жизни - невозможно. Къ сожалѣнію, наша наука еще не разобралась въ обстоятельствахъ смутнаго времени настоль-ко, чтобы точно показать, въ какой мѣрѣ неизбѣжность сму-ты опредѣлялась условіями внутренней жизни народа и на сколько она была вызвана и поддержана случайностями и по-

стороннимъ вліяніемъ. Когда мы обращаемся къ изученію другой европейской смуты, французской революціи, можно удивиться тому, какъ ясенъ этотъ сложный фактъ и со стороны своего происхожденія, и со стороны развитія. Мы легко можемъ слѣдить за развитіемъ этого факта, отлично видѣть, что тамъ фактъ смуты - неизбѣжное слѣдствіе того государственнаго кризиса, къ которому Францію привелъ ея феодальный строй; мы видимъ тамъ и результатъ многолѣтняго броженія, выражавшійся въ томъ, что преобладаніе феодальнаго дворянства смѣнилось преобладаніемъ буржуазіи. У насъ совсѣмъ не то. Наша смута вовсе не революція и не кажется исторически необходимымъ явленіемъ, по крайней мѣрѣ на первый взглядъ. Началась она явленіемъ совсѣмъ случайнымъ: прекращеніемъ династіи; въ значительной степени поддерживалось вмѣшательствомъ поляковъ и шведовъ и закончилось возстановленіемъ прежнихъ формъ государственнаго и общественнаго строя и въ своихъ перипетіяхъ представляетъ массу случайнаго и трудно объяснимаго. Благодаря такому характеру нашей государственной „разрухи" и является у насъ такъ много различныхъ мнѣній и теорій объ ея происхожденіи и причинахъ. Одну изъ такихъ теорій представляетъ въ своей „Исторіи Россіи" С. М. Соловьевъ. Онъ полагаетъ первой причиной смуты дурное состояніе народной нравственности, явившееся результатомъ столкновенія новыхъ государственныхъ началъ со старыми дружинными. Это столкновеніе по его теоріи выразилось въ борьбѣ Московскихъ государей съ боярствомъ. Другою причиною смуты онъ считаетъ чрезмѣрное развитіе казачества съ его противогосударственными стремленіями.

Смутное время, такимъ образомъ, онъ понимаетъ, какъ время борьбы общественнаго и противообщественнаго элемента въ молодомъ Московскомъ государствѣ, гдѣ государственный

порядокъ встрѣчалъ противодѣйствіе со стороны старыхъ дружинныхъ началъ и противообщественнаго настроенія многолюдной казацкой среды |Ист. VIII, гл. II|. Другого воззрѣнія держится К. С. Аксаковъ. Въ своей рецензіи на VIII томъ исторіи Соловьева |Соч. Аксакова т. I. стр. 25 и слѣд. Аксаковъ признаетъ смуту фактомъ случайнымъ, не имѣющимъ глубокихъ историческихъ причинъ. Смута была къ тому же дѣломъ "государства", а не"земли" . Земля въ смутѣ до 1612 года была совсѣмъ пассивнымъ лицомъ. Надъ ней спорили, метались люди государства, а не земскіе. Во время междуцарствія разрушалось и наконецъ разсыпалось въ дребезги государственное зданіе Россіи, говоритъ Аксаковъ; "подъ этимъ развалившимся зданіемъ открылось крѣпкое земское устройство"....въ 1612-13гг. земля встала и подняла развалившееся государство. Не трудно замѣтить, что это осмысленіе смуты сдѣлано совершенно въ духѣ общихъ историческихъ воззрѣній и что оно въ корнѣ противоположно воззрѣніямъ Соловьева. Третья теорія выдвинута И. Е. Забѣлинымъ |"Мининъ и Пожарскій" СПБ. 1883 и въ "Русскомъ Архивѣ" 1872 г. |. Она въ своемъ генезисѣ является сочетаніемъ первыхъ двухъ теорій, но сочетаніемъ очень своеобразнымъ. Причины смуты онъ видитъ, какъ и Аксаковъ, не въ народѣ, а въ "правительствѣ", иначѣ въ "боярской дружинной средѣ"| Эти термины у него равнозначущи|. Боярская и вообще служилая среда во имя отжившихъ дружинныхъ традицій |здѣсь Забѣлинъ становится на точку зрѣнія Соловьева| давно уже крамольничала и готовила смуту. Столѣтіемъ раньше смуты для нея созидалась почва въ стремленіяхъ дружины править землею и кормиться на ея счетъ. Сирота-народъ въ дѣлѣ смуты игралъ пассивную роль и спасъ государство въ критическую минуту."Народъ такимъ образомъ въ смутѣ ничѣмъ не повиненъ, а виновниками были: боярство и служилый классъ".

Н. И. Костомаровъ| въ разныхъ статьяхъ въ своемъ "Смутномъ времени"| высказалъ иные взгляды. По его мнѣнію, въ смутѣ виновны всѣ классы русскаго общества, но причины появленія этого переворота слѣдуетъ искать не внутри , а внѣ Россіи. Внутри для смуты были лишь благопріятныя условія Причина же лежитъ въ папской власти, въ работѣ іезуитовъ и въ видахъ польскаго правительства. Указывая на постоянныя стремленія папства къ подчиненію себѣ восточной церкви и на искусныя дѣйствія іезуитовъ въ Польшѣ и Литвѣ въ концѣ XVI вѣка, Костомаровъ полагаетъ, что они, какъ и Польское правительство, ухватились за самозванца съ цѣлями политическаго ослабленія Россіи и ея подчиненія папству. Ихъ вмѣшательство придало нашей смутѣ такой тяжелый характеръ и такую продолжительность.

Это послѣднее мнѣніе уже слишкомъ односторонне: причины смуты , несомнѣнно, лежали столько же въ самомъ московскомъ обществѣ, сколько и внѣ его, Въ значительной степени наша смута зависѣла и отъ случайныхъ обстоятельствъ но что она не была совсѣмъ неожиданнымъ для современниковъ фактомъ, говорятъ намъ нѣкоторыя показанія Флетчера: въ 1591 году издалъ онъ въ Лондонѣ свою книгу о Россіи |*On the Russe Common Wealth*,| въ которой предсказываетъ вещи казалось бы, совсѣмъ случайныя. Въ У-ой главѣ своей книги онъ говоритъ:"Младшій братъ царя |Ѳедора Ивановича|, дитя лѣтъ шести или семи, содержится въ отдаленномъ мѣстѣ отъ Москвы| т. е. въ Угличѣ| подъ надзоромъ матери и родственниковъ изъ дома Нагихъ. Но, какъ слышно, жизнь его находится въ опасности отъ покушенія тѣхъ, которые простираютъ свои виды на престолъ въ случаѣ бездѣтной смерти царя". Издано это было за годъ, а написано, по крайней мѣрѣ за два года до смерти царевича Дмитрія. Въ этой же главѣ говоритъ Флетчеръ, что царскій родъ въ Россіи, повидимому,

скоро пресѣчется со смертью особъ, нынѣ живущихъ, и произойдетъ переворотъ въ русскомъ царствѣ. Это извѣстіе напечатано было за семъ лѣтъ до прекращенія династіи. . Въ главѣ IX онъ говоритъ, что жестокая политика и жестокіе поступки Ивана IУ "хотя и прекратившіеся теперь, такъ потрясли все государство и до того возбудили общій ропотъ и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно окончиться не иначе, какъ всеобщимъ возстаніемъ". Это было напечатано, по крайней мѣрѣ , лѣтъ за IO до перваго Самозванца. Такимъ образомъ, въ умѣ образованнаго и наблюдательнаго англичанина за много лѣтъ до смуты сложилось представленіе о ненормальности общественнаго быта въ Россіи и о возможномъ результатѣ этого - безпорядкахъ. Это уже должно убѣждать насъ, что дѣйствительно въ концѣ XУI вѣка въ русскомъ обществѣ были уже ясны тѣ болѣзненные процессы, которые сообщили смутѣ такой острый характеръ общаго кризиса. Выяснить эти процессы остается еще на долю будущей науки, но мы, помня приведенныя мнѣнія ученыхъ, должны обратиться къ XУI .вѣку и просто посмотрѣть на тѣ факты, которые въ глазахъ ученыхъ служатъ или причиной возникновенія или причиной усиленія и осложненія смуты.

Начальнымъ фактомъ и ближайшей причиной смуты послужило прекращеніе царской династіи. Свершилось это прекращеніе смертью трехъ сыновей Ивана Грознаго:Ивана, Ѳеодора и Дмитрія. Старшій изъ нихъ, Иванъ, былъ уже взрослымъ и женатымъ, когда онъ былъ убитъ отцомъ. Характеромъ онъ вполнѣ походилъ на отца,участвовалъ во всѣхъ его дѣлахъ и потѣхахъ,и, говорятъ, проявлялъ такую же жестокость, какая отличала Грознаго. Иванъ занимался литературой и былъ начитаннымъ человѣкомъ. Существуетъ его литературный трудъ "Житіе Антонія Сійскаго": |Впрочемъ надо замѣтить, что это "Житіе" представляетъ просто переработку его первоначальной редакціи, принадлежащей нѣкоему иноку Іонѣ. Оно

написано по существовавшему тогда риторическому шаблону и особенныхъ литературныхъ достоинствъ не имѣетъ.|

О причинахъ смерти Ивана существуетъ нѣсколько разнорѣчивыхъ извѣстій: Псковская лѣтопись говоритъ, что во время Ливонской войны въ критическую для Пскова минуту Иванъ Грозный не хотѣлъ ему помочь. Тогда на защиту Пскова подалъ голосъ Иванъ. У нихъ съ отцомъ произошла ссора, въ которой сынъ получилъ отъ отца ударъ жезломъ настолько сильный, что отъ него умеръ. По другимъ извѣстіямъ, несогласіе было вызвано отношеніями Грознаго къ невѣсткѣ своей, женѣ Ивана. За какое то несоблюденіе придворнаго этикета свекоръ началъ бить ее и тогда Иванъ вступился за жену и былъ убитъ. Въ этой же ссорѣ, какъ передаютъ, пострадалъ и Борисъ Годуновъ: вмѣшался въ ссору и первый ударъ принялъ на себя. Какъ бы то нибыло, а царевичъ въ 1582 году скончался. Послѣ смерти Грознаго въ живыхъ осталось два сына: Ѳеодоръ и, ребенокъ еще, Димитрій, рожденный въ седьмомъ бракѣ Грознаго, съ Маріей Нагой.

Въ первое время по смерти Ивана Грознаго произошли какіе-то, намъ точно неизвѣстные, безпорядки, которые окончились ссылкой боярина Бѣльскаго и удаленіемъ Маріи Нагой съ Дмитріемъ въ Угличъ. Царемъ сдѣлался Ѳеодоръ. Иностранные послы Флетчеръ и Сапѣга рисуютъ намъ Ѳедора довольно опредѣленными чертами. Царь ростомъ былъ низокъ, съ опухлымъ лицомъ и нетвердой походкой и при томъ постоянно улыбался. Сапѣга увидавъ царя во время аудіенціи говоритъ, что получилъ отъ него впеч лѣнія полнаго слабоумія. Говорятъ Федоръ любилъ звонить на колокольнѣ, за что еще отъ отца получилъ прозвище звонаря, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ любилъ забавляться шутами и травлей медвѣдей. Настроеніе духа у него было всегда религіозное и эта религіозность проявлялась въ строгомъ соблюденіи внѣшней

обрядности. Отъ заботъ государственныхъ онъ устранялся и передалъ ихъ въ руки своихъ ближнихъ бояръ. Въ началѣ его царствованія изъ боярской среды особенно выдавались значеніемъ: Бѣльскій, Мстиславскій, Шуйскіе, Борисъ Годуновъ и Никита Романовичъ Юрьевъ. Бѣльскій скоро былъ сосланъ, а изъ прочихъ на дѣла болѣе всего вліяли Годуновъ и Юрьевъ. Такъ шло до 1586 года, когда Никита Романовичъ Юрьевъ неожиданно былъ пораженъ параличемъ и умеръ. Власть сосредоточилась въ рукахъ Бориса Годунова; но ему пришлось бороться не съ сильными противниками: Мстиславскимъ и Шуйскими. Борьба эта принимала иногда очень рѣзкій характеръ и кончилась полнымъ торжествомъ Годунова. Мстиславскій былъ постриженъ, а Шуйскіе со многими родственниками подверглись ссылкѣ.

Пока все это происходило въ Москвѣ, Марія Нагая съ сыномъ и со своей родней продолжала жить въ Угличѣ, въ почетной ссылкѣ. Понятно, какъ должна была относиться она и всѣ Нагіе къ боярамъ, бывшимъ во власти, и къ Годунову, какъ вліятельнѣйшему изъ нихъ. Нагая была женой Ивана Грознаго пользовалась его симпатіей и общимъ почетомъ и вдругъ ее , царицу, выслали въ далекій удѣлъ - Угличъ и держали подъ постояннымъ надзоромъ.

Такимъ надзирателемъ отъ правительства былъ въ Угличѣ Битяговскій. Относиться къ Битяговскому Нагіе не могли хорошо, видя въ немъ агента отъ тѣхъ, которые послали ихъ въ ссылку. Мы очень мало знаемъ о настроеніи Нагихъ, но если вдуматься въ нѣкоторыя свидѣтельства о Дмитріи, то можно убѣдиться, какую сильную ненависть питала эта семья къ боярамъ, правящимъ и близкимъ къ Федору; про Дмитрія въ Москвѣ ходило, конечно, много слуховъ. Между прочимъ, по этимъ слухамъ иностранцы |Флетчеръ, Буссовъ | сообщаютъ, что Дмитрій характеромъ похожъ на [illegible] жестокъ и любитъ

смотрѣть на мученія животныхъ. Рядомъ съ такой характеристи кой Буссовъ сообщаетъ разсказъ о томъ, что Дмитрій сдѣлалъ однажды изъ снѣга чучела, называлъ ихъ именами знатнѣйшихъ московскихъ вельможъ, затѣмъ саблей сшибалъ имъ головы, приговаривая, что такъ онъ будетъ поступать со своими врагами- боярами. И русскій писатель, Авраамій Палицынъ пишетъ, что въ Москву часто доносили о Дмитріи, будто онъ враждебно и "нелѣпо относится къ боярамъ, приближеннымъ своего брата и особенно къ Борису Годунову. Палицынъ объясняетъ такое настроеніе царевича тѣмъ, что онъ былъ "смущаемъ ближними своими". И дѣйствительно, если мальчикъ могъ высказывать такія мысли, то очевидно, что самъ онъ ихъ выдумать не могъ, а внушались онѣ окружающими его Понятно и то, что злоба Нагихъ должна была обратиться не на Федора, а на Бориса Годунова, какъ главнаго правителя. Ясно также, что и бояре, слыша о настроеніи Дмитрія, который считался наслѣдникомъ престола, могли опасаться, что взрослый Дмитрій напомнитъ имъ о временахъ отца своего и могли желать его смерти, какъ говорятъ иностранцы. Такимъ образомъ немногія показанія современниковъ съ ясностью вскрываютъ намъ взаимныя отношенія Углича и Москвы Въ Угличѣ ненавидятъ московскихъ бояръ, а въ Москвѣ получаются изъ Углича доносы и опасаются Нагихъ. Помня эту скрытую вражду и существованіе толковъ о Дмитріи, мы можемъ объяснить себѣ, какъ весьма возможную сплетню, тотъ слухъ, который ходилъ задолго до убіенія Дмитрія, -о ядѣ данномъ Дмитрію сторонниками Годунова; ядъ этотъ будто бы чудомъ не подѣйствовалъ.

15 мая 1591 года царевичъ Дмитрій былъ найденъ на дворѣ своихъ Угличскихъ хоромъ съ перерѣзаннымъ горломъ. Созванный церковнымъ набатомъ народъ засталъ надъ тѣломъ сына царицу Марію и ея братьевъ Нагихъ. Царица била мамку царевича Василису Волохову и кричала, что убійство -дѣло

дьяка Битяговскаго. Его во это время не было во дворѣ; услышавъ набатъ онъ тоже прибѣжалъ сюда, какъ только онъ сюда пришелъ, на него кинулись и убили его. Тутъ же убили его сына, Данилу, и племянника Никиту Качалова. Съ ними вмѣстѣ побили какихъ то посадскихъ людей и сына Волоховой Осипа. Дня черезъ два была убита какая то "юродивая женка", будто бы портившая царевича. 17 мая узнали объ этомъ событіи въ Москвѣ и прислали въ Угличъ слѣдственную комиссію, состоявшую изъ слѣдующихъ лицъ: князя Б. Шуйскаго, злѣйшаго врага Годунова, окольничаго Андрея Клешнина, дьяка Вылузина и Крутицкаго митрополита Геласія Ихъ слѣдственное дѣло | оно напечатано въ Собр. Госуд. Грам. и Дог. т. II | выяснило: 1| что царевичъ самъ себя зарѣзалъ въ припадкѣ падучей болѣзни въ то время, какъ игралъ ножемъ въ "тычку" |въ родѣ нынѣшней свайки| вмѣстѣ со своими сверстниками, маленькими жильцами, и 2| что Нагіе безовсякаго основанія побудили народъ къ напрасному убійству невинныхъ лицъ. По донесенію слѣдственной комиссіи дѣло было отдано на судъ патріарха и другихъ духовныхъ лицъ. Духовный судъ обвинилъ Нагихъ и "Углицкихъ мужиковъ", но оканчательный судъ передалъ въ руки свѣтской власти.

Царицу Марію сослали въ далекій монастырь на Выксу |близъ Череповца| и тамъ постригли, Братьевъ Нагихъ разослали по разнымъ городамъ. Виновныхъ въ безпорядкѣ Угличанъ казнили и сослали въ Пелымъ, гдѣ изъ Угличанъ сосла вилось цѣлое поселеніе; Угличъ по преданію совсѣмъ запустѣлъ. Несмотря на то, что правительство отрицало убійство и признало самоубійство въ смерти царевича въ обществѣ распространился слухъ, будто царевичъ Дмитрій убитъ приверженцами Бориса по Борисову порученію. Слухъ этотъ, сначала записанный нѣкоторыми иностранцами, передается

затѣмъ въ видѣ неоспоримаго уже факта и въ нашей письменности Являются особыя сказанія объ убіеніи Дмитрія; составлять ихъ начали во время Василія Шуйскаго, не ранѣе того времени, когда была совершена канонизація Дмитрія и мощи его были перенесены въ 1606 году изъ Углича въ Москву. Есть нѣсколько видовъ этихъ сказаній и всѣ они имѣютъ однѣ и тѣ же черты; разсказываютъ объ убійствѣ очень правдоподобно и въ тоже время сказанія содержатъ въ себѣ историческія неточности и несообразности. Затѣмъ каждая редакція этихъ сказаній отличается отъ прочихъ не только способомъ изложенія, но и разными подробностями, часто исключающими другъ друга.

Первый видъ такихъ сказаній встрѣчаемъ мы въ Никоновской лѣтописи и въ другихъ редакціяхъ такъ называемаго Новаго Лѣтописца. Она представляетъ изъ себя, очевидно, отдѣльное сказаніе, включенное въ общій лѣтописный сводъ. Въ этомъ сказаніи разсказывается, что сперва Борисъ пытался отравить Дмитрія, но видя, что Богъ не позволяетъ яду подѣйствовать, онъ сталъ подыскивать чрезъ пріятеля своего Кисшина такихъ людей, которые согласились бы убить царевича. Сперва это предложено было Чепчугову и Заряжскому, но они отказались. Согласился одинъ только Битяговскій. Самое убійство, по этому сказанію, произошло такимъ образомъ: когда сообщница Битяговскаго, мамка Волохова, вѣроломно вывела царевича гулять на крыльцо, убійца Волоховъ подошелъ къ нему и спросилъ его: "Царевичъ у тебя новое ожерелье?". Нѣтъ старое", отвѣчалъ ребенокъ и, чтобы показать ожерелье поднялъ головку. Въ это время Волоховъ ударилъ царевича ножемъ по горлу, но "не захватилъ ему гортани", ударилъ неудачно. Кормилица |Жданова|, бывшая здѣсь бросилась защищать ребенка, но ее Битяговскій и Качаловъ избили, а затѣмъ окончательно зарѣзали ребенка.

Другая редакція |въ Чтеніяхъ Общества Исторіи и Древностей, 1864 г. кн. 4| говоритъ объ убійствѣ подробно и шагъ за шагомъ слѣдитъ за всѣми поступками царевича въ день убійства. Въ этотъ день, говоритъ сказаніе, царевичъ чувствовалъ себя нездоровымъ: "голова у него съ плечъ покатилась", въ четвертомъ часу дня |т.е. десятомъ утра |ходилъ онъ къ обѣднѣ и послѣ обѣдни приложился къ образамъ. Пришедши въ хоромы, царевичъ переѣнилъ платьице, на ту пору вошли съ кушаньемъ, и священникъ принесъ царевичу просфору, которыя царевичъ ѣлъ каждый день; послѣ онъ попросилъ напиться и пошелъ гулять съ кормилицей. Это было въ седьмомъ часу дня |въ первомъ часу|. Когда они дошли до церкви царя Константина, подошли къ нимъ убійцы, Битяговскій и Качаловъ, и ударили кормилицу палкой такъ, что она упала на землю, тогда они бросились на царевича, перерѣзали ему горло и сами стали кричать будто царевичъ зарѣзался. На крикъ выбѣжала царица Марія и приказала ударить въ колокола; народъ, услышавъ набатный звонъ, сбѣжался. Царица уже отнесла тѣло сына въ церковь Преображенья и говорила народу, что-бы убили злодѣевъ. Народъ побилъ ихъ камнями. Обиліе фактическихъ подробностей подкупаетъ повѣрить этому сказанію, но при нѣкоторомъ анализѣ его, оказываются въ немъ такія несообразности, которыя подрываютъ его достовѣрность. Какъ, напримѣръ, могло случиться, что авторъ сказанія, повидимому, знавшій прекрасно топографію Углича, не знаетъ, что Угличъ стоитъ на правомъ берегу Волги, а не на лѣвомъ?

Третья, недавно напечатанная |въ XIII томѣ -"Русской Исторической Библіотеки"| редакція совершенно иначе, чѣмъ всѣ прочія, передаетъ обстоятельства убіенія. По первому виду сказанія убійство произошло на дворцовомъ крыльцѣ, по второму у церкви царя Константина, а по третьему сказанію, убійцы спрятались подъ лѣстницей дворца и когда царевичъ сходилъ по этой лѣстницѣ, они, протянувъ руку между сту-

Лит. Библиотека Вып. 1.

пенями, схватили его за ноги, сбили съ ногъ и изъ подъ лѣстницы же зарѣзали.

Составленные лѣтъ черезъ 15 или 20 послѣ смерти Дмитрія всѣ эти разсказы крайне спутанно и сбивчиво передавали эти слухи объ убійствѣ, какіе ходили тогда въ московскомъ обществѣ. На нихъ поэтому такъ и нужно смотрѣть какъ на записанные по наслышкѣ. Это не показанія очевидцевъ, а слухи и свидѣтельствуютъ они неоспоримо объ одномъ только, что московское общество твердо вѣрило въ насильственную смерть царевича.

Такое убѣжденіе общества или извѣстной его части идетъ въ разрѣзъ съ офиціальнымъ документомъ о самоубійствѣ царевича. Историку невозможно помирить оффиціальныхъ данныхъ въ этомъ дѣлѣ съ единогласнымъ показаніемъ сказаній объ убійствѣ и онъ долженъ стать на сторону или того, или другихъ. Уже давно наши историки [еще Щербатовъ] стали на сторону сказаній. Карамзинъ сдѣлалъ Бориса Годунова очень картиннымъ "злодѣемъ".

Въ наше время во всѣхъ учебникахъ догматически излагается фактъ убійства Дмитрія. Но въ наукѣ есть голоса и за то, что право слѣдственное дѣло, а не сказаніе [Арцыбашевъ и Погодинъ]. Тѣмъ не менѣе и господствовало и господствуетъ прежнее мнѣніе, что Дмитрій убитъ Борисомъ! Костомаровъ, Соловьевъ], хотя статьи Е. А. Бѣлова ["О смерти царевича Дмитрія" въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1873 г. кн. VII и VIII] сильно подрываютъ это мнѣніе мастерскимъ анализомъ всѣхъ мелочей дѣла.

Въ нашемъ изложеніи мы такъ подробно остановились на вопросѣ о смерти Дмитрія для того, чтобы составить объ этомъ фактѣ опредѣленное мнѣніе, такъ какъ отъ взгляда на это [illegible] зависитъ взглядъ на личность Бориса: здѣсь ключъ къ сознанію Бориса. Если Борисъ-убійца, то онъ зло-

дѣй, какимъ его рисуетъ Карамзинъ, если нѣтъ, то онъ одинъ изъ симпатичнѣйшихъ московскихъ царей. Посмотримъ же, насколько мы имѣли основаніе обвинять Бориса въ смерти царевича и подозрѣвать достовѣрность оффиціальнаго слѣдствія. Оффиціальное слѣдствіе далеко, конечно, отъ обвиненія Бориса. Въ этомъ дѣлѣ иностранцы, обвиняющіе Бориса, должны быть на второмъ планѣ, какъ источникъ второстепенный, потому что о дѣлѣ Дмитрія они только повторяютъ русскіе слухи. Остается одинъ родъ источниковъ-разсмотрѣнныя нами сказанія и вообще лѣтописи XVI вѣка. На нихъ то и опираются враждебные Борису историки. Остановимся на этомъ лѣтописномъ матеріалѣ. Большинство лѣтописныхъ источниковъ, направленныхъ противъ Бориса, говоря о Борисѣ, или сознаются, что пишутъ по слуху, или какъ человѣка хвалятъ Бориса. Но осуждающія Бориса сказанія, во первыхъ не умѣютъ согласно передать обстоятельствъ убійства Дмитрія, какъ мы это видѣли, и кромѣ того заключаютъ въ себѣ внутреннія противорѣчія. Составлялись они долго спустя послѣ событія, когда Дмитрій былъ уже канонизированъ и когда царь Василій, отрекшись отъ своего же слѣдствія по дѣлу Дмитрія всенародно взвелъ на память Бориса вину въ убійствѣ царевича и оно стало оффиціально признано фактомъ. Противорѣчить этому факту было тогда дѣломъ невозможнымъ. Во вторыхъ- всѣ вообще сказанія о смутѣ сводятся къ очень небольшому числу самостоятельныхъ редакцій, которыя позднѣйшими компиляторами очень много переработывались. Одна изъ этихъ самостоятельныхъ редакцій [такъ называемое "Иное сказаніе"], очень вліявшая на разныя компиляціи, вышла цѣликомъ изъ лагеря враговъ Годунова-Шуйскихъ. Если мы примемъ во вниманіе и не будемъ брать въ разсчетъ компиляцій, то окажется, что далеко не всѣ самостоятельные авторы сказаній- противъ Бориса, большинство ихъ очень сочувственно отзывается о Борисѣ, а о смерти Дмитрія часто просто молчитъ. Далѣе враж-

дебныя Борису сказанія настолько къ нему пристрастны въ сво
ихъ отзывахъ, что явно на него клевещутъ и ихъ клеветы на
Бориса далеко не всегда принимаются даже его противниками
учеными напримѣръ, Борису приписываются: поджогъ Москвы в
1591 г., отравленіе царя Ѳедора и дочери его Ѳеодосіи.

Эти сказанія отражаютъ въ себѣ настроеніе общества, их
создавшаго, ихъ клеветы-клеветы житейскія, которыя могли
явиться прямо изъ житейскихъ отношеній: Борису приходилось
дѣйствовать при Ѳедорѣ, въ средѣ враждебныхъ ему бояръ |Шу
скихъ и др.|, которые его ненавидѣли и вмѣстѣ съ тѣмъ боя-
лись, какъ неродовитую силу. Сперва они старались уничто-
жить Бориса открытой борьбой, но не могли; весьма естествен
но, что они стали для той же цѣли подрывать его нравствен-
ный кредитъ, и это имъ лучше удалось. Прославить Бориса
убійцей было легко. Въ то смутное время, еще до смерти Дми
трія можно было чуять эту смерть, какъ чуялъ ее Флетчеръ.
Онъ говоритъ что Дмитрію грозитъ смерть "отъ покушенія
тѣхъ, которые простираютъ свои виды на обладаніе престоломъ
въ случаѣ бездѣтной смерти царя". Но Флетчеръ не называетъ
здѣсь Бориса и его показаніе можетъ распространяться и на
всѣхъ болѣе родовитыхъ бояръ, такъ какъ они тоже могли я-
виться претендентами на престолъ. Буссовъ говоритъ, что "
"многіе бояре"хотѣли смерти Дмитрія, а больше всѣхъ Борисъ.
Нагіе могли стоять на такой же точкѣ зрѣнія. Ненавидя все
тогдашнее боярское правительство они ненавидѣли Бориса
только какъ его главу и царица Марія, мать Дмитрія по весь-
ма естественной фиксаціи идей, въ минуту глубокаго горя
могла самоубійству сына придать характеръ убійства со сто-
роны правительства, иначе говоря, Бориса, а этой случайно
брошенной мыслью противная Борису боярская среда могла вос-
пользоваться, развить эту мысль и пустить въ ходъ въ москов
скомъ обществѣ для своихъ цѣлей. Попавъ въ литературу, эта
мистическая клевета стала общимъ достояніемъ не только др.

дей XVII вѣка, но и позднѣйшихъ поколѣній даже науки.

Помня возможность происхожденія обвиненій противъ Бориса и соображая всѣ сбивчивыя подробности дѣла, нужно въ результатѣ сказать, что трудно и пока рискованно настаивать на фактѣ самоубійства Дмитрія, но въ то же время нельзя принять и господствующаго мнѣнія объ убійствѣ Дмитрія Борисомъ. Если признать это послѣднее мнѣніе требующимъ новыхъ оправданій, а его именно такимъ и надо считать, – то мы можемъ объяснить выборъ Бориса и безъ связи съ его "злодѣйствомъ". А, что касается до этого господствующаго мнѣнія о виновности Бориса, то для его надлежащаго подтвержденія нужны, строго говоря, три изслѣдованія: 1| нужно доказать въ дѣлѣ Дмитрія невозможность "самоубійства" и стало быть подложность слѣдственнаго дѣла. Бѣловъ доказывая подлинность этого дѣла, изслѣдовалъ съ медицинской точки зрѣнія возможность самоубійства въ эпилепсіи. Медики говорили ему, что подобное самоубійство возможно. Что касается до самаго слѣдственнаго дѣла, то оно представляетъ намъ подробности, отличающіяся такой наивностью, что поддѣлать ихъ въ то время было бы просто невозможно, такъ какъ требовалось бы уже слишкомъ много психологическаго чутья, недоступнаго людямъ XVII вѣка. Далѣе, во 2| если и была доказана невозможность самоубійства, то слѣдуетъ еще доказать, что убійство было своевременно, что въ 1591 году можно было предвидѣть бездѣтную смерть Ѳедора и съ нею связывать какіе нибудь разсчеты. Этотъ вопросъ очень спорный. Да, наконецъ въ 3|, если бы такіе расчеты и были возможны, то одинъ ли Годуновъ могъ ихъ тогда имѣть? Развѣ никто, кромѣ Годунова не имѣлъ интереса въ смерти Дмитрія и не могъ рискнуть на убійство?

Вотъ сколько темныхъ и неразрѣшимыхъ вопросовъ заключается въ обстоятельствахъ смерти Дмитрія. Пока всѣ они

не будутъ разрѣшены, до тѣхъ поръ обвиненіе Бориса будетъ стоять на очень шаткой почвѣ и онъ передъ нашимъ судомъ будетъ не обвиненнымъ, а только подозрѣваемымъ: противъ него очень мало уликъ и вмѣстѣ съ тѣмъ есть обстоятельства, убѣдительно говорящія въ пользу этой умной и симпатичной личности.

И такъ, изъ сыновей Грознаго старшій умеръ ранѣе отца младшій въ 1591 году, а средній Ѳедоръ дожилъ до 1598 года и окончилъ собою длинный рядъ историческихъ дѣятелей - Московскихъ Даниловичей.

.....

Умирая, Ѳедоръ не назначилъ себѣ преемника, а только оставилъ на всѣхъ своихъ великихъ государствахъ" жену свою Ирину Ѳедоровну. Тотчасъ послѣ его смерти Москва присягнула царицѣ; ее просили править съ помощью брата Бориса Ѳедоровича. Но отъ царства Ирина наотрѣзъ отказалась, "съѣхала изъ дворца въ Новодѣвичій монастырь и постриглась тамъ подъ именемъ Александры". Вмѣстѣ съ сестрой поселился и Борисъ, а царствомъ правилъ патріархъ и бояре именемъ царицы. Всѣ понимали, что управленіе временное и что необходимо избрать преемника покойному царю. Но кто же могъ ему наслѣдовать? По общему складу понятій того времени наслѣдовать долженъ былъ родовитѣйшій въ государствѣ человѣкъ; но родовые счеты бояръ успѣли къ этому времени такъ уже перепутаться и осложниться, что разобраться въ нихъ было не такъ легко. Родъ Рюриковичей былъ очень многочисленъ и относительное старшинство его членовъ опредѣлить врядъ ли можно было съ точностью. Къ тому же многіе изъ очень родовитыхъ членовъ были затерты при дворѣ менѣе родовитыми, но болѣе счастливыми по службѣ родичами, а съ другой стороны среди московскаго боярства было много очень родовитыхъ людей не Рюриковичей. Въ то время изъ Рю-

риковичей особымъ значеніемъ пользовалась родовитая семья князей Шуйскихъ. Она была старше даже великихъ князей московскихъ, а рядомъ съ ней стояли во главѣ боярства очень знатные князья чужого рода Гедиминовичи, Мстиславскіе и Голицыны. Наиболѣе талантливой изъ этихъ княжескихъ фамилій была фамилія Шуйскихъ: не разъ давала она государству выдающихся дѣятелей, отмѣченныхъ крупнымъ воинскимъ или административнымъ талантомъ. Менѣе блестящіе были Мстиславскіе и Голицыны, но они, какъ и Шуйскіе всегда занимали первыя мѣста въ рядахъ московскаго боярства. По понятіямъ этого брярства, право быть выбраннымъ на престолъ принадлежало одному изъ этихъ княжескихъ родовъ болѣе, чѣмъ кому либо другому. А между тѣмъ были въ Москвѣ два рода не княжескаго происхожденія, которые пользовались громаднымъ значеніемъ при послѣднихъ Даниловичахъ и по вліянію своему ничѣмъ не уступали знатнѣйшимъ Рюриковичамъ и Гедиминовичамъ. Это старые слуги князей московскихъ -Романовы и Годуновы. Предокъ Романовыхъ, по преданію, выѣхалъ въ XIV вѣкѣ изъ "Пруссъ", какъ выражаются древнія родословныя. Его потомки были впослѣдствіи извѣстны подъ именами Кошкиныхъ, Захарьиныхъ и съ XVI вѣка Романовыхъ |отъ имени Романа Юрьевича Захарьина|. Дочь этого Романа Юрьевича въ 1547 году вышла замужъ за Ивана IV и такимъ образомъ Романовы стали въ родствѣ съ царемъ. Съ той поры родъ Романовыхъ пользовался большой симпатіей со стороны народа. Въ минуту смерти царя Ѳедора было нѣсколько Романовыхъ, сыновей Никиты Юрьевича Романова. Изъ нихъ самымъ выдающимся былъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ. И онъ и всѣ его братья въ это время были извѣстны подъ именемъ Никитичей.

Родъ Годунова былъ не изъ особенно "честныхъ "родовъ и выдвинулся не родовой честью, а случайно, только въ XVI вѣкѣ, хотя и восходилъ къ XVI вѣку. Предокъ Годуновыхъ та-

тарин Мурза-Четъ пріѣхалъ, какъ говоритъ преданіе, въ XIV вѣкѣ на службу къ московскому князю. Какъ его потомки успѣли выдвинуться изъ массы подобной имъ второстепенной знати, неизвѣстно. Есть извѣстіе, что Борисъ и Ирина Годуновы въ дѣтствѣ уже были близки къ царской семьѣ. Пользуясь постояннымъ расположеніемъ Грознаго царя, Борисъ участвовалъ въ его опричинѣ. Но и въ Александровской слободѣ держалъ онъ себя съ большимъ тактомъ, не участвовалъ въ тѣхъ оргіяхъ, которыми, между прочимъ, славна опричина, и успѣлъ сохранить свое положеніе при дворѣ, не потакая дурнымъ его страстямъ, какъ это дѣлали другіе любимцы. Народная память никогда не связывала имени Бориса съ подвигами опричины: по духу своему онъ не былъ опричникомъ. Особенно близки стали Годуновы къ царской семьѣ съ того времени, какъ сестра Годунова, Ирина, вышла замужъ за царевича Ѳедора. Расположеніе Грознаго къ Годуновымъ все росло. Въ минуту смерти Ивана IV Борисъ былъ однимъ изъ ближайшихъ къ престолу и вліятельнѣйшихъ бояръ.

Въ первое время царствованія Ѳедора большимъ значеніемъ пользовался Никита Романовичъ Юрьевъ, а послѣ его смерти вліяніе на дѣла всецѣло перешло къ Борису. Онъ былъ не только фаворитомъ, но сталъ и формальнымъ правителемъ государства. Это то значеніе Годунова и обусловливало ненависть къ нему бояръ: нѣсколько разъ они пробовали съ нимъ бороться, но были имъ побѣждены. Вліянія его поколебать было нельзя и это было тѣмъ горше для боярства, что оно предугадывало событія. Оно понимало, что бездѣтность Ѳедора можетъ открыть путь къ престолу тому изъ боярства, кто будетъ сильнѣе своимъ положеніемъ и вліяніемъ. А сила Годунова была безпримѣрна. Онъ располагалъ большимъ имуществомъ | Флетчеръ считаетъ его ежегодный доходъ въ 100.000 р.

и говоритъ, что Борисъ могъ со своихъ земель поставить въ поле цѣлую армію. Положеніе Бориса при царѣ было такъ высоко, что иностранныя посольства искали аудэнціи у Бориса; слово Бориса было закономъ. Ѳедоръ царствовалъ, Борисъ управлялъ. - Это знали всѣ и на Руси и заграницей. У этого то неродовитаго "татарина" и было болѣе всѣхъ шансовъ по смерти Ѳедора занять престолъ, а онъ отказался и ушелъ за сестрою жить въ монастырь.

Видя, что Ирина постриглась и царства принять не хочетъ, бояре задумали, какъ говоритъ преданіе, сдѣлать боярскую думу временнымъ правительствомъ и выслали дьяка Щелкалова къ народу на площадь присягнуть боярамъ. Но народъ отвѣчалъ что онъ "знаетъ только царицу" и желаетъ ее. На заявленіе объ отказѣ и постриженіи царицы изъ народа раздались голоса: "Да здравствуетъ Борисъ Ѳедоровичъ". Тогда патріархъ съ народомъ отправился въ Новодѣвичій монастырь и предложилъ Борису Годунову престолъ. Борисъ настрѣзъ отказался, говоря, что прежде надо "успокоить душу Ѳедора". Тогда рѣшили подождать выбора царя до тѣхъ поръ, пока пройдетъ сорокъ дней со смерти Ѳедора и соберутся въ Москву земскіе люди для царскаго избранія. По свидѣтельству Маржерета Борисъ самъ потребовалъ созванія по восьми или десяти человѣкъ выборныхъ изъ каждаго города, чтобы весь народъ рѣшилъ, кого надо избрать царемъ. Это показаніе Маржерета прекрасно объясняется извѣстіемъ изъ бумагъ Татищева, что бояре хотѣли ограничить власть новаго царя въ свою пользу, а Борисъ не желая этого, ждалъ Земскаго Собора въ надеждѣ, что на Соборѣ "простой народъ выбрать его безъ договора бояръ принудитъ". Если это извѣстіе вѣрно, то можно сказать, что въ этомъ дѣлѣ умный Борисъ оказался дальновиднѣе боярства.

Въ Февралѣ 1598 года съѣхались соборные люди и откры-

ся Соборъ. Любопытенъ его составъ. Лицъ, участвовавшихъ въ этомъ Соборѣ, считаютъ обыкновенно 457 или 474, но вѣ-вѣроятнѣе, что на Соборѣ присутствовало болѣе 500 человѣкъ Изъ нихъ духовныхъ лицъ было до 100 человѣкъ, бояръ до 15, придворныхъ чиновъ до 200, горожанъ и московскихъ дворянъ до 150 человѣкъ и тяглыхъ людей |но не крестьянъ| до 50 человѣкъ. Соображая численное отношеніе разныхъ московскихъ группъ на Соборѣ, мы имѣемъ возможность сдѣлать слѣдующіе выводы: 1| Соборъ 1598 года состоялъ преимущественно изъ лицъ служилыхъ чиновъ, былъ Соборомъ служилымъ 2| Въ составъ его входили преимущественно московскіе люди, а изъ другихъ городовъ выборныхъ, служилыхъ и тяглыхъ людей, было не болѣе 50 человѣкъ. Такимъ образомъ на Соборъ 1598 года была хорошо представлена Москва и очень неполно вся остальная земля. Но полноты представительства московскіе люди никогда не достигали. Они стали къ ней приближаться только въ XVII вѣкѣ и то далеко не всегда. Поэтому неполнота Собора 1598 года и преобладаніе на немъ московскихъ людей должны считаться естественнымъ дѣломъ, а не слѣдствіемъ интригъ Бориса, какъ многіе думаютъ. Далѣе, вглядываясь въ составъ этого Собора мы замѣтимъ, что на Соборѣ было очень мало представителей этого многочисленнаго класса рядовыхъ дворянъ, въ которомъ привыкли видѣть главную опору Бориса, его доброхотовъ. И наоборотъ, придворные чины и московскіе дворяне, т. е. болѣе аристократическіе слои дворянства, на Соборѣ были во множествѣ. А изъ этихъ то слоевъ и являлись, по нашимъ представленіямъ, враги Бориса. Стало быть на Соборъ не прошли друзья Бориса и могли пройти въ большомъ числѣ его противники. Такъ заставляетъ думать составъ Собора - аристократическаго и московскаго и это отнимаетъ у насъ возможность предполагать, какъ дѣлаютъ

нѣкоторые изслѣдователи, что Соборъ 1598 года былъ подтасованъ Борисомъ и потому представлялъ изъ себя игрушку въ рукахъ опытнаго лицемѣра. Послѣ статей В. О. Ключевскаго. "О составѣ представительства на Московскихъ Земскихъ Соборахъ" |въ "Русской Мысли" 1890-1892 гг.| въ правильности состава и законности Собора 1598 года едва ли можно сомнѣваться.

17 Февраля Соборъ избралъ царемъ Бориса. Его предложилъ самъ патріархъ. Три дня служили молебны, чтобы Богъ помогъ смягчить сердце Бориса Ѳедоровича и 20 Февраля отправились опять просить его на царство, но онъ снова отказался, отказалась и Ирина благословить его. Тогда 21-го патріархъ взялъ чудотворную икону Божіей Матери и при огромномъ стеченіи народа отправился съ крестнымъ ходомъ въ Новодѣвичій монастырь, причемъ было рѣшено, что если Борисъ опять будетъ отказываться, то его отлучатъ отъ церкви, духовенство прекратитъ совершеніе литургій, а грѣхъ весь падетъ на душу упорствующаго. Послѣ совершенія въ монастырѣ литургіи, патріархъ съ боярствомъ пошелъ въ келію Ирины, гдѣ былъ Борисъ и началъ уговаривать его, а въ монастырской оградѣ и за монастыремъ стояли толпы народа и крикомъ просили Бориса на престолъ. Тогда, наконецъ, Ирина согласилась благословить брата на престолъ, а затѣмъ далъ согласіе и Борисъ.

Такъ повѣствуетъ объ избраніи оффиціальный документъ "избирательная грамота" Бориса, но иначе передаютъ дѣло нѣкоторые неоффиціальные памятники. Они говорятъ, что Годуновъ добивался престола всѣми силами и старался заранѣе обезпечить свое избраніе угрозами, просьбами, подкупами, предъ лицомъ же боярства и народа носилъ маску лицемѣрнаго смиренія и отказывался отъ высокой чести быть царемъ. О подкупахъ и агитаціи Бориса говоритъ,

между прочими и Буссовъ: въ своемъ разсказѣ объ избраніи Бориса, очень баснословномъ вообще, онъ повѣствуетъ, что Ирина, сестра Бориса, призвала какихъ то сотниковъ и пятидесятниковъ [вѣроятно стрѣлецкихъ] и подкупила ихъ содѣйствовать избранію ея брата, а самъ Борисъ своими агентами избралъ монаховъ, вдовъ и сиротъ, которые его славословили и выхваляли народу. Этотъ оригинальный пріемъ избирательной агитаціи Борисъ усилилъ еще другимъ: онъ подкупалъ будто бы бояръ. Но боярство и было врагомъ Бориса, противъ котораго онъ долженъ былъ агитировать и если и агитировалъ, то, конечно не одной сиротской и вдовьей помощью. Что же касается до загадочныхъ сотниковъ и пятидесятниковъ, то, если разумѣть подъ ними стрѣльцовъ, они не могли принести пользы Борису, ибо на Соборѣ 1598 года ихъ почти не было, а агитировать внѣ Собора они могли только въ низшихъ слояхъ московскаго населенія, а эти слои слабо были представлены на Соборѣ. По такимъ и другимъ несообразностямъ разсказъ Буссова объ избраніи Бориса слѣдуетъ заподозрить. Онъ писалъ, вѣроятно, по русскимъ слухамъ. Эти слухи нѣсколько опредѣленнѣе высказаны въ русскихъ сказаніяхъ. Тамъ тоже встрѣчаются извѣстія о безнравственныхъ поступкахъ Бориса при его избраніи. И съ перваго взгляда многочисленность этихъ извѣстій заставляетъ вѣрить въ ихъ правоту, но болѣе близкое съ ними знакомство разрушаетъ довѣріе къ нимъ. Нѣкоторые хронографы и отдѣльныя сказанія обвиняютъ Бориса въ слѣдующемъ: онъ лестью и угрозами склонялъ народъ избрать его на царство, разсылая своихъ приверженцевъ по Москвѣ и въ города; онъ силою, подъ страхомъ большого штрафа, сгонялъ народъ къ Новодѣвичьему монастырю и заставлялъ его слезно вопить и просить, чтобы Борисъ принялъ престолъ. Но всѣ сказанія, гдѣ находятся эти дан-

ныя, имѣютъ характеръ компиляцій и компиляцій позднѣйшихъ, причемъ въ обвиненіяхъ Бориса, слѣдуютъ всѣ одинаково одному сказанію, составленному въ самомъ началѣ XVII вѣка. |"Иное сказаніе" или Повѣсть о Борисѣ и Растригѣ"|. Такимъ образомъ многочисленность сказаній, направленныхъ противъ Бориса, теряетъ свое значеніе и мы имѣемъ дѣло съ однимъ памятникомъ ему враждебнымъ. Это враждебное Борису сказаніе вышло изъ подъ пера слѣпого поклонника Шуйскихъ и смотритъ на событія партійно, цѣнитъ ихъ невѣрно, относится къ нимъ пристрастно. Можно ли полагаться на этотъ источникъ въ дѣлѣ обвиненія Бориса, когда мы знаемъ, что Борисъ имѣлъ много правъ на престолъ, пользовался популярностью, когда, наконецъ, мы имѣемъ такія показанія, которыя даютъ полное основаніе предполагать, что Соборъ не былъ запуганъ Борисомъ, не былъ искусственно настроенъ къ тому, чтобы избрать именно его, Бориса, а совершилъ это вполнѣ сознательно и добровольно.

При открытіи Собора патріархомъ Іовомъ была сказана искусная и риторическая краснорѣчивая рѣчь, въ которой онъ перечислялъ заслуги Бориса и его права на престолъ и съ своей стороны, какъ представитель и выразитель мнѣній духовенства, высказалъ, что онъ не желалъ бы лучшаго царя, какъ Борисъ Ѳедоровичъ. Эта рѣчь, въ которой видятъ обыкновенно давленіе на Соборъ, не допускавшее возраженій, можетъ быть легко понята и безъ такихъ обвиненій. Она, безспорно, должна была произвести сильное впечатлѣніе на членовъ Собора, но не исключала возможности свободныхъ преній. Они и были, какъ можно судить по лѣтописному описанію Собора 1598 года. Въ этихъ преніяхъ одни Шуйскіе не хотѣли Бориса на царство". Но большинство было за него и Борисъ былъ избранъ въ цари Соборомъ совершенно сознательно и свободно, по нашему мнѣнію. Соборъ сталъ на

сторону патріарха, а не Шуйскихъ, не потому, что предложенный патріархомъ Борисъ въ глазахъ русскаго общества имѣлъ опредѣленную репутацію хорошаго правителя: избрали Бориса потому, что его любили московскіе люди |какъ объ этомъ говоритъ Маржеретъ| знали его при царѣ Ѳедорѣ Іоанновичѣ праведное и крѣпкое правленіе", разумъ его и правосудіе", какъ выражаются лѣтописцы. Борисъ былъ вообще популяренъ и цѣнимъ народомъ. На память его было по многимъ причинамъ воздвигнуто гоненіе при Лжедмитріи и Шуйскомъ. Когда же смута смела и Шуйскихъ и Самозванцевъ и старое московское боярство, боровшееся съ Годуновымъ, то несмотря на оффиціально установленную преступность Годунова въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія, писатели XVII вѣка оцѣнили личность и дѣятельность Бориса иначе, чѣмъ цѣнили ее современники - враги, надъ ними восторжествовавшіе, и ихъ литературные послѣдователи. Князь Ив. Мих. Катыревъ-Ростовскій въ своемъ сочиненіи о смутѣ, написанномъ по семейнымъ воспоминаніямъ въ первой половинѣ XVII вѣка сочувственно относится къ Борису и въ слѣдующихъ чертахъ рисуетъ намъ этотъ симпатичный образъ: "мужъ зѣло чуденъ, въ разсужденіи ума доволенъ и сладкорѣчивъ, весьма благовѣренъ и нищелюбивъ и строителенъ зѣло, о державѣ своей много попеченія имѣлъ и многое дивное о себѣ творяще"; но въ то же время, отдавая дань общимъ воззрѣніямъ этой эпохи, писатель прибавляетъ, что одно "ко властолюбію ненасытное желаніе" погубило душу Бориса. Такой же симпатичный отзывъ даетъ намъ и знаменитый дѣятель и писатель, дружившій съ Вас. Ив. Шуйскимъ, Авраамій Палицынъ: "царь же Борисъ о всякомъ благочестіи и о исправленіи всѣхъ нужныхъ царству вещей зѣло печашеся.. о бѣдныхъ и нищихъ промышляше и милость таковымъ вели-

кая отъ него бываше; злыхъ же людей лютѣ изгубляще и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ любезенъ бысть". Наиболѣе независимый въ своихъ отзывахъ о Борисѣ авторъ Ив. Тимофѣевъ признаетъ въ немъ высокія достоинства человѣка и общественнаго дѣятеля. Въ нѣкоторыхъ хронографахъ также находимъ похвалы Борису. Въ одномъ изъ нихъ находится слѣдующее замѣчательное сужденіе о Борисѣ: послѣ общей благосклонной Борису характеристики авторъ хронографа говоритъ, что "Борисъ отъ клеветниковъ извѣты на невинныхъ въ ярости суетно принималъ и поэтому навлекъ на себя негодованіе чиноначальниковъ всей русской земли; отсюда много напастныхъ золъ на него возстали и доброцвѣтущую царства его красоту внезапно низложили".

Если внимательно разобрать первоначальные отзывы писателей о Борисѣ, то окажется, что хорошія мнѣнія о немъ въ литературѣ положительно преобладали. Болѣе раннее его потомство цѣнило Бориса, пожалуй, болѣе, чѣмъ мы. Оно опиралось на свѣжую еще память о счастливомъ управленіи Бориса, о его привлекательной личности. Современники же Бориса, конечно, живѣе его потомковъ чувствовали обаяніе этого человѣка, и Соборъ 1598 года выбиралъ его вполнѣ сознательно и лучше насъ, конечно, зналъ, за что выбираетъ.

Между тѣмъ всѣ ученые настроены противъ Бориса и въ дѣлѣ избранія его на престолъ, какъ и въ дѣлѣ смерти царевича Дмитрія: Карамзинъ смотритъ на него, какъ на человѣка, страстно желавшаго царства, во что бы то ни стало, и передъ избраніемъ своимъ игравшаго низкую комедію. Того же мнѣнія держится Костомаровъ и отчасти С. М. Соловьевъ. Костомаровъ не находитъ въ Годуновѣ ни одной симпатичной черты и даже хорошіе его поступки готовъ объяснять дурными мотивами. Къ тому же направленію принадлежитъ Павловъ | Историческое значеніе царствованія Бориса Го-

дунова"| и Бѣляевъ, причемъ послѣдній |въ своей статьѣ о земскихъ соборахъ| для своихъ обвиненій дѣлаетъ иногда такія натяжки, что ихъ не приходится опровергать.

Иного взгляда на личность Бориса держится только Погодинъ, Аксаковъ, да въ послѣднее время Е. А. Бѣловъ.

Такая антипатія къ Годунову|, ставшая своего рода традиціей, происходитъ отъ того, что къ оцѣнкѣ его личности по обычаю подходятъ чрезъ сомнительный фактъ убіенія царевича Дмитрія. Если же мы отрѣшимся отъ этого еще далеко не вполнѣ достовѣрнаго факта, то у насъ не хватитъ основанія видѣть въ Борисѣ безнравственнаго злодѣя, интригана, а въ его избраніи ловко сыгранную комедію.

Разборъ этихъ двухъ историческихъ фактовъ конца XVI вѣка - смерти царевича Дмитрія и избранія Годунова въ цари - показалъ намъ, что обычныя обвиненія, которыя раздаются противъ Бориса, допускаютъ много возраженій и установлены настолько непрочно, что вѣрить ихъ достовѣрности очень трудно. Если отказаться отъ обычныхъ точекъ зрѣнія на Бориса, то о немъ придется говорить немного и оцѣнку этого талантливаго государственнаго дѣятеля сдѣлать не трудно.

Историческая роль Бориса чрезвычайно симпатична: судьбы страны очутились въ его рукахъ тотчасъ же почти по смерти Грознаго, при которомъ Русь пришла къ нравственному и экономическому упадку. Особенностямъ царствованія Грознаго въ этомъ дѣлѣ много помогли и общественныя неурядицы XVI вѣка, какъ мы объ этомъ говорили выше, и разнаго рода случайныя обстоятельства. |Такъ, напримѣръ, по объясненію современниковъ, внѣшняя торговля при Иванѣ IV чрезвычайно упала благодаря потерѣ Нарвской гавани, чрезъ которую успѣшно вывозились наши товары, и вслѣдствіе того, что въ долгихъ Польско - Литовскихъ войнахъ

оставались закрытыми пути за границу|. После Грознаго Московское государство, утомленное безконечными войнами и страшной неурядицей, нуждалось въ умиротвореніи. Желаннымъ умиротворителемъ явился именно Борисъ, и въ этомъ его громадная заслуга Въ концѣ концовъ умиротворить русское общество ему не удалось, но на это были свои глубокія причины и въ этомъ винить Бориса было бы несправедливо. Мы должны отвѣтить лишь то, что внѣшняя политика умнаго правителя въ началѣ его государственной дѣятельности сопровождалась явнымъ успѣхомъ. Объ этомъ мы имѣемъ опредѣленныя свидѣтельства. Во первыхъ всѣ иностранцы современники и наши древніе сказатели очень согласно говорятъ что послѣ смерти Грознаго, во время Ѳедора, на Руси настала тишина и сравнительно благополучіе Такая перемѣна въ общественной жизни, очевидно,очень рѣзко бросилась въ глаза наблюдателямъ и они спѣшили съ одинаковымъ чувствомъ удовольствія засвидѣтельствовать эту перемѣну. Вотъ примѣръ отзыва о времени Ѳедора со стороны сказателя, писавшаго по свѣжей памяти: "Умилосердися Господь Богъ на люди своя и возвеличи царя и люди и повели ему державствовати тихо и безмятежно..... и дарова всѣмъ изобиліе и немятежное на землѣ русской пребываніе и возрасташе великою славою. Начальницы же московскаго государства, князи и бояре и воеводы и все православное христіанство начаша отъ скорби бывшія утѣшатися и тихо и безмятежно жити." Во вторыхъ замѣчая это" тихое и безмятежное житіе,"современники не ошибались въ томъ, кто былъ его виновникомъ. Наступившую тишину они приписывали умѣлому правленію, которое вызвало къ нему народную симпатію. Не принадлежащій къ поклонникамъ Годунова Буссовъ въ своей "Московской хроникѣ" говоритъ что народъ "былъ изумленъ" правленіемъ Бориса и прочилъ его въ цари, если, конечно, есте-

ственнымъ путемъ прекратится царская династія. Чрезвычайно благосклонныя характеристики Годунова, какъ правителя, легко можно видѣть и у другихъ иностранцевъ | напримѣръ у Маржерета | А живший въ Россіи восемь лѣтъ | 1601-1609 | голландецъ Исаакъ Масса, который очень не любилъ Годунова и взвелъ на него много небылицъ, даетъ о времени Ѳедора Іоанновича слѣдующій характерный отзывъ: "Состояніе всего Московскаго государства улучшалось и народонаселеніе увеличивалось. Московія, , совершенно опустошенная и разоренная вслѣдствіе страшной тираніи покойнаго великаго князя Ивана и его чиновниковъ.... теперь, благодаря преимущественно добротѣ и - кротости князя Ѳедора, а также благодаря необыкновеннымъ способностямъ Годунова снова начала оправляться и богатѣть." Это показаніе подкрѣпляется цифровой данной у Флетчера, который говоритъ, что при Иванѣ IУ продажа излишка податей, доставляемыхъ натурою, приносила Приказу | Большаго Дворца | не болѣе 60 тысячъ ежегодно а при Ѳедорѣ до 230 тысячъ рублей. Къ такимъ отзывамъ иностранцевъ не лишне будетъ добавить разъ уже приведенныя слова А. Палицына, что Борисъ "о исправленіи всѣхъ нужныхъ вещей зѣло печашася.... и таковыхъ ради строеній всенародныхъ всѣмъ полезенъ бысть."

Итакъ миролюбивое направленіе и успѣшность Борисовой политики - фактъ , утверждаемый современниками Этотъ фактъ найдетъ себѣ еще большее подтвержденіе, если мы обратимся хотя къ внѣшнему перечню правительственныхъ мѣръ Бориса. Мы оставимъ въ сторонѣ внѣшнія дѣла правленія и царствованія Бориса, гдѣ политика его отличалась умомъ, миролюбіемъ и большою осторожностью. Эту осторожность въ международныхъ отношеніяхъ многіе считаютъ просто трусостью; нельзя осудить политику Бориса, если взять во вниманіе общее разстройство страны въ то время, разстройство, кото-

рое требовало

большой дипломатической осторожности, чтобы не втянуть слабое государство въ непосильную ему войну. Во внутренней политикѣ Бориса, когда вы читаете о ней показанія русскихъ и иностранныхъ современниковъ, вы раньше всего замѣтите одинъ мотивъ, одну крайне гуманную черту. Это, выражаясь языкомъ того времени "защита вдовъ и сиротъ", забота "о нищихъ" широкая благотворительность во время голода и пожаровъ. Въ то тяжелое время гуманность и благотворительность были у мѣста въ Россіи и Борисъ благотворилъ щедрою рукою. Во время вѣнчанія Бориса на царство особенно заставили говорить о себѣ его финансовыя милости и богатые подарки. Кромѣ разнообразныхъ льготъ, онъ облегчалъ и даже освобождалъ отъ податей многія мѣстности на три, на пять и болѣе лѣтъ. Эта широкая благотворительность, служившая, конечно, лишь палліативомъ въ народныхъ нуждахъ, представляла собою только одинъ видъ многообразныхъ заботъ Бориса, направленныхъ къ поднятію экономическаго благосостоянія Московскаго государства. Другой видъ этихъ заботъ представляютъ мѣры, направленныя къ оживленію упавшей торговли и промышленности. Упадокъ же промышленности и торговли дѣйствительно доходилъ въ то время до страшныхъ размѣровъ, въ чемъ убѣждаютъ насъ цифры Флетчера. Онъ говоритъ, что въ началѣ царствованія Ивана IУ ленъ и пенька вывозились черезъ Нарвскую гавань ежегодно на ста судахъ, а въ началѣ царствованія Ѳедора только на пяти, стало быть размѣры вывоза уменьшились въ 20 разъ. Сала вывозилось при Иванѣ IУ втрое или вчетверо больше, чѣмъ въ началѣ царствованія Ѳедора. Для оживленія промышленности и торговли, для увеличенія производительности Годуновъ даетъ торговыя льготы иностранцамъ, привлекаетъ на Русь знающихъ дѣло промышленныхъ людей |особенно настоятельно онъ требуетъ рудознатцевъ|. Онъ заботится т...

же объ устраненіи косвенныхъ помѣхъ къ развитію промышленности: о безопасности сообщеній, объ улучшеніи полицейскаго порядка, объ устраненіи разнаго рода административныхъ злоупотребленій. Заботы о послѣднемъ были въ то время особенно необходимы, потому что произволъ въ управленіи былъ очень великъ: безъ посуловъ и взятокъ ничего нельзя было добиться, совершались постоянныя насилія. И всѣ распоряженія Бориса въ этомъ отношеніи остались безуспѣшны, какъ и распоряженія позднѣйшихъ государей Московскихъ въ XVII вѣкѣ. О Борисѣ, между прочимъ, сохранились извѣстія, что онъ заботился даже объ урегулированіи отношеній крестьянъ къ землевладѣльцамъ. Говорятъ, будто онъ старался установить для крестьянъ *minimum* рабочихъ дней на землевладѣльца | два дня въ недѣлю |. Это извѣстіе вполнѣ согласуется съ выше нами установленной точкой зрѣнія на указы Бориса о крестьянствѣ. Эти указы мы понимали, какъ направленные не противъ свободы крестьянъ, а противъ злоупотребленій ихъ перевозомъ.

Такимъ симпатичнымъ характеромъ отличалась государственная дѣятельность Годунова. Исторія поставила ему задачей умиротвореніе взволнованной страны и онъ талантливо рѣшалъ эту задачу. Въ этомъ то именно и заключается историческое значеніе личности Бориса, какъ царя-правителя. Но, рѣшая свою задачу, онъ ее не разрѣшилъ удовлетворительно, онъ не достигъ своей цѣли, за нимъ послѣдовали не миръ и спокой, а смута, но въ этомъ была не его вина. И боярская среда, въ которой ему приходилось вращаться, съ которой онъ долженъ былъ и работать и бороться, общее глубокое потрясеніе государственнаго организма и несчастное совпаденіе историческихъ случайностей - все слагалось противъ Бориса, и со всѣмъ этимъ сладить было не по силамъ даже его большому уму. Въ этой борьбѣ Борисъ былъ

побѣжденъ.

....

Внѣшняя политика времени Бориса не отличалась какими либо крупными предпріятіями, и не всегда вполнѣ удачна. Съ Польшей шли долгіе переговоры и пререканія по поводу избранія въ Польскіе короли царя Федора, а позднѣе по поводу взаимныхъ отношеній Швеціи и Польши | извѣстна ихъ вражда того времени, вызванная династическими обстоятельствами|. На западѣ цѣль Бориса была вернуть Ливонію путемъ переворотовъ, но ему удалось вернуть войной со Швеціей тѣ русскіе города, какіе были потеряны Грознымъ. Гораздо важнѣе была политика Бориса по отношенію къ православному Востоку.

Съ паденіемъ Константинополя | въ 1453 г.| въ московскомъ обществѣ возникаетъ убѣжденіе, что подъ властью Турокъ-магометанъ греки не могутъ сохранить православія во всей первоначальной его чистотѣ. Между тѣмъ Россія, свергнувъ къ этому времени татарское иго, почувствовала себя вполнѣ самостоятельнымъ государствомъ. Мысль русскихъ книжниковъ, двигаясь въ новомъ направленіи, приходитъ и къ новымъ воззрѣніямъ. Эти новыя воззрѣнія впервые выразились въ посланіи старца Филофея къ дьяку Мунехину, гдѣ мы читаемъ " всѣ христіанскія царства преидоша въ конецъ и спадошася во едино царство нашего государя по пророческимъ книгамъ; два убо Рима падоша, а третій |т. е. Москва стоитъ, а четвертому не быть". Здѣсь такимъ образомъ мы встрѣчаемся съ мыслью, что Римъ палъ вслѣдствіе ереси, Константинополь, второй Римъ, палъ по той же причинѣ и осталась одна Москва, которой и назначено во вѣки быть хранительницею православія, ибо четвертому Риму не бывать. И такъ значеніе Константинополя, по убѣжденію книжниковъ, должно быть перенесено на Москву. Но эта увѣрен-

ность искала для себя доказательствъ. И вотъ въ русской литературѣ въ половинѣ XVI вѣка проявляется рядъ сказаній, которыя должны были удовлетворить религіозному и національному чувству русскаго общества. Легенда о томъ, что Андрей Первозванный совершилъ путешествіе въ Россію и былъ тамъ, гдѣ построенъ Кіевъ, получаетъ теперь иной смыслъ, иную окраску. Прежде довольствовались однимъ фактомъ, теперь изъ факта дѣлаютъ уже выводы: христіанство на Руси столь же древне, какъ и въ Византіи. Въ этомъ смыслѣ и высказался Иванъ Грозный, когда сказалъ Поссевину "мы вѣруемъ не въ греческую вѣру, а въ истинную христіанскую, принесенную Андреемъ Первозваннымъ". Возникаетъ даже убѣжденіе въ томъ, что титулъ патріарха перенесенъ съ Запада на Востокъ очень давно. Мы находимъ сказаніе о бѣломъ клобукѣ, который сначала былъ въ Римѣ, потомъ былъ перенесенъ въ Константинополь, а оттуда въ Москву. Это странствованіе клобука, конечно, чисто апокрифическое, имѣло цѣлью доказать, что этотъ высокій іерархическій санъ долженъ съ Востока перейти въ Россію. Далѣе сохранилось сказаніе объ иконѣ Тихвинской Божьей Матери, которая покинула Константинополь и перешла на Русь, ибо въ Греціи православіе должно было пасть. Передача регалій обставлена мракомъ неизвѣстности и мы не можемъ навѣрно сказать, когда и при какихъ обстоятельствахъ онѣ появились. И такъ, русскіе люди понимали, что Россія есть единственное государство, которое можетъ хранить завѣты старины. Такъ работала мысль нашихъ книжниковъ. Они чувствовали себя въ религіозномъ отношеніи выше грековъ, но факты не соотвѣтствовали такому убѣжденію. На Руси не было еще ни царя, ни патріарха. Русская церковь не считалась первою православною церковью и даже не пользовалась независимо-[illegible]ю. И такъ, мысль витала выше фактовъ, опережала ихъ.

Теперь стараются догнать ихъ. Старецъ Филофей уже называетъ Василія II царемъ". Вся царства православныя христіанскія вѣры" говоритъ онъ, "снидошася въ твое единоцарство: единъ ты во всей поднебесной христіанамъ царь". Иванъ Грозный, принявъ титулъ царя, осуществилъ часть этой задачи. Онъ искалъ признанія этого титула на востокѣ и греческіе іерархи прислали ему утвердительную грамоту |1561|. Но оставалось еще неосуществленнымъ, другая часть - учрежденіе патріаршества. Относительно послѣдняго на Москвѣ знали, что греческіе іерархи отнесутся несочувственно къ стремленію русскаго духовенства получить полную самостоятельность. Правда, зависимость эта была номинальная: она выражалась въ платоническомъ уваженіи, которое выказывали московскіе митрополиты восточнымъ патріархамъ, и въ различныхъ пособіяхъ, но восточные іерархи придавали этому факту большое значеніе, полагая, что русская церковь подчинена восточной. Съ паденіемъ Константинополя московскій митрополитъ сталъ богаче средствами и выше властью всѣхъ восточныхъ патріарховъ. На востокѣ же жизнь была стѣснена, матеріальныя средства сильно оскудѣли и вотъ восточные патріархи стали считать себя въ правѣ обращаться въ Москву, какъ въ городъ, подчиненный имъ въ церковномъ отношеніи, за пособіями. Отсюда начинаются частыя поѣздки въ Москву за милостыней, но это только возвысило московскаго митрополита въ глазахъ русскаго общества. Стали полагать, что главный вселенскій Константинопольскій патріархъ долженъ быть замѣненъ Московскимъ вселенскимъ патріархомъ. Но греческіе патріархи держались того мнѣнія, что санъ этотъ можетъ быть только у нихъ, ибо составляетъ исконную ихъ принадлежность. Несмотря на это Москва пожелала имѣть у себя патріарха и для осуществленія своего желанія избрала практическій

путь. Она принялась за это при Борисѣ Годуновѣ. Лѣтомъ 1586 года пріѣхалъ въ Москву Антіохійскій патріархъ Іоакимъ. Ему дали знать о желаніи царя Ѳедора учредить въ Москвѣ патріаршій престолъ. Іоакимъ отвѣчалъ уклончиво, однако взялся пропагандировать эту мысль на востокѣ. Русскій агентъ, Адатовъ, отправленъ былъ вслѣдъ за Іоакимомъ, чтобы наблюдать, какъ пойдетъ это дѣло. Но Адатовъ привезъ неутѣшительныя вѣсти. Такъ прошло два года въ неопредѣленномъ положеніи. Вдругъ лѣтомъ 1588 года разошлась вѣсть, что въ Смоленскъ пріѣхалъ старшій изъ патріарховъ, Византійскій Іеремія. Въ Москвѣ всѣ были взволнованы, дѣлались различныя предположенія, зачѣмъ и съ какой стати онъ пріѣхалъ. Приставъ, отправленный встрѣчать и провожать патріарха до Москвы, получилъ наказъ развѣдать "есть ли съ нимъ отъ всѣхъ патріарховъ съ соборнаго приговора къ государю приказъ". По пріѣздѣ въ Москву Іеремія былъ помѣщенъ на дворѣ Рязанскаго владыки. Къ нему приставили такихъ людей, которые были покрѣпче, при чемъ имъ было приказано не допускать къ патріарху никого изъ иностранцевъ. Вообще его держали, какъ въ тюрьмѣ. Разговоры велись съ нимъ по преимуществу такіе, которые клонились къ учрежденію патріаршества. Іереміи наконецъ прямо предложили перенести патріаршество изъ Константинополя въ Москву. Онъ согласился. Того только и ждали. Но самъ Іеремія былъ неудобенъ. Въ Москвѣ это понимали хорошо. Это значило бы допустить ново-греческія ереси въ русскую церковь. Поэтому говорили, что на Москвѣ Іереміи оставаться неудобно, такъ какъ тамъ есть Іовъ, а онъ долженъ переѣхать во Владиміръ. И такъ вмѣсто Москвы Іереміи предложили поселиться во Владимірѣ, городѣ, неимѣвшемъ никакого политическаго значенія. Греки поняли это такъ, что москвитяне ихъ обманули, что они вовсе не хотѣли имѣть сво-

имъ патріархомъ Іеремію, и Іеремія отказался отъ Владиміра. Однако вопросъ принципіально былъ рѣшенъ. Если Іеремія самъ не хочетъ быть патріархомъ, то долженъ вмѣсто себя поставить другого. Но теперь уже, конечно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы перенести патріаршество во Владиміръ, такъ что Іеремія поставилъ Іова на Московское и на Владимірское патріаршество. Іеремія понялъ, что его согласіе на поставленіе Іова будетъ встрѣчено несочувственно на востокѣ. Дѣйствительно, на востокѣ извѣстіе объ учрежденіи на Москвѣ новаго патріаршества было принято холодно. Тамъ были увѣрены, что Іеремію обманули и не хотѣли санкціонировать совершившійся фактъ. Но противиться долго было нельзя, ибо Москва была сильна и въ случаѣ отказа могла отказать въ пособіяхъ. И вотъ состоялся соборъ, гдѣ, хотя и согласились признать вновь учрежденное патріаршество, на Москвѣ, но Московскій патріархъ долженъ занимать младшее мѣсто. Въ Москвѣ на первый разъ были довольны и этимъ. Съ этого времени русская церковь стала вполнѣ независимой; Русь стала царствомъ, а Москва сдѣлалась патріаршимъ городомъ. Этотъ послѣдній шагъ къ патріаршеству былъ плодомъ дипломатическаго умѣнія Бориса Годунова, который въ то время руководилъ всею дѣятельностью московскаго правительства, и прямо гордился этимъ успѣхомъ.

.....

Что касается до личныхъ свойствъ Бориса, то они способны были подкупить многихъ въ его пользу. Отъ природы одаренный рѣдкимъ умомъ и способный на хитрость, Борисъ росъ при опальчивомъ и капризномъ Грозномъ и въ придворной средѣ того времени въ высшей степени, конечно, усвоилъ привычку сдерживать себя, управлять собою; онъ являлся всегда свѣтлымъ и привѣтливымъ и мягкимъ обращеніемъ даже

на высотѣ власти никогда не давалъ чувствовать своего могущества. Обычаи опричнины, гдѣ безнравственность доходила до послѣднихъ предѣловъ цинизма и людская жизнь цѣнилась очень дешево, ни во что, не могли не отразиться на Борисѣ, но отразились слабѣе, чѣмъ можно было ожидать. Правда Борисъ, легко смотрѣлъ на жизнь и свободу съ нашей точки зрѣнія, но въ XVI вѣкѣ одинаковой жестокостью отличалась и темная Русь при Иванѣ IV, и просвѣщенная политика Екатерины Медичи и благочестивые экстазы Филиппа II-го. По мѣркѣ того времени Борисъ былъ очень гуманнною личностью, даже въ минуты самой жаркой его борьбы съ боярствомъ: "лишней крови онъ никогда не проливалъ, лишнихъ жестокостей не дѣлалъ и сосланнымъ враговъ приказывалъ держать въ достаткѣ, не обижая". Не уступая передъ ссылкой, постриженіемъ и казнью, не отступалъ онъ въ послѣдніе свои годы и передъ доносами, поощрялъ ихъ, но эти годы были, какъ увидимъ, ужаснымъ временемъ въ жизни Бориса, когда ему приходилось бороться на жизнь и смерть. Не будучи безнравственнѣе своихъ современниковъ въ сферѣ политики, Борисъ остался нравственнымъ человѣкомъ и въ частной жизни. Сохранились преданія, что онъ былъ хорошій семьянинъ и очень нѣжный отецъ. Какъ личность онъ былъ способенъ на высокія движенія: можно назвать самоотверженнымъ его поступокъ, когда онъ во время ссоры Грознаго съ его сыномъ Иваномъ закрылъ собою Ивана отъ ударовъ отца. Благотворительность и "нищелюбіе" стали всѣмъ извѣстными свойствами Бориса.

Близость къ образованному Ивану развила и въ Борисѣ вкусъ къ образованности, а его ясный умъ опредѣленно подсказалъ ему стремленіе къ общенію съ цивилизованнымъ западомъ. Борисъ призывалъ на Русь и ласкалъ иностранцевъ, посылалъ русскую молодежь заграницу учиться | любо-

пытно, что ни одинъ изъ нихъ не вернулся назадъ въ Россію| и своему горячо любимому сыну далъ прекрасное, по тому времени, образованіе. Есть извѣстія, что при Борисѣ въ Москвѣ начали распространяться западные обычаи. Патріархъ Іовъ даже терпѣлъ упреки за то, что онъ не противодѣйствовалъ этимъ новшествамъ; очень горьки были ему эти упреки, но онъ боялся открыто обличать эту новизну, потому что въ самомъ царѣ видѣлъ сильную ей поддержку.

Борисъ въ своей дѣятельности былъ преимущественно умнымъ гражданскимъ дѣльцомъ и искуснымъ дипломатомъ. Одаренный мягкой натурой, онъ не любилъ военнаго дѣла, по возможности избѣгалъ войны и почти никогда самъ не предводительствовалъ войскамъ.

Такою представляется личность Бориса тому, кто пробуетъ собрать ея черты, не предубѣжденный обычными ходячими обвиненіями. Для этихъ обвиненій мало почвы: улики противъ Бориса слишкомъ шатки. И это, конечно, чувствовалъ Карамзинъ, когда писалъ въ своемъ "Вѣстникѣ Европы" | 1803 | о Борисѣ Годуновѣ: "Пепелъ мертвыхъ не имѣетъ заступника, кромѣ нашей совѣсти: все безмолвствуетъ вокругъ древняго гроба... Что, если мы клевещемъ на сей пепелъ, если несправедливо терзаемъ память человѣка, вѣря ложнымъ мнѣніямъ, принятымъ въ лѣтопись безсмыслiемъ или враждою"? Но черезъ нѣсколько лѣтъ Карамзинъ уже вѣрилъ этимъ мнѣніямъ и Борисъ сталъ для него | и этимъ самымъ для многихъ | человѣкомъ "дѣятельнымъ и совѣтолюбивымъ", но " преступникомъ", возникшимъ изъ личности рабской до высоты самодержца усиліями неутомимыми, хитростью неусыпной, коварствомъ, происками, злодѣйствами".

. . . . . .

Первые два года своего царствованія Борисъ, по общему отзыву, былъ образцовымъ правителемъ и страна продол-

жала оправляться отъ своего упадка. Но далѣе пошло иначе: поднялись на Русь и на царя Бориса тяжелыя бѣды. Въ 1601 году начался баснословный голодъ вслѣдствіе сильнаго неурожая, такъ какъ отъ сильныхъ дождей хлѣбъ проросъ, а потомъ сильными морозами его погубило на корню. Первый годъ голода еще кое какъ жили впроголодь, старымъ хлѣбомъ, но когда въ слѣдующемъ году посѣвы погибли въ землѣ, тогда уже насталъ полный голодъ со всѣми его ужасами. Народъ питался Богъ знаетъ чѣмъ: травой, сѣномъ и даже трупами животныхъ и людей. Для этого даже убивали людей. Чтобы облегчить положеніе голодавшихъ Борисъ объявилъ даровую раздачу въ Москвѣ денегъ и хлѣба, но эта благая по цѣли мѣра принесла вредъ: надѣясь на даровое пропитаніе въ Москву шли толпы народа, даже и такого, который могъ бы съ грѣхомъ пополамъ прокормиться дома; въ Москвѣ царской милостыни не хватало и много народу умерло. Къ тому же и милостыню давали недобросовѣстно: тѣ, кто раздавалъ деньги и хлѣбъ, ухитрялись раздавать своимъ друзьямъ и родственникамъ, а народу приходилось оставаться голоднымъ. Открылись эпидеміи и въ одной Москвѣ, говорятъ, погибло народу болѣе 127 тыс. Царь сталъ употреблять болѣе дѣйствительныя мѣры: онъ велѣлъ скупать хлѣбъ въ мѣстахъ, гдѣ его было больше, и развозить въ особенно нуждавшіяся мѣстности; сталъ раздавать въ Москвѣ голоднымъ работу.

Урожай 1604 года прекратилъ голодъ, но продолжалось другое зло. Въ голодные годы толпы народа для спасенія себя отъ смерти составляли шайки и разбоемъ доставляли себѣ пропитаніе. Главную роль играли выгнанные своими господами во время голода холопы. Богатые люди этимъ путемъ избавлялись отъ лишнихъ нахлѣбниковъ, но не давали имъ отпускныхъ грамотъ, чтобы при удобномъ случаѣ имѣть право вернуть своихъ холоповъ. Борисъ же приказывалъ такимъ холопамъ

выдавать изъ Холопьяго Приказа, отпускныя, освобождавшія ихъ отъ холопства, но и это немного помогало, потому что и въ свободномъ состояніи они не могли нигдѣ пристроиться. Число этихъ голодныхъ и бѣглыхъ холоповъ пополнялось и свободными голодавшими людьми, которыхъ безкормица заставляла примыкать къ холопьимъ шайкамъ и разбойничать. Ни одна область Руси не была свободна отъ разбойниковъ. Они бродили даже около Москвы и противъ одной такой шайки Хлопка Косолапа Борису пришлось выставить крупную военную силу и то съ трудомъ удалось одолѣть эту толпу разбойниковъ.

Съ 1601 года замутился и политическій горизонтъ. Еще въ 1600 или 1601 году, какъ сообщаетъ Маржеретъ, явился слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ. Всѣ историки болѣе или менѣе согласились въ томъ, что въ дѣлѣ появленія самозванца активную роль съиграло московское боярство, враждебное Борису. На это есть намеки въ нашихъ сказаніяхъ: въ одномъ прямо говорится, что Борисъ " навелъ на себя негодованіе чиноначальниковъ", что и "погубило доброцвѣтущую царства его красоту". Буссовъ нѣсколько разъ повторяетъ, что Лжедмитрій былъ поставленъ боярами и что объ этомъ зналъ самъ Годуновъ и прямо въ лицо говорилъ это боярамъ. Въ соединеніи съ этими извѣстіями получаетъ цѣну и указаніе лѣтописцевъ на то, что Григорій Отрепьевъ бывалъ и жилъ во дворцѣ у Романовыхъ и у Черкасскихъ, а также и разсказъ о томъ, что Василій Ивановичъ Шуйскій впослѣдствіи прямо говорилъ, что признали самозванца только для того, чтобы избавиться отъ Бориса. Въ томъ, что самозванецъ былъ плодомъ р у с с к о й интриги убѣждаютъ насъ и слѣдующія обстоятельства: во первыхъ, по сказаніямъ очевидцевъ, названный Дмитрій былъ великороссіянинъ и грамотѣй, бойко объяснявшійся по русски, тогда какъ польская цивилизація ему давалась плохо; во вторыхъ іезуиты, которые

должны были стоять въ центрѣ интриги, если бы она была польской, за Лжедмитрія ухватились только тогда, когда онъ уже былъ готовъ, и, какъ видно изъ посланія папы Павла У Сендомирскому воеводѣ, даже въ католичество обратили его не іезуиты, а францисканцы, и въ третьихъ наконецъ, польское общество относилось съ недовѣріемъ къ царскому происхожденію Самозванца, презрительно о немъ отзывалось, а къ дѣлу его большинство относилось недовѣрчиво.

На основаніи этихъ данныхъ возможно понимать дѣло такъ, что въ лицѣ Самозванца Московское боярство еще разъ попробовало напасть на Бориса. При Ѳедорѣ Ивановичѣ, нападая открыто, оно постоянно терпѣло пораженія и Борисъ все усиливался и возвышался. Боярство не могло помѣшать ему занять престолъ, потому что помимо популярности Бориса права его на царство были серьезнѣе правъ всякаго другого въ глазахъ народа по родству Бориса съ угасшею династіею. Съ Борисомъ царемъ нельзя было открыто бороться боярству, потому что онъ былъ сильнѣе боярства, , а сильнѣе и выше Бориса для народа была лишь династія Даниловичей. Свергнуть его можно было только во имя ея. Съ этой точки зрѣнія вполнѣ цѣлесообразно было популяризовать слухъ объ убійствѣ Дмитрія, совершенномъ Борисомъ, и воскресить этого Дмитрія. Передъ этимъ боярство не остановилось.

О замыслѣ бояръ, должно быть, Борисъ узналъ еще въ 1600 году и въ связи съ этимъ, вѣроятно, стоятъ опалы Бориса. Первая опала постигла Богдана Бѣльскаго, крамольника 1584 года и воспитателя царевича Дмитрія. Онъ былъ сосланъ при Ѳедорѣ, но потомъ прощенъ, такъ что ему позволили было вернуться въ Москву. Около 1600 года Борисъ отправилъ его въ степь строить на рѣкѣ Донцѣ городокъ Борисовъ. Бѣльскій очень ласкалъ тамъ рабочихъ людей, кормилъ ихъ, искалъ ихъ расположенія и показался опаснымъ

Борису. О томъ, за что именно онъ пострадалъ, передаютъ различно, но его внезапно постигла опала, мученія и ссылка. Вообще это дѣло Бѣльскаго очень темно. Нѣсколько больше мы знаемъ о дѣлѣ Романовыхъ. Послѣ Бѣльскаго пришелъ ихъ черед. Романовыхъ было пять братьевъ Никитичей: Ѳедоръ Александръ, Михаилъ, Иванъ и Василій. Изъ нихъ особенной любовью и популярностью въ Москвѣ пользовался красивый и привѣтливый Ѳедоръ Никитичъ. Онъ былъ первымъ московскимъ щеголемъ и удальцемъ |Примѣряя кому либо платье, если хотѣли сказать комплиментъ платью и хозяину его, выражались что оно сидитъ, "какъ на Ѳедорѣ Никитичѣ"|. Въ 1601 году всѣ эти Романовы были сосланы со своими семьями въ разныя мѣста и только двое изъ нихъ |Ѳедоръ и Иванъ| пережили свою ссылку, остальные же умерли въ ссылкѣ, но не по винѣ Бориса. Вмѣстѣ съ Романовыми были сосланы и ихъ родственники: князья Черкасскіе, Сицкіе, Шестуновы, Рѣпнины, Карповы. Лѣтопись повѣствуетъ, что Романовы пострадали отъ ложнаго доноса ихъ человѣка, -Втораго - Бартенева. Бартеневъ по уговору съ Семеномъ Годуновымъ обвинилъ ихъ въ томъ, что у нихъ было на Бориса "отравное зелье". До насъ дошло любопытное дѣло о ссылкѣ Романовыхъ; въ немъ имѣются инструкціи царя, чтобы съ ссыльными боярами обращались мягко и не притѣсняли ихъ. Этотъ документъ отлично оправдываетъ Бориса отъ излишнихъ обвиненій въ жестокости во время его царствованія. Хотя необходимо сознаться, что при его опалахъ было много пытокъ, пострадало много людей и развились доносы въ сравненіи съ эпохою Грознаго. Въ своихъ многочисленныхъ опалахъ, слѣдовавшихъ за ссылкою Романовыхъ, Борисъ почти не прибѣгалъ къ казни, хотя для него дѣло и стояло очень серьезно: преслѣдуя бояръ, не пропуская никого за польскую границу, онъ, очевидно, съ тревогой искалъ нитей того заговора, который могъ его погу-

бить призракомъ Дмитрія, и не находилъ этихъ нитей. Онѣ отъ него ускользаютъ, а черезъ нѣсколько времени въ Польшѣ является человѣкъ, который выдаетъ себя за спасеннаго царевича Дмитрія.

Неизвѣстно, кто онъ былъ на самомъ дѣлѣ, хотя о его личности дѣлалось много розысканій и высказано много догадокъ. Московское правительство объявило его Галицкимъ боярскимъ сыномъ Гришкой Отрепьевымъ только въ январѣ 1605 года. Раньше въ Москвѣ, вѣроятно, не знали, на кого подумать и кѣмъ назвать Самозванца. Достовѣрность этого оффиціальнаго показанія принимали на вѣру всѣ старые наши историки, принималъ и С. М. Соловьевъ, который держится однако того убѣжденія, что обманъ Самозванца съ его стороны былъ неумышленный, и что Отрепьевъ самъ вѣрилъ въ свое царственное происхожденіе. Въ 1864 году явилось прекрасное изслѣдованіе Костомарова подъ названіемъ "Кто былъ первый Самозванецъ"? Въ этомъ трудѣ онъ доказываетъ, во первыхъ, что Лжедмитрій и Отрепьевъ два разныхъ лица, во вторыхъ, что названный Дмитрій не былъ царевичемъ, но вѣрилъ въ свое царское происхожденіе, и въ третьихъ, что Самозванецъ былъ дѣломъ боярскихъ рукъ. Виднѣйшимъ дѣятелемъ этой интриги онъ считаетъ Богдана Бѣльскаго. Въ томъ же 1864 году появилась статья Бицына | "День 1864 г. №№51 и 52, "Правда о Лжедмитріи"|. Бицынъ старается доказать, что въ Москвѣ съ самозванству готовили именно Григорія Отрепьева, но что царствовалъ будто бы не онъ: въ Польшѣ Отрепьева замѣнили какимъ то другимъ неизвѣстнымъ лицомъ, подставленнымъ іезуитами. Но въ статьѣ Бицына есть одинъ недостатокъ: въ ней нѣтъ второй половины біографіи Отрепьева| послѣ его бѣгства въ Литву| и первой половины біографіи неизвѣстнаго Самозванца| до его вступленія въ роль царевича|. Въ 1865 году появился

еще трудъ о Лжедмитріи, трудъ Иконникова. Въ своей статьѣ "Кто былъ первый Лжедмитрій" | Кіевскіе университетскія извѣстія ", февраля 1865г. | Иконниковъ беретъ въ основу своего изслѣдованія точку зрѣнія Маржерета и нѣкоторыхъ другихъ современниковъ, что Лжедмитрій есть истинный царевичъ, спасенный во время отъ убійства. Затѣмъ помянемъ еще "Изслѣдованіе о личности перваго Лжедмитрія", принадлежащее Казанскому | помѣщено въ Русскомъ Вѣстникѣ" за 1877г. | который видитъ въ Самозванцѣ Отрепьева и статью Д.И.Иловайскаго | "Историческій Вѣстникъ" 1891, XII |, гдѣ читаемъ утвержденіе, что Самозванецъ не только не былъ Григорій Отрепьевъ, но что онъ былъ родомъ изъ Польско-Литовской, а не Московской Руси.

При такомъ разногласіи изслѣдователей и неполнотѣ историческихъ данныхъ, составить себѣ опредѣленное мнѣніе о личности названнаго Дмитрія трудно. Большинство историковъ признаетъ въ немъ Григорія Отрепьева; Костомаровъ прямо говоритъ, что ничего не знаетъ о его личности, а Иконниковъ признаетъ въ немъ настоящаго царевича. Безспорно, однако, то что Отрепьевъ участвовалъ въ этомъ замыслѣ: легко можетъ быть, что роль его ограничивалась пропагандой въ пользу Самозванца и была подобна роли Молчанова при второмъ Самозванцѣ | есть извѣстіе, что Отрепьевъ пріѣхалъ въ Москву вмѣстѣ съ Лжедмитріемъ, а потомъ былъ сосланъ имъ за пьянство |. За достовѣрное можно также принять и то, что Лжедмитрій затѣя московская, что это подставное лицо вѣрило въ свое царственное происхожденіе и свое восшествіе на престолъ считало дѣломъ вполнѣ справедливымъ и честнымъ

Не будемъ останавливаться подробно на обычныхъ разсказахъ о странствованіяхъ Самозванца на Руси и Польшѣ; въ нихъ трудно отличить быль отъ сказки. Обыкновенно объ объ Отрепьевѣ повѣствуютъ такъ: въ молодости онъ жилъ

во дворѣ у Романовыхъ и у князей Черкасскихъ странствовалъ по разнымъ монастырямъ ,пріютился въ Чудовомъ монастырѣ и былъ взятъ къ патріарху Іову для книжнаго письма. Потомъ онъ бѣжалъ въ Литву пропадалъ нѣсколько времени безвѣстно и вновь выплылъ :явился слугою у Вишневецкаго; тамъ во время болѣзни открылъ свое царское происхожденіе. Вишневецкіе и Мнишекъ первые пустили въ ходъ Самозванца въ Польскомъ обществѣ.Какъ только Самозванецъ сталъ извѣстенъ,около него явились Францисканцы и овладѣли его умомъ,склонивъ его въ латинство,іезуиты продолжали ихъ дѣло,а ловкая панна Марина Мнишекъ завладѣла сердцемъ молодого царевича.

Будучи представленъ къ Польскому двору и признанъ имъ въ качествѣ царевича,Самозванецъ получаетъ поддержку во первыхъ въ Римской куріи,въ глазахъ которой онъ служитъ прекраснымъ предлогомъ къ открытію латинской пропаганды въ Московской Руси, во вторыхъ въ Польскомъ правительствѣ, для котораго Самозванецъ казался очень удобнымъ средствомъ или пріобрѣсти вліяніе въ Москвѣ| въ случаѣ удачи Самозванца| или произвести смуту и этимъ ослабить сильную сосѣдку,въ третьихъ въ бродячемъ населеніи южныхъ степей и въ извѣстной части Польскаго общества деморализованной и склонной къ авантюризму. При этомъ надо однако,замѣтить,что въ своемъ цѣломъ Польское общество замѣчательно сдержанно относилось къ дѣлу Самозванца и не увлекались его личностью и разсказами.О приключеніяхъ московскаго царевича канцлеръ и гетманъ Янъ-Замойскій съ полнымъ недовѣріемъ выражался:"Это комедія Плавта или Теренція,что-ли?" |Czy to Plauti, czy Terentiusowa comedia |Не вѣрили Самозванцу лучшія части Польскаго общества ,не вѣрилъ ему и Польскій сеймъ 1605г., который запретилъ Полякамъ поддерживать Самозванца и рѣшилъ изъ за это наказы-

вать. Хотя Сигизмундъ и не утверждалъ этихъ постановленій сейма, однако онъ и самъ не рѣшался открыто и оффиціально поддерживать Самозванца и ограничился тѣмъ, что далъ ему денежную субсидію и позволилъ вербовать въ свою дружину охочихъ людей. Яснѣе выражала свои симпатіи къ "несчастному царевичу" Римская курія. Съ такой поддержкой съ войскомъ изъ польской и казацкой сволочи, Дмитрій выступилъ на Русь и имѣлъ успѣхъ въ южныхъ областяхъ Московской Руси: тамъ охотно признавали его. Нѣкоторыя отдѣльныя стычки Самозванца съ московскими войсками ясно показали, что Самозванецъ никогда бы не достигъ Москвы съ его жалкими отрядами, если бы Борисово войско не было въ какомъ то нравственномъ неудомѣніи, а воеводы |Мстиславскій, Шуйскій| дѣйствовали прямо въ руки Самозванцу. Имя царевича Дмитрія, послѣдней вѣтви великаго царскаго, рода, лишало московскія войска всякой нравственной опоры: не будучи въ состояніи провѣрить слухи о подлинности этого воскресшаго царевича, московскіе люди готовы были вѣрить въ него и не могли драться противъ законнаго царя по своимъ религіознымъ и политическимъ взглядамъ. А боярство, легко можетъ быть, было просто радо успѣхамъ Самозванца и давало ему возможность торжествовать надъ царскими войсками, въ успѣхѣ Лжедмитрія предвидя гибель ненавистныхъ Годуновыхъ.

А гибель Годуновыхъ была близка. Въ то время, когда положеніе дѣлъ въ сѣверномъ краѣ было очень неопредѣленно, когда слабый силами Лжедмитрій усиливался часъ отъ часу отъ бездѣйствія царскихъ воеводъ и становился все опаснѣе и опаснѣе, умираетъ царь Борисъ съ горькимъ сознаніемъ, что онъ и его семья лишены всякой почвы подъ ногами и побѣждены призракомъ законнаго царя. При сынѣ Бориса, когда не стало силы обаянія сильной личности Бориса, дѣ-

Лекціи по Русской Исторіи проф. Платонова. Листъ 8-й.
Литографія Богданова Эртелевъ пер. 12.

Директоръ Курсовъ

ла Самозванца пошли и скорѣе и лучше. Боярство стало себя держать болѣе опредѣленно: новый воевода Басмановъ, со всѣмъ войскомъ прямо передался на сторону Дмитрія. Самозванца признали настоящимъ царемъ всѣ высшіе боярскіе роды и онъ тріумфальнымъ шествіемъ двинулся къ Москвѣ.

Настроеніе умовъ въ самой Москвѣ было очень шатко. I-го Іюня I605 года въ Москву явились отъ Самозванца Плещеевъ и Пушкинъ, остановились въ одной изъ Московскихъ слободъ и читали тамъ грамоту Самозванца, адресованную Москвичамъ. Въ грамотѣ описывалась вся исторія царевича, его спасеніе, военные успѣхи; грамота кончалась обѣщаніемъ народу всевозможныхъ льготъ. Плешеева и Пушкина народъ повлекъ въ Китай-городъ, гдѣ снова читали грамоту на Красной Площади. Толпа не знала, чему вѣрить въ этомъ дѣлѣ, и рѣшила спросить Василія Шуйскаго, который велъ слѣдственное дѣло объ убійствѣ Дмитрія и лучше другихъ зналъ всѣ обстоятельства смерти царевича.Дмитрія. Шуйскій вышелъ, говорятъ, къ народу, совершенно отрекся отъ своихъ прежнихъ показаній и увѣрялъ, что Борисъ послалъ убить царевича, но царевича спасли, а былъ убитъ поповскій сынъ. Тогда народъ бросился въ Кремль, схватилъ царя Федора съ матерью и сестрой и перевелъ ихъ въ прежній Борисовъ боярскій домъ, а затѣмъ началъ грабить иноземцевъ "Борисовыхъ пріятелей". Вскорѣ затѣмъ пріѣхали отъ Самозванца въ Москву князья Голицынъ и Мосальскій, что-бы "покончить" съ Годуновыми. Они сослали патріарха Іова въ Старицу, убили царя Федора и его мать, а его родню подвергли ссылкѣ и заточенію. Семенъ Годуновъ былъ задушенъ. Такъ кончилось время Годуновыхъ.

.....

20-го Іюня I605 года Дмитрій съ торжествомъ въѣхалъ въ Москву при общемъ восторгѣ увѣровавшихъ въ него мос-

квичей. Черезъ четыре дня |24 Іюня| былъ поставленъ новый патріархъ, грекъ Игнатій, одинъ изъ первыхъ признавшій Самозванца. Скоро были возвращены изъ ссылки Нагіе и Романовы и заняли почетное мѣсто при дворѣ. Филаретъ былъ поставленъ митрополитомъ Ростовскимъ. За инокиней Марѳой Нагой, матерью Дмитрія, ѣздилъ знаменитый въ послѣдствіи князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. Признаніе Самозванца со стороны Марѳы за сына и царевича должно было окончательно утвердить его на московскомъ престолѣ, и она признала его за сына. Въ Іюлѣ ее привезли въ Москву и произошло первое, трогательное свиданіе съ ней Лжедмитрія. Инокиня Марѳа прекрасно представилась нѣжной матерью, Дмитрій обращался съ ней, какъ нѣжный сынъ. Про Дмитрія мы имѣемъ много свидѣтельствъ, доказывающихъ, что онъ вѣрилъ въ свое царское происхожденіе и долженъ былъ считать Марѳу дѣйствительно своею матерью, такъ что его нѣжность при встрѣчѣ съ ней могла быть вполнѣ искренна. Но совершенно иначе представляется поведеніе Марѳы. Внѣшность Самозванца была такъ исключительна, что, кажется, и самая слабая память не могла смѣшать его съ покойнымъ Дмитріемъ. Для Марѳы это тѣмъ болѣе немыслимо, что она не разлучалась со своимъ сыномъ, присутствовала при его смерти, отчаянно его оплакивала. Въ немъ были надежды всей ея жизни, она его берегла, какъ зеницу ока, и ей ли было его не знать? Ясно, что нѣжность ея къ Самозванцу истекаетъ изъ того, что этотъ человѣкъ, воскрешая въ себѣ ея сына, воскрешалъ для нея то положеніе царской матери, о которомъ она мечтала въ Угличскомъ заточеніи. Для этого положенія она рѣшилась на всенародное притворство, слабодушно опасаясь новой опалы въ томъ случаѣ, если бы она оттолкнула отъ себя самозваннаго сына.

Въ то самое время, когда Марѳа, признавая подлинность

Самозванца способствовала его окончательному торжеству и утверждала его на престолѣ, Василій Шуйскій ему уже измѣнилъ. Этотъ человѣкъ не стѣснялся мѣнять свои показанія въ дѣлѣ Дмитрія: въ I59I году онъ установилъ фактъ самоубійства Дмитрія и невинность Бориса, послѣ смерти Годунова передъ народомъ обвинилъ его въ убійствѣ, призналъ Самозванца Дмитріемъ и этимъ вызвалъ сверженіе Годуновыхъ. Но едва Лжедмитрій былъ признанъ Москвою, какъ Шуйскій началъ противъ него интригу, объявя его Самозванцемъ. Интрига была во время открыта новымъ царемъ и онъ отдалъ Шуйскаго съ братьями на судъ выборнымъ людямъ, Земскому Собору. На Соборѣ, вѣроятно, составленномъ изъ однихъ москвичей, никто не "пособствовалъ" Шуйскимъ, какъ выражается лѣтописецъ, но "всѣ на нихъ кричали" и духовенство и бояре, и простые люди. Шуйскіе были осуждены и отправлены въ ссылку, но очень скоро прощены Лжедмитріемъ. Это прощеніе въ такомъ щекотливомъ для Самозванца дѣлѣ, какъ вопросъ о его подлинности, равно какъ и то обстоятельство, что такое дѣло было отдано на судъ народу, ясно показываетъ, что Самозванецъ вѣрилъ, что онъ "прирожденный" истинный царевичъ; иначе онъ не рискнулъ бы поставить такой вопросъ на разсмотрѣніе народа, знавшаго и уважавшаго Шуйскихъ за ихъ постоянную близость къ Московскимъ царямъ.

Москвичи мало по малу знакомились съ личностью новаго царя. Характеръ и поведеніе царя Дмитрія производили различное впечатлѣніе: передъ москвичами, по воззрѣніямъ того времени, былъ человѣкъ невоспитанный, или воспитанный, да не по московскому складу. Онъ не умѣлъ держать себя сообразно своему царскому сану: не признавалъ необходимости того этикета "чина", какой окружалъ Московскихъ царей; онъ любилъ молодечествовать, не спалъ послѣ

обѣда, а вмѣсто этого запросто бродилъ по Москвѣ. Не умѣлъ онъ держать себя и по православному обычаю: не посѣщалъ храмовъ, любилъ самъ одѣваться по польски и также по польски и по нѣмецки одѣвалъ свою стражу; водился съ поляками и очень ихъ любилъ; отъ него пахло ненавистнымъ Москвѣ латинствомъ и Польшей.

Но съ польской точки зрѣнія это былъ невоспитанный человѣкъ. Онъ былъ необразованъ: плохо владѣлъ польскимъ языкомъ, еще плоше латинскимъ, писалъ "imperator" вмѣсто "imperator". Такую особу, какой была Марина Мнишекъ личными достоинствами онъ, конечно, прельстить не могъ. Онъ былъ очень некрасивъ: разной длины руки, большая бородавка на лицѣ, некрасивый большой носъ, волосы торчкомъ, несимпатичное выраженіе лица, лишенная таліи, неизящная фигура - вотъ какова была внѣшность Самозванца. Брошенный судьбою въ Польшу, умный и переимчивый, безъ тѣни расчета въ своихъ поступкахъ, онъ понахватался въ Польшѣ внѣшнихъ пріемовъ, внѣшняго лоска, кое чему научился и, попавъ на престолъ, проявилъ на немъ любовь и къ Польшѣ и къ наукѣ, и къ широкимъ политическимъ замысламъ вмѣстѣ со вкусами степнаго гуляки. Въ своей сумасбродной, лишенной всякихъ традицій головѣ, онъ питалъ утопическіе планы завоеванія Турціи, готовился къ этому завоеванію и искалъ союзниковъ въ Европѣ. Но въ этой странной натурѣ замѣтенъ былъ большой умъ. Этотъ умъ проявлялся и во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ. Слѣдя за ходомъ дѣлъ въ боярской думѣ, Самозванецъ, по преданію, удивлялъ бояръ замѣчательной быстротой ума и соображенія. Онъ легко рѣшалъ тѣ дѣла, о которыхъ долго думали и спорили бояре. Въ дипломатическихъ своихъ сношеніяхъ онъ проявлялъ много политическаго такта. Чрезвычайно много обязанный папѣ и Сигизмунду, онъ былъ съ ними, повидимому въ очень

хорошихъ отношеніяхъ, увѣрялъ ихъ въ неизмѣнныхъ чувствахъ преданности, но вовсе не спѣшилъ подчинить русскую политику вліянію польской дипломатіи. Будучи въ Польшѣ онъ самъ принялъ католичество и надавалъ массу самыхъ широкихъ обѣщаній королю и папѣ, но въ Москвѣ забылъ и католичество и свои обязательства, а когда ему о нихъ напоминали, онъ отвѣчалъ на это предложеніемъ союза противъ Турокъ; онъ былъ освѣдомленъ о политическихъ планахъ Баторія и, какъ послѣдній, мечталъ объ изгнаніи Турокъ изъ Европы.

Но для его увлекающейся натуры гораздо важнѣе всѣхъ политическихъ дѣлъ было его влеченіе къ Маринѣ. Оно отражалось даже на его дипломатическихъ дѣлахъ. Марину онъ ждалъ въ Москву съ полнымъ нетерпѣніемъ. Въ Ноябрѣ 1605 года былъ совершенъ въ Краковѣ обрядъ ихъ обрученія, причемъ мѣсто жениха занималъ царскій посолъ Власьевъ. Этотъ Власьевъ во время обрученія поразилъ и насмѣшилъ поляковъ своеобразіемъ манеръ. Такъ во время обрученія, когда по обряду спросили, не давалъ ли Дмитрій кому нибудь обѣщанія, кромѣ Марины, онъ отвѣчалъ "А мнѣ какъ знать? О томъ мнѣ ничего не сказано". Въ Москву однако Марина пріѣхала только 2 Мая 1606 года; а 8 происходила свадьба. Обрядъ былъ совершенъ по старому русскому обычаю, но русскихъ непріятно поразило здѣсь присутствіе на свадьбѣ поляковъ и несоблюденіе нѣкоторыхъ, хотя и мелкихъ обрядностей.Не нравилось народу и поведеніе польской свиты Мнишекъ, наглое и высокомѣрное. Царь Дмитрій съ его польскими симпатіями не производилъ уже прежняго обаянія на народъ, хотя противъ него и не было общаго опредѣленнаго возбужденія. Не имъ народъ былъ недоволенъ, а его пріятелями-поляками, однако это недовольство не высказывалось открыто.

Лжедмитрій сослужилъ свою службу, къ которой предназначался своими творцами, уже въ моментъ своего воцаренія, когда умеръ послѣдній Годуновъ - Федоръ Борисовичъ. Съ минуты его торжества въ немъ боярство уже не нуждалось. Онъ сталъ какъ бы орудіемъ, отслужившимъ свою службу и никому болѣе не нужнымъ, даже лишней обузой, устранить которую было бы желательно, ибо, если ее устранить, путь къ престолу будетъ свободенъ достойнѣйшимъ въ цѣарствѣ. И устранить это препятствіе бояре стараются, повидимому съ первыхъ же дней царствованія Самозванца. Какъ интриговали они противъ Бориса, такъ теперь открываютъ походъ на Лжедмитрія. Во главѣ ихъ стали теперь Шуйскій, какъ прежде, по мнѣнію нѣкоторыхъ стоялъ Богданъ Бѣльскій. Но на первый разъ Шуйскіе слишкомъ поторопились, чуть было не погибли и, какъ мы видѣли, были сосланы. Урокъ этотъ не пропалъ имъ даромъ: весною 1606 года В. И. Шуйскій вмѣстѣ съ Голицынымъ начали дѣйствовать гораздо осторожнѣе: они успѣли привлечь къ себѣ 18 тысячъ войска, стоявшаго около Москвы; въ ночь съ 16 на 17 мая этотъ отрядъ былъ введенъ въ Москву, а тамъ у Шуйскаго было уже достаточно сочувствующихъ. Однако заговорщики, зная, что далеко не всѣ въ Москвѣ достаточно настроены противъ Самозванца, сочли нужнымъ обмануть народъ и бунтъ подняли яко бы за царя противъ поляковъ, его обижавшихъ. Но дѣло скоро объяснилось. Царь былъ объявленъ самозванцемъ и убитъ въ ночь съ 17 Мая. "Истинный царевичъ" котораго еще такъ недавно трогательно встрѣчали и спасенію котораго такъ радовались, сдѣлался "растригой" "еретикомъ" и "польскимъ свистуномъ". Во время этого переворота былъ свергнутъ и патріархъ Игнатій и было убито отъ 2000 до 3000 русскихъ и поляковъ. Московская чернь начинала уже пріобрѣтать вкусъ къ подобнаго рода дѣламъ.

Москваосталась безъ царя. По удачному выраженію Костомарова "Дмитрій уничтожилъ Годуновыхъ и самъ исчезъ, какъ призракъ, оставивъ за собою страшную пропасть, чуть было не проглатившую Московское государство" |"Кто былъ| первый Лжедмитрій?" стр. 62|. Дѣйствительно, послѣ смерти Федора была хозяиномъ Ирина, а еще болѣе Борисъ, по смерти Годуновыхъ -Дмитрій, а послѣ него не было никого или, вѣрнѣе, готовилась хозяйничать боярская среда: на полѣ битвы она осталась единой побѣдительницей. Сохранилось извѣстіе , что еще до сверженія Дмитрія бояре, возставшіе на Самозванца, сдѣлали уговоръ, что тотъ изъ нихъ, кому Богъ дастъ быть царемъ" не будетъ мстить за прежнія досады" а долженъ " по общему совѣту" управлять Русскимъ государствомъ". Очевидно мысль объ ограниченіи, въ первый разъ всплывшая при Борисѣ въ 1598 году, теперь была снова вспомянута. Такъ какъ и изъ своей братіи царь могъ быть " не сладокъ" боярству, какъ не сладокъ былъ ему Борисъ съ 1601 года, то поэтому боярство желало гарантій своего положенія съ одной стороны, а съ другой участія въ управленіи. Но тотъ же фактъ избранія Бориса долженъ былъ привести на память боярамъ, кромѣ пріятныхъ имъ гарантій и то еще, что Борисъ былъ избранъ на царство Соборомъ всей земли. А это соборное избраніе было въ данную минуту совсѣмъ нежелательнымъ прецедентомъ для боярства, какъ среды, получившей всю власть въ свои руки. Поэтому обошлись безъ Собора.

Москва послѣ переворота не скоро пришла въ себя. И 17 и 18 мая настроеніе въ городѣ было необычное. Раннимъ утромъ 19 мая народъ собрался на Красной Площади; духовенство и бояре предложили народу избрать патріарха, который бы разослалъ грамоты для созванія "совѣтныхъ людей"на избраніе царя. Но въ толпѣ закричали, что нужнѣе

царь и царемъ долженъ быть В. И. Шуйскій. Такому заявленію изъ толпы никто не спѣшилъ противорѣчить и Шуйскій былъ избранъ царемъ. Впрочемъ, трудно здѣсь сказать "избранъ". Шуйскій, по счастливому выраженію современниковъ просто былъ "выкрикнутъ" своими "доброхотами" и это не прошло въ народѣ незамѣченнымъ, хотя правительство Шуйскаго и хотѣло представить его избраніе - дѣломъ всей земли.

Съ нескрываемымъ чувствомъ неудовольствія говоритъ объ избраніи Шуйскаго лѣтописецъ, что не только въ другихъ городахъ не знали " да и на Москвѣ не вѣдали многіе люди", какъ выбирали Шуйскаго |Никоновская лѣтопись, УIII, стр. 76|. И рядомъ съ этимъ извѣстіемъ встрѣчается у того же лѣтописца очень любопытная замѣтка, что Шуйскій при своемъ вѣнчаніи на царство въ Успенскомъ Соборѣ вздумалъ присягать всенародно въ томъ " чтобы ни надъ кѣмъ не сдѣлать безъ Собору никакого дурна", т. е. чтобы судъ творить и управлять при участіи Земскаго Собора, по прямому смыслу лѣтописи. Но бояре и другіе люди, бывшіе въ церкви, стали будто бы, говорить Шуйскому, что этого на Руси не повелось и чтобы онъ новизны не вводилъ. Сопоставляя это лѣтописное сообщеніе съ дошедшею до насъ ограничительною записью Шуйскаго, на которой онъ присягалъ въ Соборѣ, мы замѣчаемъ между этими двумя документами существенную разницу въ смыслѣ ихъ показаній. Въ ограничительной записи дѣло представляется иначе: о Соборѣ тамъ не упоминается ни словомъ, а говорится, что новый царь "поволилъ цѣловати крестъ на томъ, чтобы ему никакого человѣка не осудя истиннымъ судомъ съ бояры своими смерти не предати, а вотчинъ и дворовъ и животовъ у братьи ихъ и у женъ и у дѣтей не отнимати, будетъ, которые съ ними въ мысли не были, также и у торговыхъ людей хотя

который по суду и по сыску дойдетъ до смертныя вины и послѣ ихъ у женъ и у дѣтей дворовъ и лавокъ и животовъ не отъимати, буде съ ними они въ той винѣ невинны. Да и доводовъ ложныхъ не слушати, а сыскивати всякими сыски накрѣпко и ставити съ очей на очи, чтобы въ томъ православное христіанство безвинно не гибло; а кто на кого солжетъ, а сыскавъ того казнити, смотря по винѣ его |Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II|.

Въ этихъ словахъ обыкновенно видятъ подлинныя условія ограниченій, которыя предложены были Шуйскому боярствомъ. Если точнѣе формулировать эту присягу Шуйскаго, то мы можемъ свести ее къ тремъ пунктамъ: 1| царь Шуйскій не имѣетъ власти никого лишать жизни безъ приговора думы. Какъ мы уже знаемъ, существуетъ извѣстіе, что бояре условились еще до избранія царя "общимъ совѣтомъ... царствомъ управлять". Но если лѣтописецъ не ошибся и въ Успенскомъ Соборѣ Шуйскій дѣйствительно присягалъ на имя Собора, а не боярской думы, то мы имѣемъ право предполагать, что это съ его стороны было попыткой замѣнить боярское ограниченіе ограниченіемъ всей земли. Однако эта попытка, если она была, оказалась неудачной. Народъ отвергъ ограниченіе добровольно на себя налегаемое Шуйскимъ, а бояре отъ своего уговора не отказались, и въ грамотахъ Шуйскаго ограничительное значеніе предается именно боярской думѣ.
2| Далѣе В. И. Шуйскій цѣловалъ крестъ на томъ, что онъ вмѣстѣ съ виновными, въ какомъ либо преступленіи не будетъ подвергать гоненію ихъ невинную родню. Это обязательство Шуйскаго одинаково относится какъ къ боярству, такъ и къ прочимъ чинамъ, служилымъ и тяглымъ. Этотъ обычай преслѣдованія цѣлаго рода за проступокъ одного его члена въ дѣлахъ политическихъ существовалъ въ Москвѣ; его держался и Борисъ и другіе государи. Теперь поста--

рались объ отмѣнѣ этого обычая и приняли во вниманіе интересы не только боярства, но и прочихъ людей. 3| Наконецъ, В. И. Шуйскій обязывался не давать вѣры доносамъ, не провѣривъ ихъ тщательнымъ слѣдствіемъ; если доносъ окажется несправедливымъ, то доносчикъ долженъ быть наказанъ. Въ этомъ пунктѣ присяги новаго царя слышится намъ намекъ на доносы времени Годунова, когда они были возведены въ систему и явились величайшимъ зломъ.

Этими тремя условіями исчерпываются всѣ ограниченія власти Шуйскаго. На первый взглядъ эти ограниченія поражаютъ своею неопредѣленностью и неразвитостью. Въ нихъ ясно только одно: они заботятся объ интересахъ всѣхъ сословій, но въ сущности обезпечиваютъ интересы только боярства, такъ какъ контроль надъ дѣйствіями Шуйскаго принадлежитъ одной думѣ боярской. Поэтому мы ихъ и называемъ б о я р с к и м и ограниченіями. Далѣе мы видимъ, что ограниченія эти не касаются даже самыхъ существенныхъ сторонъ государственнаго устройства и управленія: они обусловливаютъ власть царя только въ сферѣ его судебной дѣятельности. Какъ видно, боярство, достигая при Шуйскомъ договорныхъ отношеній съ царемъ, заботится не объ обезпеченіи своихъ правъ на участіе во власти, что должно было быть казалось бы намъ, его главною цѣлію, а заботится исключительно объ огражденіи своей личной безопасности и простираетъ такую заботу и на прочія сословія, предоставляя и имъ такія же выгоды, какъ и себѣ. Такая односторонность и неполнота ограничительныхъ условій, созданныхъ боярствомъ, вполнѣ удовлетворительно объясняется тѣмъ, что въ то время ни у кого не было и мысли отрицать или уничтожить боярство, какъ высшій правительственный классъ. Всегда даже и при Грозномъ, бояре признавались, ближайшими совѣтниками и помощниками госу-

даря въ управленіи землей; не могло, стало быть возникнуть надобности въ подтвержденіи того, что не отрицалось. Преслѣдованія, которымъ часто подвергались бояре отъ государей въ XVI вѣкѣ, направлялись не противъ цѣлаго класса, какъ таковаго, а противъ отдѣльныхъ лицъ этого класса и заставляли бояръ желать именно большей безопасности л и ч н о й. Этого они и достигали въ договорѣ съ Шуйскимъ.

И такъ Шуйскій вступилъ на престолъ, не законнымъ избраніемъ земли, а умысломъ бояръ, отъ которыхъ онъ и долженъ былъ стать въ зависимость. Переворотъ 17-19 мая 1606 года случился такъ неожиданно для всей страны и произошелъ такъ быстро, что для земли должны были казаться всѣмъ необъяснимою новостью и самозванство Дмитрія и его сверженіе и выборъ Шуйскаго. Всѣ эти происшествія упали, какъ снѣгъ на голову, и странѣ необходимо было показать законность замѣны царя Дмитрія царемъ Василіемъ. Это и старался сдѣлать Шуйскій со своимъ правительствомъ, разославъ въ города тотчасъ по воцареніи окружныя грамоты отъ своего имени, отъ имени бояръ и другихъ московскихъ царей и отъ имени царицы Маріи Нагой, т. е. инокини Марфы. Въ этихъ грамотахъ царь Василій старается доказать народу: I, что свергнутый царь былъ самозванецъ, 2, что онъ, Шуйскій, имѣетъ дѣйствительныя права на престолъ и 3, что избранъ онъ законно, а не самъ пожаловалъ себя въ цари.

Что Дмитрій былъ самозванецъ, объявлялъ въ своихъ грамотахъ самъ В. И. Шуйскій. Свергнутаго царя Дмитрія онъ называлъ Гришкой Отрепьевымъ и доказывалъ это подборомъ фактовъ, не особенно строгимъ, какъ можно въ этомъ убѣдиться теперь. Тоже доказывали въ своихъ грамотахъ бояре и другіе московскіе люди, причемъ въ подборѣ фактовъ

и они не особенно стѣснялись: доказывала это въ особой грамотѣ и Марфа Нагая. Она сознается тутъ, что Гришка Отрепьевъ устрашилъ ее угрозами и что признала она его страха ради, но въ то же время пишетъ |а вѣрнѣе за нее пишутъ другіе|, что тайно она говорила боярамъ о его самозванствѣ, а теперь свидѣтельствуетъ объ этомъ всенародно.

Но слушая всѣ эти грамоты, русскіе люди знали, что Шуйскій постоянно переметывался со стороны въ сторону въ этомъ дѣлѣ, что самъ же онъ заставилъ Москву повѣрить въ подлинность царя Дмитрія, что Марфа-достойная сотрудница Шуйскаго и такой же, какъ и онъ образецъ политической безнравственности того времени, - когда то съ восторгомъ принимала ласки самозванца и очень тепло на нихъ отвѣчала. При такихъ обстоятельствахъ много оставалось мѣста недоразумѣніямъ и сомнѣніямъ и ихъ нельзя было разсѣять двумя-тремя грамотами. Это, конечно, понималъ и самъ Шуйскій. Онъ въ іюнѣ 1606 года, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, помимо всякихъ другихъ доказательствъ самозванства прежняго царя канонизируетъ царевича Дмитрія и 3 іюня торжественно переноситъ его мощи изъ Углича въ Москву въ Архангельскій соборъ, обращая такимъ образомъ это религіозное торжество въ средства политическаго убѣжденія.

Второе, что старался доказать Шуйскій - это прирожденныя свои права на престолъ. Здѣсь онъ не только опирается на простое родство съ угасшей династіей, но и старается доказать свое старшинство передъ родомъ Московскихъ царей Даниловичей. Родъ Шуйскихъ, какъ и родъ князей Московскихъ принадлежалъ къ прямому потомству Александра Ярославича Невскаго и Шуйскіе дѣйствительно производили себя отъ старшей сравнительно съ Московскими Данило-

вичами линіи Суздальскихъ князей. Но это отдаленное старшинство мало теперь значило въ глазахъ народа и одно само по себѣ не могло оправдать воцаренія Шуйскаго. Для этого необходимо было участіе воли народной, санкція земскаго совѣта, а этимъ то новый царь и пренебрегъ.

Однако, несмотря на это, въ грамотахъ своихъ къ народу царь, Василій, кромѣ самозванства Дмитрія и правъ на престолъ, старается доказать еще правильность и законность своего выбора. Онъ пишетъ, что "учинился на отчинѣ прародителей своихъ избраніемъ всѣхъ людей М о с к о в с к а г о Г о с у д а р с т в а". Въ XУI и XУII вѣкахъ наши предки "государствами" называли тѣ области, которыя когда то были самостоятельными политическими единицами и затѣмъ вошли въ составъ Московскаго государства. Съ этой точки зрѣнія тогда существовали "Новгородское государство", "Казанское государство", а "Московское государство" часто означало собственно Москву съ ея уѣздомъ. Если же хотѣли выразить понятіе всего государства въ нашемъ смыслѣ, то говорили: "всѣ великія государства Россійскаго царствія" или просто "Россійское царство". Любопытно, что Шуйскій совсѣмъ не употреблялъ этихъ послѣднихъ выраженій, говоря объ избраніи своемъ; выбирали его всякіе люди "Московскаго государства", а не "всѣ люди всѣхъ государствъ" "Россійскаго царствія", какъ бы слѣдовало ему сказать и какъ писали и говорили при избраніи Михаила Федоровича въ 1613 году. Въ этомъ, пожалуй, можно видѣть осторожность со стороны Шуйскаго. Онъ какъ будто хотѣлъ обмануть на половину и не хотѣлъ обманывать совсѣмъ. Но обмануть законностью избранія Шуйскаго никогда не удалось. Для народа, конечно, не могла остаться тайной настоящая обстановка избранія Шуйскаго: вся Москва до малаго ребенка знала, что посаженъ Василій не всѣмъ народомъ, а своей

"Кликой" и что его не избрали, а выкрикнули. Въ избраніи и поведеніи Шуйскаго была непозволительная фальшь и эту фальшь не могли не чувствовать московскіе люди.

Много было обстоятельствъ, мѣшавшихъ народу относиться довѣрчиво къ новому правительству. Личность новаго царя далеко не была такъ популярна, какъ личность Бориса. Новый царь захватилъ престолъ, не дожидаясь земскаго собора, а многіе помнили, что Борисъ ожидалъ этого собора шесть недѣль. Новый царь очень сбивчиво и темно говорилъ какъ о самозванцѣ, такъ и о сверженіи Дмитрія, про котораго самъ же прежде свидѣтельствовалъ, что это истинный царевичъ. Наконецъ, необычайность самыхъ событій, разыгравшихся въ Москвѣ, способна была возбудить много толковъ и сомнѣній. Все это смущало народъ и лишало новое правительство твердой опоры въ народѣ. Силою самыхъ обстоятельствъ Шуйскій долженъ былъ при своемъ воцареніи опереться на боярскую п а р т і ю и не могъ опереться на весь народъ; въ этомъ и заключалось его несчастіе. Народъ, признавая Шуйскаго царемъ, не считалъ его с в о и м ъ царемъ, не былъ соединенъ съ нимъ той нравственной связью, той симпатіей, которая одна въ состояніи сообщить власти несокрушимую силу. Шуйскій не былъ народомъ п о с а ж е н ъ на царство, а с ѣ л ъ на него самъ и народная масса, смотря на него косо, чуждалась его, давала возможность всѣмъ дурнымъ общественнымъ сокамъ - свободно бродить. Это броженіе, направляясь противъ порядка вообще, тѣмъ самымъ направлялось противъ Шуйскаго, какъ представителя этого порядка, хотя, можетъ быть, представителя и неудачнаго.

А дурныхъ соковъ было много во всѣхъ общественныхъ слояхъ и во всѣхъ мѣстахъ Русской земли. Та часть боярства, которая съ Шуйскимъ была во власти, проявляя оли-

гархическіе вкусы, ссылала на дальнія воеводства неугодныхъ ей, не приставшихъ къ заговору и вѣрныхъ Лжедмитрію бояръ |М.Салтыковъ, Шаховской, Мосальскій, Бѣльскій|, давала волю своимъ противообщественнымъ личнымъ стремленіямъ. Современники говорятъ, что при Шуйскомъ бояре имѣли больше власти, чѣмъ самъ царь, ссорились съ нимъ, словомъ дѣлали, что хотѣли. Другая часть боярства, не попавшая во власть, неимѣвшая вліянія на дѣла и недовольная вновь установившимся порядкомъ, стала, по своему обыкновенію, въ скрытую оппозицію. Во имя кого и чего могла быть эта оппозиція? Конечно, во имя своихъ личныхъ выгодъ и во имя разъ уже испытаннаго самозванца. Не говоря далѣе о казачествѣ, которое жило въ лихорадкѣ и сильно бродило, разъ проводивъ самозванца до Москвы и "русскій материкъ", какъ выражается И. Е. Забѣлинъ, т. е. среднія сословія народа, на которыхъ держался государственный порядокъ, были смущены происшедшими событіями, и кое гдѣ просто не признали Шуйскаго во имя того же Дмитрія, о которомъ ничего достовѣрнаго не знали, въ еретичество и погибель котораго не вѣрили, а Шуйскаго на царство не хотѣли. И верхъ и низъ общества или потеряли чувство правды во всѣхъ политическихъ событіяхъ и не знали, во имя чего противостать смутѣ, или были сами готовы на смуту во имя самыхъ разнообразныхъ мотивовъ.

Смута въ умахъ очень скоро перешла въ смуту на дѣлѣ. Съ перваго же дня царствованія Шуйскаго началась эта смута и смела царя Шуйскаго, какъ раньше смела Бориса и Лжедмитрія. Но теперь, во время Шуйскаго, смута имѣетъ иной характеръ, чѣмъ имѣла она прежде. Прежде она была, такъ сказать, дворцовой, боярской смутой. Люди, стоявшіе у власти, спорили за исключительное обладаніе ею еще при Федорѣ. чувствуя, какъ будетъ важно это обладаніе въ моментъ пре-

кращенія династіи. Въ этотъ моментъ побѣдителемъ остался Борисъ и завладѣлъ престоломъ. Но затѣмъ и его уничтожила придворная боярская интрига, дѣйствовавшая, впрочемъ средствами не одной придворной жизни, а вынесенная наружу, вовбудившая народъ. Въ этой интригѣ, результатомъ которой явился Самозванецъ, такимъ образомъ, участвовали народныя массы, но направлялись и руководились онѣ, какъ бы неразумная сила, изъ той же дворцовой боярской среды. Заговоръ, уничтожившій самозванца, равнымъ образомъ имѣлъ характеръ олигархическаго замысла, а не народнаго движенія. Но далѣе дѣло пошло иначе. Когда олигархія осуществилась, то олигархи, съ Шуйскимъ во главѣ, вдругъ очутились лицомъ къ лицу съ народной массой. Они не разъ для своихъ цѣлей поднимали изъ покоя эту массу, а теперь какъ будто пріучась къ движенію, эта масса заколыхалась и уже не въ качествѣ простого оружія, а какъ стихійная сила, преслѣдуя какія то свои цѣли. Олигархи почувствовали, что нити движеній, которыя они привыкли держать, въ своихъ рукахъ выскользнули изъ ихъ рукъ и почва подъ ихъ ногами заколебалась. Въ тотъ моментъ, когда они думали почить на лаврахъ въ роли "властей Русской земли", "эта Русская земля начала противъ нихъ подниматься. Такимъ образомъ, воцареніе Шуйскаго можетъ считаться поворотнымъ пунктомъ въ исторіи нашей смуты: съ этого момента изъ с м у т ы в ъ в ы с ш е м ъ к л а с с ѣ она окончательно принимаетъ характеръ с м у т ы н а р о д н о й, которая побѣждаетъ и Шуйскаго и олигархію.

Если слѣдить хронологически постепенно за развитіемъ смуты въ этотъ новый періодъ, то невольно теряешься въ массѣ подробностей, но, внимательно къ нимъ присматриваясь, получаешь возможность различить здѣсь три основные факта: I. первоначальное движеніе противъ Шуйскаго, въ

которомъ первая роль принадлежитъ Болотникову, 2 появленіе Тушинскаго вора, борьба Москвы съ Тушиномъ и 3 иноземное вмѣшательство въ смуту. Эти факты однако, не смѣняются постепенно одинъ другимъ, а развиваются часто параллельно, рядомъ. Когда Болотниковъ потерявъ шансы на успѣхъ, сидитъ еще крѣпко въ осадѣ отъ Шуйскаго, является Тушинскій воръ; въ разгарѣ борьбы Шуйскаго съ Воромъ, являются на Руси Шведы и Поляки.

Обратимся сначала къ первому изъ указанныхъ фактовъ къ движенію Шаховскаго и Болотникова. Еще не успѣли убрать съ Красной Площади трупъ Лжедмитрія I, какъ разнесся слухъ даже въ самой Москвѣ, какъ это ни кажется страннымъ, что убили во дворцѣ не Дмитрія, а кого то другого. Еще ранѣе, въ самый день переворота, одинъ изъ приверженцевъ Самозванца, Михаилъ Молчановъ, бѣжалъ изъ Москвы, пробрался къ Литовской границѣ, явился въ Самборъ распространять слухи о спасеніи царя. На себя брать роль Самозванца Молчановъ вовсе не желалъ, а подъискивалъ кого нибудь другого, который рѣшился бы явиться въ такой роли и былъ бы къ ней способенъ.

Слухи о Дмитріи сдѣлали положеніе Шуйскаго сразу очень шаткимъ. Недовольныхъ положеніемъ дѣлъ было очень много и они хватались за имя Дмитрія: одни потому, что искренно вѣрили въ спасеніе его при переворотѣ, другіе потому, что кромѣ его имени не было другого такого, которое могло бы ихъ соединить и придать возстанію характеръ законной борьбы за правду. Одновременно со слухами распускаемыми Молчановымъ, такіе же слухи появились въ Сѣверскихъ городахъ и тамъ всего раньше вызвали дѣйствительную смуту. Князь Григорій Шаховской приверженецъ Лжедмитрія, сосланный за это на воеводство въ Путивль, сразу показалъ Шуйскому неудобство такого рода наказанія. Онъ

объявилъ въ Путивлѣ, что Дмитрій живъ и сразу поднялъ противъ Шуйскаго весь городъ во имя этого Дмитрія. По примѣру Путивля очень скоро поднимаются и другіе Сѣверскіе города, между прочими Елецъ и Черниговъ. Въ Черниговѣ начальствовалъ князь Андрей Телятевскій, который годъ тому назадъ долго не хотѣлъ перейти на сторону Лжедмитрія, а теперь, когда Лжедмитрій былъ убитъ, сразу переходитъ на сторону его призрака, не зная еще, когда и гдѣ этотъ призракъ воплотится. Это его, быть можетъ и не особенно интересовало, потому что поднялся онъ за Дмитрія исключительно по непріязни къ Шуйскому. Когда затѣмъ царскія войска посланныя усмирить мятежные города, были мятежниками разбиты, то къ движенію противъ Шуйскаго на югѣ примкнули и другіе города, въ числѣ ихъ Тула и Рязань. Дальше возникли безпорядки и въ Поволжскихъ городахъ. Въ Перми явилась смута между войсками, набранными для царя: они начали побивать другъ друга и разбѣжались со службы. Въ Вяткѣ открыто бранили Шуйскаго и сочувствовали Дмитрію, котораго считали живымъ. Во многихъ мѣстностяхъ поднимались крестьяне и холопы. Смутами пользовались инородцы, обрадованные случаемъ сбросить съ себя подчиненіе русскимъ. Они дѣйствовали заодно съ крестьянскими шайками. Мордва, соединясь съ холопами и крестьянами, осадила Нижній-Новгородъ. Въ далекой Астрахани поднялся на царя самъ воевода, князь Хворостинъ. Въ самой Москвѣ былс замѣтно броженіе въ народѣ, хотя не доходившее до возмущенія, но очень безпокоившее Шуйскаго.

Всѣ эти волненія, происходя въ разныхъ мѣстностяхъ безъ всякой связи одно съ другимъ, различаются и мотивами и дѣятелями: въ нихъ участвуютъ люди различныхъ сословій и положеній и преслѣдуются очень разнообразныя цѣли. Всѣхъ серьезнѣе было движеніе на югѣ въ Сѣверской землѣ.

Въ центрѣ его стоялъ первоначально Шаховской. поднялъ онъ движеніе во имя Дмитрія, но не находилъ человѣка, который взялъ бы на себя его роль, а такой человѣкъ былъ ему необходимъ, иначе движеніе въ народѣ могло заглохнуть.

Боясь этого и узнавъ, что Молчановъ выдавалъ себя за Дмитрія, Шаховской звалъ его къ себѣ, но Молчановъ не ѣхалъ и поднятое дѣло грозило неудачей. Въ это время случай послалъ Шаховскому чрезвычайно выдающуюся энергіей и способностями любопытную личность Ивана Болотникова. Жизнь этого человѣка полна приключеній: онъ былъ холопомъ князя Телятевскаго, какъ то попалъ въ плѣнъ къ Татарамъ, былъ проданъ Туркамъ и нѣсколько лѣтъ работалъ въ Турціи на галерахъ. Затѣмъ, неизвѣстно какъ, освободился оттуда и попалъ въ Венецію. Изъ Венеціи онъ пробирался черезъ Польшу на Русь, но въ Польшѣ его задержали. Тамъ онъ встрѣтился съ Молчановымъ. Молчановъ нашелъ его пригоднымъ для своихъ дѣлъ человѣкомъ, сблизился съ нимъ и послалъ его въ Путивль къ Шаховскому. Шаховской принялъ Болотникова хорошо и поручилъ ему цѣлый отрядъ. Болотниковъ скоро нашелъ легкое средство увеличить свой отрядъ. Онъ призываетъ подъ свои знамена скопившіеся на Украйнѣ подонки: гуляющихъ людей, разбойниковъ, бѣглыхъ крестьянъ, холопей, именемъ несуществующаго Дмитрія, обѣщаетъ имъ прощеніе и льготы. Разсылая своихъ агентовъ и свои грамоты, онъ всюдѣ, гдѣ можетъ, поднимаетъ низшіе классы не только противъ Шуйскаго и не только за Дмитрія, но и противъ высшихъ классовъ и этимъ самымъ сообщаетъ смутѣ до нѣкоторой степени характеръ соціальнаго движенія.

При первой встрѣчѣ Болотникова съ царскими войсками у Ельца и Кромъ побѣда осталась на его сторонѣ и это очень подѣйствовало на успѣхъ возстанія въ южной половинѣ государства. Подн-ялись: Тула, Воневъ, Кашира, Орелъ, Калу

га. Вязьма, нѣкоторые Тверскіе города, но сама Тверь осталась вѣрна Василію Шуйскому. Съ особенной силой и энергіей проявилось движеніе въ Рязани, гдѣ во главѣ этого движенія стали: Григорій Сунбуловъ и дворяне два брата Ляпуновыхъ: Прокопій и Захаръ. Рязанское населеніе отличалось, по отзывамъ сказателей, того времени, особенно храбрымъ и дерзкимъ характеромъ. Благодаря самому географическому положенію, Рязанской землѣ приходилось чаще другихъ подвергаться Татарскимъ нашествіямъ и быть оплотомъ Руси отъ Татаръ. Немудрено что сложился у Рязанцевъ такой суровый и воинственный характеръ и что лѣтописцы отзываются о нихъ, какъ о народѣ удивительномъ по дерзости и "высокимъ рѣчамъ". Братья Ляпуновы были весьма типичными представителями своего края, отличались замѣчательной энергіей, дѣйствовали очень рѣшительно и смѣло и дѣйствовали порывомъ, жили впечатлѣніемъ, а не спокойной трезвой жизнью. По своимъ выдающимся личнымъ способностямъ Ляпуновы [особенно Прокопій] могли стать во главѣ возстанія въ Рязани и сдѣлать его опаснымъ для Шуйскаго. И дѣйствительно, въ Рязани очень скоро составилось ополченіе противъ Шуйскаго. То же произошло и въ Тулѣ, гдѣ во главѣ возстанія стоялъ сынъ боярскій Истома Пашковъ. Какъ Тульское, такъ и Рязанское ополченіе были по преимуществу дворянскими и направлялись противъ боярскаго правительства Шуйскаго за Дмитрія. На своемъ пути къ Москвѣ эти дворянскія ополченія соединились съ шайками Болотникова, которыя несли съ собою общее раззореніе и вражду не вполнѣ политическаго характера. Онѣ шли не только противъ правительства Шуйскаго, но противъ общественнаго строя, существовавшаго тогда. И немного надо проницательности, чтобы понять, что въ данномъ случаѣ во имя Дмитрія соединились соціальные враги. Стремленіе холопей и гулящаго люда,

шедшаго съ Болотниковымъ, были совершенно противоположны стремленіямъ дворянства, бывшаго тогда тѣмъ высшимъ классомъ, противъ котораго возбуждалъ Болотниковъ Украйну. Заранѣе можно было видѣть, что этотъ союзъ Ляпуновыхъ съ Болотниковымъ долженъ былъ прерваться, какъ только союзники ознакомятся другъ съ другомъ. Такъ и случилось. Соединенныя ополченія мятежниковъ подошли къ Москвѣ и остановились въ подмосковномъ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго стало крайне опаснымъ: вся южная половина государства была противъ него и мятежныя войска осаждали его въ Москвѣ. Не только для подавленія возстанія, но и для защиты Москвы у него не было войска. Въ самой Москвѣ не доставало хлѣба, такъ какъ подвозъ его былъ прекращенъ мятежниками, и тамъ открылся голодъ. "А кто же хотѣлъ терпѣть голодъ для Шуйскаго"?, мѣтко замѣчаетъ Соловьевъ |VIII, стр. 163| Но на этотъ разъ Шуйскій уцѣлѣлъ, благодаря тому, что у его враговъ очень скоро открылась рознь: дворянское ополченіе узнало симпатіи и цѣли своихъ союзниковъ по ихъ разбойничьему поведенію. Болотниковъ и не скрывалъ своихъ намѣреній: онъ черезъ своихъ людей посылалъ въ Москву грамоты и въ нихъ открыто поднималъ чернь на высшіе классы. Объ этомъ мы узнаемъ изъ окружныхъ грамотъ патріарха Гермогена, который говоритъ, что воры изъ Коломенскаго "пишутъ къ Москвѣ проклятые свои листы и велятъ боярскимъ холопамъ побивати своихъ бояръ и женъ ихъ и вотчины и помѣстья имъ сулятъ и шпынямъ и безыменникомъ воромъ |т. е. черни|. велятъ гостей и всѣхъ торговыхъ людей побивати и животы ихъ грабити, и призываютъ ихъ воровъ къ себѣ и хотятъ имъ давати боярство и воеводство и окольничество и дьячество".

Такое поведеніе и направленіе Болотникова и его шаекъ заставило Рязанскихъ и Тульскихъ дворянъ отшатнуться отъ

дальнѣйшаго единенія съ ними и перейти на сторону Шуйскаго, который былъ все-таки охранителемъ и представителемъ государственнаго порядка, хотя, можетъ быть, и несимпатичнымъ. Первые заводчики мятежа противъ Шуйскаго Сунбуловъ и Ляпуновъ, первые же явились съ повинной къ Шуйскому. За ними стали переходить и другіе Рязанскіе и Тульскіе дворяне. Тогда же на помощь Шуйскому подоспѣли дворянскія ополченія изъ Твери, изъ Смоленска и дѣло Шуйскаго было выиграно. Онъ сталъ уговаривать Болотникова "отстать отъ воровства", Но Болотниковъ побѣжалъ на югъ, подошелъ къ Серпухову, но узналъ, что тамъ мало запасовъ на случай осады и ушелъ въ Калугу гдѣ запасовъ было много. Оттуда онъ перешелъ въ Тулу и засѣлъ въ ней вмѣстѣ съ казачьимъ самозванцемъ Петромъ, котораго призвалъ къ себѣ, не дождавшись Дмитрія. Этотъ Петръ былъ оригинальнымъ самозванцемъ. Онъ явился еще при жизни Лжедмитрія среди Терскихъ казаковъ и выдавалъ себя за сына царя Федора, родившагося будто-бы въ 1592 году и въ дѣйствительности никогда не существовавшаго. Онъ началъ свои дѣйствія съ того, что послалъ извѣстить о себѣ царя Дмитрія, который очень умно желалъ вызвать къ себѣ поближе этого проходимца съ его шайкой, чтобы лучше и вѣрнѣе его захватить. Но на дорогѣ въ Москву Лжепетръ узналъ о погибели Дмитрія, обратился назадъ, сошелся съ Шаховскимъ и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ къ Болотникову въ Тулу. Такимъ образомъ Тула стала центромъ движенія противъ Шуйскаго. Однако ни Шаховской, ни Болотниковъ не удовольствовались Лжепетромъ и, какъ прежде хлопотали о самозванцѣ, способномъ замѣнить убитаго Лжедмитрія. Такой наконецъ явился, но не успѣлъ соединиться съ ними. Весною 1607 года Шуйскій рѣшился дѣйствовать энергично, осадилъ Тулу, стоялъ подъ нею цѣлое лѣто, устроилъ плотину на р. Упѣ, затопилъ весь го-

родъ и выморилъ мятежъ : въ голодомъ. Въ октябрѣ 1607 года Тула сдалась царю Василію. Болотниковъ былъ сосланъ въ Карпоголь и утопленъ, Шаховскаго сослали въ пустынь на Кубенское озеро, а Лжепетра повѣсили. Шуйскій съ торжествомъ вернулся въ Москву, но ему не долго пришлось праздновать побѣду.

Въ то время, когда Шуйскій заперъ Болотникова въ Тулѣ, явился второй Дмитрій самозванецъ, прозвищемъ Воръ. Кто онъ былъ-неизвѣстно. Толковали о немъ разно: одни говорили, что это поповъ сынъ изъ Сѣверской страны, другіе называли его дьячкомъ, третьи царскимъ дьякомъ и т. д. Впервые его слѣдъ появился въ Пропойскѣ |порубежномъ Литовскомъ городѣ|, гдѣ онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ. Чтобы выбраться оттуда, онъ объявилъ себя роднею Нагимъ и просилъ, чтобы его отпустили на Русь, въ Стародубъ. Добравшись до Стародуба, онъ посылаетъ оттуда какого то своего пріятеля по Сѣверской странѣ объявлять, что Дмитрій живъ и находится въ Стародубѣ. Стародубцы увѣровали въ Самозванца и стали помогать ему деньгами и разсылать о немъ грамоты другимъ городамъ. Вокругъ Вора скоро собралась дружина, но не земская: составилась она изъ польскихъ авантюристовъ, казачества и всякихъ проходимцевъ. Никто изъ этого сброда не вѣрилъ въ дѣйствительность царя, которому служилъ: Поляки обращались съ Самозванцемъ дурно; казаки тоже относились къ нему такъ, какъ къ своимъ собственнымъ самозванцамъ, которыхъ они въ то время научились фабриковать во множествѣ: у нихъ одновременно существовали десятками разные царевичи: Савелій, Еремка, Мартынка, Гаврилка и др. Для казачества и для польскихъ выходцевъ самозванцы были простымъ предлогомъ для прикрытія ихъ личныхъ выгодъ на незаконную поживу, на "воровство", говоря языкомъ того времени. Служа Самозванцу они и не думали ни о какихъ политическихъ

или династическихъ цѣляхъ. Въ лицѣ Стародубскаго вора явился поэтому не представитель династіи, ни извѣстнаго государственнаго порядка, а простой вожакъ наконичьихъ шаекъ 2-хъ національностей: Русской и Польской, навекъ, которыхъ манила къ себѣ Русь своею политическою слабостью и шаткостью русскаго общества, поэтому то второй Лжедмитрій, какъ продуктъ общественнаго недуга того времени, получилъ мѣткое прозвище Вора. Русскій народъ этимъ прозвищемъ рѣзко различилъ двухъ Лжедмитріевъ и, дѣйствительно, первый изъ нихъ, несмотря на всю свою легкомысленность и неустойчивость, былъ гораздо серьезнѣе, выше и симпатичнѣе втораго. Онъ возстановлялъ династію, а второй ничего не возстановлялъ, онъ просто "воровалъ"

Выбравъ достаточно народа, Воръ выступилъ въ походъ на Русь; при Волховѣ разбилъ царское войско, подошелъ къ самой Москвѣ и въ подмосковномъ селѣ Тушинѣ основалъ свой укрѣпленный станъ. Его успѣхъ привлекалъ къ нему новыя силы: одна за другой приходили къ нему казацкія шайки, одинъ за другимъ приводили польскіе шляхтичи свои дружины, несмотря на запрещеніе короля. |Въ этомъ запрещеніи убѣждаютъ насъ многіе документы, напримѣръ письмо Сапѣги къ Шейну|. Охотно шли къ Лжедмитрію всякіе искатели приключеній и во главѣ ихъ ихъ всѣхъ по дерзости и безцеремонности нельзя не поставить Лисовскаго и Яна Сапѣгу.

Тревожно было положеніе Москвы и всего Московскаго государства: народъ рѣшительно не зналъ, вѣрить ли новому Самозванцу, котораго признала даже и Марина Мнишекъ, или же остаться при Шуйскомъ, котораго не за что было любить. У самаго Шуйскаго было мало средствъ и людей для борьбы. Южная часть государства была уже раззорена и въ ней хозяйничали враги Шуйскаго, а въ сѣверной, они, хотя еще не укрѣпились, но уже бродили и на кое имѣли виды:

не сѣверныя области могли помочь Шуйскому, а Шуйскій долженъ былъ ихъ защищать, а на это у него не было силъ. Сѣверныя области государства были лучшей частью государства. По словамъ Соловьева онѣ "были относительно южныхъ въ цвѣтущемъ состояніи: здѣсь мирные промыслы не были прерываемы татарскими нашествіями, здѣсь сосредоточивалась дѣятельность торговая, особенно съ тѣхъ поръ, когда открылся Бѣломорскій торговый путь, однимъ словомъ, сѣверныя области были самыя богатыя и въ ихъ населеніи преобладали земскіе люди, люди преданные мирнымъ выгоднымъ занятіямъ, желающіе охранить свой трудъ и его слѣдствія, желающія порядка и спокойствія, |Исторія Россіи, VIII, 3 изд. стр. 220|.

Въ Тушинѣ, гдѣ преобладали задачи хищническія надъ политическими, отлично понимали, что на лучшую добычу можно разсчитывать именно на сѣверѣ и дѣлали туда отъ Москвы постоянныя рекогносцировки. Шуйскій думалъ преградить имъ дорогу туда, но братъ его Иванъ былъ разбитъ Сапѣгой и тѣмъ самымъ дорога на сѣверъ стала открыта. Но основался тамъ одинъ пунктъ, имѣвшій большое стратегическое значеніе, взять который для Тушинцевъ было потому необходимо, что не овладѣвъ имъ, невозможно было овладѣть городами на сѣверѣ; этотъ пунктъ былъ Троицкій монастырь. Поэтому Тушинцы обратились прежде всего на него. Положеніе монастыря было тогда не безопасно, потому что защитниковъ у него имѣлось мало и опорой ему служили лишь крѣпкія стѣны, да личная храбрость гарнизона. Число защитниковъ состояло всего изъ 1500 человѣкъ, считая въ этомъ числѣ и способныхъ къ бою монаховъ. Этому отряду сборнаго войска пришлось бороться съ цѣлой арміей Сапѣги и Лисовскаго, осадившихъ монастырь въ сентябрѣ 1608 года и имѣвшихъ у себя до 20, даже до 30 тысячъ человѣкъ. Первые приступы Тушинцевъ были отбиты и тогда они рѣшились на осаду оби-

тели, но монастырь могъ выдерживать осаду очень долго, такъ какъ въ немъ были большіе запасы продовольствія. И въ самомъ дѣлѣ осада Троице-Сергіева монастыря длилась почти полтора года |съ сентября 1608 до начала 1610 г.| и окончилась ничѣмъ: изнемогшій отъ голода и болѣзней гарнизонъ всетаки не сдался и своимъ сопротивленіемъ задержалъ очень много Тушинскихъ силъ.

Однако онъ не могъ помѣшать другимъ Тушинскимъ шайкамъ наводнить сѣверъ. Болѣе двадцати сѣверныхъ городовъ должны были признать власть Вора и въ томъ числѣ: Суздаль, Владиміръ, Ярославль, Ростовъ. Но тутъ то и сказался весь характеръ этой воровской власти. На сѣверѣ въ томъ краю, гдѣ менѣе всего отзывались событія смуты, гдѣ еще не знали, что за человѣкъ былъ Воръ, довѣрія и особой любви къ Шуйскому не питали. Тамъ на Вора смотрѣли не какъ на разбойника, а какъ на человѣка, ищущаго престола, быть можетъ и настоящаго царевича. Часто его признавали при первомъ появленіи его шаекъ, но тотчасъ же убѣждались, что эти шайки не царево войско, а разбойничій сбродъ. Одновременно слушая увѣщательныя грамоты Шуйскаго и воззванія Вора, не зная, кто изъ нихъ имѣетъ болѣе законныхъ правъ на престолъ, русскіе люди о томъ и другомъ могли судить только по поведенію ихъ приверженцевъ. Воеводы Шуйскаго были охранителями порядка въ томъ смыслѣ, какъ тогда понимали порядокъ, а Воръ много обѣщая, ничего не исполнялъ и не держалъ порядка. Отъ него исходили только требованія денегъ, его люди грабили и безчинствовали, къ тому же они были Поляки. Сѣверяне видѣли, что Тушинцы, которые города возьмутъ за щитомъ |т. е. силою| или хотя |эти города| и волею крестъ поцѣлуютъ| Самозванцу|, то всѣ города отдаютъ панамъ на жалованье въ вотчины, какъ вотчины какъ прежде удѣлы бывали. Это въ глазахъ Рус-

скихъ че было порядкомъ и вотъ сѣверные города одинъ за другимъ возстаютъ противъ Тушинцевъ, не по симпатіи къ Шуйскому, и не по увѣренности, что Тушинскій Дмитрій-самозванецъ и воръ|этотъ вопросъ они рѣшаютъ такъ: "а не спѣшите крестъ цѣловать, еще не угадать, на чемъ совершится".... "еще до насъ далеко, успѣемъ съ повинною послать" |возстаютъ они за порядокъ противъ нарушителей.

Это движеніе городовъ началось, кажется, съ Устюга, который вступилъ въ переписку съ Вологдой, убѣждая ее не цѣловать креста Вору. Города пересылались между собою, посылали другъ другу свои дружины, вмѣстѣ били Тушинцевъ. Во главѣ возстанія становились или находившіеся на сѣверѣ воеводы Шуйскаго, или выборные предводители. Участвовали въ этомъ движеніи и извѣстные Строгановы. Выгнавъ Тушинцевъ отъ себя, города спѣшили на помощь другимъ городамъ или Москвѣ. Такимъ образомъ противъ Тушина возстали: Нижній Новогородъ , Владиміръ, Вологда, словомъ почти всѣ города по средней Волгѣ и на сѣверъ отъ нея.

Эти города находили достаточно силы, чтобы избавиться отъ враговъ, но этой силы не хватало у Шуйскаго и у Москвы. Во взаимной борьбѣ ни Москва, ни Тушино пересилить другъ друга не могли: у Тушина было мало силъ и еще меньше дисциплины, да и въ Москвѣ положеніе дѣлъ было не лучше. Какъ все государство мало слушало Шуйскаго и мало о немъ заботилось, такъ и въ Москвѣ онъ не былъ хозяиномъ. Въ Москвѣ, благодаря Тушину, всѣ сословія дошли до глубокаго политическаго разврата.

Москвичи служили и тому и другому государю- и царю Василію и Вору. Они то ходили въ Тушино за разными подачками, чинами и "деревнишками", то возвращались въ Москву и, сохраняя Тушинское жалованье, ждали награды отъ Шуйскаго за то, что возвратились "отстали отъ измѣны", они

открыто торговали съ Тушинымъ, словомъ они смотрѣли на Тушино не какъ на вражій станъ, а какъ на очень удобное подспорье для служебной карьеры и денежныхъ дѣлъ. И такъ относились къ Тушину не отдѣльныя лица, а массы лицъ въ Московскомъ обществѣ. Конечно, при такомъ положеніи дѣлъ власть Шуйскаго не могла быть крѣпка и сильна, но и Воръ не могъ извлечь много пользы для своихъ конечныхъ цѣлей, такъ какъ не возбуждалъ искренней симпатіи народа. Оба соперника были слабы, не могли побѣдить другъ друга, но своимъ совмѣстнымъ существованіемъ вліяли растлѣвающимъ образомъ на народъ, развращали его.

Шуйскій хорошо сознавъ свою слабость и во внѣшней помощи сталъ искать средствъ для борьбы съ Воромъ, хотя сначала не допускалъ и мысли объ этой внѣшней помощи, преувеличивая свои собственныя силы. Въ 1608 году посылаетъ онъ своего племянника Михаила Васильевича Скопина-Шуйскаго для переговоровъ со Шведами о союзѣ. Въ Февралѣ 1609 года переговоры эти кончились: съ королемъ Карломъ IX былъ заключенъ союзъ на слѣдующихъ условіяхъ: король долженъ былъ послать Русскимъ помощь изъ трехъ тысячъ конницы и трехъ тысячъ пѣхоты; взамѣнъ этого Шуйскій отказывался отъ всякихъ притязаній на Ливонію, уступалъ Шведамъ городъ Корелу съ уѣздомъ и обязался вѣчнымъ союзомъ противъ Польши, - условія тяжелыя для Московскаго государства.

Шведы выполнили свое обѣщаніе и дали М. В. Скопинъ-Шуйскому вспомогательный отрядъ подъ начальствомъ Делагарди. Скопинъ со Шведами въ 1609 году двинулся отъ Новогорода къ Москвѣ, очищая сѣверо-западъ Руси отъ Тушинскихъ шаекъ. Подъ Тверью встрѣтилъ онъ значительныя силы Вора, разбилъ ихъ и заставилъ Тушинцевъ снять осаду Троицкаго монастыря.

Успѣхъ сопровождалъ его всюду, несмотря на то, что Шведы, не получая обусловленнаго содержанія, часто отказывались ему помогать.

Посылая за помощью къ Шведамъ Шуйскій въ то же время старался собрать противъ Вора и всѣ свои войска, какими могъ располагать. Въ 1608 году вызвалъ онъ изъ Астрахани къ Москвѣ Ф. И. Шереметева, гдѣ тотъ подавлялъ мятежъ. Шереметевъ двинулся вверхъ по Волгѣ, шелъ по необходимости медленно, очищая край отъ воровъ, иногда терпѣлъ онъ отъ нихъ пораженія, но въ концѣ концовъ успѣлъ приблизиться къ Москвѣ и соединиться со Скопинымъ въ знаменитой Александровской слободѣ осенью 1609 года. Соединенныя силы Шведовъ и Русскихъ были бы въ состояніи разгромить Тушино, если бы оно уцѣлѣло до ихъ прихода подъ Москву, но Тушино уже исчезло: временной воровской городокъ, образовавшійся въ Тушинѣ, былъ оставленъ Воромъ и сожженъ до появленія Скопина въ Москву. Воръ очень опасался движенія Скопина и Делагарди, но не они одни заставили Тушино исчезнуть: гораздо опаснѣе для него оказался походъ на Русь Сигизмунда, короля Польскаго.

. . . . . .

Этотъ походъ былъ отвѣтомъ на союзъ Шуйскаго со Шведами. Какъ извѣстно, Сигизмундъ Польскій, происходившій изъ дома Вазы и наслѣдовавшій Шведскій престолъ послѣ своего отца Іоанна, былъ свергнутъ Шведами съ престола. Шведы избрали королемъ его дядю Карла IX, но Сигизмундъ не могъ съ этимъ помириться и объявилъ дядѣ войну. Когда же Карлъ заключилъ противъ него союзъ съ Шуйскимъ, то Сигизмундъ и Шуйскаго сталъ считать врагомъ. Убѣдивъ сенатъ и сеймъ, что война съ Москвой необходима въ интересахъ Польши, и что онъ, Сигизмундъ, этой войной будетъ преслѣдовать только пользы государства, а не личныя, король выступилъ въ походъ и въ сентябрѣ 1609 года осадилъ Смо-

ленскъ. Сигизмундъ отовсюду получалъ вѣсти, что въ Московскомъ государствѣ онъ не встрѣтитъ ссерьезнаго сопротивленія, что Москвичи съ радостью замѣнятъ непопулярнаго царя Василія королевичемъ Владиславомъ, что Смоленскъ готовъ сдаться и т. п. Но все это оказалось ложью: Смоленскъ, первоклассная крѣпость того времени, надолго удержалъ войска Сигизмунда, а Шуйскій продолжалъ царствовать и даже Тушинскій Воръ былъ популярнѣе на Руси, чѣмъ Польскій Владиславъ.

1609-й годъ такимъ образомъ ознаменовался иноземнымъ вмѣшательствомъ въ московскія дѣла. Шведовъ Москва позвала сама и этимъ самымъ навлекла на себя и войну съ Польшей. Вмѣшательство иноземцевъ явилось новымъ и очень существеннымъ элементомъ смуты: его вліяніе не замедлило отозваться на общемъ ходѣ дѣлъ и прежде всего отозвалось на Тушинѣ, какъ это ни кажется страннымъ на первый взглядъ.

Осада Смоленска затянулась надолго. Со временъ глубокой древности Смоленскъ былъ стратегическимъ "ключемъ къ Днѣпровской Руси". Москва и Литва отлично понимали всю важность обладанія этимъ городомъ и цѣлые вѣка за него боролись. Въ 1596 году, чтобы прочнѣе владѣть Смоленскомъ, Московское правительство укрѣпило его каменными стѣнами. Кромѣ сильнаго гарнизона и крѣпости стѣнъ еще искусство Смоленскаго воеводы Шеина создавало много трудностей Сигизмунду и осада съ самаго начала потребовала много военныхъ силъ, а у Сигизмунда ихъ не хватало. И вотъ Сигизмундъ отправляетъ въ Тушино посольство сказать Тушинскимъ полякамъ, что имъ приличнѣе служить своему королю, чѣмъ самозванцу. Но Тушинцы не всѣ сочувственно отнеслись къ этому: Тушинскіе паны привыкли смотрѣть на московское государство, какъ на свою законную, кровью

освященную добычу и ужъ одинъ слухъ о походѣ короля возмутилъ ихъ. Они говорили еще въ то время, какъ только услыхали о походѣ Сигизмунда подъ Смоленскъ, что король идетъ въ Москву загребать жаръ чужими, т. е. ихъ руками. И теперь они не были согласны на соединеніе съ королемъ. Но Сапѣга, осаждавшій Троицкій монастырь, и простые Поляки бывшіе въ Тушинѣ, склонялись на сторону короля - послѣдніе потому, что надѣялись отъ короля получить жалованье, котораго давно не получали въ Тушинѣ. Въ Тушинѣ такимъ образомъ произошелъ расколъ. Авторитетъ Вора совсѣмъ упалъ, надъ нимъ смѣялись и его поносили въ глаза и за глаза особенно вліятельный въ Тушинѣ панъ гетманъ Рожинскій. При такихъ обстоятельствахъ Воръ съ 400 донскихъ казаковъ пробовалъ уйти изъ Тушина, чтобы избавиться отъ унизительнаго положенія, но Рожинскій воротилъ его и сталъ держать, какъ плѣнника подъ надзоромъ. Изъ подъ надзора Воръ однако убѣжалъ |въ концѣ 1609 года| и переодѣтый отправился въ Калугу, гдѣ вокругъ него стало собираться казачество: къ нему пришелъ Шаховской съ казаками. Шаховской же любилъ Тушина, хотя и сохранялъ вѣрность Самозванцу.

Съ удаленіемъ Вора Тушино стало разлагаться на свои составныя части. Этому способствовалъ и Воръ, озлобленный на Поляковъ: онъ старался поссорить оставшихся въ Тушинѣ и успѣлъ въ этомъ. Поляки частью отправились къ королю, частью составили шайки, никому не служившія и только грабившія. Казаки переходили къ Вору, а земскіе русскіе люди, бывшіе при Ворѣ, или шли въ Калугу, или ѣхали съ повинною къ царю Василію. Но очень многіе изъ такихъ русскихъ избрали особый выходъ - обратились къ королю Сигизмунду. Извѣрившись въ Вора, не желая возвращаться къ Шуйскому, они рѣшаютъ вступить въ переговоры съ королемъ

о томъ, чтобы онъ далъ имъ въ цари своего сына Владислава. Не владѣя ни Москвой, ни страной, они избираютъ царя государству. Кто же были эти русскіе по своему общественному положенію?

Собравшись вмѣстѣ на думу въ Тушинѣ, эти лица духовные и свѣтскіе отправляютъ къ королю отъ себя посольство просить Владислава. Въ число пословъ попадаютъ, конечно, люди извѣстные, имѣвшіе въ Тушинѣ вѣсъ и значеніе, понимавшіе дѣло. И вотъ среди нихъ мы не видимъ ни особенно родовитаго боярства |котораго и не было у Вора|, ни представителей той черни, которая сообщила Тушину, разбойничью физіономію. Во главѣ посольства стоятъ Салтыковы, князья Рубецъ Мосальскій и Хворостининъ, Плещеевъ, Вельяминовъ, т. е. всѣ "добрые дворяне", въ посольствѣ участвовали дьяки-Грамотинъ и другіе, рядомъ съ ними были и низкаго происхожденія: Ѳедоръ Андроновъ, Молчановъ и т. д., но это не "голытьба", не гулящіе люди. Такимъ образомъ, представителями русскихъ Тушинцевъ являются люди средняго состоянія и разныхъ классовъ. Они обращаются къ королю, желая достичь осуществленія своихъ надеждъ уже не съ помощью Тушинскаго царька, который ихъ обманулъ, а посредствомъ избранія Владислава и договора съ нимъ.

Этотъ договоръ, заключенный 4 февраля 1610 года подъ Смоленскомъ, чрезвычайно любопытенъ. Имъ и слѣдуетъ пользоваться для того, чтобы опредѣлить, кто за нимъ стоялъ, какіе русскіе люди его создали и выразили въ немъ свои надежды и желанія. Хотя первый очень мѣтко оцѣнилъ этотъ договоръ С.М.Соловьевъ въ своей "Исторіи Россіи", но никто изъ изслѣдователей не останавливается такъ внимательно на этомъ договорѣ, и не коментировалъ его такъ обстоятельно, какъ Ключевскій. Договоръ состоитъ изъ 18 частей; главнѣйшія его постановленія таковы: I| Владиславъ вѣнчается на

Литогр. Богданова Эртел. пер. 1/а

царство отъ русскаго патріарха. 2| Православіе въ Московскомъ государствѣ должно быть почитаемо и оберегаемо по прежнему. 3| Имущества и права какъ духовенства, такъ и свѣтскихъ чиновъ пребудутъ неприкосновенными. 4| Судъ долженъ совершаться по старинѣ; измѣненія въ законахъ не зависятъ отъ воли одного только Владислава: "то вольно будетъ боярамъ и в с е й з е м л ѣ". Такимъ образомъ, въ законодательствѣ участвуетъ не одна дума брярская, но и земскій соборъ. 5| Владиславъ никого не можетъ казнить безъ вѣдома думы и безъ суда и слѣдствія, родню виновныхъ лицъ онъ не долженъ лишать имущества| это повтореніе боярскаго договора съ Шуйскимъ.| 6| Великихъ чиновъ людей Владиславъ обязанъ не понижать невинно, а меньшихъ долженъ повышать п о з а с л у г а м ъ. Для науки будетъ дозволенъ свободный выѣздъ въ х р и с т і а н с к і я земли. 7| Подати собираются "по старинѣ"; назначеніе новыхъ податей не можетъ произойти безъ согласія боярской думы. Крестьяне не могутъ переходить ни въ предѣлахъ Московскаго государства, ни изъ Руси въ Литву и Польшу. Этотъ пунктъ нельзя еще считать доказательствомъ того, что въ 1610 году переходы крестьянскіе были въ Москвѣ уже уничтожены. Въ этомъ требованіи могло выразиться только желаніе договаривавшихся уничтожить переходъ, а не отмѣчался совершившійся фактъ. 8| Холопы должны оставаться въ прежнемъ состояніи, и вольности имъ король давать не будетъ.

Остальныя статьи договора устанавливаютъ внѣшній союзъ и внутреннюю независимость и автономію Московскаго и Польскаго государства. Въ своемъ изложеніи этотъ договоръ представляется договоромъ съ русскими не Владислава, а Сигизмунда.

Личность Сигизмунда совершенно заслоняетъ въ немъ

личность Владислава, тогда какъ по настоящему договоръ своею сущностью почти совсѣмъ не касается короля, а имѣетъ въ виду королевича.

Разсматривая договоръ 4 февраля по отношенію къ выразившимся въ немъ стремленіямъ русскихъ людей, мы замѣчаемъ прежде всего, что это не "воровской" договоръ. Онъ очень далекъ отъ преобладающихъ въ Тушинѣ противогосударственныхъ вкусовъ и воззрѣній. На казачество договоръ смотритъ какъ на нѣчто постороннее, не свое. Интересы религіи и національности охраняются въ немъ очень опредѣленно и искренно. Говорятъ, что Салтыковъ плакалъ, когда просилъ короля о защитѣ вѣры и церкви въ Москвѣ. Далѣе договоръ имѣетъ въ виду интересы не одного класса, а общегосударственные; онъ заботится о людяхъ всѣхъ чиновъ Московскаго государства, всѣмъ предоставляетъ большія или меньшія обезпеченія ихъ состоянія и правъ, хотя въ немъ, какъ и въ самомъ Московскомъ государствѣ, выше всѣхъ стоятъ интересы служилыхъ людей. На это указываютъ статьи о крестьянахъ, холопахъ и казакахъ. Устанавливая государственный порядокъ, договоръ 4 февраля очень недалеко отходитъ въ своихъ установленіяхъ отъ существовавшаго тогда въ Москвѣ порядка. Онъ не предполагаетъ никакихъ реформъ, незнакомыхъ московской жизни и не вошедшихъ въ сознаніе московскихъ людей. То, что въ немъ кажется новымъ, ограниченіе власти Владислава, - повтореніе условій Шуйскаго, все это болѣе или менѣе знакомыя Москвѣ вещи.

Дѣйствительной новинкой, хотя и мало замѣтной на первый взглядъ, является въ договорѣ мысль о повышеніи "меньшихъ людей" сообразно ихъ выслугѣ "заслугамъ", требованіе свободы выѣзда за границу для науки. О послѣднемъ требованіи Соловьевъ говоритъ, что оно внесено приверженцами перваго Лжедмитрія, который, какъ извѣстно, хотѣлъ дозво-

лить русскимъ выѣздъ заграницу. Что же касается повышенія "меньшихъ людей" Соловьевъ въ этой статьѣ видитъ вліяніе дьяковъ и неродовитыхъ людей, выхваченныхъ бурями смутнаго времени съ низу на верхъ; ихъ въ Тушинѣ было много и они хотятъ долѣе удержать свое выслуженное положеніе. Сильнѣе и полнѣе толкуетъ эту статью Ключевскій. Она то и помогаетъ ему вскрыть общественное положеніе людей, стоявшихъ за договоромъ. Сопоставляя эту статью съ рядомъ другихъ своихъ наблюденій надъ высшимъ слоемъ московскихъ служилыхъ людей въ началѣ XVII вѣка и съ общественнымъ положеніемъ тушинскихъ пословъ |Салтыковъ и другіе|, выработавшихъ этотъ договоръ вмѣстѣ съ польскими сенаторами, Ключевскій приходитъ къ тому выводу, что договоръ 4 февраля былъ выраженіемъ стремленій "довольно посредственной знати и выслужившихся дѣльцовъ". Среди такихъ людей Ключевскій замѣчаетъ еще въ XVI вѣкѣ стремленіе подняться до боярства, достигнуть высшаго положенія въ государствѣ. Но боярство занимало высшія мѣста благодаря своей "высокой породѣ", чего не было за этими сравнительно незнатными людьми. Они могли подниматься по службѣ, благодаря только своимъ личнымъ заслугамъ. Имъ хотѣлось этими заслугами "выслугой", замѣнить то аристократическое начало, на которомъ созидало свое положеніе знатное боярство. Они иногда и высказывали, что "великъ и малъ живетъ государевымъ жалованьемъ", т. е., что безъ государева жалованья", благоволенія, одной породой человѣкъ жить и держаться не можетъ, а государь можетъ жаловать и знатнаго и незнатнаго. Стремясь къ высшему положенію, эти люди думали достичь его службой первому Самозванцу, а, когда въ Москвѣ образовалось боярское правительство Шуйскаго, они шли въ Тушино и достигали высшаго положенія тамъ. Обманутые Воромъ они не возвратились въ Москву къ боярамъ

а обратились къ Сигизмунду. Ими то, по мнѣнію Ключевскаго и былъ созданъ договоръ 4 февраля, - догадка остроумная, которую нельзя не принять. Дѣйствительно,не боярство первое обратилось къ Владиславу, а обратились къ нему люди низшихъ родовъ, но люди не совсѣмъ простые.

. . . . . .

Несмотря на обращеніе Тушинцевъ къ королю, въ Тушинѣ продолжались смуты. Оно пустѣло, ему грозили и войска Скопина-Шуйскаго, подошедшія тогда къ Москвѣ и Воръ изъ Калуги. Наконецъ Рожинскій не имѣя возможности держаться въ Тушинѣ, ушелъ къ Волоколамску и сжегъ знаменитый Тушинскій станъ |его шайка скоро распалась, такъ какъ самъ онъ умеръ въ Волоколамскѣ|.

Уничтожилось Тушино, въ Москву пришли войска и пріѣхалъ Скопинъ-Шуйскій; эти событія очень хорошо повліяли на Москвичей: они ликовали. Ихъ радости не мѣшало то, что одинъ сильный врагъ былъ у Смоленска, другой сидѣлъ въ Калугѣ, и общее положеніе дѣлъ было также сложно и серьезно, какъ и раньше. Самъ Шуйскій праздновалъ паденіе Тушина, народъ же прибытіе Скопина. Молодой блестящій воевода |Скопину было тогда 24 года,| Михаилъ Васильевичъ Скопинъ Шуйскій пользовался замѣчательною любовью народа. По замѣчанію Соловьева, онъ былъ единственною связью, соединявшей русскихъ съ В. И. Шуйскимъ. Въ Скопинѣ народъ видѣлъ преемника царю Василію и терпѣлъ дядю ради племянника, надѣясь видѣть этого племянника своимъ царемъ. Есть слухи, что Ляпуновъ еще при жизни царя Василія предлагалъ престолъ Скопину, когда тотъ былъ въ Александровской слободѣ, и это способствовало будто бы охлажденію Шуйскаго къ Скопину, хотя Скопинъ отказался отъ предложенія Ляпунова. Возстановить личность Скопина-Шуйскаго и опредѣлить мотивы народной къ нему любви мы не можемъ, по-

тому что мало сохранилось извѣстій объ этомъ человѣкѣ и его личность мало оставила послѣ себя слѣдовъ. Говорятъ, что это былъ очень умный и зрѣлый не по лѣтамъ человѣкъ, осторожный полководецъ, ловкій дипломатъ. Но эту замѣчательную личность рано унесла смерть, судьба очень скоро разрушила послѣднюю связь Шуйскаго съ народомъ. Скопинъ умеръ въ апрѣлѣ 1610 года и народная молва приписала вину въ этомъ Шуйскимъ, хотя, можетъ быть, и несправедливо.

Надъ войскомъ Скопина-Шуйскаго сталъ воеводою братъ царя Василія, Дмитрій Шуйскій, надменный, неспособный, пустой и мелочный человѣкъ, изнѣженный щеголь. Онъ двинулся на освобожденіе Смоленска, встрѣтился у деревеньки Клушина съ шедшимъ къ нему навстрѣчу искуснымъ и талантливымъ польскимъ гетманомъ Жолкевскимъ и былъ имъ разбитъ наголову |въ концѣ іюня 1610 года|. Это Клушинское пораженіе рѣшило судьбу Шуйскаго. Жолкевскій отъ Клушино быстро шелъ къ Москвѣ, завладѣвая русскими городами и приводя ихъ къ присягѣ Владиславу съ большой дипломатической ловкостью. Въ это же время Воръ, прослышавъ объ исходѣ Клушинской битвы, двинулся къ Москвѣ со своими толпами и опередилъ даже Жолкевскаго, когда тотъ былъ въ Можайскѣ |верстъ за 100 отъ Москвы|., Воръ уже стоялъ подъ самою Москвою въ селѣ Коломенскомъ. Положеніе Шуйскаго вдругъ стало такъ плохо, что онъ даже думалъ вступить въ переговоры съ Жолкевскимъ о мирѣ, но не успѣлъ: не прошло и мѣсяца съ Клушинской битвы, какъ онъ уже былъ "сведенъ съ царства".

Тотчасъ послѣ кончины Скопина-Шуйскаго Прокопій Ляпуновъ явно возстаетъ противъ царя Василія, думаетъ о томъ, какъ бы" осадить" его съ престола, засылаетъ своихъ пріятелей въ Москву, чтобы агитировать тамъ о сверженіи Шуйскаго.Но въ Москвѣ все оставалось спокойнымъ до тѣхъ

поръ, пока Москвичи не узнали объ исходѣ Клушинскаго сраженія. Когда же возвратился въ Москву Дмитрій Ивановичъ Шуйскій, Москва взволновалась: былъ "мятежъ великъ во всѣхъ людяхъ", повѣствуетъ лѣтописецъ": "подвигошася на царя". Москвичи поняли, что Клушино поставило ихъ въ безвыходное положеніе и всю вину въ этомъ положеніи возлагали на Шуйскихъ и, конечно, больше всего на царя Василія. Въ народѣ стали говорить, что онъ государь несчастливъ, что "изъ за него кровь многая льется". И прежде не особенно любилъ народъ Шуйскаго, а теперь прямо вооружился противъ него, не желая болѣе терпѣть его и его родню, изъ которой только Михаилъ Васильевичъ Скопинъ и пользовался народной симпатіей. Когда подошелъ къ Москвѣ Воръ и пришли вѣсти, что Жолкевскій идетъ на Москву, волненіе въ Москвѣ еще болѣе возросло. Московскіе люди у Данилова монастыря съѣзжались съ воровскими людьми изъ Коломенскаго, бесѣдовали съ ними о дѣлахъ и убѣждали оставить своего Тушинскаго царька: тогда эти оставятъ Шуйскаго, соединятся въ одно, вмѣстѣ выберутъ государя и вмѣстѣ будутъ стоять противъ враговъ русской земли-ляховъ. Хотя этимъ широкимъ планамъ не суждено было сбыться и хотя воры не отстали отъ своего Дмитрія, тѣмъ не менѣе Москвичи отъ словъ противъ царя Василія очень скоро перешли къ дѣлу противъ него.

Настроеніемъ москвичей воспользовались пріятели Ляпунова. 17 іюня 1610 года Захаръ Ляпуновъ съ толпою своихъ единоплеменниковъ пришелъ во дворецъ къ Шуйскому и предложилъ ему оставить царство, потому что изъ за него кровь льется, земля опустѣла, люди въ погибель приходятъ. Шуйскій отвѣтилъ твердымъ отказомъ. Тогда Ляпуновъ и прочіе бывшіе съ нимъ ушли изъ дворца на Красную Площадь, гдѣ уже собрался народъ, узнавъ, что въ Кремлѣ про-

исходятъ какія то необычайныя вещи. Скоро Красная Площадь не могла вмѣстить всего народа, приливавшаго туда. Все сборище поэтому перешло на болѣе просторное мѣсто, за Москву рѣку къ Серпуховскимъ воротамъ. Туда пріѣхали патріархъ Гермогенъ и много бояръ. Тамъ говорили о свержении Шуйскаго и несмотря на протесты Гермогена и нѣкоторыхъ бояръ, рѣшили "осадить царя". Во дворецъ отправился князь Воротынскій и отъ народа просилъ Шуйскаго оставить царство. Шуйскій покорился, уѣхалъ изъ дворца въ свой старый боярскій домъ и тотчасъ же сталъ хлопотать о возвращеніи прѣстола, устраивать интриги. Тогда, чтобы окончательно отнять у него возможность достигнуть власти, его постригли въ монахи " насильствомъ", такъ что патріархъ не хотѣлъ и признавать его постриженія.

Шуйскаго москвичи удалили, не имѣя никого въ виду, кѣмъ бы могли его замѣстить. Отъ этого положеніе Москвы, очень трудное въ ту минуту, осложнилось еще болѣе. Присягнули временно боярской думѣ, ибо помимо ея некому было и присягнуть. Но это новое правительство имѣло также мало силъ и средствъ, какъ мало имѣлъ ихъ Шуйскій. А около Москвы стояли попрежнему два врага и попрежнему "Московскому государству съ обѣихъ сторонъ было тѣсно". Сперва Москва полагала, что въ такомъ положеніи ей возможно будетъ избрать царя правильнымъ выборомъ, "согласившись со всѣми городами, всею землею". Но правильнаго выбора невозможно было устроить, потому что для созванія собора надо было время , а враги, Поляки и воры, не стали бы ждать этого собора и завладѣли бы безсильной Москвой. Было невозможно выбирать того, кого захотѣлось бы выбрать, а надо было выбирать одного изъ двухъ враговъ претендентовъ: Владислава или Вора, иначе Москва погибла бы непремѣнно. Находясь передъ такой диллемой, москвичи не знали, что дѣлать, и розни появилась между ними. У

разныхъ общественныхъ слоевъ ясно проявились въ этомъ дѣлѣ разные вкусы. Патріархъ и духовенство хотѣли русскаго царя, но Гермогенъ указывалъ на молодаго Михаила Ѳеодоровича Романова, а прочіе духовные болѣе другихъ хотѣли князя Василія Васильевича Голицына. Мелкій московскій людъ, слуги[illegible] и тяглый, какъ и патріархъ, стоялъ за Романова. Но знать желала Владислава, отчасти потому, что не хотѣла пустить на престолъ боярина, помня неудачные въ разныхъ отношеніяхъ опыты бояръ-царей Бориса и Шуйскаго, отчасти потому, что ожидала отъ Владислава льготъ и милостей, а главнѣй всего потому, что привыкшая уже къ переворотамъ московская чернь не скрывала своихъ симпатій къ Вору, который былъ врагомъ московскаго общественнаго порядка вообще и боярства въ частности. Торжество Вора было бы горше всего для боярства не только въ политическомъ отношеніи, и оно боялось больше всѣхъ переворота въ пользу Вора, а произвести такой переворотъ въ ту минуту чернь была въ состояніи.

Во избѣжаніе такой развязки дѣла, не имѣя возможности обдумать хорошо вопросъ объ избраніи царя, бояре, пользуясь властью, зовутъ Жолкѣвскаго изъ Можайска къ Москвѣ, и онъ идетъ "освобождать Москву отъ Вора", какъ самъ выражается. Такимъ поступкомъ бояре предали Москву въ руки Поляковъ и предрѣшили вопросъ объ избраніи Владислава. Подойдя къ Москвѣ, Жолкѣвскій прежде всего начинаетъ дѣло объ избраніи Владислава въ цари, потому что иначе въ его глазахъ помогать Москвѣ не имѣло смысла. Страхъ передъ Самозванцемъ и польской военной силой заставилъ московскія власти, а за ними и населеніе, склониться на избраніе въ цари Поляка: 27 августа Москва присягнула Владиславу.

Но этой присягѣ предшествовали долгіе переговоры.

Въ основу ихъ былъ положенъ знакомый намъ договоръ 4 февраля. Въ него бояре внесли нѣкоторыя измѣненія: они твердо настаивали на томъ, что Владиславъ долженъ принять православіе и |что очень интересно| вычеркнули статьи о свободѣ выѣзда за границу для науки и о повышеніи меньшихъ людей. Тотчасъ же по заключеніи договора и принесеніи присяги, Жолкѣвскій прогналъ Вора отъ Москвы и Воръ убѣжалъ опять въ Калугу. Такимъ образомъ Москва избавилась отъ одного врага цѣною подчиненія другому.

.....

Договоръ объ избраніи Владислава былъ отправленъ на утвержденіе Сигизмунда съ "великимъ посольствомъ", въ составъ котораго вошло болѣе тысячи человѣкъ. Во главѣ посольства стояли: митрополитъ Филаретъ и князь В. В. Голицынъ. Оба они были представителями знатнѣйшихъ московскихъ родовъ, такихъ, которые могли выступить соперниками Владислава. Удаленіе ихъ изъ Москвы приписывается необыкновенной ловкости Жолкѣвскаго и это болѣе чѣмъ вѣроятно. Жолкѣвскій былъ необыкновенно умный человѣкъ и горячій патріотъ. Явясь въ Москву, онъ очень быстро ознакомился съ настроеніемъ московскаго общества |въ его запискахъ находимъ мы любопытнѣйшія замѣтки о Москвѣ въ 1610 году| и онъ умѣлъ воспользоваться всѣмъ, что могло служить къ пользѣ Владислава и Польши. Зная, что Москва выбираетъ Владислава царемъ не совсѣмъ охотно, видя, что у народа есть свои излюбленные кандидаты, Голицынъ и сынъ Филарета, чувствуя, что при перемѣнѣ обстоятельствъ дѣло Владислава можетъ пошатнуться въ пользу этихъ кандидатовъ, Жолкѣвскій успѣваетъ удалить изъ Москвы опасныхъ для Владислава лицъ. Въ то же время онъ, прогнавъ Вора, пользуется страхомъ его имени и ставитъ дѣло такъ, что бояре допускаютъ, даже сами просятъ его занять Москву Польскимъ гарнизономъ во избѣжаніе бунта въ пользу [illegible] вотъ ма-

ленькое войско Жолкевскаго, которое подвергалось опасности быть истребленнымъ, стоя подъ Москвою въ открытомъ полѣ, становится большой силой въ стѣнахъ московскихъ крѣпостей. Но самъ Жолкевскій, устроивъ такъ блестяще дѣла Владислава въ Москвѣ, спѣшитъ уѣхать изъ Москвы и совсѣмъ устраниться отъ этихъ дѣлъ. Онъ сдаетъ команду одному изъ своихъ подчиненныхъ, Гонсѣвскому, и увозитъ съ собою по приказу Сигизмунда, Василія Шуйскаго съ братьями. Чѣмъ объяснить такой отъѣздъ Жолкевскаго? Поведеніемъ Сигизмунда.

Этотъ король, не совсѣмъ твердо носившій корону въ Польшѣ, имѣлъ претензіи и на престолъ Шведскій и на престолъ Московскій. Прикрываясь именемъ сына, онъ хотѣлъ стать московскимъ царемъ самъ лично. И Жолкевскій еще до заключенія договора съ Москвою получалъ королевскія инструкціи дѣйствовать такъ, чтобы замѣнить для Москвы Владислава Сигизмундомъ. Но талантливый гетманъ, понимая всю невозможность желаній короля, не рѣшался и заговорить съ русскими о присягѣ на имя Сигизмунда; онъ видѣлъ какъ ненавистенъ москвичамъ король, притѣснитель православныхъ, добив[illegible]ду. Однако, чѣмъ дальше шло время, тѣмъ труднѣе становилось Жолкевскому скрывать отъ русскихъ цѣли Сигизмунда, а Сигузмундъ все опредѣленнѣе и опредѣленнѣе ихъ высказывалъ. Присягою Владиславу Москва упростила свое положеніе, нашла себѣ выходъ изъ затрудненій, доставила Сигизмунду и Полякамъ важную побѣду. Дѣло, казалось шло къ развязкѣ, а Сигизмундъ своими личными стремленіями его запутывалъ, давалъ завязку новой драмѣ. Стоило Жолкевскому вскрыть игру Сигизмунда въ Москвѣ, и Москва возстала бы противъ Поляковъ, уничтожила бы всѣ плоды трудовъ Жолкевскаго и Жолкевскій молчалъ. Онъ различалъ дѣло польское отъ лично-сигизмундова дѣла, сочувство-

валъ первому и честно работалъ для польскихъ интересовъ, вовсе не желая трудиться для Сигизмунда. Когда онъ увидѣлъ, что Сигизмундъ не оставитъ своихъ притязаній, онъ отказался отъ дѣла и уѣхалъ изъ Москвы.

Притязанія Сигизмунда дѣйствительно завязали новую драму и стали извѣстны въ Москвѣ. Уже вскорѣ по отъѣздѣ Жолкевскаго великое посольство писало |съ дороги къ Смоленску| въ Москву, что многіе русскіе люди подъ Смоленскомъ цѣлуютъ крестъ не Владиславу, а самому Сигизмунду. Великому посольству первому же и пришлось считаться съ затѣями короля.

По пріѣздѣ посольства къ королю подъ Смоленскъ, начались тамъ переговоры по поводу избранія Владислава. Договоръ, заключенный подъ Москвою, не нравился, конечно, Сигизмунду, а также и сенаторамъ польскимъ. Въ совѣтѣ короля было рѣшено не отпускать королевича въ Москву по причинѣ его малолѣтства, а московскіе послы требовали немедленнаго пріѣзда Владислава, говоря, что это необходимо для успокоенія Московскаго государства. Въ отвѣтъ на это,

[illegible] успокоить Москву

[illegible] ть,

[illegible] не хотѣли,

[illegible] принималъ православіе. Такія требованія не могли быть удовлетворены московскими послами: Москва не желала имѣть короля католика и отдаться во власть Сигизмунда. Время шло въ безполезныхъ пререканіяхъ; напрасно послы заявляли, что король нарушаетъ своими требованіями договоръ, заключенный Жолкевскимъ; сенаторы объявили имъ, что этотъ договоръ необязателенъ для Польши. Однако послы держались этого договора и не уступали ничего. Сигизмундъ видѣлъ, что ему не осуществить своихъ же-

ланій законнымъ путемъ и сталъ дѣйствовать иначе: въ посольствѣ желали произвести расколъ, стали разными способами склонять второстепенныхъ лицъ посольства признать желаніе Сигизмунда и отпускали такихъ передавшихся лицъ въ Москву, чтобы они приготовляли москвичей къ принятію условій Сигизмунда. Король, такимъ образомъ, повелъ свое дѣло мимо посольства. Въ числѣ лицъ, принявшихъ его милости, находился и Троицкій келарь Авраамій Палицынъ. Онъ получилъ отъ короля щедрыя подачки и уѣхалъ въ Москву. Его защитники говорятъ, что призналъ онъ Сигизмунда для того, чтобы освободиться изъ подъ Смоленска и на свободѣ лучше служить родинѣ. Но можно ли оправдать такой іезуитскій патріотизмъ рядомъ съ патріотизмомъ главныхъ лицъ посольства и дьяка, напримѣръ, Томилы Луговскаго, которые честно исполняли порученное имъ дѣло посольства, не бѣжали отъ него, а терпѣли горькія непріятности.

Но и раньше пріѣзда въ Москву соблазненныхъ Сигизмундомъ членовъ посольства, въ Москвѣ стали извѣстны планы короля. Какъ только совершился выборъ Владислава и Москва была занята поляками, въ Москвѣ стали появляться преданные Сигизмунду люди |въ числѣ такихъ оказываются Салтыковы|. Эти люди проводили въ московскомъ обществѣ мысль о подчиненіи Сигизмунду, а Сигизмундъ требовалъ отъ бояръ награжденія такихъ людей за вѣрную ему службу. Бояре награждали ихъ, да и сами били челомъ Сигизмунду о жалованіи и "деревнишкахъ", видя возможность отъ него поживиться, хотя и косились на тѣхъ неродовитыхъ людей, которыхъ присылалъ въ Москву Сигизмундъ и которые распоряжались въ Москвѣ именемъ короля |Ф.Андроновъ|. Всѣ эти вмѣшательства Сигизмунда въ московскія дѣла имѣли бы смыслъ, если бы производились отъ имени царя Московскаго Владислава; но Сигизмундъ дѣйствовалъ за себя; отъ своего ли-

ца писалъ онъ такія грамоты и дѣлалъ такія распоряженія, какія писать и дѣлать могли только М о с к о в с к і е г о с у д а р и. Допуская это, боярство признало, такимъ образомъ, то, чего не хотѣло признать посольство подъ Смоленскомъ. Явилась даже мысль признать короля въ Москвѣ и, какъ говорятъ, прямо присягнуть ему. Но противъ этого возсталъ патріархъ Гермогенъ, единственный изъ московскихъ начальныхъ людей, кого не коснулось растлѣвающее вліяніе Поляковъ и смуты. Заботясь объ охраненіи православія, онъ тѣмъ самымъ являлся твердымъ охранителемъ и національности. Неохотно соглашаясь на избраніе въ цари Поляка, онъ ревниво оберегалъ Москву отъ усиленія польскаго вліянія и былъ главной помѣхой для королевскихъ креатуръ, которыя хотѣли передать Москву Сигизмунду.

Отъ народа во всемъ Московскомъ государствѣ такое положеніе дѣлъ не осталось тайной. Онъ зналъ, что королевичъ не ѣдетъ въ Москву, что Москвой распоряжается Сигизмундъ, что въ то же время Поляки воюютъ Русь, грабятъ и бьютъ русскихъ людей въ Смоленской области; объ этомъ писали въ Москву Смольняне. Все это не могло нравиться, не могло казаться нормальнымъ и вызывало ропотъ во всемъ государствѣ. Неудовольствіе усилилось еще тѣмъ, что съ отъѣздомъ Жолкевскаго польскій гарнизонъ въ Москвѣ терялъ дисциплину и держалъ себя какъ въ завоеванной странѣ. Народъ и прежде не любившій Поляковъ, теперь не скрывалъ своихъ антипатій къ нимъ, отшатнулся отъ Владислава и сталъ желать другого царя. Это движеніе противъ Поляковъ очень скоро приняло серьезные размѣры и обратилось въ пользу Вора, который продолжалъ сидѣть въ Калугѣ. Значеніе его быстро возрастало: Воръ снова становился силой. Восточная половина царства стала присягать ему, но присягала только потому, что не могла опереться на лучшаго кан-

дидата. Полякамъ и Сигизмунду создавалось такимъ образомъ, новое затрудненіе въ народномъ движеніи.

И это затрудненіе не уменьшилось, а напротивъ увеличилось со смертью Вора. Въ то время, когда дѣла Вора улучшались, онъ былъ убитъ |въ декабрѣ 1610 года| однимъ изъ своихъ же приверженцевъ изъ за личныхъ счетовъ. Русскіе люди присягали мертвецу.

.....

Смертью Вора начинается новый, третій періодъ смуты. Во второмъ своемъ періодѣ смута изъ дворцовой стала народною, слагалась изъ разнообразныхъ общественныхъ движеній и усложнилась иноземнымъ вмѣшательствомъ, которое привело къ нѣкоторому подчиненію Московскаго государства Полякамъ. Но это подчиненіе вызвало противъ себя протестъ русскихъ и сближало всѣ другъ другу противоположныя общественныя стремленія въ противодѣйствіи иноземцамъ. Со смертью Вора русскіе люди получили больше возможности соединиться для отпора Поляковъ и съ этихъ поръ смута въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи получаетъ преимущественно характеръ н а ц і о н а л ь н о й б о р ь б ы, въ которой русскіе стремятся освободиться отъ польскаго гнета, ими же въ значительной степени допущеннаго.

Смута въ третьемъ своемъ періодѣ распадается на два момента очень ясно различаемыхъ, на два движенія противъ главнаго врага Руси, Поляковъ. 1| Это движеніе Ляпунова и 2|движеніе Нижегородское.

Прежде, чѣмъ перейти къ обзору этихъ извѣстныхъ движеній, бросимъ общій взглядъ на положеніе Московскаго государства въ минуту смерти Вора. По всей странѣ бродятъ казаки и вездѣ грабятъ и жгутъ, опустошаютъ и убиваютъ. Это казаки, или вышедшіе изъ Тушина послѣ его разворенія, или дѣйствовавшіе самостоятельными маленькими шайками

безъ всякаго отношенія къ Тушинцамъ, ради одного грабежа. Сѣверо-западная часть государства находится въ рукахъ Шведовъ. Ихъ войско послѣ Клушина отступило на сѣверъ и съ того времени, какъ Москва признала Владислава, открыло враждебныя дѣйствія противъ русскихъ и стало забирать города, ибо Москва, соединяясь съ Польшей, тѣмъ самымъ дѣлалась врагомъ Швеціи. Но и Польша не прекращала военныхъ дѣйствій съ Русью. Поляки осаждали Смоленскъ и раззоряли юго-западныя области. Сама Москва занята Польскимъ гарнизономъ, вся московская администрація подъ польскимъ вліяніемъ. Король враждебнаго государства, Сигизмундъ, изъ подъ Смоленска распоряжается Русью своимъ именемъ, какъ государь, безъ всякаго права и въ то же время держитъ какъ бы въ плѣну великое московское посольство, притѣсняетъ его и не соглашается съ самыми существенными на московскій взглядъ условіями договора Москвы съ Владиславомъ. Таково было положеніе дѣлъ.

Одно только существованіе Вора сдерживало негодованіе "лучшихъ" русскихъ людей противъ Поляковъ. Воръ и тотъ общественный порядокъ, или вѣрнѣе, безпорядокъ, который онъ воплощалъ собою, страшилъ ихъ болѣе, нежели возмущали Поляки, а сопротивляться и тому и другому врагу вмѣстѣ не было силъ. Во многихъ однако частяхъ русской земли, въ тѣхъ, откуда Воръ былъ дальше и гдѣ его знали меньше, стали передаваться ему, не ожидая добра отъ Поляковъ. Но Воръ умеръ и ожили московскіе люди: однимъ врагомъ стало меньше. Шайки Вора безъ предводителя становились простыми разбойниками и теряли политическую силу. Въ качествѣ политическихъ враговъ оставались только Поляки и противъ нихъ можно соединиться безъ боязни, что въ тылу останется худшій врагъ. Очень скоро движеніе противъ Поляковъ стало проявляться яснѣе, опредѣленнѣе, сильнѣе.

Во главѣ его стоялъ "начальный человѣкъ Московскаго государева" - патріархъ.

Патріархъ дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ какъ пастырь церкви. Онъ прекрасно видѣлъ, что вліяніе католической Польши на православную Москву не ограничится сферой государственной, но непремѣнно перейдетъ и въ церковную сферу. Въ Москвѣ знали унію 1596 года и понимали значеніе и самой уніи и того, что ей предшествовало въ Польско-Литовскомъ государствѣ. Съ трудомъ допустивъ выборъ на царство католика |съ непремѣннымъ условіемъ принятія имъ православія|, видя затѣмъ, какъ ведетъ себя Сигизмундъ, и въ будущемъ ожидая постоянныхъ злоупотребленій со стороны Поляковъ относительно Москвы, патріархъ Гермогенъ, какъ православный и іерархъ, не могъ допускать дальнѣйшаго господства Поляковъ въ Москвѣ въ видахъ охраненія чистоты православной вѣры. Съ этой точки зрѣнія онъ и дѣйствовалъ противъ Сигизмунда и Поляковъ.

Вѣрные слуги Сигизмунда, Салтыковъ и Андроновъ, доносили королю, что послѣ смерти Вора патріархъ "явно" говорилъ и писалъ народу противъ Поляковъ, что если Поляки не отпустятъ московскаго государства и королевичъ не крестится въ православіе, то онъ русскимъ не государь. Москвичи раздѣляли мнѣніе патріарха и готовы были стать противъ Поляковъ. И патріархъ и свѣтскіе люди писали объ этомъ грамоты въ города; москвичи разсылали повсюду грамоты, полученныя ими отъ Смольнянъ о бѣдствіяхъ Смоленскаго края отъ Поляковъ. Всѣ эти грамоты возбуждали землю противъ Польскихъ и Литовскихъ людей и противъ "Сигизмунда короля". Города заволновались и стали переписываться между собою "о совѣтѣ и единеніи противъ Поляковъ". Нижегородцы |въ январѣ 1611 года| присылали въ Москву провѣдать, что тамъ дѣлается. Посланные видѣли, какъ хозяйнича-

Лит. Платонова 1913/12

ютъ въ Москвѣ Поляки, были у патріарха и патріархъ благословилъ ихъ на возстаніе противъ враговъ. Нижегородцы писали объ этомъ по другимъ городамъ и возстаніе противъ Поляковъ поднималось повсюду: возставали, надо замѣтить, не противъ Владислава, а противъ Сигизмунда и Поляковъ. нарушавшихъ московскій договоръ о Владиславѣ. Страна вся была въ возбужденіи, была готова дѣйствовать и смотрѣла на Гермогена какъ на своего нравственнаго водителя.

Но руководя народнымъ движеніемъ, патріархъ не указалъ народу ратнаго водителя, который могъ бы стать во главѣ возставшихъ. Такой предводитель явился самъ въ Рязанской землѣ. Это былъ извѣстный намъ Прокопій Ляпуновъ. Онъ признавалъ Владислава до смерти Вора, но уже въ январѣ 1611 года сталъ собирать войска на Поляковъ и двинулся съ войскомъ на занятую Поляками Москву. Туда же къ Ляпунову шли земскія дружины со всѣхъ концовъ государства |изъ земли Рязанской, Сѣверской, Муромской, Суздальской, изъ сѣверныхъ областей, изъ Поволжскихъ низовыхъ|. Сила національнаго движенія была такъ велика, что захватила и Тушинское казачество. Оно также двигалось къ Москвѣ подъ начальствомъ Тушинскихъ бояръ, князя Дм. Тим. Трубецкаго и Заруцкаго. Изъ сѣвера шли казачьи шайки съ Просовецкимъ. Даже знаменитый Сапѣга, осаждавшій когда-то Лавру, теперь соглашался сражаться за Русь и православіе противъ Поляковъ, но потомъ раздумалъ.

Когда такое разнохарактерное ополченіе приближалось къ Москвѣ, Москва переживала трудные дни. Бояре и Поляки смотрѣли на движеніе въ землѣ, какъ на беззаконный мятежъ народъ же видѣлъ въ немъ святое дѣло и съ нетерпѣніемъ ожидалъ освободителей. Отношенія между Поляками и московскимъ населеніемъ давно уже обострились, теперь же дѣло дошло до того, что со дня на день ожидали вооруженнаго

столкновенія. Предполагали, что въ Вербное Воскресенье |17 марта 1611 года| произойдетъ бой на улицахъ и Поляки приготовились къ оборонѣ; но дѣло обошлось мирно. Тѣмъ не менѣе Салтыковъ предсказывалъ Полякамъ, что во вторникъ, т. е. 19 марта, ихъ будутъ бить. Къ этому дню ожидали подъ Москву первыхъ земскихъ дружинъ. И дѣйствительно, во вторникъ 19 марта въ Москвѣ, въ Китай-Городѣ начался бой. Изъ Китай-Города Поляки бросились къ слободамъ, но въ Бѣломъ Городѣ были задержаны народомъ.На помощь москвичамъ подоспѣли передовые отряды земскаго ополченія съ княземъ Дм. Мих. Пожарскимъ, |который здѣсь и былъ раненъ| и Поляки были отброшены назадъ, заперлись въ Кремлѣ и Китай-Городѣ и постарались сжечь Москву и Замоскворѣчье |для удобствъ дальнѣйшей обороны|. Москва сгорѣла вся. Нѣсколько дней еще продолжались вылазки Поляковъ и стычки ихъ съ народомъ. Наконецъ, на второй день Пасхи, въ Благовѣщенье 25 марта, подошла къ Москвѣ стотысячная русская рать и къ I апрѣля обложила Кремль и Китай-Городъ. Поляки засѣли въ осаду, а вмѣстѣ съ ними и московское боярство, служившее Сигизмунду и смотрѣвшее на ополченіе всей земли, какъ на мятежное сонмище. Припасовъ у осажденныхъ было мало, гарнизонъ польскій былъ не великъ, всего около 3000 человѣкъ. Положеніе гарнизона, такимъ образомъ, было очень серьезно, но Сигизмундъ не думалъ помочь Москвѣ; его не хватало и на взятіе Смоленска.

Обратимся теперь къ тому ополченію, которое собралось подъ Москвой; познакомимся съ его исторіей. Это ополченіе по справедливости можно назвать политическимъ союзомъ соціальныхъ враговъ: въ немъ соединилась земщина съ казачествомъ, общество съ врагомъ общественнаго порядка. *A priori* можно было предвидѣть, что въ этомъ ополченіи должна проявиться рознь, произойти междоусобіе. Можно,

пожалуй, предсказать даже его гибель и разложеніе, если сообразить, что во время долгой осады было много времени и поводовъ для столкновенія двухъ міровъ -земскаго и казачьяго. Это ополченіе, дѣйствительно и погибло.

Тотчасъ по приходѣ ополченія подъ Москву оно выбираетъ себѣ военачальниками Пр. Ляпунова, князя Трубецкаго и Заруцкаго. Такъ пишутъ лѣтописцы, но они же говорятъ, что между этими воеводами, какъ и во всемъ ополченіи, стала "рознь великая". Ляпуновъ, представитель служилаго, земскаго элемента въ ополченіи, старался дать преобладаніе своимъ, Заруцкій мирволилъ казачеству, а Трубецкому отъ нихъ двоихъ было "мало чести": онъ не пользовался вліяніемъ. Тѣмъ не менѣе эти военоначальники правили не только ополченіемъ, но и землею. Послѣ запертыхъ въ Кремлѣ бояръ создалось волею земщины другое правительство; бояре же, которымъ годъ тому назадъ присягала земля, потеряли всякое значеніе въ землѣ. Военоначальники дѣлали распоряженіе о сборѣ денегъ и ратныхъ людей по областямъ, смѣняли воеводъ въ городахъ, заботились о защитѣ Новгорода отъ Шведовъ, раздавали помѣстья, словомъ, были не только военной, но и земской властью, играли роль правительства. Этотъ знаменательный фактъ показываетъ намъ, какимъ большимъ кредитомъ пользовалось въ странѣ ополченіе: ему вѣрила и его слушалась страна.

Но еще знаменательнѣе то обстоятельство, что воеводы, управлявшіе землею и ратью, не были безконтрольны и зависѣли въ своей дѣятельности отъ общаго совѣта рати. Хотя мы не знаемъ достовѣрно внутренняго устройства ополченія, но имѣемъ полное основаніе думать, что, во первыхъ, подмосковная рать считала себя выразительницею "всей земли" и себя ставила выше воеводъ въ отношеніи власти во вторыхъ, ополченіе имѣло свою думу, свой совѣтъ. Этотъ

совѣтъ называлъ свои постановленія "приговорами всей земли" и, стало быть считалъ себя тѣмъ, что мы называемъ земскимъ соборомъ. Отъ этого ратнаго совѣта сохранился до насъ одинъ изъ такихъ "приговоровъ всей земли". На него какъ то мало обращалось вниманія нашими историками и только профессоръ Коялович въ своихъ трудахъ даетъ ему обстоятельную, хотя, можетъ быть, и не всегда вѣрную оцѣнку. Напечатанъ этотъ приговоръ только у Карамзина |Ист. т. XII, прил. 793 и 794| и то неполно. |впрочемъ Н. М. Карамзинъ самъ имѣлъ неполный и поздній списокъ этого приговора и напечаталъ все, что имѣлъ|. Между тѣмъ этотъ приговоръ вскрываетъ намъ любопытнѣйшія черты изъ исторіи перваго ополченія.

Въ іюнѣ 1611 г. ополченіе обратилось къ своимъ вождямъ, прося общимъ совѣтомъ подумать о прекращеніи безпорядковъ и злоупотребленій, какія совершались въ войскѣ. Объ этихъ безпорядкахъ лѣтописецъ роняетъ лишь нѣсколько словъ; онъ говоритъ, что въ войскѣ одни попрекали другихъ прошлой службой Тушинскому Вору, или ополяченной Москвѣ, людей ратныхъ "жаловали не по достоянію", а "лицепріятно, не знали, наконецъ, что дѣлать и какъ обращаться съ тѣми холопами, которые убѣжали отъ своихъ господъ и теперь служили въ войскѣ казаками, уже какъ вольные люди. Сначала этихъ бѣглыхъ людей воеводы ополченія призывали подъ свои знамена со всей земли, обѣщая считать ихъ вольными казаками. Но служилый элементъ въ ополченіи не могъ относиться сочувственно къ такой мѣрѣ: она создавала очень непріятный для служилаго люда прецендентъ: въ будущемъ, имъ могли воспользоваться и другіе холопы и убѣгать отъ господъ въ надеждѣ потомъ вернуться на Русь свободными людьми. Поэтому положеніе бѣглыхъ людей въ ополченіи составляло очень важный вопросъ.

И вотъ по просьбѣ ополченія Ляпуновъ и другіе воеводы согласились собрать соборъ всея рати, чтобы обдумать и рѣшить всѣ вопросы, заботившіе рать. 30 іюня 1611 г. сошлись на Соборъ выборные отъ войска: отъ всякихъ чиновъ служилые люди "всѣхъ городовъ" и представители казачества - атаманы и казаки. |Отъ этого собора и дошелъ до насъ упомянутый приговоръ|. Оба элемента, и служилый и казачій, приняли такимъ образомъ участіе въ обсужденіи дѣлъ и составленіи приговора. Дальше будетъ видно, какой элементъ взялъ верхъ въ этомъ приговорѣ.

Приговоръ 30-го іюня очень обширенъ и касается не только войска, но и всего государства: очевидно, выборные изъ войска считали себя въ правѣ рѣшать общеземскія дѣла. Прежде всего они "приговорили и выбрали всею землею" или лучше сказать, утвердили раньше уже выбранныхъ трохъ начальниковъ: Ляпунова, Трубецкаго и Заруцкаго и опредѣлили границы ихъ власти: "воеводы должны были "строить землю и всякимъ земскимъ и ратнымъ дѣломъ промышлять" т. е. управлять не только войскомъ, но и государствомъ. Въ то же время они не могли, "смертной казнью безъ земскаго и всей земли приговора.... не по винѣ... казнити и ссылати", казнить же дѣйствительно виновныхъ они должны были "говоря во всею землею". А кто кого убьетъ безъ земскаго приговора и того самого казнити смертію, прибавляетъ приговоръ 30-го іюня. Такимъ образомъ высшая власть по приговору принадлежитъ "всей землѣ", иначе говоря войсковому совѣту, который, по представленію войска, олицетворялъ собою "всю землю", воеводы же только исполнительные органы земли. Ихъ земля можетъ смѣнить, когда найдетъ это нужнымъ. Если главные или второстепенные воеводы дурно будутъ вести дѣла или не станутъ слушать земскаго приговора, то вмѣсто нихъ земля можетъ выбирать другихъ, такихъ, "кто будетъ бою и земскому дѣлу пригодиться"

Такъ были рѣшены приговоромъ 30 іюня основные вопросы управленія рати и земли.

Вторая группа постановленій войсковаго собора касается устройства въ войскѣ Приказовъ, которые вѣдали бы управленіе вмѣсто Московскихъ Приказовъ осадой осужденных бездѣйствовать да и непризнаваемыхъ болѣе за власть со стороны земли. |Рѣшено было учредить Приказы: Большой Разрядъ и Помѣстный, которые вѣдали бы службу и средства содержанія служилыхъ людей - помѣстья; затѣмъ Большой Приходъ, который долженъ былъ вѣдать финансы; приказы Разбойный и Земскій, вѣдавшіе уголовныя дѣла и имѣвшіе судебный характеръ|.

Третья группа постановленій собора касается помѣстій. Такъ какъ смута внесла безпорядокъ въ помѣстныя дѣла: одни незаконно захватили себѣ лишнія земли, а у другихъ была отнята и послѣдняя земля, то нужно было распутать происшедшую путаницу и водворить порядокъ. Въ этихъ видахъ рѣшили отобрать: I| всѣ тѣ помѣстныя земли, владѣльцы которыхъ не служили въ войскѣ и 2| всѣ тѣ лишнія земли, какія окажутся у помѣщиковъ сверхъ ихъ нормальнаго помѣстнаго оклада, хотя бы владѣльцы и находились на службѣ. Отобранныя земли рѣшено было отдать въ помѣстья неимущимъ и раззореннымъ служилымъ людямъ, служащимъ въ войскѣ. Но не всѣ земли, въ какихъ не было службы, рѣшили отобрать: оставлены были помѣстья: I| у женъ и дѣтей тѣхъ дворянъ, которые были въ великомъ посольствѣ и которыхъ вмѣстѣ съ главными послами задержалъ Сигизмундъ. 2| у вдовъ и дѣтей дворянъ, убитыхъ на службѣ, 3| у тѣхъ дворянъ, которымъ помѣстья, хотя бы и лишнія, сверхъ оклада даны М. В. Скопинымъ Шуйскимъ за походъ отъ Новгорода къ Москвѣ. |Чѣмъ, кромѣ платоническаго уваженія къ памяти Скопина, можно объяснить это любопытное постановленіе?|

Далѣе позволено было и казакамъ получать помѣстья и входить такимъ путемъ въ ряды служилыхъ людей. Это позволеніе можно разсматривать, какъ единственную уступку приговора казачеству. Въ остальномъ же приговоръ, какъ сейчасъ увидимъ, направленъ противъ казачества.

Послѣднюю группу постановленій составляютъ постановленія о казакахъ и о тѣхъ, кто къ нимъ тянулъ, т. е. о бѣглыхъ. Во избѣжаніе грабежей, приговорили воротить подъ Москву въ войско всѣхъ казаковъ, разосланныхъ на службу и ушедшихъ въ города, впредь за припасами для войска не посылать однихъ казаковъ, а съ ними командировать служилыхъ людей. Этимъ стѣснялась казачья вольность, надъ казаками учреждался контроль, отнималась у нихъ возможность поживиться грабежемъ, гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ войска. Еще большій ударъ наносили казачеству тѣмъ, что постановили бѣглыхъ крестьянъ и холопей, до сихъ поръ считавшихся казаками, возвращать ихъ прежнимъ господамъ и обращать въ прежнее состояніе.

Рядъ послѣднихъ постановленій о казачествѣ, какъ и весь складъ приговора, стремившагося возстановить общественный порядокъ въ его старыхъ формахъ, показываетъ намъ очень опредѣленно, что на соборѣ 30-го іюня служилые люди рѣшительно преобладали надъ вольными казаками, элементъ общественный взялъ верхъ надъ элементомъ противообщественнымъ. Хотя подъ приговоромъ рядомъ съ подписями служилыхъ представителей 25 городовъ находятся утверждавшія приговоръ и казачьи руки-прикладства, тѣмъ не менѣе казачество много терпѣло отъ этого приговора. Хозяевами дѣлъ и въ лагерѣ подмосковномъ и во всей странѣ становились служилые люди, люди изстари установленнаго общественнаго порядка и во главѣ ихъ, конечно, "всего Московскаго воинства властитель". Прокопій Ляпуновъ. Не

даромъ ошибся лѣтописецъ, когда, разсказывая объ этомъ приговорѣ, онъ написалъ, что Ляпуновъ "приказалъ" его составить; своей ошибкой онъ точно отмѣтилъ степень власти Ляпунова, созданную приговоромъ 30-го іюня.

Познакомясь съ данными о первомъ подмосковномъ ополченіи, мы можемъ теперь сказать, что, сойдясь подъ Москву земскія и казачьи дружины не могли ужиться мирно между собою по разности стремленій и вкусовъ. Постоянная ихъ рознь привела къ необходимости уяснить точнѣе ихъ взаимныя отношенія, и уяснились они въ пользу служилыхъ людей. Но преобладаніе служилыхъ людей было недолго и непрочно. Приговоръ, давшій перевѣсъ служилымъ людямъ и Ляпунову, былъ "не любъ казакамъ и ихъ вождямъ Заруцкому и Трубецкому, и съ той поры начали надъ Прокофьемъ думати какъ бы его убить, " говоритъ лѣтописецъ, и дѣйствительно черезъ мѣсяцъ Ляпуновъ былъ убитъ. Его смерть стоитъ въ прямой связи съ тѣмъ положеніемъ дѣлъ, какое стало въ подмосковной рати послѣ приговора 30-го іюня: казаки и холопи не могли помириться съ этимъ приговоромъ и Ляпуновъ палъ отъ руки ихъ, какъ представитель служилыхъ людей, правившій дѣлами и доставившій преобладаніе своимъ. Въ убійствѣ Ляпунова замѣшаны и поляки, осажденные въ Москвѣ: они желали и смутъ въ лагерѣ осаждавшихъ и смерти талантливаго воеводы и достигли и того и другого интригой. Но и безъ ихъ подстрекательства "старые заводчики всякому злу, атаманы и казаки, холопи боярскіе" |такъ называетъ ихъ, убійцъ Ляпунова, князь Д. М. Пожарскій| не остановились бы передъ убійствомъ: въ немъ они видѣли средство поправить свое положеніе подъ Москвой, увеличить свое вліяніе, взять верхъ надъ служилыми людьми. И они достигли своего; потерявъ предводителя, служилые люди утратили и силу. Не нашлось человѣка, который могъ бы за-

мѣнить Ляпунова; дѣлами стали заправлять казачьи вожди, казачество подняло голову и тѣснимое имъ дворянство стало брести врозь, разъѣзжаться по домамъ. Ополченіе разлагалось и государственный порядокъ потерпѣлъ въ немъ новое пораженіе. Но казачьи остатки перваго ополченія продолжали стоять подъ Москвой и въ 1611 и въ 1612 г.г. Сигизмундъ не шелъ на помощь московскому гарнизону, а своими силами московскій гарнизонъ не могъ прогнать осаждавшихъ. Осада Москвы такимъ образомъ продолжалась. Но смерть Ляпунова была большимъ горемъ для русскихъ людей они теряли вѣру въ успѣхъ ополченія. Въ то же приблизительно время совершались одно за другимъ такія событія, которыя способны были отнять у русскихъ всякую надежду на будущее ихъ родины.

Сигизмундъ пересталъ стѣсняться съ великимъ посольствомъ. Сожженіе Москвы подало ему надежду, что послы будутъ уступчивѣе. Но они стояли на своемъ, что король не долженъ отступать отъ договора, заключеннаго Жолкѣвскимъ, и долженъ снять осаду Смоленска; въ такомъ только случаѣ Владиславъ можетъ стать Московскимъ царемъ. Видя, что дальнѣйшіе переговоры будутъ безплодны, король прибѣгнулъ къ насилію: московскіе послы были ограблены и плѣнниками отведены въ Польшу |въ апрѣлѣ 1611 г.|.

3-го іюня 1611 г. удалось королю наконецъ взять Смоленскъ приступомъ. Въ городѣ было въ началѣ осады, какъ говорятъ, до 80.000 жителей, большіе запасы и прекрасныя укрѣпленія. Когда Смоленскъ былъ взятъ, въ немъ не осталось и 8.000 человѣкъ, они терпѣли голодъ и болѣзни, и не могли отбить врага, потому что укрѣпленія были разбиты и разрушены. Воевода Смоленскій Шеинъ, одинъ изъ самыхъ свѣтлыхъ дѣятелей русскихъ того времени, подвергся пыткѣ: хотѣли узнать, для чего онъ не сдавалъ города и

и какими средствами могъ такъ долго держаться.

16-го іюля Шведы обманомъ взяли Новгородъ; митрополитъ Исидоръ и воевода князь Одоевскій во главѣ новгородцевъ заключили со Шведами договоръ, по которому Новгородъ представлялся особымъ государствомъ, выбиралъ себѣ въ короли одного изъ сыновей Шведскаго короля Карла и, сохраняя свое государственное устройство, навсегда соединялъ себя со шведскою династіею, если-бы даже московское государство и выбрало себѣ другого короля, не изъ Шведскаго дома. Такой договоръ, очевидно, былъ продиктованъ побѣдителями Шведами: въ немъ даже не было требованія, чтобы Новгородскій государь былъ православнымъ.

Во Псковѣ, въ то же время появился самозванецъ Сидорка, котораго зовутъ иногда третьимъ Лжедмитріемъ. Еще при Шуйскомъ начались во Псковѣ внутреннія усобицы, борьба "лучшихъ и "меньшихъ людей, высшихъ и низшихъ классовъ. Эта борьба совсѣмъ какъ то оторвала Псковъ отъ государства и создала въ немъ свою особую исторію смуты. Неурядицы внутреннія дали возможность Полякамъ и казачеству разворять безнаказанно Псковскую землю и дали въ ней силу третьему самозванцу.

И такъ, во второй половинѣ 1611 г., со взятіемъ Смоленска и Новгорода, съ усиленіемъ самозванщины во Псковѣ, вся Западная часть московскаго государства попала въ руки его враговъ. Сама Москва оставалась въ ихъ рукахъ, а ополченіе, собранное для ея освобожденія, распадалось побѣжденное не врагами а внутренней рознью. Земская власть, создавшаяся въ этомъ ополченіи и сильная по своему существу лишь настолько, насколько ей вѣрила земля, теперь со смертью Ляпунова теряла для земли всякое значеніе. Русскіе люди оставались безъ руководителей противъ сильныхъ торжествовавшихъ враговъ государства и об-

шества. Время настало настолько критическое, что, казалось, русское государство переживало свои послѣдніе дни.

Опаснѣе всѣхъ другихъ были, конечно, Поляки, но они же своею оплошностью и помогли справиться русскимъ людямъ. Послѣ взятія Смоленска Сигизмундомъ, онъ отправился въ Польшу на сеймъ торжествовать свои побѣды вмѣсто того, чтобы идти на помощь польскому гарнизону въ Москвѣ. Къ Москвѣ онъ послалъ только слабый отрядъ конницы съ гетманомъ Ходкѣвичемъ. Въ октябрѣ 1611 г. Ходкѣвичъ былъ отбитъ подмосковными казаками и ушелъ отъ Москвы. Если не считать этой незначительной рекогносцировки подъ Москву, то можно сказать, что внѣшніе враги Московскаго государства, нанеся ему взятіемъ Смоленска и Новгорода сильнѣйшіе удары, затѣмъ совершенно бездѣйствовали, отчего и потеряли всѣ плоды побѣды.

Русскіе же еще не считали себя побѣжденными, а свое дѣло потереннымъ. Въ восточной части государства подъ вліяніемъ извѣстій о повсемѣстныхъ неудачахъ и общихъ страданіяхъ снова усилилось движеніе, оживились сношенія городовъ. Изъ города въ городъ сообщали извѣстія о событіяхъ, пересылали грамоты, полученныя изъ Москвы или изъ другихъ мѣстъ, изъ города въ городъ писали |напр. Казань писала въ Пермь| о томъ, какъ слѣдуетъ держаться и поступать русскимъ людямъ въ ихъ тяжеломъ положеніи. Въ этихъ посланіяхъ заключались цѣлыя политическія программы. Всѣ Поволжскіе города горные и луговые согласились въ томъ, чтобы имъ "быть въ совѣтѣ и единеніи", охранять общественный порядокъ, не допускать грабежей, не заводить усобицъ, не принимать новой администраціи, кто бы ее ни назначалъ, а сохранять свою старую, которой они вѣрятъ, съ казаками не знаться и не заводить сношеній. Можно безъ конца удивляться той энергіи, которую проявляютъ

эти мелкіе помѣстные міры, предоставленные своимъ силамъ, той цѣпкости, съ какою они держаться другъ за друга, и той самодѣятельности, какою отличаются многіе изъ этихъ мірковъ. Весь сѣверъ и сѣверо-востокъ Руси находились тогда въ состояніи какого то духовнаго напряженія и просвѣтленія, какое является въ массахъ въ моменты великихъ историческихъ кризисовъ. Съ необыкновенною ясностью и простотою во всѣхъ грамотахъ сказывается одна мысль, долго не дававшаяся земщинѣ, а теперь ставшая достояніемъ всѣхъ и каждаго: за вѣру, родину и общественный порядокъ необходимо бороться всѣмъ и бороться не съ одной "Литвою", но и со всѣми тѣми, кто не сознаетъ этой необходимости, съ казачествомъ. Осѣдлая земщина теперь отдѣляла отъ себя казаковъ и окончательно сознала, что и они - ея врагъ, а не помощникъ, сознала это послѣ смерти Пр. Ляпунова, когда увидала, что казаки убійствомъ разстроили общее земское дѣло, враждовали съ землею несмотря на то, что служили одному дѣлу. Понимая теперь весь ужасъ своего положенія, стараясь сознаться въ своихъ бѣдахъ и сообразить, что дѣлать и какъ дѣлать, русскіе люди начинаютъ съ того, что ищутъ общаго "совѣта" и соединенія" и общимъ совѣтомъ по примѣру Нижняго Новгорода постановляютъ первое общее рѣшеніе: налагаютъ на всю землю постъ, чтобы очистить себя отъ прошлыхъ грѣховъ.

То, что массы чувствовали и высказывали просто, развивалось людьми того времени съ большей полнотой мысли и съ большей опредѣленностью чувства. Эти люди глубоко вліяли на массу, направляли ее на общее дѣло, помогали ея соединенію. Во главѣ такихъ людей долженъ быть поставленъ патріархъ Гермогенъ, человѣкъ съ чрезвычайно нравственно силой, какъ личность и съ громаднымъ политическимъ вліяніемъ, какъ дѣятель. Онъ раньше всѣхъ и яснѣе

всѣхъ созналъ, |мы уже видѣли, съ какой точки зрѣнія| что иноземный и болѣе всего польскій царь невозможенъ въ Москвѣ. Поэтому онъ былъ въ постоянной враждѣ съ боярами, державшимися Сигизмунда и называвшими себя его "государскими вѣрными подданными". Поэтому онъ не стѣснялся благословлять народъ на возстаніе противъ поляковъ. Теперь, сидя уже въ заключеніи, онъ успѣвалъ тѣмъ не менѣе разсылать грамоты по всей землѣ, направленныя противъ тѣхъ же поляковъ и противъ казаковъ. Въ августѣ 1611 г., когда онъ услышалъ, что подмосковное казачье ополченіе думаетъ присягнуть Воренку |сыну Тушинскаго Вора и Марины Мнишекъ|, онъ на спѣхъ отправилъ въ Нижній грамоту, прося, чтобы Казанскій митрополитъ и земскіе люди отговорили казаковъ отъ этого проклятаго дѣла. Эта грамота, рѣзко направленная противъ казаковъ, должна была возбудить противъ нихъ города еще болѣе, чѣмъ они до того были возбуждены. Нижній этою грамотою патріарха былъ поставленъ въ центръ движенія противъ казаковъ; раньше другихъ городовъ узналъ объ ихъ дальнѣйшемъ послѣ Ляпуновѣ "воровствѣ подъ Москвою", раньше понялъ, въ какомъ трудномъ положеніи находится Москва и отъ поляковъ и отъ казаковъ, не мудрено, что онъ раньше всѣхъ городовъ поднялся на освобожденіе Москвы.

И. Е. Забѣлинъ первый указалъ на то, что Нижній ближе другихъ городовъ былъ къ патріарху и на то, что, если объяснять движеніе Нижняго и прочихъ городовъ на освобожденіе Москвы вліяніемъ изъ центра государства, то это движеніе надо приписать именно Гермогенову посланію въ Нижній, а не тѣмъ патріотическимъ грамотамъ, которыя разсылались изъ Троицкаго монастыря |Мининъ и Пожарскій, С.П.Б. 1883 г.|. До изслѣдованія Забѣлина говорили и писали со словъ "Сказаніе" Авр. Палицына, что второе осво-

бодительное движеніе городовъ началось въ Нижнемъ, благодаря грамотамъ Троице-Сергіевскихъ властей. Забѣлинъ же указалъ, что та Троицкая грамота, которой можно было приписывать такое вліяніе, пришла въ Нижній уже тогда, когда движеніе тамъ началось и, стало быть, повліять на него не могла.

Но отнимая у Троицкаго монастыря честь этого вліянія почтенный историкъ нашъ склоненъ и вовсе отрицать высокое значеніе монастыря въ то время, указывая на его связи съ подмосковными казаками и нѣкоторую подчиненность монастыря этимъ казакамъ. Сношенія съ казачьимъ войскомъ и властями достаточно объясняются и даже оправдываются тѣмъ, что монастырь былъ очень близокъ къ Москвѣ и фактически не могъ уклониться отъ этихъ сношеній: подъ Москвою у казаковъ были единственныя въ томъ краю гражданскія власти, безъ которыхъ монастырь не могъ обойтись. Въ тоже время во главѣ монастырской братіи стояла замѣчательная личность - архим. Діонисій, человѣкъ добродушнаго и открытаго нрава, очень умный, высоко религіозный и очень нравственный, любимецъ Гермогена. Онъ умѣлъ такъ направлять дѣятельность монастыря, что она получила высокое и плодотворное значеніе. Пользуясь громадными средствами |онъ имѣлъ въ XVII в. около 1620 г. до 1000 селъ и деревень въ своихъ вотчинахъ и былъ едва ли не самымъ крупнымъ земельнымъ собственникомъ въ государствѣ|, архимандритъ Діонисій употреблялъ монастырскіе доходы на дѣло благотворенія, тысячами призрѣвая обнищалыхъ больныхъ и раненыхъ людей, пострадавшихъ въ смутѣ. Въ то же время монастырь время отъ времени разсылалъ въ города свои грамоты, призывавшія землю соединиться на поляковъ. Пускай въ этихъ грамотахъ казаки представлены защитниками вѣры и порядка и рекомендуется зем-

щинѣ союзъ съ казачествомъ, все-таки дѣятельность Троицкаго монастыря остается нравственной и патріотической дѣятельностью, а мягкость руководителя монастыря Діонисія, должна быть поставлена въ ряду лучшихъ дѣятелей той эпохи, тѣхъ дѣятелей, которыхъ Забѣлинъ своеобразно называетъ "прямыми людьми".

Такіе люди, какъ Гермогенъ и Діонисій, стояли въ центрѣ и руководили настроеніемъ всей земли. Въ городахъ были свои вожаки, люди, болѣе другихъ воодушевленные, яснѣе и дальше другихъ смотрѣвшіе. Много можно насчитать въ то время такихъ дѣятелей, которые руководили мѣстными мірами, поддерживали сношеніе между городами и вліяли патріотически на своихъ согражданъ. Одному изъ такихъ мѣстныхъ дѣятелей - Минину - суждена была главная роль и въ обще-земскомъ движеніи; другому мѣстному предводителю, кн. Пожарскому, пришлось стать затѣмъ "всей земли воеводою"

О личностяхъ Пожарскаго и Минина много писали и спорили. О Пожарскомъ Н. И. Костомаровъ думаетъ, что это была весьма честная посредственность, которой выпала на долю сдѣлать очень много, потому что другіе умѣло направляли этого человѣка. Споря противъ такого взгляда, Забѣлинъ слѣдитъ за дѣйствіями Пожарскаго съ 1608 г. отмѣчаетъ постоянную успѣшность его военныхъ дѣйствій, находитъ въ немъ достаточно личной самостоятельности и иниціативы и приходитъ къ заключенію, что Пожарскій былъ талантливый воевода, высоко честный и самостоятельно думавшій гражданинъ. Въ древне-русскомъ обществѣ было вообще мало простора личности; личность мало высказывалась и мало оставляла послѣ себя слѣдовъ; Пожарскій оставилъ ихъ даже менѣе, чѣмъ другіе современные ему дѣятели. Но со всѣмъ тѣмъ въ Пожарскомъ не можетъ не остановить наше-

го вниманія одна черта - опредѣленное, сознательное отношеніе къ совершившимся событіямъ чрезвычайнаго характера онъ никогда не теряется и постоянно знаетъ, что должно дѣлать; при смѣнѣ властей въ Москвѣ онъ служитъ и имъ, поскольку онѣ законны, а не переметывается, не поддается "ворамъ", у него есть опредѣленные взгляды, своя политическая философія, которая даетъ ему возможность точно и твердо опредѣлять свое отношеніе къ тому или другому факту и оберегать его отъ авантюризма и "шатости", у него свой "царь въ головѣ", и Пожарскаго нельзя направить чужою мыслью и волей въ ту или другую сторону. Несмотря на то, что Пожарскій былъ неродовитъ и не высокъ чиномъ, его личность и военныя способности доставили ему почетную извѣстность и раньше 1612 года. Современники цѣнили его высоко, личность его была популярна - иначе не выбрали бы его Нижегородцы своимъ воеводою, имѣя двухъ воеводъ самомъ Нижнемъ-Новгородѣ.

О Пожарскомъ не было бы разныхъ мнѣній, если бы, къ его невыгодѣ, ему не пришлось дѣйствовать рядомъ съ Мининомъ, человѣкомъ еще болѣе крупнымъ и яркимъ. По нашему личному мнѣнію, Мининъ геніальный человѣкъ: съ большимъ самостоятельнымъ умомъ онъ соединялъ способность глубоко чувствовать, проникаться идеей до забвенія себя, и вмѣстѣ съ тѣмъ оставаться практическимъ человѣкомъ, умѣющимъ начать дѣло, организовать его воодушевить имъ толпу. Его главная заслуга въ томъ, что онъ съумѣлъ дать всѣми владѣвшей идеѣ конкретную жизнь: каждый въ то время думалъ, что надо спасать вѣру и царство, а Мининъ первый указалъ, к а к ъ надо спасать, и указалъ не только своими воззваніями въ Нижнемъ, но и всею своею дѣятельностью, давшей обширному дѣлу организацію покрѣпче, чѣмъ далъ ему передъ Ляпуновъ. На это надобенъ былъ

Лит. Богданова Ер.-пер. 1/12

исключительный умъ, исключительная натура.

Мининъ не былъ простымъ мужикомъ Нижегородскимъ. Онъ торговалъ и былъ однимъ изъ видныхъ людей въ городѣ, потому что Нижегородцы избрали его въ число земскихъ старостъ и стало быть ему вѣрили. Управляя дѣлами Нижегородской податной общины, онъ долженъ былъ привыкнуть вести большое хозяйство города и обращаться съ большими деньгами, которыя собирались земскими старостами въ уплату податей. Мимо него, какъ излюбленнаго человѣка, представителя Нижегородскихъ людей, не проходила неизвѣстной ни одна грамота, адресованная въ Нижній къ Нижегородцамъ, ни одна политическая новость. Онъ слѣдилъ за положеніемъ дѣлъ и обсуждалъ дѣла въ городскихъ сходкахъ, которыя вошли въ обычай въ городахъ, благодаря обстоятельствамъ смутнаго времени, и напоминали собою древнія вѣча.

На одной изъ такихъ сходокъ |въ Октябрѣ или Сентябрѣ 1611 г.| читали и обсуждали Нижегородцы пришедшую къ нимъ грамоту. Въ грамотѣ говорилось о необходимости стать на защиту вѣры и отечества отъ еритиковъ. | Для дѣла безразлично, отъ Гермогена или отъ Троицы была грамота, хотя вѣрнѣе, какъ сказано выше, что это было Гермогеново посланіе, писанное имъ въ Августѣ|. При чтеніи грамоты Нижегородскій протопопъ Савва сказалъ слово, убѣждая народъ стать за вѣру. Послѣ Саввы заговорилъ Мининъ: страстно говорилъ онъ о томъ же, указывая какимъ образомъ нужно дѣйствовать: "Захотимъ помочь Московскому государству, такъ не жалѣть намъ имѣнія своего, не жалѣть ничего , дворы продавать, женъ и дѣтей закладывать, бить челомъ тому, кто бы вступился за истинную православную вѣру и былъ бы у насъ начальникомъ." Слова Минина произвели такое впечатлѣніе, что въ Нижнемъ начались постоянныя сходки: разсуждали о томъ, какъ подняться, отку-

да взять людей и средства. Съ такими вопросами обращались къ Минину, и онъ подробно развивалъ свои планы. Съ каждымъ днемъ росло его вліяніе, Нижегородцы увлекались предложеніями Минина и, наконецъ, рѣшили образовать ополченіе, созывать служилыхъ людей и собирать на нихъ деньги.

Раньше всего занялись денежнымъ вопросомъ. Стали собирать добровольныя приношенія, потому что иныхъ средствъ не было. Давали Нижегородцы много: "третью деньгу", т. е. третью часть имущества; такъ давать порѣшилъ міръ, и, кто давалъ меньше, утаивая размѣры имущества, съ того брали силою. Были люди, жертвовавшіе почти все, что имѣли. На первыя нужды денегъ оказалось довольно.

Второю заботою было сыскать воеводу. По предложенію Минина, избрали Пожарскаго. Князь Дм. Мих. Пожарскій жилъ въ то время верстахъ въ 100 отъ Нижняго въ своей вотчинѣ и лѣчился отъ ранъ, полученныхъ полгода тому назадъ подъ Москвою. Къ нему то и обратились Нижегородцы, минуя своихъ воеводъ, князя Звенигородскаго и Алябьева.

Когда депутація отъ Нижняго пришла къ князю и изложила ему желаніе народа избрать его на такой высокій постъ, Пожарскій сперва долго отказывался, затѣмъ наконецъ изъявилъ свое согласіе, но подъ условіемъ избранія кого нибудь изъ посадскихъ людей, который вѣдалъ бы въ ополченіи хозяйственную часть и съ нимъ Пожарскимъ "у такого великаго дѣла былъ и казну собиралъ". При этомъ онъ указалъ на Минина, какъ на лучшаго себѣ помощника въ этомъ дѣлѣ. Вѣсть о приготовленіяхъ Нижегородцевъ скоро распространилась въ ближайшихъ городахъ, и первые на эту вѣсть откликнулись бездомные Смольняне, Вязьмичи и Дорогобужцы, тѣ самые дворяне, которые, лишившись помѣстій въ своей области, вслѣдствіе завоеванія ея Поляками,

получили земли въ Арзамасскомъ уѣздѣ, но и оттуда были выгнаны Заруцкимъ.

Всѣ они были приняты въ войско. Недостаточность военныхъ силъ и денегъ скоро заставила Нижегородцевъ обратиться съ окружной грамотой къ другимъ городамъ. Въ этой грамотѣ была изложена Нижегородцами программа дѣйствій, основнымъ правиломъ которой было: отдѣльно отъ казаковъ и противъ казаковъ. -А вамъ бы - писали Нижегородцы другимъ городамъ, "съ нами быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людямъ на Польскихъ и Литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки по прежнему Низовой рати своимъ воровствомъ, грабежи и иными воровскими заводы и Маринкинымъ сыномъ не разгонили" |т. е. не разогнали|. На этотъ призывъ , возвѣстившій землѣ начало второго возстанія на Поляковъ, откликнулось много городовъ, и первая Коломна.

Вышеупомянутая грамота предостерегала народъ противъ Марины Мнишекъ съ ея сыномъ Воренкомъ и противъ Псковскаго Самозванца Сидорки-Дмитрія. Дѣла ихъ, и особенно дѣла Псковскаго Вора неожиданно улучшились: къ Вору стало было тянуть все Подмосковное казачье ополченіе. Видя это, Московское боярство, сидя взаперти, обращается съ грамотами въ Кострому, Ярославль и другіе города, увѣщевая народъ отказаться отъ всѣхъ воровъ и быть вѣрнымъ Владиславу. Лишенные довѣрія, силы и власти въ странѣ, бояре все еще думали руководить ею во имя того, противъ чего была вся земля, и не чувствовали, что около нихъ выростаетъ новая власть, созданная и поддержанная земскими силами, власть, еще сильнѣйшая той, какая создалась въ первой рати подъ Москвою.

Когда ополченіе было нѣсколько устроено, оно выступило изъ Нижняго въ мартѣ 1612 года и двинулось по дорогѣ въ Ярославль, Сюда оно пришло въ началѣ апрѣля и про-

было здѣсь до Августа, т. е. въ теченіи трехъ мѣсяцевъ. Эта долгая стоянка вызвала много обвиненій на Пожарскаго [напр. со стороны Палицына], но его можно вполнѣ оправдать тѣмъ, что вѣдь нужно было еще устроить и обезпечить войско, достигнуть нейтралитета со стороны Шведовъ, которые могли угрожать съ тылу, и очистить сѣверный край отъ казачьихъ шаекъ, съ которыми пришлось даже сражаться. Главное же оправданіе Пожарскаго въ томъ, что онъ не одинъ управлялъ войскомъ, поэтому и отвѣтственность лежитъ не на немъ одномъ. Въ его войскѣ была высшая власть, которой князь повиновался по мотивамъ чисто нравственнымъ: въ его войскѣ былъ земскій соборъ. Не смотря на довольно ясные признаки этого собора, до послѣднихъ дней онъ не замѣчался нашими учеными. Дѣло въ томъ, что вообще организація управленія въ войскѣ Пожарскаго очень темна для насъ по скудности свѣдѣній. Ясно только одно, что князь "съ товарищами" управлялъ не только ополченіемъ, но и всей землей, какъ это было и въ первомъ ополченіи. Пожарскій принималъ челобитныя, давалъ тарханныя и жалованныя грамоты монастырямъ, дѣлалъ постройки въ городахъ, давалъ льготныя разореннымъ, назначалъ денежные сборы на ратное дѣло, но все это онъ дѣлалъ "по совѣту всей земли" "по указу всей земли". Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ древними актами, пойметъ, что терминомъ "земля" наши предки въ такихъ случаяхъ обозначали ничто иное, какъ земскій соборъ. Стало быть, соборное начало уважалось въ войскѣ Пожарскаго, чего мы не встрѣчаемъ въ рати Ляпунова и Заруцкаго, гдѣ воеводы дѣйствовали однимъ своимъ именемъ. Но былъ-ли на самомъ дѣлѣ соборъ во второмъ ополченіи? Первый намекъ на существованіе земскаго собора около Пожарскаго мы видимъ въ грамотѣ отъ 7-го апрѣля въ города, онъ проситъ прислать ему выборныхъ "для царскаго обиранья"

и для совѣта о дипломатическихъ и государственныхъ дѣлахъ. Выслали ли города такихъ выборныхъ, этого мы не знаемъ и не имѣемъ объ этомъ точныхъ свѣдѣній; извѣстно только, что города прислали своихъ выборныхъ еще тогда, когда ополченіе было въ Нижнемъ. Но одно желаніе Пожарскаго имѣть соборъ еще не позволяло бы намъ дѣлать выводъ о дѣйствительномъ существованія этого собора, если бы не сохранились другія данныя, сопоставленіе которыхъ приводитъ къ мысли, что соборъ дѣйствительно былъ. Лѣтописецъ говоритъ, что въ войскѣ многія дѣла рѣшались "всею ратью", даже и дѣла дипломатическія, неудобныя для общаго обсужденія, по необходимости держать ихъ въ тайнѣ... Ясно, что не вся рать собиралась для обсужденія этихъ дѣлъ, а только представители или рати, или земли. Далѣе въ одной грамотѣ земскаго собора 1613 года выборные пишутъ, что до ихъ пріѣзда на соборъ, до начала собора 1613 года, изъ Москвы были посланы "по совѣту всея земли" особыя лица для отписки въ казну "на государя" дворцовыхъ селъ, захваченныхъ въ смуту разными лицами. Тутъ мы видимъ уже ясный намекъ на одинъ изъ приговоровъ собора 1612 года, и можемъ по этому заключить, что соборъ при Пожарскомъ дѣйствительно былъ, хотя не оставилъ послѣ себя ясныхъ слѣдовъ. Есть возможность думать, что на этомъ соборѣ были представители трехъ сословій: духовнаго, служилаго и тяглаго.

Около 20-го августа 1612 года ополченіе изъ Ярославля двинулось подъ Москву и здѣсь между ополченцами и казаками установились сперва враждебныя, затѣмъ холодныя отношенія, какъ этого и надо было ожидать: ополченіе стало особымъ станомъ и этимъ навлекло на себя непріязнь казаковъ. Польскій гарнизонъ въ Кремлѣ и Китай-городѣ, окруженный со всѣхъ сторонъ и лишенный всякой серьезной помощи, мужественно защищался и дошелъ до крайней нужды.

Но несмотря на его мужество, Китай-Городъ 22-го октября 1612 года былъ взятъ и черезъ нѣсколько дней сдался русскимъ и Кремль. Время сдачи его точно неизвѣстно. Соловьевъ и нѣкоторые другіе пишутъ, что Кремль сдался въ концѣ ноября, тогда какъ это случилось навѣрно на мѣсяцъ ранѣе, въ концѣ октября. По взятіи уже Москвы, Пожарскій грамотою отъ 15-го ноября звалъ по десяти человѣкъ отъ городовъ для выбора царя.

Дѣлу избранія царя помѣшалъ было походъ Сигизмунда на Москву. Сигизмундъ дошелъ до Волоколамска; три раза подступалъ къ Волоку, но и три раза былъ отраженъ и ушелъ обратно. Вотъ тогда на первомъ, такъ сказать, досугѣ, по взятіи Москвы, Русскіе поспѣшили избраніемъ царя. Дѣло это, какъ они совершенно вѣрно понимали, было настоятельно нужно. Они говорили, что имъ безъ государя "ни малое время быти не можно; пещися о государствѣ и людьми Божьими промышлять некому". Но думая о государѣ, вовсе не думали признать имъ Владислава или кого нибудь изъ Самозванцевъ. Дѣйствительно, ни Владиславъ, ни жалкіе Самозванцы, до подлинности которыхъ не было дѣла никому даже изъ ихъ приверженцевъ, не могли быть сколько-нибудь серьезными кандидатами въ цари: они лишились всякаго кредита, какъ всей крови заводчики". Царя нужно избрать другого, чтобы его имя могло быть знаменемъ для всѣхъ друзей порядка. И это знамя нужно было возстановить скорѣе, пока земщина была сильнѣе Поляковъ и казачества, пока элементы безпорядка не возобладали снова и не выдвинули какого-нибудь новаго претендента.

Выборные люди съѣхались въ Москву въ январѣ 1613 года. Изъ Москвы просили города прислать для царскаго выбора людей "лучшихъ, крѣпкихъ и разумныхъ". Города, между прочимъ, должны были подумать не только объ избраніи ца-

ря, но и о томъ, какъ "строить" государство и какъ вести дѣла до избранія, и объ этомъ дать выборнымъ "договоры", т. е. инструкціи, которыми тѣ должны были руководствоваться. Для болѣе полнаго освѣщенія и пониманія собора 1613 года слѣдуетъ обратиться къ разбору его состава, который можетъ быть опредѣленъ лишь по подписямъ на избирательной грамотѣ Михаила Ѳеодоровича, написанной въ маѣ 1613 года. На ней мы видимъ всего 277 подписей, но участниковъ собора, очевидно, было больше, такъ какъ не всѣ соборные люди подписывали соборную грамоту. Доказательствомъ этого служитъ, напримѣръ, слѣдующіе: за Нижній Новгородъ на грамотѣ подписалось 4 человѣка |протопопъ Савва, 1 посадскій, 2 стрѣльца|, а достовѣрно извѣстно, что Нижегородскихъ выборныхъ было 19 человѣкъ *minimum* |3 попа, 13 посадскихъ, дьякъ и 2 стрѣльца|. Если бы каждый городъ удовольствовался десятью человѣками выборныхъ, какъ опредѣлилъ ихъ число кн. Дм. Мих. Пожарскій, то выборныхъ въ Москвѣ собралось бы до 500 человѣкъ, такъ какъ на соборѣ участвовали представители 50 городовъ |сѣверныхъ восточныхъ и южныхъ|, а вмѣстѣ съ Московскими людьми и духовенствомъ число участниковъ собора простиралось бы до 700 человѣкъ. Соборъ былъ дѣйствительно многолюденъ. Собирался онъ часто въ Успенскомъ соборѣ, быть можетъ, именно потому, что изъ другихъ Московскихъ зданій ни одно не могло бы его вмѣстить. Теперь является вопросъ, какіе классы общества были представлены на соборѣ и полонъ ли былъ соборъ по своему сословному составу. Изъ 277 упомянутыхъ подписей 57 принадлежитъ духовенству |частью "выборному" изъ городовъ|, 136 высшимъ служилымъ чинамъ |боярамъ- 17|; 84 городскимъ выборнымъ. Выше уже сказано, что этимъ цифровымъ даннымъ далеко нельзя вѣрить. По нимъ городскихъ выборныхъ на соборѣ было мало, а на дѣлѣ эти вы-

борные, несомнѣнно, составляли большинство, и, хотя съ точностью нельзя опредѣлить ни ихъ количества, ни того, сколько было изъ нихъ тяглыхъ и сколько служилыхъ людей, тѣмъ не менѣе можно сказать, что служилыхъ было, кажется болѣе, чѣмъ посадскихъ; но и посадскихъ былъ очень большой процентъ, какъ на соборахъ рѣдко бывало. И кромѣ того есть слѣды участія "уѣздныхъ" людей, т. е. крестьянъ |12 подписей|. Вѣроятно, это были крестьяне не владѣльческихъ, а черныхъ государевыхъ земель, представители сѣверныхъ крестьянскихъ общинъ. Такимъ образомъ, преставительство на соборѣ 1613 года было чрезвычайно полнымъ. Присутствіе на соборѣ крестьянъ дѣлаетъ соборъ 1613 года единственнымъ всесловнымъ земскимъ соборомъ, дѣйствительнымъ органомъ "всей земли".

О томъ, что происходило на этомъ соборѣ, мы ничего точнаго не знаемъ, потому что въ актахъ и литературныхъ трудахъ того времени остались только отрывки преданій, намеки и легенды, такъ что историкъ здѣсь находится какъ бы среди безсвязныхъ обломковъ древняго зданія, возстановить обликъ котораго онъ не имѣетъ силъ. Оффиціальные документы ничего не говорятъ о ходѣ засѣданій. Сохранилась, правда, избирательная грамота, но она намъ мало можетъ помочь, такъ какъ написана далеко не самостоятельно и притомъ не заключаетъ въ себѣ свѣдѣній о самомъ ходѣ избранія. Что касается до неоффиціальныхъ документовъ, то они преставляютъ собою или легенды, или скудные, темные и риторическіе разсказы, изъ которыхъ ничего нельзя извлечь опредѣленнаго.

Однако попробуемъ возстановить - не картину засѣданій: это невозможно, - а общій ходъ преній, общую послѣдовательность избирательной мысли, какъ она пришла къ личности Михаила Ѳедоровича. Избирательныя засѣда-

нія собора начались въ январѣ. Отъ этого мѣсяца до насъ дошелъ первый по времени документъ собора; именно грамота, данная кн. Трубецкому на область Вагу, Эта область, цѣлое государство по пространству и богатству, въ XVI и XVII ст. обыкновенно давалась во владѣніе человѣку близкому къ царю; такъ, при Ѳедорѣ Ивановичѣ она принадлежала Годунову, при Вас. Ив. Шуйскомъ - Дмитрію Шуйскому, теперь же переходила къ знатному Трубецкому, по своему боярскому чину занявшему тогда одно изъ первыхъ мѣстъ въ Москвѣ. Затѣмъ стали рѣшать вопросъ объ избраніи, и первымъ постановленіемъ собора было н е в ы б и р а т ь ц а р я и з ъ и н о с т р а н ц е в ъ. Къ такому рѣшенію пришли, конечно, не сразу, да и вообще засѣданія собора были далеко не мирнаго свойства. Лѣтописецъ объ этомъ говоритъ, что "по многіе дни бысть собранія людямъ, дѣла же утвердити не могутъ и всуе мятутся сѣмо и овамо". Другой лѣтописецъ также свидѣтельствуетъ, что "многое было волненіе всякимъ людямъ, кійждо бо хотяще по своей мысли дѣяти". Царь изъ иностранцевъ многимъ казался тогда возможнымъ. Незадолго предъ соборомъ Пожарскій ссылался со Шведами объ избраніи Филиппа, сына Карла IX, точно также началъ онъ дѣло объ избраніи сына Германскаго императора Рудольфа. Но это былъ только дипломатическій маневръ, употребленный имъ съ цѣлью пріобрѣсти нейтралитетъ однихъ и союзъ другихъ. Тѣмъ не менѣе мысль объ иноземномъ царѣ была въ Москвѣ, и была именно у боярства, такого царя хотѣли "начальницы", говоритъ Псковскій лѣтописецъ. "Народы же ратные не восхотѣли сему быти", прибавляетъ онъ дальше. Но желаніе боярства, надѣявшагося лучше устроиться при иноземцѣ, чѣмъ при Русскомъ царѣ изъ ихъ же боярской среды, встрѣтилось съ противоположнымъ ему и сильнѣйшимъ желаніемъ народа избрать

царя изъ |своихъ|. Да это и понятно: развѣ могъ народъ симпатизировать иностранцу, когда ему такъ часто приходилось видѣть, какими насиліями и грабежами сопровождалось на Руси появленіе иноземной власти. По мнѣнію народа иноземцы и повинны были въ смутѣ, убившей Московское государство.

Порѣшивъ одинъ трудный вопросъ, стали намѣчать кандидатовъ |изъ московскихъ родовъ|. "Говорили на соборахъ о царевичахъ, которые служатъ въ московскомъ государствѣ и о великихъ родѣхъ, кому изъ нихъ Богъ дастъ... быть государемъ". Но тутъ то и пришла главная смута. Много избирающи искаху", не могли ни на комъ остановиться: одни предполагали того, другіе другого, и всѣ говорили разно, желая настоять на своей мысли. "И тако препроводиша не малые дни", по описанію лѣтописца.

Каждый членъ собора стремился указать на тотъ боярскій родъ, которому онъ самъ болѣе симпатизировалъ, въ силу ли его нравственныхъ качествъ или въ силу его высокаго положенія, или же просто руководясь личными выгодами. Да и многіе бояре сами надѣялись сѣсть на московскій престолъ. И вотъ наступила избирательная горячка со всѣми ея атрибутами, агитаціей, подкупами. Откровенный лѣтописецъ, указываетъ намъ, что избиратели дѣйствовали не совсѣмъ безкорыстно. "Многіе же отъ вельможъ, желающи царемъ быть, подкупахуся, многимъ и дающи и обѣщающи многіе дары". Кто выступалъ тогда кандидатами, кого предполагали въ цари, прямыхъ указаній на это мы не имѣемъ, преданіе же въ числѣ кандидатовъ называетъ: В. И. Шуйскаго, Палицына, Воротынскаго, Трубецкаго; Ѳ. И. Шереметевъ хлопоталъ за родню свою М. Ѳ. Романова. Современники, мѣстничаясь съ Пожарскимъ обвиняли его въ томъ, что онъ желая цар-

ствовать, истратилъ 20 тысячъ рублей на подкупы. Нечего и говорить, что подобное предположеніе о 20.000 просто невѣроятно уже потому, что даже казна государева тогда не могла сосредоточить у себя такой суммы, не говоря о частномъ лицѣ.|.

Споры о томъ, кого избрать, шли не только въ одной Москвѣ: сохранилось преданіе, что Ѳ. М. Шереметевъ былъ въ перепискѣ съ Филаретомъ Никитичемъ Романовымъ и В. В. Голицынымъ, что Филаретъ говорилъ въ письмахъ о необходимости ограничительныхъ условій для новаго царя, а что Ѳ. М. Шереметевъ писалъ Голицыну о выгодѣ для бояръ избрать Михаила Ѳеодоровича въ слѣдующихъ выраженіяхъ: "выберемъ Мишу Романова, онъ молодъ и намъ будетъ поваденъ". Эта переписка была найдена Ундольскимъ, въ одномъ изъ московскихъ монастырей, но въ печать до сихъ поръ не попала и, гдѣ находится, неизвѣстно. Есть преданіе мало, впрочемъ достовѣрное, и о третьей перепискѣ Шереметева съ инокиней Маресй, |Ксеніей Ивановной Романовой|, въ которой послѣдняя заявляла свое нежеланіе видѣть сына на престолѣ. Если бы дѣйствительно существовали сношенія Романовыхъ съ Шереметевымъ, то въ такомъ случаѣ Шереметевъ зналъ бы о мѣсто-пребываніи своей кореспондентки, а онъ, какъ можно думать, этого не зналъ.

Наконецъ, 7-го Февраля 1613 года пришли къ рѣшенію избрать Михаила Ѳеодоровича Романова. По одной недавно обнародованной легендѣ |у Забѣлина|, первый на соборѣ заговорилъ о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какой-то дворянинъ изъ Галича, принесшій на соборъ письменное заявленіе о правахъ Михаила на престолъ. То-же самое сдѣлалъ какой-то Донской атаманъ. Далѣе, Палицынъ, въ своемъ "сказаніи", смиреннымъ тономъ заявляетъ, что къ нему пришли люди многихъ городовъ и просили передать царскому синклиту

"свою мысль объ избраніи Романова. И по представительству этого святого отца будто бы "синклитъ" избралъ Михаила. Во всѣхъ этихъ легендахъ и сообщеніяхъ особенно любопытна та черта, что починъ въ дѣлѣ избранія Михаила принадлежитъ не высшимъ, а мелкимъ людямъ. Казачество, говорятъ, также стояло за Михаила.

Съ 7-го числа окончательный выборъ былъ отложенъ до 21-го и посланы были изъ города люди, кажется, члены собора узнать въ городахъ мнѣніе народа о дѣлѣ. И города высказались за Михаила. Къ этому времени надобно относить разсказы А. Палицына о томъ, что къ нему явился какой то "гость сирный" изъ Калуги съ извѣстіемъ, что всѣ сѣверскіе города желаютъ именно Михаила. Стало быть, противъ Михаила, насколько можно думать, были голоса только на соборѣ, народная же масса была за него. Она была за него еще въ 1610 году, когда и Гермогенъ при избраніи Владислава и народъ высказывались именно за Михаила. Поэтому возможна мысль о томъ, что соборъ приведенъ къ избранію Михаила Ѳеодоровича давленіемъ народной массы. У Костомарова |"Смутное время"| эта мысль мелькаетъ, но очень слабо и неопредѣленно.

Когда Мстиславскіе и нѣкоторые другіе бояре, затѣмъ запоздавшіе и выборные люди, посланные по областямъ, собрались въ Москву, то 21 -го февраля состоялось торжественное засѣданіе въ Успенской церкви. Здѣсь выборъ Михаила былъ рѣшенъ уже единогласно, послѣ чего послѣдовали молебны о здравіи новаго царя и присяга ему. Извѣстясь объ избраніи царя, города еще до полученія согласія Михаила, присягали ему и подписывали крестоцѣловальныя записи Михаилу. По общему представленію, государя самъ Богъ избралъ, и вся земля Русская радовалась и ликовала. Дѣло теперь оставалось только за согласіемъ Ми-

хаила, получить которое стоило немалаго труда. Въ Москвѣ не знали даже, гдѣ онъ находится: посольство къ нему отъ собора 2-го марта отправлено было въ "Ярославль или гдѣ онъ государь будетъ". А Михаилъ Ѳеодоровичъ послѣ Московской осады уѣхалъ въ свою Костромскую вотчину, Домнино, гдѣ чуть было не подвергся нападенію Польской шайки, отъ которой спасенъ былъ, по преданію, крестьяниномъ Иваномъ Сусанинъ. Что Сусанинъ былъ дѣйствительно, доказательствомъ этому служитъ царская грамота Михаила, которой семьѣ Сусанина даются различныя льготы. Однако между историками велась долгая полемика по поводу этой личности: такъ, Костомаровъ, разобравъ легенду о Сусанинѣ, свелъ все къ тому, что личность Сусанина есть миѳъ, созданный народнымъ воображеніемъ. Такого рода заявленіемъ онъ возбудилъ въ 60-хъ годахъ цѣлое движеніе въ защиту этой личности: явились противъ Костомарова статьи Соловьева, Домнинскаго, Погодина. Въ недавнее время |1882 г.| вышло новое изслѣдованіе Самарянова "Памяти Ивана Сусанина". Авторъ, прилагая карту мѣстности, подробно знакомитъ насъ съ путемъ, по которому Сусанинъ велъ Поляковъ. Изъ его труда мы узнаемъ, что Сусанинъ былъ довѣреннымъ лицомъ у Романовыхъ, и вообще эта книга представляетъ богатый матеріалъ о Сусанинѣ. Изъ Домнина Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью переѣхалъ въ Кострому, въ Ипатіевскій монастырь, построенный въ XIУ ст. мурзой Четомъ, предкой Годунова. Этотъ монастырь поддерживался вкладами Бориса и при Лжедмитріи былъ подаренъ послѣднимъ Романовымъ, какъ предполагаютъ, за все, перенесенное ими отъ Бориса.

Посольство, состоявшее изъ Ѳеодорита, архіепископа Рязанскаго и Муромскаго, Авраамія Палицына, Шереметева и др. пріѣхало вечеромъ 13-го марта въ Кострому. Марѳа

назначила ему явиться на другой день. И вотъ 14-го марта посольство, сопровождаемое крестнымъ ходомъ, при огромномъ стеченіи народа, отправилось просить Михаила. Источникомъ для ознакомленія съ дѣйствіями посольства служатъ намъ донесенія въ Москву. Изъ нихъ мы узнаемъ, что, какъ Михаилъ, такъ и инока-мать сперва безусловно отвергли предложеніе пословъ. Послѣдняя говорила, что Московскіе люди "измалодушествовались", что на такомъ великомъ государствѣ и не ребенку править не подъ силу и т. д. Долго посламъ пришлось уговаривать и мать и сына, они употребили все свое краснорѣчіе грозили даже небесной карой; наконецъ усилія ихъ увѣнчались успѣхомъ: Михаилъ далъ свое согласіе, а мать его благословила. Обо всемъ этомъ мы знаемъ, кромѣ посольскихъ донесеній въ Москву, еще изъ избирательной грамоты Михаила, которая, впрочемъ, въ силу ея малой самостоятельности, какъ мы уже говорили выше, не можетъ имѣть особенной цѣнности: она составлена по образцу избирательной грамоты Бориса Годунова; такъ сцена плача народнаго въ Ипатіевскомъ монастырѣ списана съ подобной же сцены, происходившей въ Новодѣвичьемъ монастырѣ и описанной въ Борисовой грамотѣ. |Оттуда взялъ ее Пушкинъ для своего "Бориса Годунова"|.

Какъ только согласіе Михаила Ѳедоровича было получено, послы стали торопить его ѣхать въ Москву; царь отправился, но путешествіе это было чрезвычайно медленно, такъ какъ разоренныя дороги далеко не могли служить удобнымъ путемъ.

.....

Освобожденіемъ Москвы и избраніемъ царя историки обыкновенно кончаютъ повѣсть о смутѣ, - они правы. Хотя первые годы царствованія Михаила-тоже смутные годы, но

дѣло въ томъ, что причины, питавшія, такъ сказать смуту и заключавшіяся въ нравственной шаткости и недоумѣніи здоровыхъ слоевъ московскаго общества и въ ихъ политическомъ ослабленіи, эти причины были уже устранены. Когда этимъ слоямъ удалось сплотиться, овладѣть Москвой и избрать себѣ царя, всѣ прочіе элементы, дѣйствовавшіе въ смутѣ, потеряли силу и мало по малу успокаивались. Выражаясь образно, моментъ избранія Михаила - моментъ прекращенія вѣтра въ бурѣ: море еще волнуется, еще опасно, но оно движется только по инерціи и должно успокоиться.

Такъ долго двигалось русское государство, встревоженное смутой; много хлопотъ выпало на долю Михаила; все его царствованіе можно назвать эпилогомъ драмы, но самая драма уже кончилась, развязка уже послѣдовала, выяснились результаты смуты.

Обратимся теперь къ этимъ результатамъ. Посмотримъ, какъ понимаютъ важнѣйшіе представители нашей науки фактъ смуты въ его послѣдствіяхъ. Первое мѣсто дадимъ здѣсь, какъ и всегда С. М. Соловьеву. Онъ |и въ "Исторіи" и во многихъ своихъ отдѣльныхъ статьяхъ| видитъ въ смутѣ испытаніе, изъ котораго государственное начало, боровшееся съ XVI в. съ родовымъ началомъ, выходитъ побѣдителемъ. |См. сочиненія С. М. Соловьева, СПБ. 1882 г. ст. 80|. Это чрезвычайно глубокое, хотя можетъ быть и не совсѣмъ вѣрное, историческое воззрѣніе. К. С. Аксаковъ, человѣкъ съ большимъ непосредственнымъ пониманіемъ русской жизни, видитъ въ смутѣ торжество "земли" и послѣдствіемъ смуты считаетъ укрѣпленіе союза "земли" и "государства" |подъ государствомъ онъ понимаетъ то, что мы зовемъ правительствомъ|. Во время смуты "земля" встала, какъ единое цѣлое и возстановила государственную власть, спасла государство и скрѣпила свой союзъ съ нимъ. Въ этомъ воззрѣніи, какъ и

у С.М. Соловьева, нѣтъ толкованій относительно реальныхъ послѣдствій смуты. Это общая историческая оцѣнка смуты со стороны результатовъ. Но и такой общей даже оцѣнки нѣтъ у И.Е.Забѣлина. Онъ результатами смуты какъ то вовсе не интересуется. И о немъ здѣсь мало приходится говорить. Но много можно сказать о мнѣніи Костомарова, который считаетъ смутное время безрезультатной эпохой. Чтобы яснѣе представить себѣ воззрѣніе этого историка, приведемъ выдержку изъ заключительной главы его "Смутнаго времени Московскаго государства".

"Неурядицы продолжались и послѣ, въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, какъ послѣдствіе "смутнаго времени", но эти неурядицы уже не имѣли тѣхъ опредѣленныхъ стремленій-ниспровергнуть порядокъ государства и поднять съ этою цѣлью знамя какихъ-нибудь воровскихъ царей, а таковъ именно былъ въ началѣ XVII вѣка характеръ самой эпохи смутнаго времени, не представляющей ничего себѣ подобнаго въ такихъ эпохахъ, какія случались и въ другихъ европейскихъ государствахъ. Чаще всего за потрясеніями этого рода слѣдовали важныя измѣненія въ политическомъ строѣ той страны, которая ихъ испытывала; наша смутная эпоха ничего не измѣнила, ничего не внесла новаго въ государственный механизмъ, въ строй понятій, въ бытъ общественной жизни, въ нравы и стремленія, ничего такого, что, истекая изъ ея явленій, двинуло бы теченіе русской жизни на новый путь, въ благопріятномъ или неблагопріятномъ для нея смыслѣ. Страшная встряска перебуровила все верхъ дномъ, нанесла народу несчетныя бѣдствія, не такъ скоро можно было поправиться послѣ того Руси, -и до сихъ поръ, послѣ четверти тысячелѣтія, не читающій своихъ лѣтописей народъ говоритъ, что

Литогр. Богданова Эртелевъ пер. Д. № 1 | 12. -

Директоръ

давно де было "литейное разореніе":Литва находила на Русь и такая бѣда была наслана,что малость людей въ живыхъ осталась и то оттого,что Господь на Литву слѣпоту наводилъ. Но въ строѣ жизни нашей нѣтъ слѣдовъ этой страшной кары Божіей:если въ Руси XVII в.,во время послѣду - ющей за смутной эпохой,мы замѣчаемъ различіе отъ Руси XVI вѣка,то эти различія произошли не изъ событій этой эпохи, а явились вслѣдствіе причинъ,существовавшихъ до нея ,или возникшихъ послѣ нея. Русская исторія вообще идетъ чрезвычайно послѣдовательно,но ея разумный ходъ будто перескакиваетъ чрезъ смутное время и далѣе продолжаетъ свое теченіе тѣмъ же путемъ,тѣмъ же способомъ,съ тѣми же пріемами,какъ прежде. Въ тяжелый періодъ смуты были явленія новыя и чуждыя порядку вещей,господствовавшему въ предшествовавшемъ періодѣ,однако они не повторялись впослѣдствіи,и то,что,казалось,въ это время сѣялось,не возрастало послѣ".

Но можно ли согласиться съ такимъ воззрѣніемъ Костомарова? Думаемъ,что нѣтъ. Смута наша богата реальными послѣдствіями,отозвавшимися на нашемъ общественномъ строѣ, на экономической жизни ея потомковъ. Если московское государство кажется намъ такимъ же въ основныхъ своихъ очертаніяхъ,какимъ было до смуты,то это потому,что въ смутѣ побѣдителемъ остался тотъ же государственный порядокъ,какой формировался въ Московскомъ государствѣ въ XVI вѣкѣ,а не тотъ,какой принесли бы намъ его враги-католическая и аристократическая Польша и казачество,жившее интересами хищничества и разрушенія,отлившееся въ форму безобразнаго "круга".Смута произошла,какъ мы старались показать,не случайно,а была обнаруженіемъ и раз-

витіемъ давней болѣзни,которою прежде страдала Русь. Эта болѣзнь окончилась выздоровленіемъ государственнаго организма. Мы видимъ послѣ кризиса смуты тотъ же организмъ, тотъ же общественный порядокъ.Поэтому мы и склонны думать что в с е осталось по прежнему безъ измѣненій,что смута была непріятнымъ только случаемъ безъ особенныхъ послѣдствій.Пошаталось государство и стало опять крѣпко, что же тутъ можетъ выйти новаго? А между тѣмъ вышло много новаго. Болѣзнь оставила на уцѣлѣвшемъ организмѣ глубокіе слѣды ,которые оказывали глубокое вліяніе на дальнѣйшую жизнь этого организма. Общество переболѣло,оправилось,снова стало жить и не замѣнилось другимъ,но само стало инымъ,измѣнилось.

Въ смутѣ шла борьба не только политическая и національная,но и общественная. Не только воевали между собою претенденты на престолъ Московскій и сражались Русскіе съ Поляками и Шведами,но одни слои населенія враждовали съ другими:казачество боролось съ сѣдлой частью общества,старалось возобладать надъ ней,построить землю по своему,и не могло. Борьба привела къ торжеству осѣдлыхъ слоевъ,знакомъ котораго было избраніе царя Михаила. Эти слои и выдвинулись впередъ,поддерживая спасенный ими государственный порядокъ. Но главнымъ дѣятелемъ въ этомъ военномъ торжествѣ было городское дворянство,которое и выиграло въ этомъ торжествѣ больше всѣхъ. Смута много принесла ему пользы и укрѣпила его положеніе.Служилый человѣкъ и прежде стоялъ на верху общества,владѣлъ |вмѣстѣ съ духовенствомъ| главнымъ капиталомъ страны землею и завладѣвалъ земледѣльческимъ трудомъ крестьянина. Смута помогла его успѣхамъ. Служилые люди не только сохранили

то,что имѣли,но благодаря обстоятельствамъ смуты пріобрѣли гораздо больше.Смута ускорила подчиненіе имъ крестьянства,содѣйствовала болѣе прочному освоенію ими помѣстій,давала имъ возможность съ разрушеніемъ боярства|которое въ смуту потеряло много членовъ| подниматься по службѣ и получать больше и больше участія въ государственномъ управленіи. Смута,словомъ,ускорила процессъ возвышенія Московскаго дворянства ,который безъ нея совершался бы несравненно медленнѣе.

Что касается до боярства,то оно,наоборотъ,много потерпѣло отъ смуты. Его нравственный кредитъ долженъ былъ понизиться. Исчезновеніе во время смуты многихъ высокихъ родовъ и экономическій упадокъ другихъ послѣ смуты пополняли ряды боярства сравнительно незначительными людьми,а этимъ понижалось значеніе р о д а .Для Московской аристократіи время смуты было тѣмъ же ,чѣмъ были войны Алой и Бѣлой Розъ для аристократіи Англіи:она потерпѣла такую убыль,что должна была воспринять въ себя новые демократическіе сравнительно элементы,чтобы не истощиться совсѣмъ. Такимъ образомъ и здѣсь смута не прошла безслѣдно.

Но вышесказаннымъ не исчерпываются результаты смуты. Знакомясь съ внутреннею исторіею Руси въ XVII в.,мы каждую крупную реформу XVII вѣка должны будемъ возводить къ смутѣ,обусловливать ею. Въ корень подорвавъ экономическое благосостояніе страны ,шатавшееся еще въ XVI вѣкѣ,смута создала для Московскаго правительства рядъ финансовыхъ затрудненій,которыя обусловливали собою всю внутреннюю политику правительства,вызвали окончательное прикрѣпленіе посадскаго и сельскаго населенія,поставили Москов-

скую торговлю и промышленность на время въ полную зависимость отъ иностранцевъ. Если къ этому мы прибавимъ тѣ войны XVII в., необходимость которыхъ вытекала прямо изъ обстоятельствъ, созданныхъ смутой, то поймемъ, что смута была очень богата результатами и не составляла такого эпизода въ нашей исторіи, который случайно явился и безслѣдно прошелъ. Не рискуя много ошибиться, можно сказать, что смута сдѣлала почти всю нашу исторію въ XVII вѣкѣ.

Такъ обильны были реальныя, видимыя послѣдствія смуты. Но событія смутной поры, необычайныя по своей новизнѣ для Русскихъ людей и тяжелыя по своимъ послѣдствіямъ, заставляли нашихъ предковъ болѣть не одними личными печалями и размышлять не объ одномъ личномъ спасеніи и успокоеніи. Видя страданія и гибель всей земли, наблюдая быструю смѣну старыхъ политическихъ порядковъ подъ рукою и своихъ и чужихъ распорядителей, привыкая къ самодѣятельности мѣстныхъ міровъ и всей земщины, лишенный руководства изъ центра государства, русскій человѣкъ усвоилъ себѣ новыя чувства и понятія: въ обществѣ крѣпло чувство національнаго и религіознаго единства, слагалось болѣе отчетливое представленіе о государствѣ. Въ XVI в. оно еще не мыслилось, какъ форма народнаго общежитія, оно казалось вотчиной государевой, а въ XVII вѣкѣ по представленію Московскихъ людей, это уже "земля" т.е. государство. Общая польза, понятіе не совсѣмъ свойственное XVI вѣку, теперь у всѣхъ русскихъ людей сознательно стоитъ на первомъ планѣ: своеобразнымъ языкомъ выражаютъ они это, когда въ безгосударственное время заботятся о спасеніи государства и думаютъ о томъ, "что земскому дѣлу пригодится" и "какъ бы земскому дѣлу было прибыльнѣе". Новая "землею" установлен-

ная власть Михаила Ѳеодоровича вполнѣ усваиваетъ себѣ это понятіе общей земской пользы и является властью вполнѣ государственнаго характера. Она совѣтуется съ "землею" объ общихъ затрудненіяхъ и говоритъ иностранцамъ, по поводу важныхъ для Московскаго государства дѣлъ, что "такого дѣла теперь рѣшить безъ совѣту всего государства нельзя ни по одной статьѣ." При прежнемъ господствѣ частноправныхъ понятій, еще и въ XVI вѣкѣ неясно отличали государя, какъ хозяина-вотчинника, и государя какъ правителя государства, всякое государственное дѣло казалось какъ бы личнымъ дѣломъ хозяина страны да его совѣтниковъ, теперь въ XVII вѣкѣ очень ясно сознается, что государственное дѣло не только "государево дѣло", но и "земское", такъ и говорятъ о важныхъ государственныхъ дѣлахъ, что это "великое государево и з е м с к о е" дѣло.

Это новыя, въ смуту пріобрѣтенныя понятія о государствѣ и народности не измѣнили сразу и видимымъ образомъ политическаго быта нашихъ предковъ, но отзывались во всемъ строѣ жизни XVII вѣка и сообщали ей очень отличный отъ старыхъ порядковъ колоритъ. Поэтому для историка и важно отличить появленіе этихъ понятій. Если, изучая Московское государство XVI вѣка, мы еще споримъ о томъ, можно ли назвать его бытъ вполнѣ государственнымъ, то о XVII вѣкѣ такого спора быть не можетъ, потому уже, что сами Русскіе люди XVII вѣка сознали свое государство, усвоили государственныя представленія, и усвоили именно за время смуты, благодаря новизнѣ и важности ея событій. Не нужно и объяснять, насколько слѣдуетъ признавать существенными послѣдствія смуты въ этой сферѣ общественной мысли и самосознанія.-

---.---.---.---.---

МИХАИЛЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ

1613 - 1645.

Давъ свое согласіе на престолъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ выѣхалъ вмѣстѣ съ матерью 19-го марта изъ Костромы въ Ярославль. Здѣсь къ нему сталъ стекаться народъ большими толпами, выражая свою симпатію къ молодому царю. Такимъ образомъ Ярославль вторично дѣлается центромъ патріотическаго движенія. Въ этомъ городѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ оставался мѣсяцъ, а потомъ въ серединѣ апрѣля, когда прошелъ ледъ и сбыла вода, двинулся дальше. А въ Москвѣ между тѣмъ земскій соборъ еще не расходился: онъ управлялъ всѣми дѣлами государства и дѣятельно переписывался съ царемъ. Часто между соборомъ и царемъ возникали недоразумѣнія, потому что казацкіе грабежи и безпорядки въ странѣ еще продолжались. Земскій соборъ, принимая противъ нихъ мѣры, вмѣстѣ съ тѣмъ заботился и объ устройствѣ царскаго двора, отбирая дворцовыя земли у тѣхъ, кто ими завладѣлъ, и собирая запасы для дворца. Вѣсти о безпорядкахъ доходили и до Михаила Ѳеодоровича, въ Ярославлѣ; къ нему приходили жаловаться на грабежи, бѣжали съ жалобой и тѣ, у кого были отняты дворцовыя земли. Всѣ просили управы и помощи, а у царя не было средствъ ни на то, ни на другое. За рѣшеніемъ такого рода дѣлъ, съ наставленіями и вопросами Михаилъ послалъ въ Москву князя Троекурова. На вопросъ царя о разбояхъ и безпорядкахъ соборъ отвѣчалъ, что онъ старается, насколько можно, объ устройствѣ земли и докладывалъ о своихъ мѣропріятіяхъ, но эти послѣднія казались Михаилу [или вѣрнѣе, тому, кто за нимъ стоялъ] очень неудовлетворительными. Въ Ярославлѣ думали, что можно скорѣе и лучше

водворить порядокъ,чѣмъ то дѣлалъ соборъ.И вотъ видя,что порядокъ не сразу устанавливается,слыша постоянныя жа - лобы и просьбы о кормахъ и жалованьи,не умѣя ихъ удовле- творить или прекратить,Михаилъ Ѳеодоровичъ"кручинился" и съ нѣкоторымъ раздраженіемъ писалъ собору:"Вамъ самимъ вѣдомо,учинились мы царемъ по вашему прошенію,а не сво- имъ хотѣніемъ;крестъ намъ цѣловали вы своею волею. Такъ вамъ бы всѣмъ;помня свое крестное цѣлованіе ,намъ служить и о всякомъ дѣлѣ радѣть...."Царь требовалъ этими словами, чтобы соборъ избавилъ его отъ хлопотъ съ челобитниками, и просилъ "тѣ докуки отъ него отвести", какъ онъ вы - ражался.

Несмотря на неудовольствія 16-го апрѣля царь "пошелъ" къ Москвѣ изъ Ярославля ,требуя,чтобы къ его пріѣзду при- готовили ему помѣщеніе,и даже прямо указывалъ палаты двор- ца,а у собора не было ни матеріала для ихъ поправки,ни мастеровъ,почему и были приготовлены другія палаты,что вызвало гнѣвъ со стороны царя ,который,какъ бы не довѣ- ряя собору,требуетъ своего,почти наканунѣ пріѣзда въ Москву.

26-го апрѣля,когда царь былъ уже около Троице-Сергіева монастыря,къ нему стали сбѣгаться дворяне и крестьяне,ог- рабленные и избитые казачьми шайками,бродившими около са- мой Москвы. Тогда Михаилъ Ѳеодоровичъ ,въ присутсвіи по- словъ отъ собора,заявилъ,что онъ съ матерью не пойдетъ дальше,и сказалъ посламъ:" Вы намъ били челомъ и говори- ли,что всѣ люди пришли въ чувство ,отъ воровства отстали: такъ вы били челомъ и говорили ложно."А въ Москву Миха- илъ Ѳеодоровичъ писалъ боярамъ и собору:"Можно вамъ и са- мимъ знать,если на Москвѣ и подъ Москвой грабежи и убій-

ства не уйдутся, то какой отъ Бога милости надѣятися". Какъ будто объ этомъ можно было толковать. Соборъ, конечно, всѣми силами радъ былъ окончить всѣ безпорядки, но онъ зналъ свое безсиліе: онъ держался и повелѣвалъ только нравственнымъ авторитетомъ, который не могъ простираться на всѣ элементы смуты. Въ неудовольствіи и упрекахъ Михаила Ѳеодоровича можно видѣть такой способъ воздѣйствія на соборъ: онъ какъ будто не допускалъ соборъ заснуть, такъ сказать, и этотъ способъ выдуманъ, конечно не имъ, авторомъ здѣсь была, надо думать, старица Марѳа. Такой способъ дѣйствій былъ именно въ ея характерѣ. Какъ бы то ни было, несмотря на неудовольствіе, Михаилъ Ѳеодоровичъ, упрошенный посольствомъ, прибылъ 2-го мая въ Москву, а 11-го іюня вѣнчался на царство. Этимъ моментомъ кончается смутная эпоха и начинается новое царствованіе.

Прежде чѣмъ приступить къ разбору его, обратимся къ любопытному вопросу объ ограниченіяхъ, которыя, по слухамъ, были предложены Михаилу Ѳеодоровичу. Относительно этихъ ограниченій до насъ дошло нѣсколько разнорѣчивыхъ показаній изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Раньше мы видѣли, что царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ ограниченъ боярствомъ, точно также былъ ограниченъ и Владиславъ. Извѣстіямъ объ этихъ ограниченіяхъ мы вполнѣ вѣримъ, потому что видѣли окружную грамоту Шуйскаго съ его ограниченіями и два формальныхъ договора съ Сигизмундомъ о Владиславѣ, - словомъ, видѣли документы. Объ ограниченіяхъ же Михаила Ѳеодоровича документовъ нѣтъ никакихъ, о немъ существуютъ только слухи, такъ одно Псковское сказаніе, вышедшее изъ низшихъ слоевъ Псковскаго общества разсказываетъ, что при молодомъ царѣ, благодаря его неопыт-

ности ,"подъ нимъ правила и поддерживала царство" его мать "со своимъ родомъ". Тѣмъ не менѣе, будто бы "владыщіе" т.е. бояре угнетали народъ, занимались "мздоиманіемъ' царя же ни во что не ставили, не боялись и даже обманули: возводя на престолъ, они заставили его присягнуть, что онъ будетъ наказывать виновныхъ бояръ не смертью, а ссылкою, если же кто изъ нихъ и подвергался ссылкѣ, то они упрашивали царя и добивались прощенія, и такимъ образомъ наказаніе превращалось въ ничто. Если вѣрить этому сказанію, то можно подумать, что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ воскресло одно изъ боярскихъ ограниченій царя Шуйскаго, и получается такая картина: Михаилъ ограниченъ боярами, которые его обманываютъ, и только царица Марѳа съ родней его поддерживаютъ. А между тѣмъ далѣе Псковскій сказатель, повѣствуя объ интересахъ Салтыковыхъ ,родни царицы Марѳы , ставитъ ихъ рядомъ съ "владущими"и говоритъ, что Салтыковы избавились отъ казни благодаря родству съ царемъ : сразу два противорѣчія. Врядъ-ли поэтому можно предположить, что у сказателя-провинціала было ясное и связное представленіе о Московскихъ отношеніяхъ и происшествіяхъ. И извѣстіе это, стало быть, теряетъ цѣну. Другое показаніе объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича принадлежитъ извѣстному русскому эмигранту Григ.Карп.Котошихину, бѣжавшему изъ Россіи сперва въ Польшу, затѣмъ въ Пруссію и наконецъ поселившемуся въ Швеціи. Въ своемъ сочиненіи "О Россіи" онъ говоритъ, что всѣ государи послѣ Ивана Грозного были ограничены въ своей власти въ пользу боярской думы. Только Алексѣй Михаиловичъ "письма не себя не далъ никакого", и произошло это потому, что онъ тихъ и кротокъ казался. Отецъ же его Михаилъ Ѳеодоровичъ ", хотя самодерж-

цемъ писался,однако безъ боярскаго совѣту не могъ дѣлати ничего".Котошихинъ передаетъ историческія преданія своего времени: при Алексѣѣ Михаиловичѣ ,памятуя смуту, могли думать,что Михаилъ Ѳеодоровичъ ,правившій съ помощью земскаго собора ,былъ въ своей власти ограниченъ,но это мнѣніе общества не есть достовѣрное историческое свидѣтельство.Такимъ образомъ и показаніе Котошихина ,какъ по своей неопредѣленности вообще,такъ и потому,что объ ограниченіяхъ собственно Михаила Ѳеодоровича въ немъ ничего фактическаго не говорится,также можетъ быть заподозрѣно.

Третье показаніе даетъ иностранецъ Факкеродтъ,современникъ Петра I, писавшій о Россіи.По его словамъ,въ 1613 году бояре ,рѣшили,что тотъ,кого изберутъ ,долженъ присягнуть на слѣдующемъ: 1| держать судъ по стариннымъ земскимъ законамъ,2| никого собственной властью не судить и 3| безъ согласія собора не вводить новыхъ законовъ и налоговъ,не объявлять войны и не заключать мира.И будто бы этимъ условіямъ молодой царь былъ вѣренъ до пріѣзда Филарета,который успѣлъ вернуться къ самовластію и предоставилъ собору только честь одобрять его распоряженія.Но тутъ Факкеродтъ,во-первыхъ ,путаетъ нашу боярскую думу и соборъ,во-вторыхъ,приписываетъ Филарету такую реформу, которая можетъ назваться измѣненіемъ только что создавшагося строя государственнаго.На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго не было :при Филаретѣ стало строже,выражаясь житейскимъ языкомъ ,но соборы продолжали дѣйствовать и средства управленія не измѣнились.Что касается до путаницы Факкеродта о "соборѣ или сенатѣ",то она совершенно

подкапываетъ его извѣстіе. Если онъ разумѣетъ здѣсь земскій соборъ, то его извѣстіе намъ не нужно, ибо дѣло ясно и безъ него: о соборахъ мы имѣемъ много данныхъ. Если онъ разумѣетъ боярскую думу, то ему опять таки вѣрить трудно: если онъ такъ мало знаетъ самую думу, то не болѣе, конечно ея роль при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

Четвертое извѣстіе объ ограниченіяхъ Михаила Ѳеодоровича находится у Шведа Страленберга въ его книгѣ о Россіи, изданной въ 1730г. По его словамъ ограниченія Михаила состояли въ томъ, что онъ не могъ по собственному усмотрѣнію издавать новые законы и отмѣнять старые, объявлять войны и заключать миръ, въ своей судебной дѣятельности долженъ былъ просто держаться законовъ и обязывался свои частныя боярскія вотчины или обратить въ казну, или передать роднѣ своей и т.д. У Страленберга есть подробный разсказъ и объ избраніи Михаила Ѳеодоровича, весьма неправдоподобный во многихъ частностяхъ. Въ сопоставленіи съ этимъ разсказомъ извѣстія Страленберга объ ограниченіяхъ получаютъ весьма сомнительный характеръ, заставляющій цѣнить ихъ не дороже извѣстій Факкеродта.

Гораздо солиднѣе само по себѣ, чѣмъ показаніе иностранцевъ то извѣстіе, какое изъ неизвѣстнаго, впрочемъ, источника даетъ намъ историкъ Татищевъ. Онъ говоритъ коротко, что Михаила Ѳеодоровича избрали всенародно, но съ ограничительной записью. Однако и Татищевъ не разъ давалъ намъ такія данныя, которыя были заподозрѣны: такъ онъ первый сталъ говорить объ указѣ о крестьянахъ, предшествовавшемъ 1597 году, и затѣмъ обнародовалъ о крестьянахъ же указъ 1607 года, на подложность котораго указалъ еще Карамзинъ,

и т.п.Неизвѣстность источниковъ,какими пользовался Татищевъ,заставляетъ отнестись съ подозрѣніемъ и къ этому извѣстію,и его свидѣтельство опять таки не рѣшаетъ дѣла.

Итакъ ни одно свидѣтельство само по себѣ не заслуживаетъ нашего довѣрія и,взятое отдѣльно,должно пасть. Въ этомъ дѣлѣ изслѣдователя затрудняетъ тотъ вопросъ,почему свидѣтельствъ объ ограниченіи такъ много? Почему вѣрятъ ограниченіямъ и современники Михаила Ѳеодоровича,и его ближайшіе и дальнѣйшіе потомки,люди XVII и XVIII вв.,Русскіе и иностранцы? Что нибудь ,вѣдь,было такое,что подало поводъ къ такимъ упорнымъ слухамъ.Существуетъ къ тому же и такое преданіе ,что Филаретъ Никитичъ писалъ въ 1613 году Шереметеву о необходимости избрать царя съ ограниченіями.Стало быть,мысль объ этомъ была или позднѣе казалась бывшею,если можно такъ выразиться.Въ виду этихъ вопросовъ и обстоятельствъ и нѣкоторые изслѣдователи вѣрятъ ограниченіямъ.Къ такимъ относятся Ключевскій и Загоскинъ, но оба смотрятъ разно на этотъ вопросъ: Ключевскій,довольствуясь свѣдѣніями объ ограниченіяхъ и зная роль земскаго собора при Михаилѣ,говоритъ,что "правительственный порядокъ,дѣйствовавшій при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ",основанъ былъ"на какомъ то новомъ сочетаніи условій ограничительныхъ,выработанныхъ смутой". Онъ не дѣлитъ времени Михаила Ѳеодоровича по развитію верховной власти на два разныхъ періода,какъ то дѣлаетъ Загоскинъ. Загоскинъ думаетъ,что "аристократическія тенденціи боярства" имѣли успѣхъ только въ молодости царя,а именно до пріѣзда Филарета Никитича,при избраніи Михаила боярамъ удалось создать себѣ "привиллегированное положеніе въ сферѣ уголовна-

го суда", какъ онъ говоритъ, но эти привиллегіи были уничтожены съ пріѣздомъ Филарета Никитича. Нѣсколько иначе относится къ этому С.М. Соловьевъ: "Если была взята |съ Мих. Ѳеод. |запись, то она имѣла силу только въ началѣ царствованія", говоритъ онъ, однако самъ не расположенъ вѣрить этой записи и не придаетъ ей значенія. Дѣйствительно есть факты, не совсѣмъ вяжущіеся съ существованіемъ ограниченія. Таковъ, во первыхъ, самый выборъ царя: Михаилъ Ѳеодоровичъ вѣдь едва согласился принять престолъ; выше мы видѣли, какихъ усилій стоило уговорить, какъ его, такъ и инoку Марѳу. Совсѣмъ другое дѣло представляетъ царь Василій Шуйскій, самъ, произвольно сѣвшій на престолъ, или Владислав, человѣкъ и другой націи и другой религіи. А Михаилъ Ѳеодоровичъ, какъ мы видѣли, укоряя соборъ, указываетъ ему, какъ бы съ гордостью, что онъ не самъ искалъ престола. Вторымъ обстоятельствомъ противорѣчащимъ факту ограниченія, является слѣдующее: въ мѣстничествѣ, которое должно было при господствѣ бояръ сильно развиться, не видно слѣдовъ боярскаго преобладанія, напротивъ, бояре часто, по приказу царя, бываютъ безъ мѣста, а царской роднѣ даютъ мѣста не по роду. Наконецъ, въ третьихъ, если допустить ограниченіе въ пользу боярства, то дѣлается неясной роль соборовъ, ихъ отношенія къ боярамъ и т.д. Соборы выражали собой значеніе тѣхъ среднихъ общественныхъ классовъ, которые спасли государство и въ немъ играли теперь первую роль. А эти классы совсѣмъ не были расположены къ ограниченію царской власти въ пользу боярства. Почему же особенно слабое въ ту пору кредитомъ, боярство могло ограничить Михаила Ѳеодоровича? Правда, что всѣ эти соображенія имѣютъ свойство логическихъ доказательствad hominem

и потому не имѣютъ цѣну документальныхъ опроверженій; здѣсь возможно мнѣніе,а не убѣжденіе.Послѣ такого рода опроверженій всегда можетъ остаться такое же сомнѣніе , какъ и послѣ самыхъ извѣстій объ ограниченіи.Вопросъ все-таки остается неяснымъ. Въ самомъ дѣлѣ,если не было ограниченій ,то какъ-же явились слухи о немъ?

На нашъ взглядъ,слухи всѣ пошли отъ того факта,что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ все рѣшалось "общимъ совѣтомъ", чтобы крѣпче было,-въ интересахъ власти и земли. Этотъ общій совѣтъ земли,выражавшійся въ формѣ постояннаго земскаго собора не перешелъ въ право,но оставилъ по себѣ память,которую Котошихинъ и выразилъ словами,что Михаилъ Ѳеодоровичъ "безъ боярскаго совѣта не могъ дѣлать ничего". Это смутное воспоминаніе выразилось у Факкеродта, смѣшавшаго думу и соборъ,собора онъ не зналъ,но слышалъ, что дѣйствовало что-то болѣе широкое ,чѣмъ дума,и назвалъ его"сенатомъ или соборомъ". Точно такие провинціалъ -Псковичъ зная о постоянной въ его время тенденціи боярства къ ограниченіямъ и видя,что боярство забрало прежнюю волю,"емлетъ мзду" и остается безнаказаннымъ,естественно могъ заключить,что онъ теперь въ силѣ и формельно.Вотъ какъ можно объяснять слухъ объ ограниченіяхъ.

По пріѣздѣ въ Москву ,Михаилъ Ѳеодоровичъ не отпустилъ выборныхъ земскихъ людей,которые и оставались въ Москвѣ до 1615 года,когда они были замѣнены другими,и такъ дѣло шло до 1622 года;одинъ составъ собора смѣнялся другимъ: одни выборные уѣзжали изъ Москвы къ своимъ дѣламъ и хозяйствамъ,и замѣнялись другими.Относительно десятилѣтней |1613-1622| продолжительности земскаго собора дѣлались

только предположенія,такъ какъ не было какихъ указаній присутствія собора въ Москвѣ для всѣхъ десяти лѣтъ,но мало по малу эти указанія находились и наконецъ вопросъ окончательно разрѣшилъ И.И.Дитятинъ |Русская Мысль,дек. 1883г.| найдя указанія и для неизвѣстнаго доселѣ собора 1620 года. Такимъ образомъ въ теченіе десяти лѣтъ Москва имѣла постоянный земскій соборъ| и послѣ этого времени соборы бывали очень часто и длились долго,но постоянныхъ больше не было|.Въ этомъ видна очень мудрая политика ,подсказанная правительству самой жизнью:смута еще не прекращалась и безпорядки продолжались.Намъ,издали,теперь ясно,что смута должна была прекратиться,такъ какъ люди порядка стали съ 1612-1613 годовъ сильнѣе своихъ противниковъ. Но для современника,который видѣлъ общее разореніе, казачьи грабежи,безсиліе противъ нихъ Москвы,не могъ взвѣсить всѣхъ событій,не понималъ отношенія дѣйствующихъ одна противъ другой силъ,для современника смута еще не кончилась, на его взглядъ снова могли одолѣть и Поляки и казаки.Вотъ противъ нихъ то и надо было сплотиться сторонѣ порядка. Она и сплотилась,выражая свое единодушіе земскимъ соборомъ при своемъ царѣ. И царь понималъ всю важность дѣйствовать за одно съ избравшими его и охотно опирался на земскій соборъ,какъ на средство лучшаго управленія.Никакихъ вопросовъ между избравшими царя и ихъ избранникомъ о взаимныхъ правовыхъ отношеніяхъ не могло быть въ ту минуту.И власть и земля были въ союзѣ и боролись противъ общаго врага за существованіе ,за свои "животы", какъ тогда говорили. Минута была слишкомъ трудная,чтобы еще заниматься правовой метафизикой [illegible]

лицо той вражды, которая къ ней располагаетъ.

Дѣйствительно, трудное было время. Казаки продолжали бродить и даже грабить подъ Москвой, а часть ихъ, подъ начальствомъ Заруцкаго, захватившаго съ собой и Марину Мнишекъ, сперва грабила Русскія области, потомъ, разбитая царскими войсками, ушла въ Астрахань. Иногда грабили и служилые люди, не обезпеченные содержаніемъ, грабила иногда и сама администрація и вызывала смуту слишкомъ тяжелыми поборами и крутыми мѣрами, да и земскіе люди сами затѣвали по временамъ смуты, какъ было, напримѣръ, на Бѣлоозерѣ, гдѣ земщина отказалась платить подати. У правительства въ это тяжелое время не было ни денегъ, ни людей, а между тѣмъ война съ Польшей все еще продолжалась, выражаясь въ томъ, что летучіе польскіе отряды грабили и разоряли Русскія области.

И вотъ Московское правительство, прежде всего, заботится о сборѣ денегъ для содержанія ратныхъ людей и удовлетворенія прочихъ важныхъ нуждъ. Въ первые же дни по пріѣздѣ царя соборомъ приговорили: собрать недоимки, а затѣмъ просить у кого можно взаймы [просили даже у торговыхъ иностранцевъ], особая грамота отъ царя и особая отъ собора были отправлены къ Строгановымъ съ просьбой о помощи разоренному государству. И Строгановы скоро откликнулись; они прислали 3000 рублей, сумму, довольно крупную для тогдашняго времени. Годъ спустя соборъ призналъ необходимымъ сборъ пятой деньги, и даже не съ доходовъ, а съ каждаго имущества по городамъ, съ уѣздовъ же по 120 рублей съ сохи. На Строгановыхъ по разверстѣ приходилось 16000 р., но на нихъ наложили 40000 рублей, и царь уговаривалъ ихъ "не пожалѣть животовъ своихъ".

Литогр. Богданова, Ртищевъ пер. № 1|12.

Директоръ

Далѣе,правительство заботилось и о защитѣ государства отъ враговъ. Главное вниманіе сначала привлекалъ Заруцкій, засѣвшій въ Астрахани и старавшійся привлечь на свою сторону казаковъ съ Волги,Дона,Терека,обѣщая имъ доходный походъ на Самару и Казань. У Донскихъ казаковъ онъ встрѣтилъ мало симпатіи,а часть Волжскихъ,именно молодежь,которой все равно было,"гдѣ бы ни добыть себѣ зипуновъ",склонялась на его сторону,Терскіе же казаки сперва всѣ поголовно поддались ему. Московское правительство точно также ,какъ и Заруцкій хорошо понимало,что казаки представляютъ силу, и старались ихъ привлечь отъ Заруцкаго къ себѣ. Москва шлетъ имъ жалованье, подарки и даже до нѣкоторой степени имъ льститъ. Казачество однако въ большинствѣ теперь понимаетъ,что выгоднѣе дружить съ Москвой,которая окрѣпла и могла справиться съ Заруцкимъ, и потому не идетъ къ послѣднему,хотя Марина Мнишекъ съ сыномъ находятся еще у него. Этимъ объясняется,что Заруцкій ,опасный постольку,поскольку его поддерживали казаки,кончилъ очень скоро и очень печально;Астрахань возмутилась противъ него и небольшой стрѣлецкій отрядъ |700 человѣкъ|,выгнавъ Заруцкаго изъ Астраханскаго Кремля, гдѣ онъ заперся,разбилъ его и взялъ въ плѣнъ съ Мариной Мнишекъ и ея сыномъ. Привезенные послѣ этого въ Москву , Заруцкій и Воренокъ были казнены;Марина же въ тюрьмѣ окончила свое бурное полное приключеній существованіе, оставивъ по себѣ темную память въ Русскомъ народѣ: всѣ воспоминанія его объ этой "еретицѣ" дышатъ злобою ,а въ литературѣ XVII в. мы не встрѣчаемъ ни одной нотки сожалѣнія ,ни даже слабаго сочувствія къ ней.

Уничтоженъ былъ Заруцкій, умиротворена Волга и Донъ, оставалось покончить съ казацкими шайками внутри страны, на сѣверѣ. 1-го сентября 1614 года земскій соборъ, разсуждая объ этихъ послѣднихъ, рѣшилъ послать къ нимъ для увѣщанія архіепископа Герасима и князя Лыкова. Лыковъ, отправленный по рѣшенію собора, извѣщалъ, что казаки то соглашались оставить грабежи и служить Москвѣ, то снова отказывались и бунтовали. Особенно буйствовалъ атаманъ Баловень, шайка котораго жестоко мучила и грабила населеніе, а затѣмъ послѣ переговоровъ съ Лыковымъ, порѣшила идти къ Москвѣ. Подойдя къ ней, они стали по Троицкой дорогѣ въ селѣ Ростокинѣ и послали къ государю бить челомъ, что хотятъ ему служить; когда же начали ихъ переписывать, они снова упорствовали и стали угрожать Москвѣ. Но въ то время пришелъ къ Москвѣ князь Лыковъ съ отрядомъ войска, а изъ Москвы окольничій Измайловъ и напали на казаковъ. Казаки нѣсколько разъ были разбиты, послѣ чего и разбѣжались. Часть ихъ была переловлена и разослана по тюрьмамъ, а Баловень казненъ.

При такихъ то тяжелыхъ обстоятельствахъ приходилось еще считаться съ Польшей. Находясь въ крайнихъ финансовыхъ затрудненіяхъ, Сигизмундъ не могъ предпринять большого похода на Москву, но Польскія шайки |иррегулярныя| дѣлали постоянные набѣги на Русскія, даже сѣверныя области, воюя Русскую землю "проходомъ", какъ мѣтко выражается лѣтописецъ, точно также поступали Малороссійскіе казаки или Черкасы. Противъ нихъ энергично дѣйствовали и жители областей, и сама Москва. Правильной войны такимъ образомъ

не было, но и по избранiи Михаила Ѳеодоровича Владиславъ все еще считался кандидатомъ на Московскій престолъ; миръ формально не былъ заключенъ, и отецъ царя Филаретъ Никитичъ находился въ плѣну. Еще въ 1613 году |въ мартѣ| изъ Москвы для размѣна плѣнныхъ былъ земскимъ соборомъ отправленъ дворянинъ Аладьинъ. Чтобы не затянуть освобожденiя патрiарха, Аладьину запрещено было говорить объ избранiи Михаила, въ случаѣ же, если объ этомъ спросятъ, утверждать, что это неправда. Аладьинъ видѣлся съ Филаретомъ и успѣлъ разузнать также, что Польша, къ выгодѣ Москвы, теперь совсѣмъ не готова къ войнѣ. Это такъ обнадежило Москву, что было приказано воеводамъ Черкасскому и Бутурлину осадить Смоленскъ, но здѣсь имъ пришлось простоять безъ всякаго дѣйствiя до iюня 1615 года. Бродившiе по Руси польскiе отряды были въ тоже время стѣснены царскими войсками, и только съ шайкой Лисовскаго не могли ничего подѣлать; онъ былъ положительно неуловимъ со своими "Лисовчиками". Противъ него отправили князя Пожарскаго, который и столкнулся съ Лисовскимъ около Орла, но здѣсь онъ чуть не погибъ со своимъ небольшимъ отрядомъ отъ 3000 Лисовчиковъ. Пожарскiй тогда огородился телѣгами и сѣлъ въ обозѣ, а Лисовскiй, не зная, что у него такъ мало людей, не посмѣлъ напасть, а къ утру Пожарскому явилась помощь. Смѣлый наѣздникъ, преслѣдуемый погоней, какъ тѣнь пробирался между городами, опустошая все на своемъ пути и дѣлая обширный кругъ: онъ прокрался между Ярославлемъ и Костромой по Суздальскимъ мѣстамъ, потомъ между Владiiромъ и Муромомъ, между Коломною и Переяславлемъ Рязанскимъ

между Тверью и Серпуховымъ до Алексина и т.д. вокругъ Москвы. Наконецъ онъ явился въ Литву послѣ своего изумительнаго скораго похода, много разоривъ и ограбивъ. Въ концѣ 1614 года опять начались дипломатическіе переговоры съ Польшею. Она сама начала ихъ и предлагала съѣхаться посламъ на рубежѣ и начать переговоры о мирѣ. Изъ Москвы была отправлена съ Желябужскимъ отвѣтная грамота съ согласіемъ на съѣздъ, и съѣздъ состоялся въ сентябрѣ 1615 года недалеко отъ Смоленска. Со стороны Русскихъ въ немъ приняли участіе князья Воротынскій, Сицкій и окольничій Измайловъ, со стороны Поляковъ: Хоткѣвичъ, Левъ Сапѣга и Гонсѣвскій |все знакомые Русскимъ людямъ|. Посредникомъ же служилъ императорскій посолъ Эразмъ Ганделіусъ. Но переговоры эти, длившіеся до января 1616 года, ничѣмъ не кончились; сношенія двухъ державъ продолжали оставаться неопредѣленными и это было тѣмъ болѣе тяжело, что также неопредѣленны были и отношенія къ Швеціи. Послѣдняя также имѣла своего кандидата въ Русскіе цари, королевича Филиппа, и вмѣстѣ съ тѣмъ состояла въ войнѣ съ Москвой. Какъ въ переговорахъ Россіи съ Польшей посредникомъ былъ Нѣмецъ Ганделіусъ, такъ здѣсь туже роль игралъ Англичанинъ Джонъ Мерикъ. Только Швеція раньше начала войну |осень 1614 года|, хотя Густавъ Адольфъ нуждался въ средствахъ, какъ и Сигизмундъ, не смотря на то, что онъ довольно удачно велъ войну и взялъ нѣсколько городовъ, онъ въ то-же время, съ удовольствіемъ согласился на мирные переговоры, продолжавшіеся цѣлый годъ съ января

1616 года по февраль 1617 года, сначала въ Дерптѣ, а потомъ въ С т о л б о в ѣ . По Столбовскому договору 1617 года рѣшено было слѣдующее: Густавъ Адольфъ уступалъ Русскимъ всѣ свои завоеванія, не исключая Новгорода, бралъ 20,000 денегъ и оставлялъ за собой южный берегъ Финскаго залива съ Невой и городами: Я м о м ъ , И в а н ъ - г о р о д о м ъ, К о п о р ь е м ъ и О р ѣ ш к о м ъ , тѣми самыми городами, которые въ 1595 году Борисомъ Годуновымъ были возвращены Русскимъ. Миромъ Густавъ-Адольфъ остался доволенъ: дѣйствительно, онъ избавился отъ одного врага |ихъ оставалось теперь только два: Данія и Польша|, кромѣ того онъ сильно нуждался въ деньгахъ и получилъ 20,000. Да и дипломатическія цѣли его были достигнуты: онъ не разъ хвастливо говорилъ на сеймѣ про Москву, что и теперь этотъ врагъ безъ нашего позволенія не можетъ ни одного корабля спустить на Балтійское море, большія озера Ладожское и Пейпусъ, Нарвская область, тридцать миль обширныхъ болотъ и сильныя крѣпости отдѣляютъ насъ отъ него. У Россіи отнято море и, дастъ Богъ, теперь Русскимъ трудно будетъ перепрыгнуть черезъ этотъ ручеекъ.- Но Столбовскимъ миромъ и Москва достигла своей цѣли: во-первыхъ , къ ней вернулаяь, имѣющая большое для нея значеніе Новгородская область, во-вторыхъ, однимъ претендентомъ, какъ и однимъ врагомъ стало меньше. Теперь можно было развязнѣе обращаться съ Польшей.

И вотъ еще лѣтомъ 1616 года Москва начала наступательную войну противъ Польши, которая , впрочемъ, никакихъ серьезныхъ послѣдствій не имѣла. И въ это же время Варшавскій сеймъ рѣшилъ отправить Владислава добывать Москву,

но дѣломъ Поляки не спѣшили и много силъ не тратили:королевичъ выступилъ только черезъ годъ съ маленькимъ войскомъ всего въ 11000. Архіепископъ примасъ Варшавскій сказалъ ему напутственную рѣчь,въ которой Владиславу ,по примѣру славныхъ предковъ Мстислава и Ягелло,поручалъ "извести заблудшихъ |схизматиковъ-Москвичей| на путь мира и спасенія",на что Владиславъ рыцарски отвѣчалъ,что главной задачей своей онъ почитаетъ "славу Господа Бога"и также выгоды республики",питавшей его и отправляющей теперь для пріобрѣтенія славы."

Но теперь Москва снова не имѣла силы выступить даже противъ незначительнаго войска Владислава. Она расположила по городамъ сильные гарнизоны и ограничилась одной обороной. Между тѣмъ славное войско Владислава,шедшее извести заблудшихъ на пути мира,не получало жалованья ,а потому бунтовало и грабило,а Владиславъ тщетно просилъ и ждалъ помощи изъ Польши,"его питавшей",пока въ 1618 году сеймъ не ассигновалъ ему наконецъ небольшую сумму денегъ съ обязательствомъ окончить войну въ тотъ же годъ. Тогда лѣтомъ 1618 г. королевичъ сталъ дѣйствовать подъ М о ж а й с к о м ъ ,чтобы,при движеніи къ Москвѣ, не оставить у себя въ тылу Л ы с к о в а съ войскомъ,который сидѣлъ въ Можайскѣ; онъ нѣсколько разъ пытался овладѣть городомъ,но всѣ усилія его были тщетны. Въ этой осадѣ прошло 7 мѣсяцевъ,такъ что Владиславу для пріобрѣтенія славы осталось ихъ только 5; изъ Варшавы же шли одни обѣщанія,и войско,не получая жалованья ,опять начало бунтовать,а потому въ сентябрѣ 1618г. Владиславъ рѣшился идти на Москву,не взявъ Можайска,туда-же шелъ съ юга и гетманъ Сагайдачный. Соединившись они сдѣлали приступъ ,

но взять Москвы не могли, потому что Москвичи успѣли приготовиться къ осадѣ. Тогда Владиславъ отступилъ къ Троицкой Лаврѣ и требовалъ ея сдачи, но также безуспѣшно. Наконецъ онъ вступилъ въ переговоры и заключено было въ деревнѣ Д е у л и н ѣ |около Лавры| такъ называемое Д е у л и н с к о е п е р е м и р і е на 14 лѣтъ. Рѣшили размѣняться плѣнниками; Польша удержала свои завоеванія |Смоленскъ и бѣверскую землю|, а Владиславъ отказался отъ претензій на Московскій престолъ. Тяжелы были условія для Москвы, но не велика и слава королевича. И вотъ I-го іюня 1619 года на рѣкѣ П о л я н о в к ѣ |около Вязьмы| произошелъ размѣнъ плѣнныхъ: вслѣдствіе этого Филаретъ Никитичъ и тѣ члены великаго посольства, которые дожили до этого дня, вернулись на родину. Увидали родную землю Томило Луговскій, твердый и честный дѣятель посольства, Шеинъ защитникъ Смоленска, но умеръ въ чужой странѣ "столпъ" Русскаго боярства В.В.Голицынъ. Въ серединѣ іюня, черезъ двѣ недѣли послѣ освобожденія, Филаретъ Никитичъ пріѣхалъ въ Москву, а 24 іюня онъ былъ поставленъ въ патріархи. Со смерти Гермогена |1612г.| въ Москвѣ не было патріарха, потому что патріаршество назначалось государеву отцу.

Съ пріѣздомъ его началось такъ называемое д в о е в л а с т і е: Михаилъ сталъ управлять государствомъ съ помощью отца-патріарха. Но, чтобы понять разницу, отъ этого происшедшую, посмотримъ, что дѣлалось въ Москвѣ ранѣе возвращенія патріарха. Мы знаемъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ вступилъ на престолъ шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ, понятно, что мы должны искать вліяній на него. Но

среди бояръ нельзя различить такого преобладающаго лица, какимъ былъ Годуновъ при Ѳеодорѣ Ивановичѣ,да и вообще о придворной жизни того времени можно лишь догадываться , за неимѣніемъ опредѣленныхъ свѣдѣній.Самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ человѣкъ умный,мягкій ,но безхарактерный;можетъ быть за неимѣніемъ данныхъ,а,можетъ быть,такъ было и въ дѣйствительности, но передъ нами онъ является заурядным человѣкомъ,не имѣющимъ "личности".Въ дѣтствѣ онъ воспитывался подъ ферулой своей матери К с е н і й И в а н о в н ы ,урожденной Ш е с т о в о й . Филаретъ Никитичъ былъ человѣкъ крутого и жестокого нрава,но жена его въ этомъ отношеніи ж е с т о к о с т ь ю пожалуй, еще превосходила его. Достаточно взглянуть на ея портретъ на низко опущенныя брови,суровые глаза,крупный съ горбиной носъ,а всего болѣе на насмѣшливыя и вмѣстѣ съ тѣмъ повелительныя губы,чтобы составить себѣ понятіе объ ея умѣ,сильномъ характерѣ и волѣ, но эти признаки мало говорятъ о мягкости и добротѣ.Все пережитое ею до 1613 года: постоянныя лишенія,ссылка и монастырь,вынужденное смиреніе,столь несходное съ ея характеромъ,затѣмъ разлука съ мужемъ и сыномъ,б е з п р е с т а н н о е б е з п о к о й с т в о за ихъ жизнь,- все это еще болѣе закалило ея характеръ и глубже заставило почувствовать всю силу доставшихся ей свободы и власти. Понятно,какое давленіе должна была оказывать такая энергичная мать на мягкій характеръ сына,который,вѣроятно,какъ въ дѣтствѣ,такъ и теперь не выходилъ изъ ея воли, не противорѣчилъ ей:она то и дѣйствовала за нимъ,когда онъ сталъ царемъ. Ставъ царицей она взяла весь скарбъ прежнихъ царицъ въ свои руки;дарила имъ боярынь,стала жить совершенно по царски и занималась больше всего ре-

лигіей и благочестивыми дѣлами, какъ царственная монахиня. Но не исключительно ими ограничивалась она. Она оказывала громадное вліяніе на дворцовую жизнь, направляя ее, и хотя сама по себѣ проходила безслѣдно въ государственной жизни того времени, но отражалась въ ней очень замѣтно своими креатурами, которыхъ выбирала изъ своей родни, выдвигала наверхъ, ставила у дѣлъ и тѣмъ самымъ давала имъ возможность пользуясь покровительствомъ всесильной старицы- царицы, дѣлать вопіющія злоупотребленія и оставаться безъ наказанія. Въ числѣ ея любимой родни были и Салтыковы, знаменитые своими интригами въ первые годы Михаила Ѳеодоровича. Но изъ всѣхъ креатуръ старицы Марѳы, умѣвшихъ устраивать свои дѣла, ни одного не являлось такого, который умѣлъ бы устраивать дѣла государственныя и далъ твердое направленіе внутренней и внѣшней политикѣ Московской. Московская политика того времени не имѣла опредѣленнаго пути и шла туда, куда толкали ее случайности. Земскіе соборы рѣшали тѣ дѣла, которыя давались имъ на разсмотрѣніе администраціей. Но не было въ администраціи человѣка, который бы зналъ, что нужнѣе дать на сужденіе собору, какъ то же время свидѣтельствовало о безпомощности администраціи, передававшей соборамъ рядомъ съ важными дѣлами и обсужденіе такихъ дѣлъ, которыя давно въ принципѣ были рѣшены и требовали лишь исполнительныхъ мѣръ |дѣло о казакахъ въ сентябрѣ 1614 г.|.

Такъ стояли дѣла до 1619г. Молодой царь не имѣлъ хорошихъ совѣтниковъ, за то вокругъ него были люди, способные на дворцовыя интриги и административныя злоупотребленія, на обманъ и "мздоиманіе", какъ выражается Псковской

лѣтописецъ. Но дѣла въ Москвѣ перемѣнились, когда пріѣхалъ государь-отецъ, личность умная, способная и привыкшая къ дѣламъ.

Филаретъ Никитичъ, въ молодости первый красавецъ-щеголь въ Москвѣ, въ лучшіе годы былъ постриженъ "неволею" въ монахи, ему пришлось испытать затѣмъ тюрьму и жизнь въ Тушинѣ и Польскій плѣнъ, однимъ словомъ, пережилъ очень много, но эта суровая опытность еще болѣе закалила его и безъ того сильный характеръ. Въ смутѣ онъ стоялъ лицомъ къ лицу съ важнѣйшими государственными вопросами, и онъ пріобрѣлъ къ нимъ навыкъ, сталъ государственнымъ человѣкомъ. Но та-же жизненная школа, которая воспитала въ немъ волю и энергію и образовала умъ, сообщила жестокую неровность, суровость, даже деспотическій складъ его характеру.

Когда Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, ему присвоенъ былъ, какъ и царю титулъ В е л и к а г о Г о с у д а р я. Въ новомъ Великомъ государѣ Москва сдѣлала большое пріобрѣтеніе, она получила то, въ чемъ болѣе всего нуждалась: умнаго администратора съ опредѣленными цѣлями, съ крупнымъ умомъ. Даже въ сферѣ церковной Филаретъ былъ скорѣе администраторомъ, чѣмъ учителемъ и наставникомъ Церкви. У насъ сохранились отзывы современниковъ о немъ, одинъ изъ нихъ говоритъ, что Филаретъ "божественныя писанія отчасти разумѣлъ, нравомъ опалчивъ и мнителенъ, а властителенъ таковъ былъ |т.е. взялъ такую власть|, яко и самому царю бояться его, бояръ же и всякаго чина |людей| царскаго синклита зѣло томляли заключен|ія|ми.....и иными наказан|ія|ми, до духовнаго же чину милостивъ былъ и не сребролюбивъ, всякими же царскими дѣлами и ратными владѣлъ".

Дѣйствительно,пріѣхавъ въ Москву,Филаретъ завладѣлъ и ратными,и всякими царскими дѣлами и съумѣлъ ,не нарушивъ семейнаго мира,очень скоро разогнать тѣхъ,кого выдвинуло родство съ его женой.Первыми изъ подвергшихся опалѣ были Салтыковы,отправленные имъ въ ссылку по дѣлу Хлоповой. Послѣднее въ высшей степени любопытно.

Еще ранѣе 1616 года чадолюбивая Марѳа позаботилась пріискать сыну невѣсту,причемъ выборъ ея палъ на М а р і ю Х л о п о в у изъ преданнаго Романовымъ роду Ж е л я б у ж с к и х ъ ;она жила при Марѳѣ и въ 1616г. была объявлена формально невѣстой царя. Но браку царя помѣшала вражда Салтыковыхъ къ Хлоповымъ:въ нихъ царская родня увидала себѣ соперниковъ по вліянію. Поводомъ ко враждѣ послужилъ ничтожный споръ отца невѣсты царской съ однимъ изъ Салтыковыхъ. Незадолго передъ свадьбой произошла неожиданная болѣзнь невѣсты,пустая сама по себѣ,но получившая другой видъ,благодаря интригамъ Салтыковыхъ. Они воспользовались этой болѣзнью ;Хлопова была сочтена "испорченной" и сослана вмѣстѣ съ родными ,обвиненными въ обманѣ ,въ Тобольскъ. По возвращеніи Филарета ,въ 1620 году ,интрига царской родни была открыта,и Хлопову рѣшено воротить изъ ссылки,особенно потому,что Михаилъ, этотъ мягкій и безличный для насъ юноша,все еще продолжалъ горячо любить свою бывшую невѣсту и,безпрекословно уступая матери во всемъ остальномъ,рѣшительно воспротивился ея желанію женить его на другой. Но Марѳа,стоявшая за Салтыковыхъ ,не пожелала возвращенія Марьи во дворецъ и настояла на томъ,что Хлопову оставили въ Нижнемъ-Новгородѣ,поселивъ на прежнемъ дворѣ Козьмы Минина.Салтыковы же

были отправлены на житье въ свои вотчины. Не сразу отказавшись отъ Хлоповой, Михаилъ Ѳеодоровичъ женился только на 29 году своей жизни |случай крайне рѣдкій, потому что браки тогда обыкновенно совершались рано| на М а р ь ѣ В л а д и м і р о в н ѣ Д о л г о р у к о в о й, скоро умершей, а затѣмъ во второй разъ на Е в д о к і и Л у к ь я н о в н ѣ С т р ѣ ш н е в о й.

Итакъ съ пріѣздомъ Филарета Никитича временщики должны были отказаться отъ власти и уступить вліяніе Филарету. Иначе и быть не могло: Филаретъ, по праву отца, ближе всѣхъ сталъ къ Михаилу и руководилъ имъ, какъ отецъ сыномъ. Такимъ образомъ началось двоевластіе и началось оффиціально: всѣ грамоты писались отъ лица обоихъ Великихъ Государей. Имя Михаила стояло въ нихъ впереди имени патріарха но, зная волю и энергію Филарета, не трудно отгадать, кому принадлежало первенство фактическое. И вотъ началась энергичная и умѣлой рукой направленная работа надъ водвореніемъ порядка въ странѣ. Всѣ стороны государственной жизни обратили на себя вниманіе правительства: съ участіемъ Филарета начались заботы о финансахъ, и объ улучшеніи администраціи и суда, и объ устройствѣ сословій. Когда въ 1633 году Филаретъ сошелъ въ могилу, Государство Московское было уже совсѣмъ инымъ въ отношеніи благоустройства: не все, конечно, но очень много для него сдѣлалъ Филаретъ. И современники отдаютъ справедливость его уму и дѣламъ: "Филаретъ" говоритъ одна лѣтопись, "не только слово Божіе исправлялъ, но и земскими дѣлами всѣми правилъ, многихъ освободилъ отъ насилія, при немъ

никого не было сильныхъ людей, кромѣ самихъ государей, кто служилъ государю и въ безгосударное время и былъ непожалованъ, тѣхъ всѣхъ Филаретъ взыскалъ, пожаловалъ, держалъ у себя въ милости и никому не выдавалъ". Въ этомъ панегирикѣ современника много справедливаго: вновь возникшій государственный порядокъ въ самомъ дѣлѣ многимъ былъ обязанъ Филарету, и этого мы не можемъ не признавать, хотя, можетъ статься, наши симпатіи къ "властительной" личности патріарха могутъ быть не меньше чѣмъ къ ея государственнымъ заслугамъ. Но должно признаться, что историкъ, чувствуя общее благотворное вліяніе Филарета въ дѣлѣ устройства страны, не можетъ точно указать границы этого вліянія, отличить то, что принадлежитъ лично Филарету и что другимъ: въ жизни нашихъ предковъ личности было мало простора высказаться, она всегда скрывалась массою. "Древняя Русь дѣйствовала больше кагаломъ", какъ выразился одинъ ученый. И здѣсь мы можемъ только указать на общее значеніе Филарета, въ дѣлѣ успокоенія государства. Изъ общаго очерка государственной дѣятельности Михайлова правительства это значеніе выглянетъ яснѣе.

Нельзя сказать, чтобы до Филарета не старались объ устройствѣ земли: земскіе соборы постоянно были заняты этимъ дѣломъ, но безъ руководителя опытнаго, оно шло безъ системы, къ тому же приходилось бороться съ проявленіями смуты и устраиваться кое какъ для того лишь, чтобы обезпечить миръ. На сколько можно судить по источникамъ до Филарета у Московскаго правительства было два главныхъ интереса въ отношеніи внутренняго устройства, двѣ задачи: во-первыхъ, устроить служилыхъ людей, другими словами

устроить войско. Для этихъ то цѣлей соборъ назначалъ два раза въ 1615 и 1616 годахъ сборъ пятой деньги, т.е. 20% съ имущественной оцѣнки и посошное - въ 1616 году по 120 рублей съ каждой сохи. |Разница между той и другой повинностями состояла въ томъ, что 20% платилось со "двора" ,посошное же взималось съ мѣры пахатной земли съ "сохи" |.Кромѣ того своимъ чередомъ платились обычныя подати. Между тѣмъ при такихъ громадныхъ сборахъ ,при займахъ, къ которымъ сверхъ того прибѣгало правительство, у него все-таки не хватало средствъ и оно не могло давать льготъ податному сословію, не желало даже допускать недоимокъ. Подати собирались съ обычною въ то время жестокостью и, конечно, очень большимъ бременемъ ложились на народъ. Для второй же цѣли правительство посылало не разъ въ разныя мѣстности бояръ "разбирать" служилыхъ людей, "верстать" т.е. принимать въ службу дѣтей дворянъ, годныхъ къ службѣ, и надѣлять ихъ помѣстной землей. И для первой, и для второй цѣли необходимо было знать положеніе частной земельной собственности въ государствѣ, и вотъ посылались "писцы" и "дозорщики" для описи и податной оцѣнки земли. Но благодаря отсутствію ,такъ сказать, хозяйскаго глаза, какимъ явился Филаретъ, всѣ намѣренія правительства исполнялись небрежно съ массою злоупотребленій со стороны и администраціи и населенія: писцы и дозорщики однимъ мирволили, другихъ тѣснили, брали взятки, да и населеніе, стремясь избавиться отъ податей, часто обманывало писцовъ, скрывало свое имущество и этимъ достигало льготной для себя ,неправильной оцѣнки.

Какъ только Филаретъ былъ поставленъ въ патріархи, не-

дѣли черезъ двѣ послѣ пріѣзда въ Москву, онъ возбуждаетъ уже важнѣйшіе государственные вопросы и ставитъ ихъ на разрѣшеніе собора. Первое,что обратило его вниманіе,- была именно путаница въ финансовыхъ дѣлахъ,въ дѣлѣ взиманія податей. И вотъ въ іюня 1619г. земскій соборъ постановляетъ замѣчательный приговоръ преимущественно по финансовымъ дѣламъ.Собору были поставлены на видъ указанія ,сдѣланныя царю патріархомъ: а| Съ разоренной земли подати взимаются неравномѣрно: однѣ изъ разоренныхъ земель облагаются податью по дозорнымъ книгамъ,съ другихъ же не менѣе разоренныхъ беретея подать по писцовымъ книгамъ |х|,б| При переписи земель допускаются постоянныя злоупотребленія дозорщиковъ и писцовъ,в| Бываютъ постоянныя злоупотребленія и со стороны тяглыхъ людей,которые массами или закладывались за кого нибудь |т.е.входили въ особаго рода долговую зависимость,и тѣмъ самымъ освобождались отъ тягла и выходили изъ общины| или просто убѣгали изъ своей общины,предоставляя ей,въ силу круговой поруки ,платить за выбывшихъ членовъ,г| Кромѣ этихъ податныхъ злоупотребленій ,многіе просятъ ихъ "отъ сильныхъ людей оборонить",ибо сильные люди |т.е.администрація, вліятельное боярство и т.д.|,"унятъ имъ насильства и обиды". Вотъ объ этихъ то злоупотребленіяхъ Государь и говорилъ на соборѣ,"какъ бы то исправить и землю устро-

---

|х| Дозоръ- это податная оцѣнка имуществъ сообразно ихъ благоустроенности,здѣсь принимаются въ разсчетъ обстоятельства,могущія дать льготы по уплатѣ податей |долги, пожары ,разореніе отъ враговъ и т.п.|.Перепись- это простая податная оцѣнка имуществъ,при которой обращается вниманіе на благосостояніе плательщиковъ.-

а помѣстій и вотчинъ за нами нѣтъ никакихъ,службы твои государевы служимъ на Москвѣ и въ иныхъ городахъ ежегодно безпрестанно,и отъ безпрестанныхъ службъ и отъ пятинныя деньги ,что мы давали тебѣ въ Смоленскую службу ратнымъ и всякимъ служилымъ людямъ на подмогу;многіе изъ насъ оскудѣли и обнищали до конца,а будучи мы на твоихъ службахъ въ Москвѣ и въ иныхъ городахъ,сбираемъ твою государеву казну за крестнымъ цѣлованіемъ,съ великою прибылью: гдѣ сбиралось при прежнихъ государяхъ и при тебѣ въ прежніе годы сотъ по пяти и по шести,теперь сбирается съ насъ и со всей земли нами же тысячъ по пяти и по шести и больше,а торжишки у насъ стали гораздо худы,потому что всякіе наши торжишки на Москвѣ и въ другихъ городахъ отняли многіе иноземцы Нѣмцы и Кизильбашцы |Персіяне|".Одинаково любопытна и "сказка" самыхъ мелкихъ черныхъ людей:" Мы, сироты твои,черныхъ сотенъ и слободъ сотскіе ,и старостишки,и вся тяглые людишки нынѣ грѣхомъ своимъ оскудѣли и обнищали отъ великихъ пожаровъ и отъ пятинныхъ денегъ,и отъ даточныхъ людей,отъ подводъ,что мы,сироты твои,давали тебѣ,Государю въ Смоленскую службу |въ 1632-1633г.| и отъ поворотныхъ |съ воротъ,двора | денегъ,и отъ городоваго земнаго дѣла,и отъ твоихъ Государевыхъ великихъ податей,и отъ многихъ цѣловальничь |выборныхъ| службъ,которыя мы,сироты, въ твоихъ Государевыхъ въ разныхъ службахъ на Москвѣ служили и гостьми и опричь гостей. И отъ тое великія бѣдности многіе тяглые людишки изъ сотенъ и изъ слободъ резбрелися разно и дворишки свои мечютъ".

Лекціи по Русской Исторіи проф.Платонова.- Листъ 16.-

Литогр. Богданова,Эртелевъ пер.д.№ 1|12.-

Директоръ Ран

|Собр.Госуд.Гр.и Дог.II №-II3|.Такія картины были недалеки отъ правды и не составляли большой новости для правительства. Жить было дѣйствительно трудно: государство требовало очень большихъ жертвъ,а обстоятельства не дозволяли сколько нибудь разжиться,разбогатѣть. Недовольное своимъ экономическимъ положеніемъ общество ,ищетъ причинъ своего разоренія и,находя ихъ въ томъ или другомъ бьетъ челомъ объ устраненіи ихъ.

Разсматривая массу частныхъ и коллективныхъ челобитій средины XVII вѣка,мы узнаемъ,чѣмъ особенно тяготилась и противъ чего вооружалась земщина.Служилые люди жаловались на тяжесть и неравномѣрность распредѣленія служебныхъ обязанностей между Московскими и городскими людьми.Кромѣ того они были недовольны своимъ отношеніемъ къ крестьянству: крестьяне продолжали выбѣгать изъ за нихъ, и сыскивать ихъ было трудно, несмотря на то,что при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ была установлена для бѣглыхъ десятилѣтняя давность,крупные землевладѣльцы часто переманивали къ себѣ крестьянъ ,результатомъ чего являлось неудовльствіе дворянства противъ бояръ и духовенства.Однимъ изъ пунктовъ недовольства дворянъ противъ духовенства было то, что послѣднее прибирало къ рукамъ служилыя земли, не смотря на запрещеніе I584 года, а между тѣмъ съ выходомъ этихъ земель изъ службы, послѣдняя падала все тяжелѣе и тяжелѣе на остальную массу служилыхъ земель. Итакъ облегченіе службъ и болѣе вѣрное обезпеченіе за собою крестьянскаго труда - вотъ заботы служилаго сословія.

Тяглые люди жаловались на тяжесть податей, которыя дѣйствительно большимъ бременемъ ложились на нихъ, особен

но плохо приходилось отъ сбора пятинной деньги ,которая ихъ въ конецъ разоряла. Такого рода тяжелыя подати вызывали бѣгство тяглецовъ изъ общины;послѣдняя же въ силу круговой поруки,должна была платить и за выбывшихъ членовъ. Для подобныхъ бѣглыхъ людей всегда былъ готовъ пріютъ въ боярскихъ и монастырскихъ владѣніяхъ,гдѣ существовали цѣлыя промышленныя слободы ,- и вотъ бѣглые закладывались за богомольцевъ и,обходя такимъ путемъ законъ , освобождались отъ податной повинности. Вышеназванныя слободы,конкурируя въ торговлѣ и промыслѣ съ тяглыми общинами,еще болѣе подрывали благосостояніе послѣднихъ. Не ограничиваясь этимъ ,бѣломѣстцы вторгались даже въ самыя слободы и посады, покупая тамъ дворы и такимъ образомъ "обѣляя" ихъ |т.е.освобождая ихъ отъ платежа податей|. Такимъ образомъ тяжесть податей и конкуренція въ промыслахъ были главнымъ зломъ для посада, который стремился замкнуться такъ,чтобы и выходъ изъ общины и входъ въ нее были закрыты,а затѣмъ желалъ облегчить податную повинность. Мы уже видѣли,что собственно торговые люди имѣли еще новую непріятность въ видѣ торговой конкуренціи иностранцевъ.

Вообще же всѣ классы страдали одинаково отъ воевод - скихъ насилій и приказной волокиты. Таково было положеніе общества,успѣвшаго избавиться отъ Смуты и возстановить государство,когда умеръ Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Литературные памятники. Прежде чѣмъ перейти къ обозрѣнію фактовъ царствованія Алексѣя Михаиловича ,скажемъ нѣсколько словъ о литературныхъ памятникахъ ,оставшихся отъ Смутной эпохи и времени правленія Михаила Ѳеодоровича.

Протопопъ Терентій, личность интересная по своему полному отсутствію всякихъ нравственныхъ принциповъ, служившій въ одно и въ то-же время и Шуйскому и Лжедмитрію, оставилъ разсказъ "О видѣніи въ Успенскомъ соборѣ, гдѣ разсказывается, что кто-то видѣлъ Христа сидящимъ на престолѣ и грозящимъ истребить Русь за ея грѣхи и невѣріе. Это повѣствованіе вызвало на Руси трехдневный постъ.

Въ 1608 году появилась повѣсть приказнаго человѣка, описывавшаго свое путешествіе и видѣвшаго знаменіе, предвѣщавшее близкое паденіе Шуйскаго.

Въ 1611 г. появилось подметное письмо, призывавшее жителей Москвы къ возстанію противъ Поляковъ.

Въ 1612 году на окраинахъ Русскаго государства составленъ былъ плачь "О судьбѣ Московскаго государства," рисующій критическое положеніе Руси и сожалѣющій объ ея паденіи.

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича очень многіе обращались къ Смутной эпохѣ. Первый по времени литературный трудъ принадлежитъ Авраамію Палицыну, который въ 1620 году соединилъ свои сочиненія въ одну книгу "Сказаніе объ осадѣ Троицко-Сергіева монастыря". Сборникъ начинается повѣствованіемъ о времени Ѳеодора Ивановича, Бориса Годунова, В. Шуйскаго; далѣе слѣдуетъ разсказъ объ осадѣ монастыря, объ изгнаніи Поляковъ изъ Москвы и походъ Владислава въ 1618 году. Это сочиненіе носитъ чисто публицистическій характеръ. Довѣрять этому автору вполнѣ нель-

зя : И. Е. З а б ѣ л и н ъ въ своемъ трудѣ "М и н и н ъ и П о ж а р с к і й" справедливо доказываетъ,что истина не всегда была исключительной цѣлью Авраамія Палицына. Слишкомъ много значенія онъ придаетъ въ дѣлахъ Смуты и себѣ и своему монастырю, и отъ этого обвиненія не освобождаетъ Палицына его страстная апологія ,написанная въ 1880 году К е д р о в ы м ъ |Кедровъ "Авр.Палицынъ" М.1880г.|Однако не смотря на пристрастіе Палицына ,его сказаніе богато историческимъ содержаніемъ ,хотя его извѣстія иногда затемняются крайне риторическимъ изложеніемъ. Цѣль этого произведенія - оправдать поведеніе Авраамія Палицына: онъ скомпрометировалъ себя тѣмъ,что откупился отъ Сигизмунда и уѣхалъ изъ посольства на Русь. Какъ ни старались оправдать его защитники, однако онъ по пріѣздѣ Филарета въ Москву долженъ былъ отправиться въ Соловецкій монастырь и сложить съ себя должность келаря. Это сказаніе тщательно разработано ,оцѣнено и имѣетъ большую литературу.

Не такъ посчастливилось другому историку -к н я з ю К о т ы р е в у Р о с т о в с к о м у ,написавшему "П о в ѣ с т ь о С м у т ѣ" .Авторъ обладаетъ несомнѣннымъ поэтическимъ талантомъ. Повѣсть эта до послѣдняго времени приписывалась перу С е р г ѣ я К у б а с о в а . Написана она въ 1626 году, довольно витіевато и торжественно, но содержательно. Эта повѣсть была передѣлана,какъ думаютъ ,оффиціально и стала извѣстна подъ именемъ "Р у к о п и с и Ф и л а р е т а". Объ этой рукописи |ученые| историки отзываются,какъ о поэмѣ. Дѣйствительно она производитъ впечатлѣніе поэмы, но чрезвычайно

умной. Котыревъ Ростовскій былъ виднымъ административ - нымъ и военнымъ дѣятелемъ въ Смуту и при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ ,принималъ участіе въ убіеніи Лжедмитрія, въ 1608году измѣнилъ царю Василію Шуйскому ,былъ сосланъ въ Си - бирь,пробылъ тамъ до 1611 года въ званіи Тобольскаго воеводы ,вернулся въ Москву къ тому времени,когда зашелъ вопросъ объ избраніи царя,и здѣсь дѣятельно поддерживалъ Михаила Ѳеодоровича. Однако карьеры своей онъ уже не могъ поправить, хотя и занималъ довольно видныя должности , причиной этого было то,что на Москвѣ хорошо помнили его измѣну Шуйскому; умеръ онъ въ 1641 году бездѣтнымъ. Котыревъ-Ростовскій лично наблюдалъ важныя событія Смуты,видѣлъ избраніе въ цари Бориса и Михаила Ѳеодоровича,но, къ величайшему сожалѣнію ,его личныя впечатлѣнія мало отразились въ объективномъ изложеніи его благочестивой "Повѣсти" и только внимательное чтеніе открываетъ въ ней слѣды личныхъ симпатій и антипатій автора.

Сочиненіемъ Котырева-Ростовскаго пользовался к н я з ь Ш а х о в с к о й ,которому принадлежатъ"З а п и с к и о т ъ 1 6 0 1 д о 1 6 4 9 гг." Самъ онъ отличался литературною плодовитостью; писалъ посланія о разныхъ вопросахъ, богословскія разсужденія, составилъ канонъ Русскихъ чудотворцевъ, написалъ акафистъ Св.Сергію ,описалъ "П е р е н е с е н і е р и з ы Г о с п о д н е й в ъ М о с к в у" и отправилъ увѣщательное посланіе къ Персидскому шаху. Обращаясь къ историческому сюжету мы находимъ три повѣсти: 1| О п о ж а р ѣ М о с к в ы 2| О Д м и т р і и ц а р е в и ч ѣ , О м н и с ѣ . Эти повѣсти отличаются общимъ недостаткомъ : въ нихъ приводится больше цитатъ ,чѣмъ другихъ свѣдѣній. Ошибочны также

взгляды и на Бориса Годунова.

Третій историкъ Хворостининъ. Его считали за вольнодумца и еретика. О немъ извѣстно, что онъ былъ въ ссылкѣ за то, что читалъ латинскія письмена и напился пьянымъ во время заутрени въ Свѣтлое Воскресеніе; былъ два раза подъ судомъ. Въ первый разъ онъ былъ сосланъ -Шуйскимъ за близость къ Самозванцу и сочувствіе къ Полякамъ. Хворостининъ отличался чванливостью, заносчивостью, и эти качества онъ сохранилъ и во время ссылки. Но въ Смутѣ онъ не игралъ важной роли, а своей безнравственностью испортилъ карьеру и на будущее время. Онъ былъ выразителемъ сочувствія къ формамъ Польской жизни, къ Русской же жизни относился отрицательно. За это отрицательное отношеніе онъ вторично былъ сосланъ въ монастырь. Ему написали "О т е ч е с к о е у в ѣ щ а н і е", заставили подписать его и взяли клятву въ томъ, что онъ будетъ поступать согласно преподаннымъ наставленіямъ. Умеръ въ 1625 году. Мемуары его, относящіеся ко времени Смуты, дошли до насъ въ отрывкѣ. Мѣстами эти мемуары представляютъ собою личныя воспоминанія автора, мѣстами же переходятъ въ историческое повѣствованіе, они богаты лирическими отступленіями и благочестивыми разсужденіями и заключаютъ въ себѣ любопытнѣйшія характеристики царя Бориса и патріарха Гермогена, которыхъ Хворостининъ очень уважаетъ; Шуйскаго же онъ очень не любитъ. Самомнѣніе Хворостина, въ которомъ его упрекалъ князь С. Шаховской |тоже замѣтный писатель XVII вѣка|, проглядываетъ кое-гдѣ въ записках Хворостинина.

Рядомъ съ частными историческими воспоминаніями о

Смутѣ, Московское правительство вело полную лѣтопись со-
бытій, это -" Новый лѣтописецъ ". "Новый лѣтописецъ начался при патріархѣ Іовѣ, продолжался при слѣдующихъ патріархахъ и закончился при Филаретѣ. Составленъ онъ былъ изъ погодныхъ замѣтокъ. Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича начали составляться и житія Дмитрія царевича. Ихъ существуетъ три редакціи. Собственно житія святыхъ не выдаются въ XVII вѣкѣ, какъ историческій источникъ. Въ нихъ форма преобладаетъ надъ содержаніемъ и книжники ихъ слагавшіе ,слѣпо повторяютъ пріемы знаменитыхъ слагателей житій XV вѣка Епифанія и Пахомія . Въ XVII вѣкѣ за-то мы встрѣчаемъ стремленіе къ своду житій въ одно цѣлое. Такихъ попытокъ составленія Миней Четьихъ было нѣсколько. Существуютъ Минеи Германа Тулупова ,монаха изъ Старицы, составленныя имъ въ 1627-1632 гг. по порученію Троицкаго архимандрита Діонисія. Тулуповъ часто приводитъ одну за другой разныя редакціи одного и того же житія безо всякихъ измѣненій, что очень удобно для историка. Далѣе сохранились Минеи Іоанна Михютина, попа изъ Троицкаго посада,надъ составленіемъ ихъ вмѣстѣ съ нимъ трудились |1646-1654гг.| и его сыновья. Сводъ этотъ ,нѣсколько сокращенный,болѣе обдуманъ и обработанъ и представляетъ менѣе интереса для историка. Третьимъ сводомъ въ XVII вѣкѣ являются Минеи Дмитрія Ростовскаго ,впервыя напечатанныя въ 1689-1705гг. и принятыя въ церковномъ обиходѣ.

При Михаилѣ же Ѳеодоровичѣ началась литературная дѣятельность лучшаго стилиста XVII вѣка Симона Азар

и н а . По словамъ одного изслѣдователя Симонъ Азарьинъ пишетъ просто и понятно. Но когда попадется его книга, "О новоявленныхъ чудесахъ Сергія", то можно вполнѣ поручиться, что вы прочтете ее до конца. Такъ живо и увлекательно его повѣствованіе. Онъ первый сообщаетъ, что Минин, началъ возбуждать народъ идти на освобожденіе Москвы, ибо Сергій явился ему во снѣ съ приказаніемъ идти противъ Поляковъ. Это сочиненіе послужило предметомъ горячей полемики между З а б ѣ л и н ы м ъ и К о с т о м а р о в ы м ъ съ одной стороны и К е д р о в ы м ъ съ другой. Симону же Азарьину принадлежитъ Ж и т і е Д і о н и с і я , а р х и м а н д р и т а Т р о и ц к о - С е р г і е в а м о н а с т ы р я ". Личность Діонисія рисуется въ самыхъ привлекательныхъ чертахъ. Симонъ Азарьинъ отбрасываетъ въ этомъ сочиненіи всѣ стилистическія особенности и тонкости, напираетъ преимущественно на фактическую сторону ; изъ чудесъ приводитъ только такія, которыя имѣютъ историческое значеніе. Написавъ житіе, онъ отдалъ его на поправленіе ключарю И в а н у Н а с ѣ д к ѣ , который кое-что въ строкахъ поправилъ и написалъ добавки.-

АЛЕКСѢЙ МИХАЙЛОВИЧЪ .

1645-1676.-

12-го іюня 1645 года скончался царь Михаилъ Ѳеодоровичъ , а черезъ мѣсяцъ 18-го августа , умерла и жена его,

Авдотья Лукьяновна, такъ что Алексѣй Михайловичъ остался сиротой. Ему было всего 16 лѣтъ и, конечно онъ не самостоятельно началъ свое замѣчательное царствованіе: въ первые три года государствомъ управлялъ его воспитатель Борисъ Ивановичъ Морозовъ. Морозовъ былъ человѣкъ несомнѣнно умный, но, какъ мѣтко выразился Соловьевъ, "не умѣвшій возвыситься до того, чтобы не быть временщикомъ". Три года продолжалось его "время", время лучшее, чѣмъ при Салтыковыхъ, но все-таки темное.

На бѣдную, еще слабую средствами Русь при Алексѣѣ Михайловичѣ обстоятельства наложили столько государсвенныхъ задачъ, поставили столько вопросовъ, требовавшихъ немедленнаго отвѣта, что невольно удивляешься исторической содержательности царствованія Алексѣя Михайловича.

Прежде всего внутреннее неудовлетворительное положеніе государства ставило правительству массу вопросовъ юридическихъ и экономическихъ. Выражаясь въ челобитьяхъ и волненіяхъ |т.е. пользуясь, какъ законными, такъ и незаконными путями|, причемъ волненія доходили до размѣровъ Разинскаго бунта; оно вызвало усиленную законодательную дѣятельность, напряженность которой насъ положительно удивляетъ. Эта дѣятельность выразилась, во первыхъ, въ Уложеніи, въ Новоторговомъ Уставѣ, въ изданіи Кормчей Книги и, наконецъ въ массѣ частныхъ законоположеній.

Рядомъ съ крупными вопросами юридическими и экономическими поднялись вопросы религіозно-нравственные: вопросъ объ исправленіи книгъ и обрядовъ; перейдя на почву догмата, окончился, какъ извѣстно

расколомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, спелелся съ вопросами выходящими изъ сферы церковной, съ вопросами о заимствованіяхъ и объ ограниченіи національности. Рядомъ съ этимъ выплылъ вопросъ объ отношеніяхъ церкви къ государству, ясно проглядывавшій въ дѣлѣ Никона, въ отношеніяхъ послѣдняго къ царю.

Кромѣ внутреннихъ вопросовъ въ это время назрѣлъ п о л и т и ч е с к і й вопросъ, - исторически очень важный, - именно вопросъ о Малороссіи. Съ ея присоединеніемъ началася процессъ соединенія Руси съ отпавшими отъ нея областями, и Малороссія, такимъ образомъ, была первымъ шагомъ со стороны Москвы въ дѣлѣ ея исторической миссіи, къ тому же шагомъ удачнымъ. До сихъ поръ Литва и Польша въ отношеніяхъ съ Русью играли наступательную роль; съ этихъ поръ она переходитъ къ Москвѣ.

Со всѣми этими задачами Москва, еще слабая, еще неготовая къ ихъ рѣшенію, однако справлялась; государство, на долю котораго приходилось столько труда, не падало, а росло и крѣпло, и въ 1676 году оно было совсѣмъ инымъ, чѣмъ въ 1645 г.: оно стало гораздо крѣпче, какъ въ отношеніи политическаго строя, такъ и въ отношеніи благосостоянія.

Только признаніемъ за Московскимъ государствомъ способности къ исторической жизни и развитію можно объяснить общія причины этого утѣшительнаго явленія. Это былъ здоровый организмъ, имѣвшій свои историческія традиціи, если не сознаваемыя, то все-таки чувствуемыя, упорно преслѣдовавшій сотнями лѣтъ своей цѣли.

В н у т р я н н я я д ѣ я т е л ь н о с т ь п р а -

вительства Алексѣя Михайловича.

Князь Яковъ Долгорукій,человѣкъ помнившій время Алексѣя Михайловича часто говорилъ Петру Великому:"Государь въ иномъ отецъ твой,въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей три:первое- внутренняя расправа и главное дѣло ваше есть правосудіе. Въ семъ отецъ твой болѣе ,нежели ты ,сдѣлалъ ...." Эти слова показываютъ какое высокое мнѣніе сложилось у ближайшихъ потомковъ"тишайшаго" царя о его законодательной дѣятельности,его ставили даже выше Петра,хотя послѣдній въ нашихъ глазахъ своими реформами и переросъ отца.

Къ сожалѣнію вышеприведенныя слова Долгорукова не могутъ быть относимы къ первымъ тремъ годамъ царствованія Алексѣя Михайловича,когда дѣла государства находились въ рукахъ упомянутаго Морозова,который будучи опытнымъ администраторомъ,не любилъ забывать себя и свою родню и часто приносилъ общіе интересы въ жертву своимъ выгодамъ. Будучи въ 1629 году дядькой Алексѣя Михайловича,онъ пользовался большимъ на него вліяніемъ и большою любовью Алексѣя. Имѣя въ виду обезпечить свое положеніе ,онъ отстраняетъ родню покойной царицы и окружаетъ молодого царя "своими". Далѣе въ 1648 году временщикъ роднится съ царемъ,женясь на Милославской ,сестрѣ государевой жены. Опираясь на родство съ царемъ и на расположеніе Морозова,царскій тесть, Илья Даниловичъ Милославскій , человѣкъ въ высшій степени корыстный, старался замѣстить важнѣйшія государственныя должности своими не менѣе корыстолюбивыми родственниками.

между послѣдними особенную ненависть народа навлекли на себя своимъ лихоимствомъ начальникъ Пушкарскаго Приказа Траханіотовъ и судья Земскаго приказа Леонтьевъ, дѣйствовавшіе для одной и той же цѣли слишкомъ уже явно и грубо. Въ началѣ лѣта 1648 года это вызвало общій ропотъ въ Москвѣ, случайно перешедшій въ открытое волненіе. Царь лично успокоилъ народъ, обѣщая ему правосудіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ нашелъ нужнымъ отослать Морозова изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, а Траханіотовъ и Леонтьевъ были казнены. Въ связи съ Московскими волненіями, лѣтомъ въ іюлѣ произошли безпорядки въ Сольвычегодскѣ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ: для сбора податей въ Сольвычегодскъ былъ посланъ подьячій Ѳеодоръ Приклонскій, вымогавшій деньги жестокимъ образомъ, отъ котораго жители задумали откупиться посредствомъ взятки. Въ это время прошелъ слухъ о Московскихъ волненіяхъ и казни Траханіотова и Леонтьева, какъ результатѣ бунта. Заключивъ, что на грабителей нашлась управа, Сольвычегодцы, жалѣя денегъ, истраченныхъ на взятку, стали требовать ихъ обратно у подьячаго. Послѣдній денегъ, конечно, не отдалъ. Тогда взволновавшійся народъ сталъ расправляться съ нимъ по своему: полумертвый Приклонскій былъ едва спасенъ матерью Ѳеодора Строгонова, изъ рукъ толпы. Въ то-же лѣто произошелъ бунтъ въ Устюгѣ, причина котораго была тождественна причинѣ, вызвавшей волненіе въ Сольвычегодскѣ, съ тою разницею, что здѣсь сумма, данная подьячему Михаилову, была крупнѣе.

Вскорѣ послѣ московскихъ безпорядковъ, правительство

рѣшило приступить къ составленію законодательнаго кодекса. Это рѣшеніе невольно связывается въ нашемъ представленіи въ недавними безпорядками: такой давно не бывалый фактъ ,какъ открытый безпорядокъ въ Москвѣ ,конечно настойчивѣе и яснѣе показалъ необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства. Такъ понималъ и тогда Патріархъ Никонъ : онъ говорилъ,между прочимъ,слѣдующее: "Всѣмъ вѣдомо,что соборъ |объ Уложеніи| не по волѣ,боязни ради и междоусобія отъ всѣхъ черныхъ людей,а не истинныя правды ради". Что въ то время |т.е.въ 1648-1649гг.| въ Москвѣ дѣйствительно чувствовали себя неспокойно,есть много намековъ. Въ началѣ 1649 года одинъ изъ московскихъ посадскихъ С а в и н к а К о р ѣ п и н ъ осмѣлился утверждать,что Морозовъ и Милославскій не сослали князя Черкасскаго",боясь насъ | т.е.народа|,для того,что міръ весь качается".

Необходимость улучшеній въ дѣлѣ суда и законодательства чувствовалась на каждомъ шагу, въ каждую минуту и правительствомъ и народомъ. О ней говорила вся жизнь,и вопросомъ празднаго любопытства кажется вопросъ о томъ, когда было подано челобитье о составленіи кодекса,о которомъ |челобитьи| упоминается въ Предисловіи къ Уложенію|.Этимъ вопросомъ много занимается Загоскинъ,одинъ изъ видныхъ изслѣдователей этого памятника|. Причины,заставлявшія желать пересмотра законодательства ,были двоякіе. Прежде всего была потребность кодификаціи законодательнаго матеріала,чрезвычайно безпорядочнаго и случайнаго. До половины XVII вѣка Московское Государство управлялось Судебникомъ Ивана IV, частными царскими указами, наконецъ ,обычаемъ,"пошлиной" государственною и земскою.

Судебникъ былъ преимущественно законодательствомъ о судѣ, лишь мимоходомъ касался вопросовъ государственнаго устройства и управленія. Пробѣлы въ немъ постоянно пополнялись частными указаніями. Накопленіе ихъ послѣ Судебника повело къ составленію второго Судебника, именно Царскаго. Но и Царскій Судебникъ очень скоро сталъ нуждаться въ дополненіяхъ и потому дополнялся частными указами на разные случаи. Эти указы называются часто "Дополнительными статьями къ Судебнику." Они собирались въ Приказахъ [каждый Приказъ собиралъ статьи по своему роду дѣлъ] и затѣмъ записывались въ "указныхъ книгахъ". Указной книгой Приказные люди руководились въ своей административной или судебной практикѣ, для нихъ указъ, данный на какой-нибудь отдѣльный случай, становился прецедентомъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ и такимъ образомъ обращался въ законъ. Такого рода отдѣльныхъ законоположеній, иногда противорѣчащихъ другъ другу, набралось огромное число къ половинѣ XVII вѣка. Отсутствіе системы и противорѣчія съ одной стороны затрудняли администрацію, а съ другой стороны позволяли ей злоупотреблять закономъ. Народъ же, лишенный возможности знать законъ, много терпѣлъ отъ произвола и "неправедныхъ судовъ". Въ XVII ст. въ общественномъ сознаніи ясна уже потребность свести законодательство въ одно цѣлое, дать ему ясныя формулы, освободить его отъ балласта и вмѣсто массы отдѣльныхъ законовъ имѣть одинъ кодексъ.

Но не только кодексъ былъ тогда нуженъ. Мы видѣли, что послѣ Смуты при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ борьба съ результа-

тами этой Смуты - экономическимъ разстройствомъ и демо-рализаціей - была неудачна. Въ XVII вѣкѣ всѣ обстоятельства общественной жизни вызвали общую неудовлетворенность; каждый слой населенія имѣлъ свои *pia desideria* и ни одинъ изъ нихъ не былъ доволенъ своимъ положеніемъ. Масса челобитій того времени ясно показываютъ намъ, что не частные факты безпокоили просителей, но что чувствовалась нужда въ пересозданіи общихъ руководящихъ нормъ обще - ственной жизни. Просили не подтвержденія и свода старыхъ законовъ, которые не облегчали жизни, а ихъ пересмотра и исправленія сообразно новымъ требованіямъ жизни, была необходимость реформъ.

Къ дѣлу составленія новаго кодекса были привлечены выборные земскіе люди, съѣхавшіеся на соборъ изъ 120 городовъ |*minimum*|. Служилыхъ людей насчитывали на соборѣ около 150 человѣкъ, посадскихъ болѣе ста, духовенства же и Московскихъ служилыхъ людей было мало. Боярская Дума, конечно, участвовала въ соборѣ въ полномъ своемъ составѣ. По полнотѣ представительства этотъ соборъ можно назвать однимъ изъ удачнѣйшихъ земскихъ соборовъ | мы помнимъ, что на соборѣ 1613 года участвовали представители только 50 городовъ |. Этимъ выборнымъ людямъ новое уложеніе было "ч т е н о", какъ выражается Предисловіе новаго кодекса.

Разсматривая этотъ кодексъ, или, какъ его назвали У л о ж е н і е, мы замѣчаемъ, что это во первыхъ, не Судебникъ т.е. не законодательство исключительно о судѣ, а кодексъ всѣхъ законодательныхъ нормъ, выраженіе дѣйствительнаго права государственнаго, гражданскаго и уголовнаго. Состоя изъ 25 главъ и почти 1000 статей, Уложеніе занимаетъ со-

бою всѣ сферы государственной жизни. Это былъ с в о д ъ з а к о н о в ъ ,составленный изъ старыхъ постановленій русскихъ,съ помощью права Византійскаго и Литовскаго, причемъ Литовскій Статутъ особенно ощутительно отразился на Уложеніи.

Во- вторыхъ Уложеніе представляетъ собою не механическій сводъ стараго матеріала,а его переработку: оно въ себѣ содержитъ многія новыя законоположенія и,когда мы всматриваемся въ характеръ ихъ и соображаемъ ихъ съ положеніемъ тогдашняго общества,то замѣчаемъ,что новыя статьи Уложенія не всегда служатъ дополненіемъ или исправленіемъ частностей прежняго законодательства,онѣ напротивъ часто имѣютъ характеръ крупныхъ общественныхъ реформъ и служатъ отвѣтомъ на общественныя нужды того времени.

Такъ,Уложеніе отмѣняетъ урочныя лѣта для сыска бѣглыхъ крестьянъ и тѣмъ окончательно прикрѣпляетъ ихъ къ землѣ. Отвѣчая этимъ настоятельной нуждѣ служилаго сословія , Уложеніе является тѣмъ самымъ крупною реформой одной изъ сторонъ общественной жизни.

Далѣе оно запрещаетъ духовенству пріобрѣтать вотчины. Еще въ XУI вѣкѣ шла борьба противъ права духовенства пріобрѣтать земли и владѣть вотчинами. На это право боярство да и всѣ служилые люди смотрѣли съ большимъ неудовольствіемъ.И вотъ сперва въ 1580 году было запрещено вотчинникамъ передавать свои вотчины во владѣніе духовенства по завѣщанію"на поминъ души",а въ 1564 г. были не дозволены и прочіе виды пріобрѣтенія духовенствомъ

Литогр. Богданова.Эртелевъ пер.д.№ 1|12.-

земель. Но духовенство ,обходя эти постановленія ,продолжало собирать значительныя земли въ своихъ рукахъ. Неудовольствіе на это служилаго сословія продолжается въ XVII вѣкѣ массою челобитныхъ,направленныхъ противъ землевладѣльческихъ привиллегій и злоупотребленій духовенства вообще и монастырей въ частности. Уложеніе удовлетворяетъ этимъ челобитьямъ, запрещая какъ духовнымъ лицамъ , такъ и духовнымъ учрежденіямъ пріобрѣтать вотчины вновь |но прежде пріобрѣтенныя вотчины отобраны не были|. Вторымъ пунктомъ неудовольствія противъ духовенства были различныя ихъ судебныя привиллегіи. И здѣсь новый законодательный сборникъ удовлетворилъ желанію населенія: онъ учреждаетъ Монастырскій Приказъ ,которому съ этихъ поръ дѣлается подсуднымъ духовное сословіе наравнѣ съ свѣтскими людьми,и ограничиваетъ прочія судебныя льготы духовенства.

Далѣе,Уложеніе впервые со всей послѣдовательностью закрѣпляетъ и обособляетъ посадское населеніе ,обращая его въ замкнутый классъ,такъ посадскіе становятся прикрѣпленными къ посаду. Изъ посада нельзя теперь уйти,зато и въ посадъ нельзя войти никому, постороннему и чужому тяглой общинѣ.

Изслѣдователи замѣчали конечно,тѣсную связь между всѣми этими реформами и обычными жалобами земщины въ половинѣ XVII ст., но недавно только въ научное сознаніе вошла идея о томъ,что выборнымъ людямъ пришлось не только "слушать" Уложеніе,но и самимъ выработать его. По ближайшему разсмотрѣнію оказывается,что всѣ крупнѣйшія новыя Уложенія возникли по коллективнымъ челобитьямъ вы-

борныхъ людей,но ихъ инціативѣ,что,далѣе выборные принимали участіе въ составленіи и такихъ частей Уложенія, которыя существенно ихъ интересовъ не касались.Словомъ оказывается,что,во первыхъ работы по Уложенію вышли за предѣлы простой кодификаціи и что,во вторыхъ реформы, проведенныя въ Уложеніи,основывались на челобитьяхъ выборныхъ и проведены къ тому же согласно съ духомъ челобитій.

Здѣсь то и кроется значеніе земскаго собора 1648-1649 гг. поскольку Уложеніе было реформой общественной,постольку оно въ своей программѣ и направленіи вышло изъ земскихъ челобитій и программъ. Въ немъ служилые классы достигли большаго,чѣмъ прежде обладанія крестьянскимъ трудомъ и успѣли остановить дальнѣйшій выходъ вотчинъ изъ служилаго оборота. Тяглыя посадскія общины успѣли добиться обособленія и защитили отъ вторженія -- — въ посадъ высшихъ классовъ и отъ уклоненій отъ тягла со стороны своихъ членовъ. Посадскіе люди этимъ самымъ достигли облегченія тягла,по крайне мѣрѣ,въ будущемъ. Вообще же вся земщина достигла нѣкоторыхъ улучшеній въ дѣлѣ суда съ боярствомъ и духовенствомъ и въ отношеніяхъ къ администраціи. Торговые люди на томъ же соборѣ значительно ослабили конкуренцію иностранныхъ купцовъ посредствомъ уничтоженія нѣкоторыхъ льготъ. Такимъ образомъ велико-ли было значеніе выборныхъ 1648 года,рѣшить не трудно,если судить по результатамъ ихъ дѣятельности. Оно было очень велико. Къ такому выводу пришли два нашихъ изслѣдователя занимавшихся исторіей Уложенія: В.И. Сергѣевичъ и Н.П.

Загоскинъ.

Въ дѣлѣ составленія Уложенія интересна между прочимъ та частность,что готовыя статьи Уложенія обнародывались въ видѣ отдѣльныхъ законоположеній и приводились въ исполненіе ранѣе выхода въ свѣтъ самаго Уложенія, напечатаннаго только въ маѣ 1649г. Такимъ образомъ въ Москвѣ знали о результатахъ законодательныхъ трудовъ комиссіи раньше 1649 г. и на многія реформы смотрѣли съ неодобреніемъ. Тѣ люди,противъ интересовъ которыхъ шли реформы, позволяли себѣ говорить тихомолкомъ непристойныя рѣчи. Но вмѣстѣ съ тѣмъ волненіе въ Москвѣ было замѣтно настолько,что на 6-е января 1649г. Москвичи ждали безпорядковъ. Ихъ однако не было. Любопытно при этомъ,что недовольные реформами |много было недовольныхъ прикрѣпленіемъ посадскихъ| считали виновниками нововведеній "старыхъ непріятелей"- Морозова и Милославскаго. Про нихъ со злобою говорили,что"Государь молодой и глядитъ все изо рта у бояръ Морозова и Милославскаго,они всѣмъ владѣютъ".

Въ Москвѣ,однако,дѣло обошлось благополучно. Но черезъ годъ |въ началѣ 1650 года| начались безпорядки въ Псковѣ, а за Псковомъ взволновался и Новгородъ. Бунтовали противъ бояръ |т.е.администраціи| и противъ Морозова съ его "пріятелями Нѣмцами". Въ это время по договору съ Швеціей правительство отпускало въ Швецію крупныя суммы денегъ и большіе запасы хлѣба. Вывозъ денегъ и хлѣба за границу народъ счелъ за измѣну со стороны бояръ:" Бояре шлютъ хлѣбъ и деньги Нѣмцамъ,а Государь того не вѣдаетъ," говорилъ народъ и задерживалъ "до государева указу " Шведскихъ гонцовъ съ деньгами,не давалъ везти и хлѣба.

Въ Новгородѣ мятежъ окончился скоро,но гораздо упорнѣе волновались Псковскіе жители: стрѣльцы и посадскіе |замѣчательно,что во всѣхъ волненіяхъ начала царствованія Алексѣя Михайловича преимущественно участвовали промышленные слои населенія,посадскіе люди. Причину этого,конечно нужно искать въ очень тяжеломъ положеніи этихъ классовъ въ половинѣ XVII вѣка. Во Псковѣ мятежъ принялъ обширные размѣры и очень острый характеръ. Мѣстныя власти потеряли всякій авторитетъ ,Псковичи творили насилія и надъ посланными изъ Москвы для разслѣдованія дѣла думными людьми. Тогда въ Москвѣ рѣшили въ видѣ острастки употребить противъ Пскова военную силу. К н я з ь Х о в а н с к і й съ небольшимъ отрядомъ осадилъ Псковъ,но Псковичи не сдавались, въ іюлѣ 1650 года озабоченное мятежомъ Московское правительство рѣшается отправить изъ Москвы епископа Рафаила Коломенскаго съ выборными Москвичами для увѣщанія мятежниковъ,и это увѣщаніе подѣйствовало лучше войскъ Хованскаго: Псковичи послушали увѣщаній и принесли повинную. Какъ серьезно смотрѣло на этотъ мятежъ Московское правительство ,видно изъ одного факта созванія по поводу мятежа земскаго собора въ іюлѣ 1650 года, постановленія котораго ,впрочемъ, остались неизвѣстными. Вѣроятно они отличались мягкостью. Правительство вообще избѣгало тогда крутыхъ мѣръ ,можетъ быть,потому, что въ то время была вездѣ наклонность къ волненіямъ: ни въ одно царствованіе не было ихъ такъ много,какъ въ царствованіе Алексѣя Михайловича . Что волненія тогда были не въ одномъ Псковѣ и что въ Москвѣ было не совсѣмъ спо-

койно, видно, изъ того, что послѣ собора въ Посольскій Приказъ были призваны Московскіе тяглецы, которые получили здѣсь инструкціи "извѣщать Государя" о всякихъ людяхъ, которые станутъ воровскія рѣчи говорить".

Въ такомъ положеніи находились дѣла внутри Государства когда назрѣвалъ Малороссійскій вопросъ. Изъ за Малороссіи Россія съ 1654 года втянулась въ войну съ Польшей. Не смотря на удачи войны, недостатокъ средствъ у правительства и плохое экономическое положеніе народа скоро дали себя знать. Правительству приходилось прибѣгать къ экстреннымъ сборамъ |въ 1662-1663 гг. собиралась "пятая" деньга при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ|, но и этого не хватало и правительство пробовало сокращать свои расходы. Однако, видя, что всѣ такія попытки далеко не удовлетворяютъ желаемой цѣли, оно попробовало извернуться изъ затруднительнаго положенія, произвольно увеличивая цѣнность ходившей монеты. Въ то время свежихъ золотыхъ у насъ еще не было, а въ обращеніи были Голландскіе и Нѣмецкіе червонцы, причемъ голландскій червонецъ имѣлъ цѣнность одного рубля, а серебряный ефимокъ |талеръ| ходилъ отъ 42 до 50коп. и, перечеканивая изъ ефимка чеканило 21 алтынъ и 2 деньги, т.е. около 65 коп. и такимъ образомъ на каждомъ ефимкѣ выгадывало 15-20 к.| по словамъ Котошихина|.

Въ этомъ, конечно заключалась уже значительная выгода казнѣ. Но и ее хотѣли еще увеличить и стали ефимкамъ придавать цѣнность рубля, съ этой цѣлью и клеймили ихъ: клейменный ефимокъ вездѣ принимался за рубль, неклейменные же ефимки ходили по обычной цѣнѣ -42-50 коп. Такая

мѣра правительства неминуемо повела къ поддѣлкамъ клейма на ефимкахъ,а это послѣднее обстоятельство вызвало въ свою очередь вздорожаніе припасовъ вмѣстѣ съ недовѣріемъ къ новой монетѣ. Тогда въ 1656 году бояринъ Р т и щ е въ предложилъ проектъ,состоявшій въ томъ,чтобы пустить въ оборотъ такъ сказать,металлическія ассигнаціи: чеканить мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными и выпускать ихъ по одной цѣнѣ съ ними. Это шло довольно удачно до 1659 года: за 100 серебряныхъ копѣекъ давали 104 мѣдныхъ,но затѣмъ серебро стало исчезать изъ обращенія и дѣло пошло хуже,такъ что въ 1662 году за 100 серебряныхъ давали 300-900 мѣдныхъ,а въ 1663 году за 100 серебряныхъ не брали и 1500 мѣдныхъ. Однимъ словомъ здѣсь произошла исторія аналогичная той,которая 100 лѣтъ спустя случилась съ Джономъ Ло во Франціи. Почему же смѣлый проектъ Ртищева ,который бы могъ оказать большую помощь Московскому правительству,такъ скоро привелъ его къ кризису ?

Бѣда заключалась не въ самомъ проектѣ,смѣломъ,но невыполнимомъ,а въ неумѣніи воспользоваться имъ и въ громадныхъ злоупотребленіяхъ. Во первыхъ само правительство слишкомъ щедро выпускало мѣдныя деньги и уже тѣмъ содѣйствовало ихъ обезцѣненію. По словамъ М е й е р б е р г а въ пять лѣтъ выпущено 20 милліоновъ рублей,громадная для того времени сумма. Во-вторыхъ успѣху дѣла помѣшали громадныя злоупотребленія. Тесть царя Милославскій безъ стѣсненія чеканилъ мѣдныя деньги и начеканилъ ихъ ,говорятъ,до 100.000.Лица,завѣдывавшія чеканкой монеты, изъ своей мѣди дѣлали деньги себѣ и даже позволяли за взятки

дѣлать это стороннимъ людямъ. Наказанія мало помогали дѣлу, потому что главные виновники и попустители |въ родѣ Милославскаго| оставались цѣлыми. Рядомъ съ этими злоупотребленіями должностныхъ лицъ развивалась и тайная поддѣлка монеты въ народѣ, хотя поддѣлывателей жестоко казнили. Мейербергъ говоритъ, что, когда онъ былъ въ Москвѣ, до 400 человѣкъ сидѣло въ тюрьмахъ за поддѣлку монеты |1661г.| а по свидѣтельству Котошихина, всего за тѣ деньги "было "казнено въ тѣ годы смертной казнію больше 7000 человѣкъ." Сослано было еще больше. Но зло не прекращалось даже, говорятъ изъ-заграницы везли фальшивыя деньги.

Таковы были причины, обусловившія неудачу Московской финансовой операціи. Прежде всего открытое недовѣріе къ мѣднымъ деньгамъ появилось въ новоприсоединенной Малороссіи, гдѣ отъ Московскихъ войскъ, получавшихъ жалованье мѣдными деньгами, вовсе не стали брать этихъ денегъ. И на Руси проявилось тоже самое: кредиторы, напримѣръ требовали отъ должниковъ уплаты долга серебромъ и не хотѣли брать мѣди. Появилась съ обезцѣненіемъ мѣдныхъ денегъ страшная дороговизна |такъ что многіе помирали съ голода, какъ говоритъ Котошихинъ|, а въ тоже время подати увеличивались платежомъ пятой деньги" на Польскую войну. При такихъ обстоятельствахъ въ Москвѣ и въ другихъ мѣстахъ замѣтно стало волненіе. Приписывая вину своего тяжелаго положенія нелюбимымъ боярамъ и обвиняя ихъ въ измѣнѣ и въ дружбѣ съ Поляками, въ іюлѣ 1662 года народъ, знавшій о злоупотребленіяхъ при чеканкѣ монеты, поднялъ открытый бунтъ въ Москвѣ противъ бояръ и толпою пошелъ къ царю въ Коломенскую просить управы на бояръ. "Тишайшій царь"

Алексѣй Михайловичъ ласково успѣлъ было успокоить толпу но ничтожныя случайныя обстоятельства раздули волненія снова,и тогда бунтовщики были усмирены военною силою.

Видя неудачный исходъ своего предпріятія, и безъ мятежныхъ протестовъ правительство рѣшило въ 1663 году отмѣнить мѣдныя деньги ,стало выдавать жалованье войску серебромъ и запретило частнымъ лицамъ не только производить разсчеты на мѣдныя деньги,но даже и держать ихъ у себя: представлялось на выборъ или самимъ сливать мѣдныя деньги или въ извѣстный срокъ представить въ казну и получить за каждый рубль мѣдный только 10 денегъ серебряныхъ т.е.1|20 часть первоначальнаго курса.Эта неудачно окончившаяся операція очень тяжело отозвалась на благосостояніи народа,очень и очень многихъ приведя къ полному разоренію.

Теперь умѣстно будетъ возвратиться къ обзору законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича ,который мы начали оцѣнкою Уложенія 1648-1649 гг.

Мы уже говорили о значеніи этого Уложенія,бывшаго не только сводомъ законовъ,но и реформой,дававшей чрезвычайно добросовѣстный отвѣтъ на нужды и запросы того времени. Оно одно составило бы славу царствованія Алексѣя Михайловича,но законодательство того времени не остановилось на немъ. Отношенія между законодательствомъ и жизнью таковы, что послѣдняя всегда опережаетъ первое, общественная жизнь всегда ускользаетъ изъ рамокъ извѣстнаго кодекса. Законъ выражаетъ и закрѣпляетъ собою обыкновенно одинъ моментъ въ теченіи государственной жизни и

общественныхъ отношеній,между тѣмъ какъ жизнь непрестанно развивается и усложняется,съ каждой новой минутой требуетъ новыхъ законодательныхъ опредѣленій,упраздняетъ частности въ законодательствѣ,-словомъ отражается на законодательствѣ. Чѣмъ содержательнѣе жизнь,чѣмъ быстрѣе она прогрессируется,тѣмъ скорѣе и глубже совершаются измѣненія въ законодательствѣ и наоборотъ,чѣмъ больше застоя въ жизни,тѣмъ неподвижнѣе законодательство.

XVII вѣкъ далеко не былъ временемъ застоя. Со времени Алексѣя Михайловича уже рѣзкими чертами отмѣчается начало преобразовательнаго періода въ жизни Московскаго государства;является сознательное стремленіе къ преобразованію началъ нашей жизни,чего не было еще при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ,когда правительство строило государство по старымъ ,до-смутнымъ образцамъ. Общество жило напряженно,и эта напряженность жизни очень скоро отзвалась на Уложеніи тѣмъ,что оно такъ сказать,стало отставать отъ жизни и требовало измѣненій и дополненій. И вотъ,начиная съ 1649 года и вплоть до эпохи Петра Великаго,появляется множество ,такъ сказать, Н о в о у к а з н ы х ъ статей,вносившихъ въ Уложеніе необходимыя поправки и дополненія. Полное Собраніе Законовъ,составленное Сперанскимъ, задавшимся мыслью вмѣстить въ него всѣ указы правительства,но не достигшимъ этой цѣли,за время Михаила Ѳеодоровича съ 1649 по 1675 г.вмѣщаетъ 600 слишкомъ указныхъ статей,за время Ѳеодорога Алексѣевича около 300,а съ 1682-1696| т.е. до единодержавія Петра |до 625|. Въ суммѣ это составляетъ до 1535 указовъ, дополняющихъ ,слѣдовательно Уложеніе.

Большинство ихъ имѣло характеръ частныхъ Указовъ ,Ука-

зовъ на случай, возникшихъ путемъ дьячьяго доклада въ Боярскую Думу, но среди этихъ частныхъ постановленій встрѣчаются часто уже при Алексѣѣ Михайловичѣ, довольно обширныя и развитыя законоположенія общаго характера, которыя служатъ несомнѣннымъ свидѣтельствомъ быстраго государственнаго роста.

Изъ такихъ общихъ законоположеній, носящихъ характеръ отдѣльнаго кодекса постановленій относительно одной какой нибудь сферы народной жизни, замѣчательны слѣдующія.

I. Указъ о таможенныхъ пошлинахъ съ товаровъ.

Указъ о таможенныхъ пошлинахъ съ товаровъ 25 октября 1625 года, возникъ изъ челобитья торговыхъ людей. Надо сказать, что въ Московскомъ государствѣ замѣчательное разнообразіе торговыхъ пошлинъ. Товары при ихъ передвиженіи, много разъ подвергались подробной оцѣнкѣ и оплачивались пошлинами. Купецъ платилъ повсюду: съ него брали явочную пошлину, ѣзжую и т.п. И вотъ въ XVII вѣкѣ правительство стремится свести эти пошлины къ немногимъ видамъ ихъ. Значительная соленая пошлина 1646 года обязанная своимъ происхожденіемъ любимцу царя Алексѣя-Морозову, является подобною попыткою, имѣвшей своимъ результатомъ неудовольствіе народа противъ ея виновника. Попыткой аналогичной, вышеупомянутой, представляется указъ 1653 года "О взиманіи таможенныхъ пошлинъ съ товаровъ въ Москвѣ и въ другихъ городахъ съ показаніями, по сколько взять и съ какихъ товаровъ" |Полное Собр. Зак. т. I, № 107, стр. 302|.

II. Такое стремленіе къ упрощенію пошлинъ сказалось

и въ "У с т а в н о й г р а м о т ѣ" 30 апрѣля 1654г., трактующей объ откупныхъ злоупотребленіяхъ и ограниченіи нѣкоторыхъ пошлинъ, особенно проѣзжей, причемъ послѣдняя замѣнялась извѣстнымъ процентомъ съ каждаго рубля оцѣнки товара.

III. Въ извѣстномъ "Н о в о т о р г о в о м ъ У с т а в ѣ 1667 года |П.С.З.№ 408|, замѣнившемъ всѣ торговые сборы прежняго времени однимъ сборомъ десяти д е н е г ъ с ъ р у б л я, съ особенною ясностью отражается вышеупомянутое желаніе правительства. Вновь учрежденную пошлину въ 10 денегъ постановлено было взимать съ продавца при продажѣ товара, но въ случаѣ, если онъ заплатилъ часть ея раньше при покупкѣ товара, онъ уплачивалъ при продажѣ его только то, что оставалось до 10 денегъ.

Новоторговый Уставъ, состоящій изъ 101-ой статьи |94 статьи - 7 дополнительныхъ| представляетъ собою цѣлое законодательство о торговлѣ. Въ немъ очень подробно разработаны правила относительно торговли Русскихъ купцовъ съ другими государствами и торговли иностранцевъ въ Руси. Иностранцамъ была запрещена, между прочимъ, розничная торговля, продавать же оптомъ они могли только Московскимъ купцамъ и купцамъ тѣхъ городовъ, гдѣ торговали иностранцы. Этимъ, конечно, старались провести товаръ черезъ возможно большее количество рукъ и тѣмъ способствовать таможеннымъ выгодамъ казны. Кромѣ положеній собственно о торговлѣ, Новоторговый Уставъ старается обезпечить торговыхъ людей отъ судебной волокиты и вообще отъ злоупотребленій администраціи.

Всѣ вышеприведенныя новоуказныя статьи имѣли въ виду

торговое и промышленное населеніе и были, весьма вѣроятно, въ нѣкоторой связи съ волненіями первой половины царствованія Алексѣя Михайловича.

IУ. Болѣе общимъ значеніемъ обладаютъ "Новоуказныя статьи о татебныхъ, разбойныхъ и убивственныхъ дѣлахъ" |П.С.З.№ 431|, изданныя въ январѣ 1669 года и представляющія собою переработку и дополненія XXI и XXII главъ Уложенія| XXI глава-" О разбойныхъ и татебныхъ дѣлахъ" и XXII глава-"О смертной казни и наказаніяхъ"|. Уголовное законодательство Московскаго государства сказало здѣсь свое послѣднее слово. Къ I30 статьямъ Уложенія уголовнаго характера здѣсь оно прибавило I28 статей, изъ которыхъ часть есть ничто иное, какъ повтореніе предъидущаго; другая же часть представляетъ переработку и дополненіе дѣйствовавшаго кодекса.

Въ обзорѣ законодательной дѣятельности Алексѣя Михайловича необходимо упомянуть еще объ изданіяхъ такъ называемой Кормчей книги или Номоканона. Этимъ именемъ называются памятники греческаго церковнаго права, заключающіе въ себѣ постановленія Византійскихъ императоровъ и церкви относительно церковнаго управленія. Греческіе Номоканоны, возникшіе въ Греціи съ УI вѣка, очень рано| по мнѣнію А. С. Павлова еще въ XI вѣкѣ| перешли въ славянскихъ переводахъ на Русь и получили у насъ силу закона въ церковныхъ дѣлахъ. На Руси они дополнялись позднѣйшими церковными постановленіями и свѣтскими Русскими законоположеніями|, напримѣръ къ нимъ прибавлялась въ полномъ составѣ Русская правда|.

Эти послѣднія дополненія свѣтскаго характера вызывались необходимостью для духовенства слѣдить за развитіемъ нашего законодательства по дѣламъ уголовнымъ и особенно государственнымъ, ибо духовенство владѣло правомъ суда въ своихъ обширныхъ вотчинахъ и часто призывалось на совѣтъ къ государямъ по дѣламъ свѣтскимъ. Въ свою очередь и свѣтская власть нуждалась въ знаніи Номоканона благодаря тому, что вошедшія въ Номоканонъ постановленія Византійскихъ императоровъ имѣли на Руси силу дѣйствующаго права. Извѣстныя подъ именемъ г р а д с к и х ъ з а к о н о в ъ , эти постановленія примѣнялись у насъ въ сферѣ свѣтскаго суда, были приняты какъ источникъ, при составленіи Уложенія, а въ 1654 году, напримѣръ царь Алексѣй Михайловичъ разсылаетъ для руководства воеводамъ выписки изъ этихъ градскихъ законовъ, находящихся въ Кормчей Книгѣ. Таково было значеніе Номоканона въ древней Руси.

При Алексѣѣ Михайловичѣ въ первый разъ Кормчая была издана патріархомъ Іосифомъ въ 1650 году, но въ 1653г. это изданіе было исправлено Никономъ, который нашелъ нужнымъ прибавить къ прежней Кормчей нѣкоторыя статьи, которыхъ раньше не было, между прочимъ имъ была прибавлена такъ называемая "*Donatio Constantini*" та самая подложная грамота, Константина Великаго, которою папы старались оправдать свою свѣтскую власть . Подобная прибавка была сдѣлана Никономъ, конечно, въ видахъ большаго возвышенія власти патріаршей.

Изъ нашего бѣглаго обзора уже видно, какою плодовитостью отличалась законодательная дѣятельность времени

Алексѣя Михайловича. Хотя эта дѣятельность и отличалась искреннимъ желаніемъ народной пользы,и,постоянно прислушиваясь къ земскимъ челобитьямъ,давала по мѣрѣ возможности отвѣты на нихъ, тѣмъ не менѣе она не успокоивала государства,прямымъ доказательствомъ чего служатъ частыя бунты и безпорядки въ царствованіи Алексѣя Михайловича.

Такого рода волненія,какъ мы помнимъ ,происходили два раза въ Москвѣ,затѣмъ въ Устюгѣ,Сольвычегодскѣ,Новгородѣ, Псковѣ и въ этихъ волненіяхъ дѣйствовало вездѣ городское населеніе:" посадскіе людишки" вездѣ являются на первомъ планѣ. Нѣсколько другимъ характеромъ отличались позднѣйшіе безпорядки ,въ которыхъ дѣйствовали другіе общественные элементы,хотя одни мотивы руководили и тутъ и тамъ |всѣ вѣдь волненія того времени исходили болѣе или менѣе изъ экономической неудовлетворенности|. Мы говоримъ о бунтѣ С т е н ь к и Р а з и н а . Онъ былъ чрезвычайно силенъ и серьезенъ и отличался кромѣ того значительно отъ предъидущихъ волненій. Тѣ имѣли характеръ мѣстный,между тѣмъ какъ возстаніе Разина имѣетъ уже характеръ общественной смуты. Бунтъ Разина далѣе, явился результатомъ не только неудовлетворительности экономическаго положенія,какими были прежніе безпорядки,но и результатомъ недовольства всѣмъ общественнымъ строемъ. Прежнія волненія, какъ мы знаемъ ,не имѣли опредѣленныхъ программъ ,они просто направлялись противъ лицъ и ихъ административныхъ злоупотребленій,между тѣмъ какъ Разинцы,хотя и не имѣли я с н о сознанной программы,но шли противъ бояретва", не только какъ администраціи,но и какъ верховнаго общественнаго слоя; государственному строю они противоставляли казачій. Точно также и люди,участвовавшіе въ возста-

ніи,были не той среды,здѣсь уже не было,какъ раньше на первомъ планѣ городское тяглое населеніе:движеніе началось въ казачествѣ ,затѣмъ передалось крестьянству и только отчасти городскимъ людямъ,посадскимъ и низшимъ служилымъ людямъ.

Въ объясненіе причинъ этого крупнаго движенія мы имѣемъ два мнѣнія,прекрасно дополняющихъ другъ друга. Это мнѣніе С о л о в ь е в а и К о с т о м а р о в а .

Посмотримъ сперва какъ объясняетъ мотивы возстанія Соловьевъ: "Во время Алексѣя Михайловича,говоритъ онъ,не только не прекратился выходъ въ казаки извѣстной части народонаселенія,но,напротивъ число бѣглыхъ крестьянъ и холопей ,искавшихъ этимъ путемъ улучшить свое положеніе, еще увеличилось вслѣдствіе тяжелаго экономическаго положенія народа. Съ присоединеніемъ Малороссіи бѣглецы направились было туда,но Московское правительство,не желая признавать Украйну казацкою страною,требовало оттуда выдачи бѣжавшихъ. Такимъ образомъ вольною "сиротскою" дорогою оставалась только дорога на Донъ,откуда не было выдачи. Народа на Дону поэтому все прибывало,а средства пропитанія сокращались въ половинѣ XVII в. выходы изъ Дона и Днѣпра,т.е.Азовское и Черное моря были закрыты Польшей и Татарами,воевать казакамъ и "зипуновъ доставать" имъ стало негдѣ. Впрочемъ оставалась еще Волга и Каспійское море,но устье Волги тоже находится въ рукахъ госу - дарства тамъ стоитъ Астрахань. Одно казачество потянулось по Волгѣ: сначала на Волгѣ образуются мелкія разбойничьи шайки,приблизительно съ 1659 года. Вскорѣ у этихъ шаекъ находится способный вождь ,и движеніе,начавшееся

въ малыхъ размѣрахъ,все расширяется: изъ мелкихъ разбойничьихъ отрядовъ образуется одна огромная шайка,которая прорывается въ Каспійское море и тамъ добываетъ себѣ "богатые зипуны".Но какъ возвратиться на Донъ? Это возможно только хитростью: надо мнимою покорностью достать себѣ пропускъ домой,обязавшись не ходить вторично на море. Этотъ пропускъ данъ,но казаки понимаютъ,что другой разъ похода на Каспій имъ безнаказанно не сдѣлать,послѣ ихъ первой продѣлки дорога на Волгѣ въ море закрыта для нихъ крѣпко. Сознавая,что лишаясь послѣдняго такимъ образомъ выхода,голытьба казацкая опрокидывается тогда внутрь государства и поднимаетъ съ собою низшіе слои населенія противъ высшихъ". Таковъ смыслъ явленія ,извѣстнаго въ нашей исторіи подъ именемъ "бунта Стеньки Разина",заключаетъ Соловьевъ |См.Ист.Росс.т.XI гл.I|.Нужно замѣтить,однако,что объясненія касаются только казачества и не объясняютъ тѣхъ причинъ ,по которымъ казачье движеніе передавалось и земскимъ людямъ.

Что касается Костомарова,то послѣдній видитъ въ бунтѣ эпизодъ исконной борьбы "двухъ коренныхъ укладовъ Русскаго быта, удѣльновѣчевого и единодержавнаго" |ихъ въ XVII вѣкѣ приличнѣе назвать государственнымъ и казачьимъ|. Нашествіе Стеньки Разина есть нашествіе казачества на государство,но нашествіе неудачное потому,что казачество выдохлось, оно не могло стать "новымъ началомъ",внести въ жизнь что либо свѣжее ,не могло потому,что само по себѣ было "старымъ укладомъ" и подверглось старческому

Литогр.Богданова ,Зотелевъ пер.д.№ I|12.-

разложенію. Надо при этомъ замѣтить, что Костомаровъ не считаетъ здѣсь казачества чѣмъ-то отдѣльно существующимъ для него казачество не есть общество, образовавшееся внѣ государственной территоріи, для него оно есть совокупность всѣхъ недовольныхъ общественнымъ строемъ и уходящихъ отъ этого строя на окраины государства. А такихъ въ XVII в. было очень много. Мастерскимъ, хотя и одностороннимъ, обзоромъ внутренняго состоянія Московскаго государства, Костомаровъ показываетъ, "что причины побѣговъ, шатаній и вообще недовольство обычнымъ ходомъ жизни |т.е. вообще причины появленія казачества| лежали во внутреннемъ организмѣ гражданскаго порядка", какъ онъ выражается, и его изслѣдованіе достаточно объясняетъ намъ, какимъ образомъ казачій бунтъ сталъ земскимъ |См. Костомарова "Моногр. и Из. слѣд." т. II|.

Вообще въ дѣлѣ Стеньки Разина необходимо различать эти двѣ стороны: казачью и земскую. Движеніе было сперва чисто казачьимъ и носило характеръ "добыванія зипуновъ" т.е. простого, хотя и крупнаго разбоя, направленнаго противъ Русскихъ и Персіянъ. Вожакомъ этого движенія былъ Стенька Разинъ, составившій себѣ шайку изъ такъ называемой "голытьбы". Это были новые казаки безпокойные люди, всегда искавшіе случая погулять на чужой счетъ", добыть себѣ зипуновъ", какъ они выражались. Число такого рода "голутвенныхъ людей" на Дону все увеличивалось отъ прилива бѣглыхъ холопей, крестьянъ и частью посадскихъ людей изъ Московскаго государства. Вотъ съ такой то шайкой и сталъ разбойничать удалой казакъ, сперва на Волгѣ, затѣмъ на берегахъ Каспійскаго моря. Разгромивъ берега Персіи, казаки съ

богатою добычей воротились въ 1669 году на Волгу, а оттуда направились къ Дону, гдѣ Разинъ сталъ пользоваться громаднымъ значеніемъ, такъ какъ слава о его подвигахъ и богатствахъ, награбленныхъ казаками, все болѣе и болѣе распространялась и все сильнѣе привлекала ему голутвенныхъ людей. Перезимовавъ на Дону, Разинъ сталъ разглашать, что идетъ противъ Московскихъ бояръ, и, дѣйствительно набравъ шайку, лѣтомъ 1670 года двинулся на Волгу, уже не съ разбоемъ, а съ бунтомъ. Взявъ почти безъ боя Астрахань и устроивъ городѣ по образцу казачьихъ круговъ, атаманъ двинулся вверхъ по Волгѣ и такимъ образомъ дошелъ до Симбирска. Здѣсь то стала подниматься и земщина, повсюду примыкая къ казакамъ на ихъ пути, вставая противъ высшихъ классовъ, "за царя противъ бояръ". Крестьяне грабили и убивали своихъ помѣщиковъ, соединялись въ шайки и примыкали къ казакамъ, Возмутились и приволжскіе инородцы, такъ какъ силы Разина достигли огромныхъ размѣровъ, казалось все благопріятствовало его планамъ взять Нижній и Казань и идти на Москву, какъ вдругъ неудача постигла его подъ Симбирскомъ. Стенька потерпѣлъ пораженіе отъ к н я з я Б а р я т и н с к а г о, у котораго часть войска была обучена европейскому строю. Тогда, оставивъ крестьянскія шайки на произволъ судьбы, Разинъ бѣжалъ съ казаками на югъ и попыталея поднять весь Донъ, но здѣсь былъ схваченъ старыми казаками, всегда бывшими противъ него, свезенъ въ Москву и казненъ |въ 1671г.| Вскорѣ было подавлено и земское возстаніе внутри государства, на средней Волгѣ, у Нижняго Алатыря, Арзамаса, гдѣ крестьяне и холопы продолжали волноваться, оставленные казаками. Только въ Астрахани

еще нѣкоторое время свирѣпствовала казацкая шайка подъ начальствомъ В а с ь к и У с а. Но и Астрахань сдалась боярину Милославскому, посланному отъ царя, а главные мятежники были казнены.

Ц е р к о в н ы я с о б ы т і я в р е м е н и А л е к с ѣ я М и х а й л о в и ч а.

Обратимся теперь къ дѣламъ въ сферѣ церковной времени царя Алексѣя. Значеніе тогдашнихъ церковныхъ событій было очень велико: тогда возникъ расколъ, остающійся теперь еще вопросомъ не только исторіи, но и жизни, тогда же возникъ вопросъ объ отношеніяхъ церковной и свѣтской властей. И тотъ и другой вопросы связаны съ дѣятельностью Н и к о н а. Поэтому прежде всего обратимся къ самой личности замѣчательнаго патріарха.

Патріархъ Никонъ, въ міру Никита, одинъ изъ самыхъ крупныхъ, могучихъ дѣятелей Русскихъ XVII вѣка, родился въ маѣ 1605 года въ крестьянской семьѣ въ селѣ В е л ь е м а н о в ѣ близь Нижняго Новгорода. Мать Никиты умерла вскорѣ послѣ его рожденія, и ему, еще ребенкомъ, пришлось много вытерпѣть отъ мачихи, женщины злого нрава. Уже тутъ Никита высказалъ присутствіе сильной воли, хотя постоянное гоненіе и не могло не оказать дурного вліянія на его характеръ. Никита обнаружилъ необыкновенныя способности, быстро выучился грамотѣ и книга увлекала его. Онъ захотѣлъ извѣдать всю мудрость божественнаго писанія и удалился въ монастырь М а к а р і я Ж е л т о в о д с к а г о, гдѣ и занялся прилежнымъ чтеніемъ священныхъ книгъ. Но родня вызвала его изъ монастыря обратно. Ники-

та женился на двадцатомъ году и былъ посвященъ въ священники и священствовалъ въ одномъ селѣ,откуда,по просьбѣ московскихъ купцовъ,узнавшихъ объ его начитанности Никита перешелъ въ Москву. Но тутъ онъ былъ недолго:потрясенный смертью всѣхъ своихъ дѣтей,умиравшихъ одинъ за другимъ,онъ ушелъ на Бѣлое море и постригся въ Анзерскомъ скитѣ подъ именемъ Никона. Поссорившись тамъ съ начальнымъ старцемъ Е л е а з а р о м ъ ,Никонъ удалился въ Кожеозерскую пустынь,гдѣ и былъ игуменомъ съ 1642-1646гг. На третій годъ послѣ своего поставленія онъ отправился по дѣламъ пустыни въ Москву и здѣсь явился съ поклономъ къ молодому царю Алексѣю Михайловичу ,куда вообще въ то-время являлись съ поклономъ къ царю настоятели монастырей. Царю до такой степени понравился Кожеозерскій игуменъ,что патріархъ Іосифъ по царскому желанію ,посвятилъ Никона въ санъ архимандрита Н о в о с п а с с к а г о монастыря въ Москвѣ, гдѣ была родовая усыпальница Романовыхъ. Въ силу послѣдняго обстоятельства ,набожный царь часто ѣзжалъ туда молиться за упокой своихъ предковъ и много бесѣдовалъ съ Никономъ.Алексѣй Михайловичъ былъ изъ такихъ сердечныхъ людей,которые не могутъ жить безъ дружбы,всей душой привязываются къ людямъ,которые имъ нравятся по своему складу,и вотъ онъ приказалъ архимандриту ѣздить для бесѣды каждую пятницу во дворецъ. Пользуясь расположеніемъ царя Никонъ сталъ "печаловаться" царю за всѣхъ обиженныхъ и утѣсненныхъ и,такимъ образомъ,пріобрѣлъ въ народѣ славу добраго защитника и ходатая.Вскорѣ въ его судьбѣ произошла новая перемѣна: въ 1648г. скончался митрополитъ Новгородскій Аѳанасій и царь всѣмъ

предпочелъ своего любимца: Іерусалимскій патріархъ Паисій рукоположилъ Новоспасскаго архимандрита въ санъ митрополита Новгородскаго .Въ Новгородѣ Никонъ сталъ извѣстенъ своими прекрасными проповѣдями.Когда въ Новгородской землѣ начался голодъ,онъ много помогалъ народу и пищей и деньгами,да кромѣ того устроилъ четыре богадѣльни въ Новгородѣ. Въ 1650 году вспыхнулъ Новгородскій мятежъ и въ образѣ дѣйствій Никона во время этихъ волненій мы уже видимъ проявленіе того крутого и рѣшительнаго характера,который мы увидимъ и въ дѣлѣ раскола :онъ сразу наложилъ на всѣхъ коноводовъ мятежа проклятіе и раздражилъ этимъ народъ настолько,что подвергся даже насилію со стороны бунтовщиковъ .Но вмѣстѣ съ тѣмъ Никонъ ходатайствовалъ передъ царемъ за Новгородцевъ.

Будучи Новгородскимъ митрополитомъ ,Никонъ слѣдилъ, чтобы богослуженіе совершалось съ большею точностью,правильностью и торжественностью. А въ то время надо сказать не смотря на набожность нашихъ предковъ,по старому заведенному обычаю,богослуженіе велось въ высшей степени неблаголѣпно,потому что для скорости,разомъ читали и пѣли разное,такъ что слушающимъ ничего нельзя было разобрать. Для благочинія митрополитъ уничтожилъ это -"многогласіе" и заимствовалъ Кіевское пѣніе вмѣсто очень неблагозвучнаго ,такъ называемаго "раздѣльнорѣчнаго" пѣнія. Въ 1651 году пріѣхавъ въ Москву,Никонъ посовѣтовалъ царю перенести мощи митрополита ~~Филарета~~ |Колычева| изъ Филиппо-Соловецкаго монастыря въ Москву и этимъ какъ бы загладить давній грѣхъ Ивана Грознаго передъ святителемъ. Царь

послалъ |1652г.| въ Соловки за мощами самого Никона.

Въ то время, когда Никонъ ѣздилъ въ Соловки за мощами, скончался московскій патріархъ Іосифъ |1652г.| На престолъ патріаршій былъ избранъ Никонъ, онъ отвѣчалъ отказомъ на это избраніе. Но тогда въ Успенскомъ соборѣ и царь и, окружавшіе его со слезами стали умолять митрополита не отказываться. Наконецъ Никонъ согласился, но подъ условіемъ: если царь и бояре, и освященный соборъ, и всѣ православные дадутъ торжественный обѣтъ передъ Богомъ, что они будутъ сохранять "евангельскіе Христовы догматы и правила Св. апостоловъ и Св. отцовъ и благочестивыхъ царей законы" и будутъ слушаться его Никона во всемъ "яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго". Царь, а за нимъ власти духовныя и бояре поклялись въ этомъ и 25 іюля 1652 года Никонъ былъ поставленъ патріархомъ.

Такой то человѣкъ сталъ во главѣ нашей церкви. Одной изъ первѣйшихъ его заботъ было исправленіе книгъ, т.е. тотъ вопросъ, который привелъ къ расколу.

Мы знаемъ, что въ служебныхъ рукописныхъ книгахъ было много неправильностей. Еще Иванъ IУ на Стоглавомъ соборѣ поставилъ вопросъ "о божественныхъ книгахъ", онъ говорилъ собору, что "писцы пишутъ книги съ неправильныхъ переводовъ, а написавъ не правятъ". Хотя Стоглавый соборъ и обратилъ большое вниманіе на неправильности въ рукописныхъ книгахъ, тѣмъ не менѣе въ своихъ постановленіяхъ онъ самъ впалъ въ погрѣшность, узаконивъ, напримѣръ двуперстье и сугубое аллилуя. Объ этихъ вопро-

сахъ на Руси спорили еще въ XУ вѣкѣ,не зная,двумя или тремя перстами креститься,пѣть аллилуя дважды или трижды.

Въ первыхъ п е ч а т н ы х ъ богослужебныхъ книгахъ при Иванѣ IУ допущено было много ошибокъ,тоже самое было и въ книгахъ,печатанныхъ при Шуйскомъ. Когда же послѣ Смуты былъ возстановленъ печатный дворъ,то прежде чѣмъ печатать ,рѣшили исправить книги.И вотъ въ I6I6 году это дѣло было поручено Діонисію извѣстному намъ архимандриту Троицкаго монастыря и монахамъ того же монастыря ,Логину Филарету и другимъ "духовнымъ и разумнымъ старцамъ".Относительно Діонисія мы знаемъ,что это была за личность: добродушная и высокая его натура умѣвшая будить въ массахъ патріотизмъ въ бѣдственное время Смуты,оказалась не способной къ практической обыденной дѣятельности.архимандритъ не могъ держать въ строгомъ повиновеніи себѣ своей братіи. Большимъ чѣмъ архимандритъ ,вліяніемъ пользовались въ монастырѣ пѣвчіе монахи: головщикъ Л о г и н ъ и уставщикъ Ф и л а р е т ъ; оба съ удивительными голосами,но искавшіе въ своемъ нелѣпомъ [illegible]ніи смысла богослужебныхъ стиховъ. Филаретъ,впрочемъ въ своемъ невѣжествѣ искажалъ не только смыслъ стиховъ,но и православное ученіе: по его мнѣнію Христосъ не прежде вѣкъ отъ Христа родился,Божество онъ почиталъ человѣкообразнымъ и т.д. Оба они ненавидѣли Діонисія и вотъ съ такими-то личностями пришлось архимандриту приняться за дѣло исправленія книгъ. Уже изъ одного того факта ,что никто изъ "справщиковъ" книгъ не зналъ по гречески ,видно,что дѣло исправленія не могло итти удовлетворительно. Да и

мысль о повѣркѣ исправляемыхъ книгъ по старымъ и греческимъ рукописямъ никому не приходила въ голову. Какъ бы то ни было, принялись за исправленіе...Между справщиками дѣло не обошлось безъ распрей :въ началѣ же возникъ споръ по слѣдующему случаю: Діонисій вычеркнулъ въ молитвѣ водоосвященія ненужное слово "и с г н е м ъ ".Пользуясь этимъ Логгинъ ,Филаретъ и ризничій дьяконъ М а р к е л л ъ отправили на Діонисія въ Москву доносъ ,обвинявшій его въ еретичествѣ.

Въ то время въ Москвѣ еще дожидались Филарета Никитича и дѣлами патріаршества управлялъ К р у т и ц к і й м и т р о п о л и т ъ І о н а ,человѣкъ неспособный какъ слѣдуетъ разсудить это дѣло.Онъ настроился не въ пользу Діонисія . Кромѣ того вооружили противъ Діонисія и царскую мать, с т а р и ц у М а р ѳ у ,да и въ народѣ распустили слухъ,что явились такіе еретики,которые "огонь изъ міра хотятъ вывести". дѣло кончилось осужденіемъ Діонисія на заточеніе въ К и р и л л о в ъ -Б ѣ л о з е р с к і й монастырь. Но это заточеніе не было продолжительно. Вскорѣ въ Москву пріѣхалъ І е р у с а л и м с к і й п а т р і р х ъ Ѳ е о ф а н ъ ,при которомъ возвратился и Филаретъ Никитичъ и былъ поставленъ въ патріархи.Снова произвели дознаніе о дѣлѣ Діонисія и оправдали его,но въ Москвѣ продолжался споръ о такъ называемомъ п р и л о г ѣ "и огнемъ" .Филаретъ не успокоенный доказательствами Ѳеофана ,просилъ Ѳеофана пр̊ѣхавъ въ Грецію ,хорошенько разузнать объ этомъ прилогѣ. Ѳеофанъ исполнилъ его просьбу и вмѣстѣ съ Александрійскимъ патріархомъ

прислалъ въ Москву грамоты подтверждавшія ,что прибавка "и огнемъ" должна быть исключена .Такимъ образомъ рѣшено было уничтожить прилогъ.

Исправленіе книгъ не прекращалось и при патріархѣ Филаретѣ |1619-1633| и Іосифѣ |1634-1640| ,но на исправленіе смотрѣли какъ на дѣло домашнее,ограничиваясь исправленіемъ "ошибокъ пера" исправляя домашними средствами ,т.е.не считая нужнымъ прибѣгать къ сличенію нашихъ книгъ съ древнѣйшими греческими. Мысль о необходимости этихъ сличеній однако проскользнула еще при Филаретѣ : въ 1632 г. пріѣхалъ съ Востока архимандритъ Іосифъ и былъ опредѣленъ для перевода на славянскій языкъ греческихъ книгъ,необходимыхъ для церковныхъ нуждъ и книгъ на латинскія ереси" да и кромѣ того его обязали "учити на учительномъ дворѣ малыхъ ребятъ греческаго языка и грамотѣ . Но въ началѣ 1634г. Іосифъ умеръ и школа его заглохла.

И при патріархѣ Іосифѣ |1642-1652| исправленіе шло все тѣмъ же путемъ т.е.исправляли русскіе люди не обращаясь къ греческимъ книгамъ .На дѣло исправленія много вліяли при Іосифѣ нѣкоторыя лица ,ставшія потомъ во главѣ раскола,таковы протопопы Иванъ Неронов и Аввакумъ ,дьяконъ Благовѣщенскаго собора Ѳеодоръ,все изъ кружка Степана Вонифатьева ,близкаго къ патріарку Благовѣщенскаго протопопа и царскаго духовника. Можетъ быть по ихъ вліянію и было внесено и распространено при Іосифѣ много ошибокъ и неправыхъ мнѣній въ новыхъ книгахъ,какъ,напримѣръ двоеперстіе стало съ

тѣхъ поръ считаться единственнымъ правымъ крестнымъ знаменіемъ.-

Но вмѣстѣ съ тѣмъ со времени Іосифа замѣчается поворотъ къ лучшему. Въ 1640г. пришло предложеніе П е т р а Могилы, Кіевскаго митрополита, устроить въ Москвѣ монастырь и школу по образцу коллегій западно-русскаго края. Затѣмъ въ 1645г. приходитъ предложеніе Ц а р е г р а д с к а г о п а т р і а р х а П а ѳ е н і я черезъ митрополита Ѳ е о ф а н а объ устройствѣ въ Москвѣ для печатанія греческихъ и русскихъ богослужебныхъ книгъ типографіи, а также и школы для Русскихъ дѣтей. Но при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ какъ то, такъ и другое предложеніе не встрѣтило сочувствія. въ 1649г. съ воцареніемъ Алексѣя Михайловича дѣло пошло иначе. Тишайшій царь писалъ преемнику Петра Могилы, Кіевскому митрополиту С и л ь в е с т р у К о с с о в у, прося его прислать ученыхъ монаховъ и, согласно царскому желанію въ Москву пріѣхали А р с ѳ н і й С а т а н о в с к і й и Е п и ф а н і й С л а в и н е ц к і й, сдѣлавшійся впослѣдствіи первымъ ученымъ авторитетомъ въ Москвѣ. Они приняли участіе въ исправленіи нашихъ богослужебныхъ книгъ. Одновременно съ этимъ постельничій Ѳ е о д о р ъ М и х а й л о в и ч ъ Р т и щ е в ъ устраиваетъ подъ Москвой А н д р е е в с к і й м о н а с т ы р ь, а въ немъ общежитіе ученыхъ кіевскихъ монаховъ, вызванныхъ имъ съ юга. Такимъ же образомъ впервые входила къ намъ Кіевская наука.

Въ томъ же 1649г. въ Москву пріѣхалъ І е р у с а л и м с к і й п а т р і а р х ъ П а и с і й и, при-

смотрѣвшись къ нашимъ богослужебнымъ обрядамъ ,указалъ царю и патріарху на многія особенности, "новшества". Это произвело огромное впечатлѣніе ,такъ какъ по понятіямъ того времени дѣло шло объ "ереси"; возможность неумышленно впасть въ ересь побудила правительство обратить большее вниманіе на эти "новшества" въ обрядахъ и книгахъ. Результатомъ этого была посылка монаха А р с е н і я С у х а н о в а на А ѳ о н ъ и въ другія мѣста съ цѣлью изученія греческихъ рукописей. Черезъ нѣсколько времени Сухановъ прислалъ въ Москву извѣстіе,еще болѣе взволновавшее всѣхъ ,извѣстіе о сожженіи на Аѳонѣ тамошними монахами богослужебныхъ книгъ русской печати, какъ признанныхъ еретическими. Въ тоже время Московская іерархія рѣшила обратится за совѣтомъ къ Цареградскому духовенству по поводу различныхъ,съ нашей точки зрѣнія , не особенно важныхъ церковныхъ вопросовъ,которые однако казались тогда "великими церковными потребами" ,главнымъ же образомъ по поводу вопроса о знакомомъ уже намъ "многогласіи",объ уничтоженіи котораго сильно хлопоталимежду прочимъ Ртищевъ и протопопъ Нероновъ. По совѣту съ Греками,рѣшились наконецъ въ 1651-1652 гг. ввести въ церковныхъ службахъ единогласіе. Такимъ образомъ въ русскихъ церковныхъ дѣлахъ пріобрѣталъ значеніе примѣръ и совѣтъ Восточной Греческой церкви.

Съ такимъ привлеченіемъ Кіевлянъ и Грековъ къ дѣлу исправленія обрядовъ и книгъ въ этомъ дѣлѣ появился новый элементъ "чужой" .Вмѣстѣ съ тѣмъ исправленіе готовилось принять характеръ не малыхъ только ошибокъ и опи-

сокъ ,а исправленія е р е с е й ,допущенныхъ русскою церковью и замѣченныхъ православными Греками.Разъ дѣло принимало такой характеръ исправленія ересей и къ нему привлекалась чужая помощь ,исправленіе теряло прежнее значеніе домашняго дѣла и становилось м е ж д у ц е р к о в н ы м ъ дѣломъ.

Но вмѣшательство въ это дѣло чужихъ людей вызвало во многихъ русскихъ людяхъ неудовольствіе и вражду противъ нихъ. Враждебное отношеніе проявилось не только къ Грекамъ ,но и къ кіевскимъ ученымъ,къ кіевской латинской наукѣ. Такая непріязнь въ отношеніи къ Кіевлянамъ обусловливалась фактомъ Брестской Уніи 1596 года. Начиная съ того времени въ Москвѣ югозападное духовенство стали подозрѣвать въ латинствѣ,много помогалъ этому и самый характеръ Кіево-Могилянской Академіи,устроенной Петромъ Могилой по образцу іезуитскихъ коллегій Запада.Въ ней,какъ мы узнаемъ важную роль игралъ латинскій языкъ,а русскіе смотрѣли очень косо на изученіе латини ,языка Римской церкви,подозрѣвая,что изучающій латынь непремѣнно совратится въ "латинство".На всю южнорусскую интеллигенцію въ Москвѣ смотрѣли ,какъ на "латинскую" .Знакомый намъ протопопъ Нероновъ разъ говорилъ Никону:" А мы прежде сего у тебя слышали ,что многожды ты говорилъ намъ:гречане де, д а и м а л ы е р о с с і я н е потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ". Но этими словами могло тогда выражаться враждебное отношеніе къ "латинству" не одного Никона или Неронова, а очень и очень многихъ людей Московскихъ,цѣлаго направленія Московской

жизни. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и вліятельный кружокъ протопопа Вонифатьева ,идеи этого кружка распространялись за его предѣлы и отозвались напримѣръ въ дѣлѣ маленькаго Московскаго человѣчка Л у ч к и Г о л о с о в а ,который не хотѣлъ учиться у кіевскихъ монаховъ,чтобы не впасть въ ересь,и такъ говорилъ про Ртищева: "Учится у Кіевлянъ Ѳеодоръ Ртищевъ грамотѣ, а въ той грамотѣ и еретичество есть. .. Кто по латыни научается,тотъ съ праваго пути совратится"...Такіе люди,какъ Лучка Голосовъ не только самихъ Кіевлянъ считали еритиками,но и на тѣхъ людей ,которые благоволили къ кіелянамъ и ихъ наукѣ ,смотрѣли какъ на еритиковъ.Борисъ Ивановичъ Морозовъ...началъ жаловать кіевлянъ ,а это уже явное дѣло,что туда уклонился къ такимъ же ересямъ",говорили они.

Такое же непріязненное отношеніе какъ къ людямъ отступившимъ отъ православія ,было и къ Грекамъ: здѣсь оно обусловливалось Флорентинской Уніей и подданствомъ Греціи Туркамъ. Для характеристики такого отношенія ,приведемъ слова одного изъ образованныхъ русскихъ людей того времени Арсенія Суханова, о Греческомъ духовенствѣ:"И папа не глава церкви ,и Греки не источникъ всѣмъ ,а если и были источникомъ,то нынѣ пересохъ. Вы и сами |говорилъ онъ Грекамъ| страдаете отъ жажды:какъ же вамъ напоять весь свѣтъ изъ своего источника? " На Руси уже давно выработалось непріязненное и нѣсколько высокомѣрное отношеніе къ Грекамъ. Когда палъ Константинополь и подпавшее Турецкому игу Греческое духовенство стало являться на

Русь за "милостыней" отъ Московскихъ государей,въ роли угнетенныхъ невѣрными просителей,въ русскомъ обществѣ и литературѣ появилась и крѣпла мысль о томъ,что теперь значеніе Константинополя,какъ перваго православнаго центра ,должно перейти къ Москвѣ,столицѣ единаго свободнаго и сильнаго православнаго государства. Съ чувствомъ національной гордости думали наши предки,что только независимая Москва можетъ сохранить и сохраняетъ чистоту православія,и что слабѣвшій Востокъ уже въ XУ вѣкѣ не могъ удержать этой чистоты и покусился на соединеніе съ папой. Стѣсненное положеніе Восточнаго духовенства при Турецкомъ господствѣ служило въ главахъ Москвичей достаточнымъ ручательствомъ въ томъ,что Греки не могутъ вѣровать право,какъ не могутъ вѣровать право Русскіе люди въ Литвѣ и Польшѣ,находясь подъ постояннымъ давленіемъ католичества. Къ православнымъ иноземцамъ у очень многихъ Московскихъ людей было недовѣрчивое и вмѣстѣ гордое отношеніе. На нихъ смотрѣли "сверху внизъ" ,съ высоты самолюбиваго сознанія своего превосходства въ дѣлахъ вѣры.

И вдругъ эти православные иноземцы Греческіе іерархи и Малороссійскіе ученые ,становятся руководителями въ дѣлѣ исправленія обрядовъ и книгъ Московской церкви. Понятно,что такая роль ихъ не могла понравиться Московскимъ патріархамъ и вызвала въ самолюбивыхъ Москвичахъ раздраженіе. Людямъ,имѣвшимъ высокое представленіе о церковномъ первенствѣ Москвы,казалось,что привлеченіе иноземцевъ къ церковнымъ исправленіямъ необходимо должно было выйти изъ признанія Русскаго духовенства невѣжественнымъ

въ дѣлахъ вѣры ,а Московскихъ обрядовъ еретическими.А это шло въ разрѣзъ съ ихъ высокими представленіями о чистотѣ православія въ Москвѣ. Этимъ оскорбилась ихъ національная гордость ,и они протестовали противъ исправленій,исходя именно изъ этого оскорбленнаго національнаго чувства.

Никонъ,ставъ патріархомъ ,повелъ дѣло исправленія болѣе систематично,занялся исправленіемъ не только ошибокъ, руководясь древними греческими списками,но и обрядовъ. По поводу послѣднихъ онъ постоянно совѣтывался съ Востокомъ. При такой обстановкѣ дѣла ,область исправленія расширялась ,отъ обрядовъ ясно перешла уже къ самой "вѣрѣ" какъ выражались въ то время ,когда обрядъ игралъ существенную роль въ дѣлѣ вѣры. Въ дѣлѣ исправленія Кіевляне и Востокъ стали играть активную,даже первенствующую роль. Исправленіе стало окончательно дѣломъ междуцерковнымъ. Появился и рѣзкій п р о т е с т ъ .

Но прежде чѣмъ перейти къ изложенію того ,какъ пошло исправленіе книгъ и обрядовъ при Никонѣ,и какъ появились противъ него первые протесты,посмотримъ,каковы были тѣ неправильности въ книгахъ,которыя пришлось исправлять Никону.

I. В ъ т е к с т ѣ ц е р к о в н ы х ъ к н и г ъ была масса описокъ и опечатокъ,мелкихъ недосмотровъ и разногласій въ переводахъ однѣхъ и тѣхъ же молитвъ .Такъ въ одной и той же книгѣ одна и та-же молитва читается разно:" смертію смерть наступи",а въ другомъ мѣстѣ ."смертію смерти поправъ". Изъ этой массы несущественныхъ погрѣшностей болѣе вызвали споровъ и болѣе значительными

считались слѣдующія: I| Лишнее слово въ VIII членѣ Симв. Вѣры":и въ Духа Св.Господа и с т и н н а г о и животворящаго".2| Начертаніе и произношеніе имени Іисусъ - И с у с ъ .3| Искаженіе церковныхъ отпусковъ на Богородичные и другіе праздники: "Христосъ истинный Богъ нашъ" говоритъ священникъ,"молитвами Пречистыя Его матери", ч е с т н а г о и с л а в н а г о Е я р о ж д е с т в а и всѣхъ святыхъ помилуетъ и спасетъ насъ".Или "Христосъ.....молитвами Его матери, ч е с т н а г о и с л а в н а г о Е я в в е д е н і я "или " б л а г о в ѣ щ е н і я "и т.д. На празднованіе честныхъ веригъ Апостола Петра | I6 января| говорили:" Христосъ....молитвами всехвальнаго Ап. Петра, ч е с т н ы х ъ е г о в е р и г ъ ".....

II. Наиболѣе выдающіяся отступленія нашей церкви отъ восточныхъ в ъ о б р я д а х ъ были таковы: I| Просомидія совершалась на 7 просфорахъ вмѣсто 5-ти,2| Пѣли с у г у б у ю аллилуія, т.е.два раза вмѣсто трехъ разъ, т.е.трегубой, 3| совершали хожденіе п о - с о л о н ь вмѣсто того,чтобы ходить противъ солнца,4| отпускъ послѣ часовъ священникъ говорилъ изъ ц а р с к и х ъ в р а т ъ, что теперь не дѣлается, 5| крестились д в у м я перстами, а не тремя,какъ крестились на Востокѣ и т.д.

Изъ этого перечня видно,что всѣ отступленія Русской церкви отъ восточныхъ не восходили къ догматамъ ,были внѣшними обрядными. Но въ глазахъ нашихъ предковъ обрядъ

Лекціи по Русской Исторіи проф. Платонова. Листъ I9-й.

Литогр.Богданова,Эртелевъ пер.№ I|I2.-

игралъ большую роль и всѣмъ этимъ отступленіямъ они придавали огромное значеніе ,смотря на нихъ,какъ на"ереси"

Перейдемъ теперь къ самому ходу Никоновыхъ реформъ.

Еще въ 1649 году, до вступленія Никона на патріаршій престолъ,,пріѣхавшій въ Москву патріархъ П а и с і й І е р у с а л и м с к і й указалъ |мы уже говорили| 'новшества" въ Русской церкви. Съ нимъ былъ отправленъ на Востокъ А р с е н і й С у х а н о в ъ для изученія восточныхъ обрядовъ и для собиранія книгъ. Въ 1651 году былъ въ Москвѣ митрополитъ Н а з а р е т с к і й Г а в р і и л ъ и тоже указалъ на отступленіе Русской церкви отъ восточныхъ обрядовъ. Тоже въ 1652 году сдѣлалъ и патріархъ К о н с т а н т и н о п о л ь с к і й А ѳ а н а с і й .Тогда -же |1652г.| пришло извѣстіе съ Аѳона ,что тамъ старцы объявили еретическими и сожгли московскія печатныя книги съ двоеперстіемъ. Въ 1653 году возвратился Сухановъ съ Востока и въ своемъ отечествѣ,который носитъ названіе Проскинитарій, констатировалъ разницу обрядовъ въ Москвѣ и на Востокѣ, хотя самъ относился скептически ко всему Востоку. Такъ многочисленность указаній о различіяхъ московской церкви отъ восточныхъ показываетъ Московской іерархіи необходимость провѣрки церковныхъ обрядовъ и ихъ исправленія, если бы они оказались неправильными.

Ко времени вступленія на патріаршій престолъ у Никона созрѣла мысль о необходимости такой провѣрки и исправленій. Ставъ патріархомъ и разбирая патріаршую библіотеку, онъ нашелъ въ ней грамоту объ утвержденіи патріарше-

ства , въ ней говорилось о необходимости полнаго единогласія православныхъ церквей и о строгомъ соблюденіи догматовъ . Это побудило его къ изслѣдованію ,не отступила ли Русская церковь отъ православнаго греческаго закона. Какъ въ Символѣ Вѣры ,такъ и въ другихъ книгахъ ,онъ самъ увидѣлъ отступленія .. Но рѣшиться сразу на гласную систематическую провѣрку всѣхъ такихъ отступленій было трудно по важности самаго дѣла, и Никонъ началъ свои реформы частными мѣрами: онъ "въ 1653 году изъ 12-ти сдѣлалъ 4 земныхъ поклона во время чтенія молитвы "Господи и Владыко живота моего".....Эта мѣра,весьма некрупная,тѣмъ не менѣе показалась рѣзкою многимъ Московскимъ попамъ,именно кружку Іосифовскихъ поповъ, въ центрѣ котораго были Московскіе С т е ф а н ъ В о и н ф а т ь е в ъ ,Благовѣщенскій протопопъ ,и М в. Н е р о н о в ъ ,священникъ Московскаго Казанскаго Собора. Къ этому же кружку примыкали Ю р ь е в с к і й п р о т о п о п ъ А в в а к у м ъ ,Л о г г и н ъ М у р о м с к і й и др. Эти лица ,недовольныя утратой того вліянія, какимъ они пользовались при Іосифѣ ,недовольныя постоянными толками объ исправленіяхъ и присутствіемъ Грековъ и Кіевлянъ, собрались осуждать новую мѣру Никона и нашли ее еретическою. "Задумалися,сошедшеся между собою",говоритъ Аввакумъ:"видимъ,яко зима хочетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали".

Почувствовали они,что толки объ исправленіяхъ начинаютъ переходить въ дѣло, и,не сочувствуя этому,составили и подали царю челобитную на Никона. Въ челобитной говорилось не только о новой мѣрѣ Никона,но и о двоеперстіи

о которомъ тогда еще не было рѣшено; Никонъ обвинялся въ ереси. Очевидно, что московскіе попы слыхали о намѣреніяхъ Никона, о готовящейся реформѣ, и заранѣе протестовали противъ нея. Челобитная ихъ была безуспѣшна. Изъ-за нея, однако, между Никономъ и этимъ кружкомъ начались неудовольствія и произошелъ разрывъ, который привелъ къ ссылкѣ нѣкоторыхъ членовъ Вонифатьевскаго кружка. На духовномъ соборѣ въ 1653 году разбиралось дѣло Логгина, судившагося по доносу воеводы Муровскаго за оскорбленіе святыни; на соборѣ протопопъ Неронов, вступившійся за Логгина, высказалъ много горькаго и дерзкаго Никону и за это былъ соборомъ посланъ въ монастырь на смиреніе. Аввакумъ, поссорясь послѣ ссылки Неронова съ другими священниками Казанскаго Собора, устроилъ всеношную въ сараѣ |на томъ основаніи, какъ онъ говорилъ, что "въ нѣкоторое время и конюшня деиныя церкви лучше". | Онъ былъ арестованъ и осужденъ вмѣстѣ съ Логгиномъ какъ за это безчинство, такъ и за то, что они подали царю на патріарха жалобу по поводу осужденія Неронова. Аввакумъ былъ сосланъ въ Т о б о л ь с к ъ.

Это столкновеніе Никона съ вліятельнымъ кружкомъ Московскихъ поповъ, при самомъ первомъ шагѣ задуманныхъ имъ исправленій, показало ему всю невозможность дѣйствовать при церковныхъ исправленіяхъ одному. Его личныя распоряженія и въ будущемъ могли вызвать такое же противорѣчіе. Необходимо было поэтому с о з в а т ь с о б о р ъ, который бы своимъ авторитетомъ поддержалъ и узаконилъ дѣло исправленія. И вотъ, весною 1654 года патріархъ съ государемъ созываютъ церковный соборъ: на немъ

было пять митрополитовъ, пять архіепископовъ и епископовъ, II архимандритовъ игуменовъ и I3 протопоповъ. Соборъ начался рѣчью Никона : онъ указалъ на неисправность нашихъ книгъ и обрядовъ и доказывалъ необходимость ихъ исправленія. Соборъ призналъ, что исправленіе необходимо и постановилъ, что ихъ всѣ нужно исправить, сверить съ древними и Греческими книгами. Только епископъ Павелъ Коломенскій подалъ особое мнѣніе :противъ реформъ онъ ничего не имѣлъ, но въ частности былъ противъ вновь положеннаго количества поклоновъ за молитвой "Господи и Владыка живота моего". Это противорѣчіе собору Павла Коломенскаго не прошло даромъ для него: онъ былъ скоро сосланъ.

Но это самое противорѣчіе показывало , что и опредѣленіе Русскаго собора можетъ быть не признано нѣкоторыми, что въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ исправленіе надобенъ авторитетъ высшій. Никону стало ясно, что для болѣе успѣшнаго дѣйствія ему необходимо заручиться авторитетомъ всей Восточной церкви. Поэтому, начиная приводить въ исполненіе постановленія собора 1654 года патріархъ, царь въ тоже время (1654г.) посылаютъ въ Константинополь свои грамоты , заключающія 26 вопросовъ по дѣлу исправленія и просятъ Константинопольскаго патріарха Паисія отвѣтить на эти вопросы. Паисій собралъ поэтому соборъ Константинопольскаго духовенства и "Дѣянія" этого собора, вполнѣ одобряющія планы Никона и постановленія Московскаго собора 1654 года, послалъ въ Москву. Такимъ образомъ Греческая церковь оффиціально была привлечена къ дѣлу исправленія Русскихъ книгъ.

Уже раньше собирая въ Москву древнія славянскія книги, Никонъ теперь (въ 1654г.) вторично посылаетъ Арсенія Суханова на Востокъ собрать древнія Греческія книги. Благодаря вниманію Аѳонскихъ монаховъ, Суханову удается вывезти съ Аѳона до 500 книгъ. Съ такимъ же вниманіемъ къ Никону отнеслись и восточные патріархи: они съ своей стороны прислали древнія книги въ Москву (патріархи Антіохійскій и Александрійскій).

Одновременно съ собираніемъ новыхъ матеріаловъ для работъ по исправленію книгъ, во главѣ исправленія были поставлены новыя лица: Кіевскій іеромонахъ Епифаній Славинецкій, Арсеній Сухановъ и Греки Діонисій "Святогорецъ" съ Аѳона и Арсеній Грекъ, учившійся въ Римѣ и Венеціи. Послѣдняго, когда онъ былъ въ Малороссіи и Греціи, Греки и южане считали за еретика-католика, а потому по прибытіи въ Москву, онъ былъ посланъ на три года въ Соловки на испытаніе. Когда Соловецкіе монахи признали его православнымъ, Никонъ взялъ его къ себѣ въ справщики. Но молва о его еретичествѣ продолжала ходить въ Москвѣ и, какъ еретикъ Арсеній Грекъ соблазнялъ собою многихъ приверженцевъ старины (напр. Неронова).

Первая исправленная книга "Служебникъ", трудъ новыхъ справщиковъ, была наконецъ выпущена въ 1655 году. Эта книга предварительно была прочтена на духовномъ соборѣ, нарочно для того собранномъ, и одобрена присутствовавшими на немъ и Греческими іерархами патріархомъ Антіохійскимъ Мака -

ріемъ и автокефальнымъ митрополитомъ Сербскимъ Гавріиломъ. Съ тѣхъ поръ исправленіе книгъ и ихъ печатніе шло непрерывно съ большой энергіей до 1658 года, до удаленія Никона.

Одновременно съ исправленіемъ книгъ совѣщались и объ исправленіи обрядовъ. Было объ этомъ нѣсколько соборовъ 1656 года; на одномъ изъ нихъ впервые занимались вопросомъ о двуперстіи. Между тѣмъ въ народѣ уже проявлялся ропотъ на новшества: новыхъ книгъ кое-гдѣ не хотѣли принимать, считая ихъ испорченными. Но людей, могущихъ стать во главѣ протестующихъ, не было. Только Иванъ Нероновъ, бывшій въ ссылкѣ въ Спасокаменскомъ монастырѣ, сталъ какъ бы центромъ движенія противъ Никона на сѣверѣ. Странствуя на сѣверъ, онъ всюду возстановлялъ народъ на патріарха. Затѣмъ ему удалось бѣжать изъ ссылки въ самую Москву, гдѣ онъ долго скрывался отъ Никона и энергично пропагандировалъ противъ него. На соборѣ 1656 года онъ |хотя и не былъ сысканъ| былъ осужденъ и преданъ анаѳемѣ вмѣстѣ съ своими единомышленниками. Хотя потомъ Нероновъ самъ явился къ Никону и былъ прощенъ Никономъ, хотя здѣсь распря окончилась примиреніемъ, тѣмъ не менѣе нѣкоторые изслѣдователи |митрополитъ Макарій| анаѳематствованіе 1656 г. считаютъ за начальный моментъ раскола.

Такъ шло дѣло до оставленія Никономъ патріаршаго престола въ 1658 году. Соображая всѣ обстоятельства исправленія книгъ и обрядовъ и протесты противъ этихъ исправленій за время 1653-1658 гг. | съ начала дѣла до удаленія Никона|, мы можемъ сказать, что съ одной стороны Ни-

конъ вполнѣ сознательно приступилъ къ дѣлу исправленія и былъ въ немъ активнымъ дѣятелемъ ,но онъ не рѣшался своею властью дѣлать многое ,а почти на всѣ свои мѣры требовалъ санкціи духовныхъ соборовъ,и не только русскихъ, но и восточныхъ. Эта санкція всей каѳолической церкви касательно частныхъ дѣлъ Русской церкви придавала особую торжественность дѣлу и сообщала ему характеръ общецерковнаго искорененія ересей въ Русской церкви. Взглядъ на старыя русскія обрядности ,какъ на ереси,несомнѣнно существовалъ въ то время и ясно сказался на соборѣ 1656 года |противъ Неронова|. Хотя гораздо легче относился къ отступленіямъ Русской Церкви Константинопольскій соборъ 1654-1655 гг. и хотя самъ Никонъ примирясь съ Нероновымъ, позволялъ ему служить по старымъ книгамъ, тѣмъ не менѣе старыя книги разсматривались, какъ неправославныя. Въ свою очередь ,въ глазахъ поклонниковъ старинной обрядности, поправки Никона прямо были ересями,и протестовали эти люди противъ Никона именно потому,что онъ вводилъ "е р е т и ч е с к і я " новшества.

Но обращаясь къ протестамъ противъ Никона,мы должны замѣтить съ другой стороны,что въ промежутокъ времени съ 1653 по 1658 г. противодѣйствіе Никону не выражалось рѣзко и въ большихъ размѣрахъ. Только Нероновъ со своими рѣзкостями являлся опредѣленнымъ протестомъ. Замѣчательно,что противодѣйствіе Никону въ его мѣрахъ исправленія проявлялось еще раньше того,какъ эти мѣры стали примѣняться систематично: протестовали тогда,когда еще существовали лишь проекты реформъ |мы видѣли,что Московскіе попы

подали царю еще въ, 1653 году челобитье противъ Никона въ защиту двоеперстія ,хотя двоеперстіе стало возбранять-ся лишь съ 1655-1656гг.| Это противодѣйствіе Никону исхо-дило первоначально изъ одного кружка поповъ, которые были вліятельны при Іосифѣ и потеряли вѣсъ при Никонѣ; явилось оно частью по личной непріязни къ Никону,частью изъ чувства національной гордости, оскорбленной тѣмъ,что дѣло исправленія переходило въ нерусскія руки.Далѣе,это противодѣйствіе патріарху, повторяемъ,не перешло до 1658 года въ открытый расколъ,не проявлялось рѣзко, хотя про-тестовавшему кружку поповъ и сочувствовали тайно многіе |объ этомъ свидѣтельствуетъ ,между прочимъ,Павелъ Алеп-скій,дьяконъ патріарха Макарія Антіохійскаго,бывшій съ патріархомъ въ 50-хъ годахъ XVII в. въ Москвѣ и оставив-шій любопытныя записки|.

Такъ стояло дѣло въ моментъ удаленія Никона съ пат-ріаршаго престола въ 1658 году. Послѣ же удаленія Никона противодѣйствіе реформамъ церковнымъ быстро распростра-няется.

Послѣ удаленія Никона во главѣ Русской церкви сталъ К р у т и ц к і й м и т р о п о л и т ъ П и т и р и м ъ. Въ дѣлѣ исправленія первое мѣсто занимали тѣ-же справщи-ки, оно велось въ томъ же направленіи,но безъ Никона въ дѣлѣ не было прежней энергіи. Протестъ противъ исправле-ній ,значительно подавляемый личными свойствами,громадной властью и вліяніемъ Никона, становится съ его удаленіемъ все яснѣе,смѣлѣе и настойчивѣе. Во главѣ его,какъ и пре-жде стоялъ : Н е р о н о в ъ ,человѣкъ неглупый и рѣзкій, способный на доносъ интриганъ;онъ былъ избалованъ прежде Московскими властями и былъ вліятеленъ по своему

положенію |протопопъ Московскаго Казанскаго Собора|.Въ дѣлѣ противодѣйствія іерархіи онъ- то приноситъ ей раскаяніе,то отъ нея отпадаетъ,нужно сказать,что онъ игралъ роль между протестующими больше,благодаря своему положенію ,нежели личнымъ достоинствамъ. Другой вожакъ -протопопъ А в в а к у м ъ . Это былъ крупный самородокъ , очень умный отъ природы,но необразованный человѣкъ ."Аще я не смышленъ гораздъ,неученый человѣкъ",говорилъ онъ про себя самъ,"не ученъ діалектики и риторики и философіи, а разумъ Христовъ въ себѣ имамъ,якоже и Апостолъ глаголетъ: аще и невѣжда словомъ,но не разумомъ". Подобная на первый взглядъ самоувѣренность рѣчи вызывалась въ Аввакумѣ ,надо сказать,не самомнѣніемъ: Аввакумъ фанатикъ |онъ видитъ видѣнія и вѣритъ въ свое непосредственное общеніе съ Богомъ|,но онъ честенъ и неподкупенъ,онъ способенъ глубоко проникаться однимъ какимъ-нибудь чувствомъ готовъ на мученія. Онъ спокойно говоритъ въ одной изъ своихъ челобитныхъ царь:" вѣмъ,яко скорбно тебѣ,государь отъ докуки нашей....Несладко и намъ,егда ребра наши ломаютъ и, развязавъ насъ,кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ гладомъ....А все церкви ради Божія страждемъ",добавляетъ онъ и дальше повѣствуетъ о всѣхъ своихъ страданіяхъ за вѣру,дѣйствительно большихъ. Онъ и умеръ вѣрный себѣ, мученическою смертью. Въ его чрезвычайно интересныхъ сочиненіяхъ проглядываютъ иногда нетерпимость,изувѣрство, но есть въ нихъ и чрезвычайно симпатичныя и вызывающія къ нему уваженіе черты. Изъ вожаковъ новыхъ ,выдвинувшихся уже послѣ удаленія Никона ,извѣстны слѣдующія лица:

епископъ Вятскій Александръ, прежде произносившій анаѳемы противъ Неронова, а потомъ приставшій къ протестующимъ, попъ Лазарь, сосланный въ 1661 году за обличеніе новшествъ, личность очень несимпатичная; извѣстный Сербъ Юрій Крижаничъ, знавшій Лазаря, рисуетъ его очень неприглядными чертами, Никита, по прозвищу Пустосвятъ, личность мелкая самолюбивая, крайне непослѣдовательная. Рядомъ съ этими вожаками раскола стоятъ: діаконъ Ѳеодоръ, довольно образованный богословскій человѣкъ сравнительно съ прочими расколоучителями, далѣе ученикъ Неронова Ѳеоктистъ, Московскій игуменъ, тайно преданный расколу человѣкъ, не выступавшій въ роли учителя, какъ другіе, но тѣмъ не менѣе много помогавшій дѣлу раскола. За этими лицами слѣдуетъ цѣлый рядъ другихъ дѣятелей, менѣе замѣтныхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствуя въ 50-хъ и 60-хъ годахъ XVII столѣтія въ Москвѣ, пользовались большою поддержкою въ обществѣ или даже въ царскомъ теремѣ находили сочувствующихъ себѣ лицъ.

Сама царица Марья Ильинична |Милославская| сочувствовала нѣкоторымъ изъ нихъ, а ея родня: боярыни Ѳеодосія Прокопьевна Морозова и Евдокія Прокопьевна Урусова были прямыми раскольницами и пострадали за свою приверженность старой обрядности |подробную біографію О.П. Морозовой см. у Забѣлина въ "Бытѣ Русскихъ царицъ", изд. 2, стр. 105-148|. Поддерживаемые сочувствіемъ въ

обществѣ и бездѣйствіемъ властей, которыя сквозь пальцы смотрѣли на дѣятельность расколоучителей, противники церковной реформы во время отъ 1658 до 1666 года дѣйствовали въ Москвѣ очень свободно и многимъ успѣли привить свои воззрѣнія. Первоначальный кружокъ противниковъ Никона въ это время перешелъ въ цѣлую партію противниковъ церковныхъ новшествъ, личные мотивы много значившіе въ началѣ церковной распри, теперь исчезли и замѣнились теперь чисто принципіальнымъ протестомъ противъ измѣненій въ обрядности, противъ новыхъ ересей. Начинался, словомъ, расколъ въ Русской Церкви.

И не въ одной Москвѣ онъ проявлялся. Оппозиція церковнымъ исправленіямъ была во всемъ государствѣ Московскомъ; она являлась напримѣръ, во Владимірѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Муромѣ, на крайнемъ сѣверѣ: въ Соловецкомъ монастырѣ еще въ 1657 году обнаруживается рѣзкое движеніе противъ "новичъ" и переходитъ въ открытый бунтъ въ извѣстное Соловецкое возмущеніе, подавленное только въ 1676 году. Огромное нравственное вліяніе Соловокъ на сѣверѣ Руси приводитъ къ тому, что расколъ распространяется по всему сѣверу. И нужно замѣтить, что въ этомъ движеніи за церковную старину принимаютъ участіе не только образованные люди того времени [напр. духовенство], но и народныя массы. Писанія расколоучителей расходятся быстро и читаются всѣми. Изслѣдователей удивляетъ изумительно быстрое распространеніе раскола, замѣчая, что расколъ съ одной стороны самостоятельно возникаетъ сразу во многихъ

мѣстностяхъ безъ вліянія расколоучителей изъ Москвы,а съ другой стороны очень легко прививается ихъ пропагандой, гдѣ бы она не появилась, изслѣдователи вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ удовлетворительно объяснить причинъ такого быстраго роста церковной оппозиціи. Первоначальная исторія раскола и ходъ его распространенія не настолько еще изучены,чтобы можно было въ объясненіи причинъ раскола идти, строго говоря,далѣе предположеній.

Однако въ научныхъ трудахъ по исторіи раскола вопросъ о причинахъ появленія раскола не разъ обсуждался, существуютъ въ объясненіе этихъ причинъ двѣ тенденціи: одна понимаетъ расколъ,какъ явленіе исключительно церковное, другая видитъ въ расколѣ общественное движеніе не исключительно религіознаго содержанія,но вылившееся въ форму церковнаго протеста |Щаловъ|. Различая въ этомъ дѣлѣ вопросъ о причинахъ возникновенія раскола отъ вопроса о его быстромъ распространеніи ,можно сказать,что протестъ,приведшій къ расколу возникъ исключительно въ сферѣ церковной по причинѣ особенностей реформы Никона,что доктрина раскола,высказанная расколоучителями въ ихъ сочиненіяхъ, есть исключительно церковная доктрина,такъ какъ мы не имѣемъ основанія разсматривать расколъ иначе,какъ явленіе исключительно церковное. Что же касается вопроса о быстромъ распространеніи раскола,то здѣсь кромѣ причинъ, лежавшихъ въ религіозномъ сознаніи нашихъ предковъ косвеннымъ образомъ могли дѣйствовать и условія общественной жизни того времени: жизнь шла тогда очень тревожно , какъ мы видѣли,и могла будить въ обществѣ чувство неудовлетворенности,которое и дѣлало людей воспріимчивѣе въ

дѣлахъ вѣры, тогда исключительно духовнаго интереса. Такимъ только образомъ ,кажется намъ,могли условія общественной жизни отразиться на распространеніи раскола.

Въ 60-хъ годахъ XVII вѣка, благодаря отсутствію энергіи у лицъ ,ведшихъ послѣ Никона дѣло исправленія ,и благодаря тому,что власть терпимо относилась къ протестамъ расколъ явно крѣпъ въ Москвѣ, къ нему открыто примыкали нѣкоторые іерархи |напримѣръ Александръ Вятскій| и "соблазнъ" становился все яснѣе годъ отъ году. Въ такомъ положеніи въ 1666 году въ Москвѣ рѣшили созвать о расколѣ церковный соборъ. Онъ состоялся весною 1666 года .Прежде всего на соборѣ занялись обсужденіемъ предварительныхъ вопросовъ: православны ли Греческіе патріархи? Праведны-ли и достовѣрны-ли Греческія богослужебныя книги? Праведенъ ли Московскій церковный соборъ 1654 года ,рѣшившій поправленіе книгъ и обрядовъ? При обсужденіи на эти вопросы соборъ отвѣтилъ положительно и тѣмъ самымъ признанъ правильною реформу Никона,утвердилъ ее и осудилъ принципіально расколъ. Затѣмъ соборъ судилъ извѣстныхъ намъ расколоучителей и присудилъ ихъ къ лишенію священныхъ сановъ и къ ссылкѣ. Всѣ они | кромѣ Аввакума и діакона Ѳеодора| принесли послѣ собора покаяніе и были приняты въ церковное общеніе. Послѣ суда соборъ поставилъ окружную грамоту духовенству съ наставленіемъ слѣдовать церковной реформѣ, а затѣмъ разсмотрѣлъ и одобрилъ къ изданію ученую апологію церковной реформы,книгу извѣстнаго Кіевлянина Симеона Полоцкаго "Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія, казненія" |Москва 1666г.| ,которая направлена бы-

ла противъ раскольничьихъ челобитій "о вѣрѣ" поповъ Никиты Пустосвята и Лазаря и начинаетъ собою рядъ послѣдующихъ полемическихъ сочиненій о расколѣ.

Тотчасъ послѣ собора 1666г. состоялся въ Москвѣ въ 1666-1667 гг. "в е л и к і й с о б о р ъ" церковный съ участіемъ Александрійскаго и Антіохійскаго патріарховъ. Соборъ былъ созванъ о дѣлѣ патріарха Никона, но занялся и расколомъ. Онъ одобрилъ всѣ постановленія предъидущаго собора, утвердилъ и благословилъ всѣ частности Никоновой реформы |хотя осудилъ Никона, какъ увидимъ ниже| и изверглъ анаѳему на тѣхъ, кто ослушается его постановленій и не приметъ нововведеній Никона. Эта анаѳема въ исторіи нашего раскола получила большое значеніе. Ею всѣ послѣдователи старой обрядности были поставлены въ положеніе еретиковъ, она и до сихъ поръ служитъ камнемъ преткновенія для сближенія старообрядцевъ съ православіемъ, даже въ единовѣріи. Тогда же эта анаѳема, еще безформенное движеніе, хотя сильную, но шедшую въ разбродъ оппозицію, сразу превратила въ формальный расколъ и вмѣсто того, чтобы уничтожить смуту, какъ надѣялся соборъ 1666 года, только усилила и обострила ее. Съ той поры, съ 1667 года мы наблюдаемъ съ одной стороны дальнѣйшее распространеніе раскола и внутреннее развитіе его доктринъ |въ концѣ XVII вѣка въ расколѣ стала формироваться двоякая организація :поповщинская и безпоповщинская|, съ другой стороны рядъ мѣръ, принимаемыхъ противъ раскола церковью и государствомъ, пришедшимъ на помощь церкви. Эти мѣры были двухъ родовъ: увѣщательныя и карательныя. Первыя создали у насъ обширную полемическую литературу

о расколѣ, вторыя же поставили раскольниковъ въ исключительное положеніе въ государствѣ.

Что касается до литературы о расколѣ, то нужно замѣтить, что до 60-хъ годовъ нашего вѣка знали только по догматически-полемическимъ сочиненіямъ, направленнымъ противъ раскольниковъ. Научное же изслѣдованіе раскола, какъ историческаго явленія, стало возможно, по чисто внѣшнимъ условіямъ, только со второй половины нашего столѣтія.

Въ 60-хъ и частью 50-хъ годахъ изслѣдованіе раскола пошло очень оживленно: стали издавать памятники раскольничьей литературы, писать очерки раскольничьяго быта, изслѣдовать исторію раскола. Длинный рядъ историческихъ трудовъ о расколѣ открывается "Исторіей Русскаго раскола" |С.Л.Б. 1855|. М а к а р і я, епископа Винницкаго, затѣмъ митрополита Московскаго. Изъ прочихъ трудовъ назовемъ трудъ А. П. Щ а п о в а "Русскій расколъ старообрядчества", труды П.И. М е л ь н и к о в а "Письма о расколѣ" и "Историческіе очерки поповщины". |x|

Начальная исторія раскола вновь прекрасно разсмотрѣна въ XII томѣ "Исторіи Русской Церкви" митрополита М а к а р і я. Въ массѣ прочихъ трудовъ, къ сожалѣнію весьма много спекулятивныхъ произведеній. Писали исторію раскола и сами раскольники. Изъ ихъ историческихъ трудовъ

|x| Онъ же далъ превосходные бытовые очерки раскола въ своихъ своеобразныхъ романахъ "въ лѣсахъ" и "На горахъ" и въ отдѣльныхъ повѣстяхъ. Покойный Павелъ Ивановичъ обилъ исключительный знатокъ раскола.-

стоитъ упомянуть "Виноградъ Россійскій" С е м е н а Д е н и с о в а |XVIII в.|, гдѣ заключаются свѣдѣнія о началѣ и распространеніи раскола, и "Хронологическое адрес старообрядческой церкви" П а в л а Л ю б о п ы т н а г о |перечень событій съ 1650 по 1819 годъ|. Но оба эти труда ненаучны.

186 Другимъ выдающимся фактомъ въ церковной сферѣ при Алексѣѣ ихайловичѣ было такъ называемое "д ѣ л о п а т р і а р х а Н и к о н а ".Подъ этимъ названіемъ разумѣется обыкновенно распря патріарха съ царемъ въ 1658-1666 гг. и лишеніе Никона патріаршества. Ссора Никона съ царемъ ,его удаленіе съ патріаршаго престола и судъ надъ Никономъ- сами по себѣ событія крупныя, а для историка они получаютъ особый интересъ еще и потому,что къ личной ссорѣ и церковному затрудненію здѣсь примѣшался вопросъ объ отношеніи свѣтской и церковной властей на Руси. Вѣроятно въ силу такихъ обстоятельствъ это дѣло и вызвало къ себѣ большое вниманіе въ наукѣ и много наслѣдованій: большое мѣсто дѣлу Никона ,напримѣръ удѣлилъ С.М. С о л о в ь е в ъ въ XI т. "Исторіи Россіи" .Онъ относится къ Никону далеко не съ симпатіей и винитъ его въ томъ,что благодаря особенностямъ его несимпатичнаго характера и неразумному поведенію, дѣло приняло такой острый оборотъ и привело къ такимъ печальнымъ результатамъ,какъ низложеніе и ссылка патріарха. Противъ взглядовъ ,высказанныхъ Соловьевымъ ,выступилъ С у б б о т и н ъ въ своихъ Лекціи по Русской Исторіи проф. Платонова. Листъ 20-й.-

Литографія Богданова, Эртелевъ пер. № 1|12.

емъ сочиненіи "Дѣло патріарха Никона" |М.1862г.| Онъ группируетъ въ этомъ дѣлѣ черты ,ведущія къ оправданію Никона и всю вину въ печальномъ исходѣ распри царя съ патріархомъ возлагаетъ на бояръ-во,враговъ Никона и на Грековъ, впутавшихся въ это дѣло. Во всѣхъ общихъ трудахъ по Русской исторіи много найдется страницъ о Никонѣ,но мы упомянемъ здѣсь только труды м и т р о п о л и т а М а к а р і я |"Исторія Русской церкви",т.XII,СПБ.1883г.| , гдѣ вопросъ о Никонѣ разсмотрѣнъ по новымъ источникамъ и высказывается отношеніе къ Никону такое же почти ,какъ у Соловьева, и трудъ Г ю б б е н е т а "Историческое изслѣдованіе дѣла патріарха Никона" |2т.,СПБ. 1882г. и 1884| объективный| самъ по себѣ|по самой цѣли-возстановить въ строгомъ порядкѣ немного странную связь фактовъ. Изъ сочиненій иностранныхъ нужно упомянуть англійскаго богослова П а л ь м е р а , который въ своемъ трудѣ "The Patriarch and the Tzar (London)1871-1876| сдѣлалъ замѣчательный сводъ данныхъ о дѣлѣ Никона, переведя на англійскій языкъ отрывки изъ трудовъ Русскихъ ученыхъ о Никонѣ и массу перваго матеріала, какъ изданнаго,такъ и неизданнаго еще въ Россіи. |Онъ пользовался документами Московской Синодальной Библіотеки| .

Обстоятельства оставленія Никономъ патріаршаго престола и низложенія Никона мы изложимъ кратко въ виду того,что все дѣло Никона слагается изъ массы мелочныхъ фактовъ,подробный отчетъ о которыхъ бы занялъ слишкомъ много мѣста. Мы уже видѣли,какъ Никонъ достигъ патріаршества. Нужно замѣтить,что онъ былъ почти на 25 лѣтъ

старше Алексѣя Михайловича, и такая разница лѣтъ облегчала ему вліяніе на царя. Это не была дружба сверстниковъ, а вліяніе очень умнаго, дѣятельнаго и замѣчательно краснорѣчиваго человѣка почтенныхъ лѣтъ на мягкую впечатлительную душу юнаго царя. Съ одной стороны была любовь и глубокое уваженіе мальчика; съ другой желаніе руководить этимъ мальчикомъ. Энергичная, но черствая натура Никона не могла отвѣчать царю на его идеальную симпатію такимъ же чувствомъ. Никонъ былъ практикъ, Алексѣй Михайловичъ-идеалистъ. Когда Никонъ сталъ патріархомъ съ условіемъ, что царь не будетъ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, значеніе Никона стало очень велико: мало по малу онъ становится въ центрѣ не только церковнаго, но и государственнаго управленія. И царь и другіе по примѣру царя стали звать Никона не "великимъ господиномъ", а "великимъ государемъ", каковымъ титуломъ пользовался только патріархъ Филаретъ, какъ отецъ государя. Никонъ очень близко стоялъ ко двору: чаще другихъ патріарховъ участвовалъ въ царскихъ трапезахъ и самъ царь часто бывалъ у него. Бояре въ сношеніяхъ съ патріархомъ по дѣламъ называли себя передъ нимъ, какъ передъ царемъ полуименемъ |напримѣръ, въ грамотѣ: "Великому Государю святѣйшему Никону патріарху....Мишка Пронскій съ товарищами челомъ бьютъ". | И самъ Никонъ величаетъ себя "великимъ государемъ", въ грамотахъ пишетъ свое имя рядомъ съ царскимъ, какъ писалось имя патріарха Филарета, а въ новоизданномъ Служебникѣ 1655 года Никонъ помѣщаетъ даже слѣдующія слова: " Да дастъ же |Господь| имъ г о с у д а р я м ъ |т.е. царю Алексѣю Алексѣю Михайловичу

и патріарху Никону|.....желаніе сердецъ ихъ: да возрадуются вси живущіе подъ д е р ж а в о ю и х ъ ... я к о д а п о д ъ ѣ д и н ы м ъ г о с у д а р с к и м ъ п о в е л ѣ н і е м ъ вси повсюду православніи народы живущи.....славити имутъ "истиннаго Бога нашего." Такимъ образомъ Никонъ свое правленіе называлъ д е р ж а в о ю и свою власть равнялъ открыто съ государевою. По своевременному выраженію Никонъ,ставъ патріархомъ "возлюбилъ стоять высоко,ѣздить широко". Его упрекали такимъ образомъ въ томъ,что онъ забылся ,возгордился. Онъ дѣйствительно держалъ себя гордо,какъ "великій государь" и было основаніе для этого: Никонъ достигъ того, что правилъ всѣмъ государствомъ съ 1654г., когда царь былъ на войнѣ,и дума боярская слушала его, какъ царя. Политическое вліяніе Никона возросло до того,что современники готовы были считать его власть даже большею, чѣмъ власть царская. Нероновъ говорилъ Никону:" какая тебѣ честь,владыка святый, что всякому ти страшенъ,и,другъ другу грозя,говорятъ: знаете ли ,кто онъ ,звѣрь ли лютый левъ,или медвѣдь ,или волкъ? Дивлюсь: г о с у д а р е в ы - ц а р е в ы в л а с т и у ж е н е с л ы х а т ь ,отъ тебя всѣмъ страхъ и твои посланники п у щ е ц а р с к и х ъ всѣмъ страшны; никто съ ними не смѣетъ говорить: затвержено у нихъ: знаете ли патріарха? И самъ Никонъ склоненъ былъ считать себя равнымъ царю по власти, если даже не сильнѣйшимъ: разъ на соборѣ |лѣтомъ 1653г.| въ спорѣ съ Нероновымъ Никонъ опрометчиво произнесъ,что присутствіе на соборѣ царя,какъ это требовалъ

Нероновъ,не нужно,"мнѣ и царская помощь негодна и не надобна,"крикнулъ онъ и съ полнымъ презрѣніемъ отозвался объ этой помощи.

Но вліяніе Никона основывалось не на законѣ и не на обычаѣ,а единственно на личномъ расположеніи къ Никону царя |будь Никонъ не патріархъ,мы бы его назвали временщикомъ|. Такое положеніе Никона вмѣстѣ съ его поведеніемъ гордымъ и самоувѣреннымъ,вызвало къ нему вражду въ придворной сферѣ ,въ боярахъ,потерявшихъ,благодаря его возвышенію,часть своего вліянія |Милославскіе,Стрѣшневы|,есть свидѣтельства |у Мейерберга|,что и царская семья была настроена противъ Никона. При дворѣ на Никона такъ и смотрѣли, какъ на непрошеннаго деспота,держащагося единственно расположеніемъ царя. Если отнять это расположеніе ,вліяніе Никона исчезнетъ и власть его уменьшится.

Не такъ,однако думалъ самъ Никонъ. Онъ иначе и не представлялъ себѣ патріаршей власти,какъ въ тѣхъ размѣрахъ,въ какихъ ему удавалось ее осуществлять.По его понятіямъ власть патріарха чрезвычайно высока, она даже выше верховной свѣтской власти: Никонъ требовалъ полнаго невмѣшательства свѣтской власти въ церковныя дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ оставлялъ за патріархомъ право на широкое участіе и вліяніе въ политическихъ дѣлахъ,въ сферѣ же церковнаго управленія Никонъ считалъ себя единымъ и полновластнымъ владыкой. Съ подчиненнымъ ему духовенствомъ обращался сурово,держалъ себя чрезвычайно гордо и недоступно, словомъ былъ настоящимъ деспотомъ въ управленіи клиромъ и паствой. Онъ былъ очень скоръ на тяжкія нака -

занія, легко произносилъ проклятія на провинившихся и не останавливался вообще передъ крупными мѣрами. По энергіи характера и по стремленію къ власти Никона охотно сравниваютъ съ папой Григоріемъ VII Гильдебрандтомъ. Однако въ свое управленіе церковью Никонъ не истребилъ тѣхъ злоупотребленій и тяжестей, которыя легли на духовенство при его предшественникѣ Іосифѣ и вызывали жалобы. Въ 1658г. порядки, удержанные и вновь заведенные Никономъ вызвали любопытное челобитье царю на патріарха. Хотя оно было подано противниками новшествъ, однако касается не только реформъ Никона, но и его административныхъ привычекъ и очень обстоятельно рисуетъ Никона, какъ администратора съ несимпатичной стороны. По этому челобитью видно, что противъ него и въ средѣ духовенства былъ большой ропотъ.

Про Никона нужно вообще замѣтить, что его любили отдѣльныя лица но что его личность не возбуждала о б щ е й симпатіи хотя нравственная ея мощь и покоряла ей толпу.

До Польской войны 1654 года симпатіи юноши-царя къ Никону не колебались. Уѣзжая на войну Алексѣй Михайловичъ отдалъ на попеченіе Никона и семью и государство. Вліяніе Никона, казалось, все росло и росло, хотя царю были извѣстны многія выходки Никона, и то какъ Никонъ отозвался о царской помощи, что она ему "не надобна" и то, что Никонъ не жаловалъ Уложенія, называя его "проклятою книгою, исполненною беззаконій". Но во время войны царь возмужалъ, много увидѣлъ новаго, развился и пріобрѣлъ большую самостоятельность. Этому способствовали самыя обстоятельства военной жизни, имѣвшей вліяніе на впечатлительную натуру

царя и то,что Алексѣй Михайловичъ,въ походахъ освободился отъ Московскихъ вліяній и однообразной житейской обстановки въ Москвѣ.Но,измѣняясь самъ,царь еще не измѣнялъ своихъ прежнихъ отношеній къ старымъ друзьямъ. Онъ былъ хорошъ съ Никономъ ,по прежнему называя его своимъ другомъ. Однако между ними стали бывать размолвки. Одна такая размолвка произошла на Страстной недѣлѣ 1656 года по поводу церковнаго вопроса | о порядкѣ Богоявленскаго водоосвященія|. Уличая Никона въ томъ,что онъ слукавилъ царь очень разсердился и въ спорѣ назвалъ Никона "мужикомъ и глупымъ человѣкомъ". Но дружба ихъ все еще продолжалась до іюля 1658 года, до всѣмъ извѣстнаго столкновенія Хитрово съ кн. Мещерскимъ на пріемѣ Грузинскаго царевича Теймураза. Въ іюлѣ 1658 года послѣдовалъ внезапный разрывъ.

Въ объясненіи причины разрыва Никона съ Алексѣемъ Михайловичемъ изслѣдователи нѣсколько расходятся благодаря неполнотѣ фактическихъ данныхъ объ этомъ событіи . Одни |Соловьевъ,Митрополитъ Макарій| объясняютъ разрывъ возмужаніемъ царя ,съ одной стороны, и рѣзкостями въ поведеніи Никона, съ другой у нихъ дѣло представляется такъ, что охлажденіе между царемъ и патріархомъ происходило и само по себѣ , незамѣтно привело къ разрыву. Другіе |Субботинъ,Гюббенетъ и покойный профессоръ Дерптскаго университета П.Е. Медовиковъ ,написавшій "Историческое значеніе царствованія Алексѣя Михайловича", М. 1854г.| полагаютъ,что къ разрыву привели навѣты

и козни бояръ, которымъ они склонны придавать въ дѣлѣ Никона очень уже существенное значеніе. Надо замѣтить, что С.М. Соловьевъ также не отрицаетъ участія бояръ въ этомъ дѣлѣ но ихъ интриги и "шептанія" ,какъ факторъ второстепенный, стоятъ у него на второмъ планѣ.

Когда царь не далъ, по мнѣнію Никона, расправы на Хитровс, обидѣвшаго патріаршаго слугу при въѣздѣ Теймураза и пересталъ посѣщать патріаршее служеніе, Никонъ уѣхалъ въ свой Воскресенскій монастырь, отказавшись отъ патріаршества "на Москвѣ и не дождавшись объясненія съ царемъ Черезъ нѣсколько дней царь послалъ Трубецкого и Лопухина спросить у патріарха, какъ понимать его поведеніе, совсѣмъ ли онъ отказался отъ патріаршества или нѣтъ. Никонъ отвѣчалъ царю очень сдержанно, что онъ не считаетъ себя патріархомъ на М о с к в ѣ и далъ свое благословеніе .на выборъ новаго патріарха и на передачу патріаршихъ дѣлъ во временное завѣдываніе Питирима, митрополита Крутицкаго. Никонъ затѣмъ просилъ прощенія у Алексѣя Михайловича за свое удаленіе и царь простилъ его. Поселясь въ Воскресенскомъ монастырѣ| отъ Москвы верстахъ въ 40 на сѣверо-западъ|, принадлежавшемъ Никону лично. Никонъ занялся хозяйствомъ и постройками и просилъ Алексѣя Михайловича не оставлять его обители государевой милостыней. Царь со своей стороны милостиво обращался съ Никономъ, и отношенія между ними не походили на ссору. Царю доносили, что Никонъ рѣшительно не хотѣлъ "быть въ патріархахъ ", а царь заботился объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона. Въ избраніи патріаха тогда и заключался весь вопросъ ,дѣ-

ло обѣщало уладиться. Никонъ узналъ, что свѣтскіе люди разбираютъ патріаршія бумаги, оставленныя имъ въ Москвѣ, обидѣлся на это и написалъ по этому поводу письмо государю съ массою упрековъ, жалуясь и на то, между прочимъ, что изъ Москвы къ Никону никому не позволяютъ ѣздить. Затѣмъ онъ сталъ жаловаться, что его не считаютъ патріархомъ и очень разсердился на митрополита Питирима за то, что тотъ рѣшился замѣнить собою патріарха въ извѣстной церемоніи шествія на осляти |весной 1659г.| По этому поводу Никонъ заявлялъ, что онъ не желалъ оставаться патріархомъ "на Москвѣ" но не слагалъ съ себя патріаршаго сана. Выходило такъ, что Никонъ, не будучи патріархомъ московскимъ былъ все-же патріархомъ Русской церкви и считалъ себя въ правѣ вмѣшиваться въ церковныя дѣла, если бы на Москвѣ избрали новаго патріарха, то въ Русской церкви настало бы двупатріаршество. Въ Москвѣ не знали, что дѣлать, и не рѣшались избирать новаго пастыря.

Лѣтомъ 1659 года Никонъ неожиданно пріѣхалъ въ Москву, недолго тамъ пробылъ, былъ принятъ царемъ съ большою честью, но объясненій и примиренія между ними не произошло. Отношенія остались неопредѣленными и дѣло не распутывалось. Осенью того же 1659 года Никонъ съ позволенія царя поѣхалъ навѣстить два другихъ своихъ монастыря: Иверскій |на Валдайскомъ озерѣ| и Крестный |близъ Онеги| Только теперь въ долгое отсутствіе Никона, рѣшился царь созвать духовный соборъ, чтобы обдумать положеніе дѣла и рѣшилъ, что дѣлать. Въ Февралѣ 1660г. начало свои засѣданія Русское духовенство и по разсмотрѣніи дѣлъ

опредѣлило, что Никонъ долженъ быть лишенъ патріаршества и священства по правиламъ св. апостоловъ и соборовъ, какъ пастырь своею волею оставившій паству. Царь, не вполнѣ довѣряя правильности приговора, пригласилъ на соборъ и греческихъ іерарховъ, бывшихъ тогда въ Москвѣ: Греки подтвердили правильность соборнаго приговора и нашли ему новыя оправданія въ церковныхъ правилахъ. Но ученый Кіевлянинъ Епифанъ Славинецкій не согласился съ приговоромъ собора и подалъ царю особое мнѣніе, уличая церковь въ невѣрномъ толкованіи церковныхъ правилъ и доказывая, что у Никона нельзя отнять священства, хотя и должно лишить его патріаршества. Авторитетъ Грековъ былъ такимъ образомъ поколебленъ въ глазахъ царя и онъ медлилъ приводить въ исполненіе соборный приговоръ, тѣмъ болѣе, что многіе члены собора [Греки] склонны были оказать Никону снисхожденіе и просили объ этомъ государя. И такъ попытка распутать дѣло помощью собора не удалась и Москва осталась безъ патріарха.

А Никонъ продолжалъ считать себя патріархомъ и высказывалъ, что въ Москвѣ новый патріархъ долженъ быть поставленъ имъ самимъ. Онъ воротился изъ своей поѣздки снова въ Воскресенскій монастырь, узналъ, конечно о приговорѣ собора и его низложеніи и понималъ, что ему теперь не легко возвратить утраченную власть. Удаляясь изъ Москвы онъ разсчитывалъ, что его будутъ умолять о возвращеніи на престолъ патріаршій, но этого не случилось, и соборъ 1660 года показалъ ему окончательно, что въ Москву его просить не будутъ. Что вліяніе Никона пало совсѣмъ, это

увидѣли и другіе: сосѣдъ Никона по землѣ окольничій Б о б о р ы к и н ъ вступилъ съ нимъ въ тяжбу, не уступая, когда-то всесильному патріарху куска земли. Недовольный тѣмъ, что Боборыкину дали судъ на патріарха, Никонъ пишетъ царю письмо, полное укоризнъ и тяжелыхъ обвиненій. Въ то-же время онъ не ладитъ съ Питиримомъ, мало обращавшимъ вниманія на бывшаго патріарха, и даже предаетъ его анаѳемѣ. Вообще Никонъ, не ожидавшій невыгоднаго для себя оборота дѣла, теряетъ самообладаніе и слишкомъ волнуется отъ тѣхъ непріятностей и уколовъ, какіе постигаютъ его, какъ всякаго павшаго виднаго дѣятеля. Но до 1662 года противъ Никона не предпринимаютъ ничего рѣшительнаго, хотя рѣзкія выходки его все больше и больше вооружаютъ на него его прежняго друга, царя Алексѣя.

Въ 1662 году пріѣхалъ въ Москву отставленный отъ своей должности Газскій митрополитъ П а и с і й Л и г а р и д ъ, очень образованный Грекъ, много скитавшійся по Востоку и пріѣхавшій въ Москву съ цѣлью лучше себя обезпечить. Въ XVII вѣкѣ Греческое духовенство очень охотно посѣщало Москву съ подобными намѣреніями. Ловкій дипломатъ Паисій скоро успѣлъ пріобрѣсти въ Москвѣ друзей и вліяніе. Всмотрѣвшись въ отношенія царя и патріарха, онъ безъ труда замѣтилъ, что звѣзда Никона уже померкла, и понялъ, на чью сторону ему должно стать: онъ сталъ противъ Никона, хотя самъ пріѣхалъ въ Москву по милостивому и любезному письму Никона. Сперва по пріѣздѣ своемъ вступилъ онъ въ переписку съ Никономъ, обѣщалъ ему награду на небесахъ за его "неповинныя страданія", но уговаривалъ

вмѣстѣ съ тѣмъ Никона смириться передъ царемъ. Онъ даже видѣлся съ Никономъ .Но уже съ первыхъ дней онъ совѣтывалъ царю не медлить съ патріархомъ,требовать отъ него покорности и низложить его, если не покорится и не "воздержится отъ дѣлъ патріаршихъ". Какъ ученѣйшему человѣку Лигариду въ Москвѣ предложили отъ имени боярина Стрѣшнева |врага Никона| до 30 вопросовъ о поведеніи Никона,съ тѣмъ,чтобы Паисій рѣшилъ ,правильно ли поступалъ патріархъ, И Лигаридъ всѣ вопросы рѣшилъ не въ пользу Никона.Узнавъ его отвѣты Никонъ около года трудился надъ возраженіями и написалъ въ отвѣтъ Лигариду цѣлую книгу страстныхъ и очень мѣткихъ оправданій.

Очевидно подъ вліяніемъ Лигарида ,царь Алексѣй Михайловичъ въ концѣ 1662 г. рѣшился созвать второй соборъ на Никона. Онъ велѣлъ архіепископу Рязанскому Илларіону составить для собора,какъ бы обвинительный актъ ,"всякія вины " Никона собрать и приказать звать на соборъ восточныхъ патріарховъ. Никонъ,подавленный отношеніемъ царя къ нему и раньше искалъ съ нимъ мира,посылая ему письма и прося его перемѣниться къ нему Господа ради; теперь же онъ рѣшился тайкомъ пріѣхать въ Москву и пріѣхалъ ночью |на Рождествѣ 1662 года|, чтобы примириться съ государемъ и предотвратить соборъ, но тою же ночью уѣхалъ обратно,извѣщенный,вѣроятно,своими московскими друзьями , что его попытка будетъ напрасной . Видя,что примиреніе невозможно,Никонъ снова перемѣнилъ поведеніе. Лѣтомъ 1663 года онъ произнесъ на упомянутаго Боборыкина |дѣло съ которымъ у него продолжалось| такую двусмысленную

анаѳему, что Боборыкинъ могъ ее примѣнить къ самому царю съ царскимъ семействомъ, что онъ и сдѣлалъ и не преминулъ донести въ Москву. Царь чрезвычайно огорчился этимъ событіемъ и тѣмъ, что на слѣдствіи по этому дѣлу Никонъ велъ себя очень заносчиво и наговорилъ много непристойныхъ рѣчей на царя. Объ этомъ, впрочемъ, постарались сами изслѣдователи выводить патріарха изъ себя своими вопросами и своимъ недовѣріемъ къ нему. Если царь Алексѣй Михайловичъ сохранялъ въ себѣ еще какое нибудь расположеніе къ Никону, то послѣ этого случая оно должно было исчезнуть вовсе.

Восточные патріархи, приглашеніе которымъ было послано въ декабрѣ 1662 года, прислали свои отвѣты только въ маѣ 1664 года. Сами они не поѣхали въ Москву, но очень обстоятельно отвѣтили царю на тѣ вопросы, какіе царь послалъ имъ о дѣлѣ Никона одновременно со своимъ приглашеніемъ. Они осудили поведеніе Никона и признали, что патріарха можетъ судить и помѣстный |Русскій| соборъ, почему присутствіе ихъ въ Москвѣ представлялось имъ излишнимъ. Но царь Алексѣй Михайловичъ непремѣнно желалъ, чтобы въ Москву пріѣхали сами патріархи, и отправилъ имъ вторичное приглашеніе. Очень понятно это желаніе царя разобрать дѣло Никона съ помощью внѣшнихъ авторитетовъ церкви: онъ хотѣлъ, чтобы въ будущемъ уже не оставалось мѣста сомнѣніямъ и не было возможности для Никона протестовать противъ собора.

Но не желалъ собора Никонъ, понимая, что соборъ обратится на него. Онъ показывалъ видъ, что соборъ для него

не отрашенъ,но въ это же время рѣшился сдѣлать открыто и гласно первый шагъ къ примиренію,чтобы этимъ уничтожить надобность собора: онъ рѣшился,съ помощью,и можетъ быть,по мысли нѣкоторыхъ своихъ друзей |б о я р и н а Н. И. З ю з и н а |,пріѣхать въ Москву п а т р і а р х о м ъ такъ какъ уѣхалъ когда-то изъ нея. Ночью на 18-е декабря 1664 года онъ неожиданно явился на утреню въ Успенскомъ соборѣ ,принялъ участіе въ богослуженіи , какъ патріархъ ,и послалъ извѣстить государя о своемъ приходѣ ,говоря: " сшелъ я съ престолъ никѣмъ не гонимъ,теперь пришелъ на престолъ никѣмъ незванный".Однако государь,посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами ,собранными тотчасъ же во дворцѣ,не пошелъ къ Никону и приказалъ ему уѣхать изъ Москвы. Еще до разсвѣта уѣхалъ Никонъ,отрясая прахъ отъ ногъ своихъ,понимая окончательно паденіе свое. Дѣло о пріѣздѣ его было разслѣдовано ,и Зюзинъ поплатился ссылкою. Никону приходилось ожидать патріаршаго суда надъ собою. Въ 1665 году онъ тайкомъ отправилъ патріархамъ посланіе ,оправдывая въ немъ свое поведеніе ,чтобы патріархи могли правильнѣе судить о его дѣлѣ. Но это посланіе было перехвачено и на судѣ служило вѣскою уликою противъ Никона, потому что было рѣзко написано.

Только осенью 1666 года пріѣхали въ Москву патріархи А л е к с а н д р і й с к і й П а и с і й и А н т і о х і й с к і й М а к а р і й |Константинопольскій и Іерусалимскій сами не пріѣхали ,но прислали свое согласіе на пріѣздъ двухъ первыхъ и на судъ надъ Никономъ|. Въ

ноябрѣ 1666 года начался соборъ, на который былъ вызванъ и Никонъ. Онъ держалъ себя, какъ обиженный но призналъ соборъ правильнымъ, оправдывался онъ гордо и заносчиво, но повиновался собору. Обвинялъ его самъ царь, со слезами иногда перечисляя "обиды" Никона. Въ декабрѣ постановили приговоръ Никону, сняли съ него знаки патріаршества и отправили его въ ссылку въ Ферапонтовъ Бѣлозерскій монастырь. Такъ окончилось дѣло патріарха Никона".

Не спокойно выслушалъ Никонъ свой приговоръ, онъ сталъ жестоко бранить греческое духовенство, называя Грековъ "бродягами". "Ходите всюду за милостынею", говорилъ онъ имъ и съ иронiей совѣтовалъ подѣлить имъ между собою золото и жемчугъ съ его патріаршаго клобука и панагiи. Иронiя Никона многимъ была тогда близка и понятна. Греки, дѣйствительно, "всюду ходили за милостынею", потрудившись надъ осужденiемъ Никона въ угоду могущественнѣйшему монарху и радуясь совершенiю правосудiя, не забывали они при этомъ высказывать надежду, что и теперь не оскудѣетъ къ нимъ милость царская. Въ видахъ этой милости они и до собора и на соборѣ 1666 года старались возвеличить царскую власть и утвердить ея авторитетъ даже въ дѣлахъ церкви, ставя въ виду Никону его стремленiе къ самостоятельности въ сферѣ церковной. Никонъ, заносчивый непослѣдовательный и много погрѣшившiй, Никонъ симпатичнѣе для насъ въ своемъ паденiи, чѣмъ Греки съ своими заботами о царской милости.

Соборъ единогласно осудилъ Никона, но когда стали формулировать приговоръ надъ Никономъ, то произошло на

соборѣ крупное разногласіе по вопросу объ отношеніяхъ властей свѣтской и духовной. Въ приговорѣ, редактированномъ Греками слишкомъ явно и рѣзко проводились тенденціи въ пользу первой. Греки ставили свѣтскую власть авторитетомъ въ дѣлахъ церкви и вѣры, и противъ этого возстали Русскіе іерархи, какъ разъ враги Никона: И л л а р і о н ъ Р я з а н с к і й и П а в е л ъ К р у т и ц к і й, за что они и подверглись церковному наказанію. Такимъ образомъ вопросъ объ отношеніи властей принципіально былъ поднятъ на соборѣ 1666-1667 гг. и былъ рѣшенъ соборомъ въ пользу власти свѣтской.

Этотъ вопросъ необходимо долженъ былъ возбудиться на этомъ соборѣ: онъ былъ весьма существеннымъ въ дѣлѣ Никона и проглядывалъ гораздо раньше собора 1666 года. Никонъ боролся и палъ не изъ-за личной только ссоры, но изъ-за принципа, который онъ проводилъ, о высокомъ значеніи церковной власти. Во всѣхъ рѣчахъ и посланіяхъ Никона прямо сказывался этотъ принципъ и его чувствовалъ и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, когда въ 1662 г. въ вопросахъ Стрѣшнева къ Лигариду и въ 1664 г. въ вопросахъ патріархамъ ставилъ вопросы о пространствѣ власти царской и архипастырской. Никонъ крѣпко отстаивалъ то положеніе, что церковное управленіе должно быть свободно отъ всякаго вмѣшательства свѣтской власти и церковная власть должна имѣть вліяніе и въ политическихъ дѣлахъ. Это воззрѣніе рождалось въ Никонѣ изъ высокаго представленія о церкви, какъ о руководительницѣ высшихъ интересовъ общества, представители церкви, по мысли Никона, тѣмъ самымъ должны

стоять выше прочихъ властей.Не такіе взгляды ставили Никона въ полный разладъ съ дѣйствительностью: въ его время, какъ онъ думалъ ,государство возобладало надъ церковью и необходимо возвратить церкви ея должное положеніе :къ этому и шла его дѣятельность |см.Н к о н и н и к о в а "Опытъ изслѣдованія о культурномъ значеніи Византіи въ Русской исторіи",Кіевъ 1869г.| По этому самому распря Никона съ царемъ не была только личною ссорою друзей, но вышла за ея предѣлы: въ этой распрѣ царь и патріархъ явились представителями двухъ противоположныхъ началъ.Никонъ потому и палъ,что историческое значеніе нашей жизни не давало мѣста его мечтамъ ,и осуществлялъ онъ ихъ будучи патріархомъ лишь постольку,поскольку позволяло ему это расположеніе царя. Въ нашей исторіи церковь никогда не подавляла и не становилась выше государства и представители ея и самъ митрополитъ Филиппъ Колычевъ |котораго такъ чтилъ Никонъ| пользовались только нравственной силой .А теперь въ 1666-1667 гг. соборъ православныхъ іерарховъ и сознательно поставило государство выше церкви.

Этимъ мы могли бы окончить обозрѣніе царствованія Алексѣя Михайловича,если бы намъ не было важно отмѣтить еще нѣсколько фактовъ ,которые охарактеризуютъ намъ отчасти настроеніе общества того времени. При Алексѣѣ Михайловичѣ несомнѣнно существовало сильное общественное

Литогр.Богданова,Эртелевъ пер.№ I|12.-

движенье: съ нимъ въ нѣкоторыхъ его проявленіяхъ мы уже познакомились: мы видѣли напримѣръ какіе протесты вызвали экономическія и церковныя мѣры того времени. Но не касались мы одной стороны этого движенія, движенія культурнаго. Замѣчая это послѣднее движеніе, одинъ изслѣдователь говоритъ о времени Алексѣя Михайловича, что тогда боролось два общественныхъ направленія и борьба велась во имя самыхъ задушевныхъ интересовъ и стремленій и потому отличалась полнымъ трагизмомъ". Культурныя новшества спорили тогда съ неприкосновенностью старыхъ идеаловъ, они касались всѣхъ сторонъ жизни и кое-гдѣ побѣждали. Но изслѣдователь, который захотѣлъ бы представить намъ полную картину борьбы стараго съ новымъ, очень бы въ этомъ затруднился, такъ какъ борьба эта оставила мало литературныхъ слѣдовъ. Намъ приходится только отрывочно познакомиться съ разными теченіями общественной мысли и только наметить главныхъ ея представителей.

До XУ вѣка Русь въ церковномъ отношеніи была подчинена Константинопольскому патріарху, а на Греческаго императора (цезаря, царя) смотрѣли, какъ на верховнаго государя православнаго. Флорентійская унія 1439 года Грековъ съ католичествомъ заронила въ Русскихъ сомнѣніе въ чистотѣ греческаго исповѣданія. Паденіе Константинополя (въ 1453г.). Русскіе разсматривали какъ Божье наказаніе Грекамъ за потерю православія. Въ XУ вѣкѣ исчезъ, такимъ образомъ православный греческій царь, померкло греческое православіе отъ уніи и господства невѣрныхъ турокъ. А въ это время Московское княжество объединило Русь.

государь Московскій достигъ высокаго могущества ,митрополитъ московскій былъ пастыремъ свободной и сильной страны. Для русскихъ патріотовъ было ясно,что Москва должна наслѣдовать Константинополю ,должна имѣть и царя |цезаря| и патріарха. Высказанная на рубежѣ XV и XVI вв. мысль эта овладѣла умами и была осуществлена правительствомъ :въ 1547г. Иванъ сталъ царемъ,въ 1589 году Московскій митрополитъ патріархомъ.Но вызвавши прогрессивное движеніе такая мысль въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи повела къ консервативнымъ взглядамъ. Если могущественная Греція пала благодаря ереси ,то падетъ и Москва,когда потеряетъ чистоту вѣры. Стало быть,необходимо беречь эту чистоту и не допускать перемѣнъ,могущихъ ее нарушить. Отсюда ,естественно возникло стараніе сохранить благочестивую старину.Необразованный умъ тогдашнихъ мыслителей не умѣлъ отрѣшить догмата отъ внѣшняго обряда ,и обрядъ даже мелкій стали ревниво оберегать ,какъ залогъ вѣчнаго правовѣрія и національнаго благоденствія. Съ обрядомъ смѣшали обычай ,берегли и обычаи свѣтскіе , какъ обряды церковные. Это охранительное направленіе мысли владѣло многими передовыми людьми и глубоко проникло въ массу . Это-то направленіе мысли многіе и считаютъ характерной чертой Московскаго общества ,даже единственнымъ содержаніемъ его умственной жизни до Петра.

Стремленіе къ самобытности и довольство косностью развивалось на Руси какъ-то параллельно съ нѣкоторымъ стремленіемъ къ подражанію чужому.Вліяніе западно-европейской образованности возникло на Руси изъ практическихъ

потребностей страны, которыхъ не могли удовлетворить своими средствами. Нужда заставляла правительство звать иноземцевъ. Но призывая ихъ и даже лаская правительство въ тоже время ревниво оберегало отъ нихъ чистоту національныхъ вѣрованій и жизни. Однако знакомство съ иноземцами невольно давало ходъ ихъ вліянію, "новшествамъ".

Превосходство ихъ культуры неотразимо вліяло на нашихъ предковъ и образовательное движеніе проявилось на Руси еще въ XVI вѣкѣ, хотя и на отдѣльныхъ личностяхъ. |Вассіанъ, Патрикѣевъ и др.| Самъ Грозный не могъ не чувствовать нужды въ образованіи, за образованіе крѣпко стоитъ и политическій его противникъ, князь Курбскій. Борисъ Годуновъ представляется намъ прямымъ уже другомъ европейской культуры. Лжедмитрій и Смута гораздо ближе чѣмъ прежде познакомили Русь "съ латынниками и люторами" и въ XVII в. въ Москвѣ появилось и осѣло очень много военныхъ, торговыхъ и промышленныхъ иностранцевъ, пользовавшихся большими торговыми привиллегіями и громаднымъ экономическимъ вліяніемъ въ странѣ. Съ нимъ ближе познакомились Москвичи, и имъ при своей осѣдлости становилось все легче вліять на Московскихъ людей. Хотя въ нашей литературѣ и существуетъ такое мнѣніе будто бы насилія иностранцевъ во время Смуты окончательно отвратили Русскихъ отъ духовнаго общенія съ иностранцами |см. Кояловича "Исторію Русскаго народнаго самосознанія", СПБ. 1884 года|, однако никогда прежде московскіе люди не сближались такъ съ западными европейцами, не перенимали у нихъ такъ часто различныхъ мелочей быта, не переводили столько-

иностранныхъ книгъ,какъ въ XVII вѣкѣ. Общеизвѣстные факты того времени ясно говорятъ намъ не только о практической помощи со стороны иноземцевъ Московскому правительству,но и объ умственномъ культурномъ вліяніи западнаго люда,осѣвшаго въ Москвѣ,на Московскую среду. Это вліяніе такъ уже заѣтное при царѣ Алексѣѣ въ половинѣ XVII вѣка,конечно образовалось исподволь,не сразу и существовало ранѣе царя Алексѣя,при его отцѣ.

Въ половинѣ же XVII вѣка рядомъ съ культурными западно-европейцами появляются въ Москвѣ кіевскіе схоластики и осѣдаютъ Византійскіе ученые монахи. Съ той поры три чуждыхъ Московскому складу вліянія дѣйствуютъ на Москвичей: вліяніе русскихъ кіевлянъ,болѣе чужихъ грековъ и совсѣмъ чужихъ "нѣмцевъ"Ихъ близкое присутствіе трогало Русскихъ все болѣе и болѣе и при Алексѣѣ Михайловичѣ стало прямо вопросомъ дня.Всѣ они вліяли несомнѣнно на русскихъ ,заставляли ихъ присматриваться къ себѣ все пристальнѣе и пристальнѣе и дѣлили Русское общество на два лагеря: людей старозавѣтныхъ и новыхъ. Одни отворачивались отъ постороннихъ вліяній,какъ отъ "прелести бѣсовской",другіе же всей душой шли на встрѣчу образованію и культурѣ ,мечтали эту "прелесть бѣсовску" ввести въ жизни,думали о р е ф о р м ѣ . Но оба лагеря не представляли въ себѣ цѣльныхъ направленій,а дробились на много группъ и поставить эти группы хотя въ какой нибудь порядокъ очень трудно. Легко опредѣлить каждую отдѣльную личность XVII вѣка,старый это или новый человѣкъ,но трудно соединить ихъ *pia desideria* въ цѣльную программу.

Каждый думалъ совсѣмъ по своему и нельзя замѣтить въ хаосѣ мнѣній, какой тогда былъ, сколько нибудь опредѣленныхъ общественныхъ теченій.

Мы знаемъ, что время Алексѣя Михайловича богато было и гражданскими и церковными реформами. Въ этихъ реформахъ многіе видѣли новшества и ополчались противъ нихъ, конечно, это многіе были старозавѣтные люди. Противъ церковныхъ новшествъ, противъ кіевлянъ и грековъ шли знакомые намъ расколоучители и ихъ поддерживала значительная часть общества, этимъ создавалась, если умѣстно такъ выразиться, консервативно-національное направленіе въ сферѣ религіозной. Его дѣятели, люди по преимуществу религіозные, съ своей точки зрѣнія осуждали и подражаніе западу, брадобритіе и проч. "ереси". Рядомъ съ ними стояли люди недовольные гражданскими реформами, опять таки съ точки зрѣнія религіозной. Таковъ самъ Никонъ, который относился замѣчательно враждебно къ Уложенію и очень мрачными красками рисовалъ положеніе экономическое Руси въ своихъ писаніяхъ. "Нынѣ невѣдомо, кто не постится", писалъ онъ "во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего и нѣтъ никого, кто былъ бы помилованъ. Нищіе, малоимущные, слѣпые, хромые, вдовицы, черницы и черноцы-всѣ обложены тяжкими данями....Нѣтъ никого веселящагося въ наши дни". Причину такого бѣдственнаго положенія онъ видитъ въ Уложеніи и въ тѣхъ новыхъ порядкахъ, которые шли за Уложеніемъ, за нихъ то Богъ и посылаетъ бѣды на Русь, ибо порядки эти еретичны, какъ думаетъ Никонъ. Тотъ же граждански консервативный Никонъ не любилъ и нѣмцевъ и проповѣдывалъ про-

тивъ подражанія имъ. За такими сознательными консерваторами ,гражданскими и церковными,стояла масса московскаго общества,косная,невѣжественная и гордая близорукимъ чувствомъ своего національнаго превосходства надъ всѣми. Въ этой массѣ мы видимъ и мелкаго человѣчка Голосова съ его компаніей,разсуждающихъ о томъ,что въ "греческой грамотѣ и еретичество есть",и многое множество прочаго люда,недовольнаго реформами.

Противъ нихъ стоятъ очень опредѣленныя фигуры ихъ противниковъ западниковъ XVII вѣка,теоретиковъ и практиковъ,наукой и опытомъ познавшихъ сладость и превосходство европейской цивилизаціи. Эта сторона дала намъ двухъ писателей : К р и ж а н и ч а и К о т о ш и х и н а. Знаемъ мы много ея практическихъ дѣятелей: Р т и щ е в а, О р д ы н а - Н а щ о к и н а ,М а т в ѣ е в а . Къ ней же принадлежало своею дѣятельностью и кіевское монашество |С и м е о н ъ П о л о ц к і й и др.|

Самымъ полнымъ теоретикомъ и самой любопытной личностью этого направленія безъ сомнѣнія былъ К р и ж а н и ч ъ .Родовитый Хорватъ,онъ бѣдъ печальнымъ положеніемъ своей родины приведенъ къ мысли о необходимости единенія Славянъ и ненавидѣлъ ихъ утѣснителей -Нѣмцевъ. Питая панславистскія мечты,онъ видѣлъ въ московскомъ государствѣ единую славянскую державу ,способную воплотить его мечтанія въ дѣло. Но пріѣхавъ въ Москву онъ увидѣлъ какъ невѣжественна и разстроена эта держава ,и понялъ,что Москвѣ нужны реформы для того,чтобы стать

на должную высоту и быть достойной своей исторической миссіи объединенія славянства. Онъ и сталъ проповѣдывать эти реформы, совѣтуя Русскимъ учиться у Нѣмцевъ, но учиться не ограничиваясь подражаніемъ внѣшнимъ формамъ жизни [это по его мнѣнію лишнее], а заимствуя то, что можетъ поднять умственную культуру и внѣшнее благосостояніе страны. Въ политическихъ трактатахъ, написанныхъ Крижаничемъ частью въ Москвѣ, частью въ ссылкѣ въ Сибири, куда онъ попалъ за неправовѣріе, мы находимъ большія похвалы природнымъ способностямъ Русскаго народа, изображеніе его дурныхъ свойствъ и невѣжества и вмѣстѣ съ тѣмъ полный планъ экономическихъ преимущественно реформъ, какія были необходимы для Россіи, по мнѣнію Крижанича. Въ нѣкоторыхъ частяхъ этого плана практикъ царь Петръ сошелся съ теоретикомъ Крижаничемъ: оба, напримѣръ громадное значеніе въ государственномъ хозяйствѣ придавали развитію промышленности.

Иного совсѣмъ склада человѣкъ, былъ другой писатель извѣстный намъ Григорій Карповичъ Котошихинъ. Онъ зналъ вообще немного, но служба въ посольскомъ приказѣ, который близко ставилъ своихъ дѣятелей къ иностранцамъ, развила въ немъ культурные вкусы. Еще болѣе увлекся онъ 'нѣмецкими обычаями', когда эмигрировалъ въ Швецію. Вспоминая въ своихъ сочиненіяхъ московскіе порядки, къ очень многому московскому онъ относится отрицательно, но это отрицаніе вытекаетъ у него только изъ сравненія московскихъ обычаевъ съ западноевропейскими, а не является результатомъ какихъ либо

опредѣленныхъ общественно культурныхъ стремленій. Врядъ ли ихъ и имѣлъ Котошихинъ.

Изъ названныхъ нами практическихъ дѣятелей -поборниковъ образованія первое мѣсто принадлежитъ А ѳ а н а с і ю Л а в р е н т ь е в и ч у О р д ы н у - Н а щ о к и н у |о немъ ст. И к о н н и к о в а въ Русской Старинѣ за 1883г. X и XI|. Это былъ чрезвычайно даровитый человѣкъ,удачный дипломатъ и администраторъ. Его свѣтлый государственный умъ соединялся съ рѣдкимъ въ то время образованіемъ: онъ зналъ латинскій,нѣмецкій и польскій языки и былъ очень начитанъ. Его дипломатическая служба дала ему возможность и практически познакомиться съ иностранной культурой и онъ являлся въ Москвѣ очень опредѣленнымъ западникомъ,такимъ его рисуютъ сами иностранцы |Мейербергъ ,Коллинсъ|,дающіе о немъ хорошіе отзывы. Но западная культура не ослѣпила Нащокина :онъ глядѣлъ далѣе подражанія внѣшности,даже вооружается противъ тѣхъ,кто перенималъ одну внѣшность.

Гораздо болѣе Нащокина увлекался западомъ А р т а м о нъ С е р г ѣ е в и ч ъ М а т в ѣ е в ъ , другъ царя Алексѣя и тоже дипломатъ XVII вѣка. Въ православной Москвѣ рѣшился онъ завести свой домашній театръ и обучалъ своихъ дворовыхъ людей "комидійному" искусству. Въ домѣ его была западно-европейская обстановка и появлялись западно-европейскіе обычаи: люди съѣзжались къ нему не для пира и попойки,а для бесѣды,а встрѣчалъ гостей не одинъ хозяинъ ,но и хозяйка,чего въ Москвѣ еще не важивалось. Матвѣевъ и царя уговорилъ выписать изъ

за границы актеровъ,и благочестивый Алексѣй Михайловичъ привыкъ забавляться театральными представленіями.Въ домѣ Матвѣева росла мать Петра Великаго, Наталья Кирилловна Нарышкина,внесшая въ царскую семью привычки "преобразованнаго"|какъ выражается С.М. Соловьевъ| дома Матвѣева.

Но рядомъ съ нѣмецкимъ вліяніемъ развивалось и вліяніе греческаго и кіевскаго богословскаго образованія . Ученые кіевляне во второй половинѣ XVII вѣка стали очень вліятельными при дворѣ.| Изъ нихъ всѣхъ виднѣе сперва Епифанъ Славинецкій,затѣмъ Симеонъ Полоцкій.| Всецѣло подъ вліяніемъ находился постельничій царскій Ѳ е о д о р ъ М и х а й л о в и ч ъ Р т и щ е в ъ ,очень дружившій съ кіевлянами. Написанное какимъ то его другомъ "житіе " его любопытно тѣмъ,что отмѣчаетъ въ Ртищевѣ черты религіозности и высокой гуманности передъ другими его качествами. Дѣйствительно Ртищевъ мало оставилъ по себѣ слѣдовъ въ сферѣ государственной дѣятельности,хотя преданіе именно ему приписываетъ проектъ знаменитой операціи съ мѣдными деньгами.Онъ намъ рисуется больше какъ любитель духовнаго просвѣщенія,весь отдавшійся богословской наукѣ и благочестивымъ дѣламъ и размышленіямъ.Это натура созерцательная.

За этими выдающимися по способностямъ или по положенію ,поклонниками и западной жизни и просвѣщенія стояли другіе болѣе мелкіе люди,которые проникались уваженіемъ къ наукѣ и западу или путемъ непосредственнаго знакомства съ западомъ,или подъ вліяніемъ другихъ,знакомясь

съ наукой. Въ числѣ такихъ можно упомянуть, напримѣръ, сына А.А. Ордына-Нащокина, который до того увлекался западомъ, что убѣжалъ изъ Россіи, и сына русскаго резидента въ Польшѣ, который получилъ образованіе въ Польшѣ и благодарилъ короля Польскаго за науку въ высокопарныхъ фразахъ на латинскомъ языкѣ.

Москва не только присматривалась къ обычаямъ западноевропейской жизни, но въ XVII вѣкѣ начала интересоваться и западной литературой, впрочемъ съ точки зрѣнія практическихъ нуждъ. Въ Польскомъ приказѣ самомъ образованномъ того времени, переводили вмѣстѣ съ политическими извѣстіями изъ западныхъ газетъ для государя и цѣлыя книги, по большей части руководства прикладныхъ знаній. Любовь къ чтенію несомнѣнно росла въ Русскомъ обществѣ XVII в. объ этомъ говоритъ намъ обиліе дошедшихъ до насъ отъ XVII вѣка рукописныхъ книгъ, содержащихъ въ себѣ, какъ произведенія московской письменности духовнаго и мірскаго характера, такъ и переводныя произведенія. Подмѣчая подобные факты, изслѣдователь готовъ думать, что реформа начала XVIII вѣка и культурной своей стороной далеко не была совсѣмъ уже неожиданной новинкой для нашихъ предковъ.

И такъ мы намѣтили два основныхъ теченія общественной мысли при Алексѣѣ Михайловичѣ: одно національно-консервативное, направленное противъ реформъ, какъ въ церковной сферѣ, такъ и въ гражданской и точно также непріязненно относившееся къ грекамъ и нѣмцамъ, какъ къ иноземному чужому элементу. Другое направленіе было направленіе западническое, шедшее на встрѣчу греческой и кіевской

наукѣ и западной культурѣ. Затѣмъ мы видѣли,что столкновеніе двухъ началъ самодовольнаго застоя и подражательнаго движенія создало много борцовъ ,но тѣмъ не менѣе не успѣло еще распредѣлить ихъ въ опредѣленныя группы, не успѣло выработать опредѣленныхъ міровоззрѣній и законченныхъ системъ,особенно же среди новаторовъ.Изъ западниковъ только одинъ Крижаничъ былъ ясенъ въ своихъ идеалахъ,надеждахъ и стремленіяхъ ,остальныя личности мало опредѣленны: вѣрно только ,кто изъ нихъ больше тянетъ къ Грекамъ и Кіевлянамъ ,какъ,напримѣръ Ртищевъ,или кто дружитъ больше съ нѣмцами,какъ Ордынъ-Нащоковъ. 208 Посреди западниковъ и старозавѣтныхъ людей не принадлежа всецѣло ни къ тѣмъ ни къ другимъ ,стоитъ личность самого царя Алексѣя Михайловича. Эта замѣчательная личность царя Алексѣя достаточна ясна. О немъ сохранилось много свидѣтельствъ ,рисующихъ его какъ всѣмъ интересующагося съ живыми стремленіями человѣка. Кромѣ того мы имѣемъ о немъ обстоятельные отзывы иностранцевъ,но всего лучше рисуютъ царя Алексѣя его письма,онъ очень любилъ писать и высказываться.

Что же это былъ за человѣкъ? Послушаемъ сперва отзывы о немъ иностранцевъ ,которые описываютъ и его наружность ,и его нравъ. По ихъ словамъ наружность царя Алексѣя всѣхъ располагала въ его пользу, это былъ человѣкъ достаточно высокаго роста,здоровый и полный ,даже чрезчуръ полный [онъ рано растолстѣлъ] и кромѣ того съ привлекательнымъ лицомъ: въ его голубыхъ глазахъ свѣтилась такая доброта,что его взглядъ никогда не возбуждалъ страха,но всякаго ободрялъ и обнадеживалъ".

Его румяное лицо,окаймленное русою бородою дышало добродушіемъ ,но въ тоже время было серьезно чинно и важно. Онъ усвоилъ себѣ важную осанку и поступь ,но его чинность и царственная важность не запугивала и не отталкивала отъ него. И несамомнѣніе выработало въ немъ такую манеру держать себя ,а сознаніе важности и святости сана,который Богъ на него возложилъ. Вообще симпатичная внѣшность Алексѣя Михайловича была отраженіемъ его хорошей души. Нѣмецъ Рейтенфельсъ ,указывая на умъ,образованность ,благочестіе и доброту царя ,говоритъ,что это "такой государь ,какого желаютъ имѣть всѣ христіанскіе народы ,но не многіе имѣютъ." Врагъ царя Алексѣя ,Англичанинъ Коллинсъ такого же высокаго мнѣнія о личности государя, когда говоритъ,что этотъ царь могъ бы стать "на ряду съ добрѣйшими и умнѣйшими государями ".Такимъ же лестнымъ образомъ отзывается о немъ Лизекъ :" Царь,говоритъ онъ "одаренъ необыкновенными талантами ,имѣетъ прекрасныя качества и украшенъ рѣдкими добродѣтелями :

Такъ въ одинъ голосъ хвалятъ Алексѣя Михайловича иностранцы независимые отъ него и не обязанные ему льстить." Гораздо тихимъ "склоненъ его считать и нашъ эмигрантъ Котошихинъ тоже независимый,ушедшій изъ подъ московской ферулы человѣкъ.

Современники слѣдовательно считаютъ царя Алексѣя хорошей свѣтлой личностью .По словамъ иностранца Лизека "онъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ ,которые столько же любятъ его ,сколько и благоговѣютъ передъ нимъ.

Мы имѣемъ важность провѣрить эти впечатлѣнія современниковъ по тому матеріалу,который болѣе даже непогрѣшимъ въ нашихъ глазахъ, чѣмъ всѣ отзывы и мнѣнія видѣвшихъ Алексѣя Михайловича: мы разумѣемъ здѣсь письма и сочиненія "тишайшаго царя" .Онъ любилъ писать и прозой и виршами. Писалъ письма, окольничьи уставы,даже мемуары| о Польской войнѣ| и что всего драгоцѣннѣе ,царь писалъ безъискусственно ,безъ всякой риторики и высказывался на-чисто,не тая своихъ мыслей,часто онъ впадалъ въ многословіе,любилъ и пространно пофилософствовать. Много его писаній издано уже давно |Бартеневъ ."Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича".М.1856,также въ запискахъ отдѣленія Славянской и Русской археологіи Императорскаго Археологическаго Общества "т.II|, и не разъ эти писанія вызывали ученыхъ на характеристики Алексѣя Михайловича. Изъ такихъ характеристикъ отмѣтимъ характеристику Соловьева |въ концѣ XII тома его"Исторіи"|,Забѣлина |въ" Опытахъ изученія Русскихъ древностей и исторіи"|, Костомарова |въ древней и новой Россіи" 1875г.| и,наконецъ Ключевскаго |въ его лекціяхъ. Всѣ они ясно очерчиваютъ

фигуру Алексѣя Михайловича.

Попробуемъ и мы сами дать хотя бѣглую характеристику этой замѣчательной личности.

Когда вы берете письма Алексѣя Михайловича ,первое заключеніе,какое вы изъ нихъ дѣлаете ,то,что Алексѣй Михайловичъ человѣкъ безспорно у м н ы й и натура чрезвычайно ж и в а я и в о с п р і и м ч и в а я . Онъ всѣмъ интересуется ,его занимаетъ и война и политика и болѣзнь придворнаго и соколиная охота и садоводство, и мелкій скандалъ въ любимомъ его монастырѣ и вопросъ о томъ,какъ пѣть многолѣтіе въ церкви, и театральныя представленія...И ко всему онъ относится одинаково живо, все дѣйствуетъ на него одинаково сильно: онъ плачетъ о смерти патріарха Іосифа ,и доходитъ до слезъ отъ простого буйства монаха. Онъ легко можетъ вспылить,можетъ браниться по пустому совершенно дѣлу, но этотъ гнѣвъ скоро проходитъ: онъ раскаивается въ томъ,что кого нибудь обидѣлъ и ласкаетъ его. Такъ,напримѣръ было съ Р о д і о н о м ъ С т р ѣ ш н е в ы м ъ по слѣдующему поводу: однажды царь пустилъ себѣ кровь и когда почувствовалъ облегченіе,то предложилъ пустить кровь и окружавшимъ его придворнымъ ,на что всѣ должны были согласиться. Одинъ только Стрѣшневъ,ссылаясь на свою старость, отказался отъ этого,за что царь сильно вспылилъ на него , причемъ дѣло не кончилось одними словами .Но когда гнѣвъ прошелъ,царь не зналъ какими подарками заставить старика забыть нанесенную ему обиду. Въ другой разъ царь побилъ своего тестя М и л о с л а в с к а г о за хва-

ство, но этимъ только и ограничился ,хотя много ковъ крупнѣе зналъ за Милославскимъ. По своей природной добротѣ и мягкости царь и послѣ разрыва съ Никономъ забываетъ обиду и злобу на патріарха и какъ будто хочетъ съ нимъ примириться: ему непріятно имѣть врага и Алексѣй Михайловичъ засылаетъ къ Никону лаской и видно желаетъ установить такія отношенія,которыя не напоминали бы о ссорѣ. Доброта Алексѣя Михайловича ,съ другой стороны вызываетъ постоянную благотворительность: при дворцѣ жили разные "старики богомольцы" и юродивые",щедрая милостыня раздавалась "тишайшимъ царемъ" ,по праздникамъ для бѣдныхъ устраивались кормы", тюрьмы очень часто видѣли въ своихъ стѣнахъ Алексѣя Михайловича ,подававшаго тамъ милостыню "несчастнымъ" и освобождавшаго ихъ отъ наказаній. Царь не могъ видѣть равнодушно страданій другихъ;утѣшалъ и обнадеживалъ печальныхъ и старался разсѣять ихъ горе. Это стремленіе высказывается напримѣръ въ письмѣ къ князю Одоевскому по поводу смерти сына послѣдняго. Доброта и добродушіе царя сказывались въ его лицѣ,глазахъ, ласковомъ обращеніи ,въ беззлобной,свѣтлой шуткѣ,какая часто мелькаетъ въ его письмахъ. Но это же добродушіе и мягкая снисходительность часто мѣшали Алексѣю Михайловичу быть послѣдовательнымъ и твердымъ въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ,что мы и видѣли раньше, въ поведеніи царя относительно Милославскаго,отлично понимая этого человѣка ,видя,что онъ не стоитъ его симпатіи,царь тѣмъ не менѣе терпѣлъ его. Очень часто по добродушію и противъ воли даже онъ уступалъ

вліянію со стороны .Вспомнимъ какимъ вліяніемъ на царя пользовался Никонъ,встрѣчавшій со стороны царя только пассивное сопротивленіе и рѣдко,рѣдко минутную вспышку активнаго протеста,проходящаго безъ послѣдствій. Алексѣй Михайловичъ терпѣлъ подъ часъ очень рѣзкія выходки Ордына-Нащокина. Вообще у него не доставало твердости характера,хотя онъ и не былъ совсѣмъ безхарактернымъ: имъ нельзя было играть безнаказанно,что показываетъ уже намъ судьба того-же Никона.

Такова была природа этого царя: живая,впечатлительная,добрая и мягкая. Любовь къ чтенію и размышленію еще болѣе развила свѣтлыя стороны его характера.Алексѣй Михайловичъ былъ,какъ извѣстно,однимъ изъ образованнѣйшихъ людей Московскаго общества: слѣды его начитанности библейской,церковной и свѣтской ,разбросаны по всѣмъ его писаніямъ. Онъ вполнѣ владѣлъ литературою того времени и до тонкости усвоилъ себѣ книжный языкъ .Въ серьезныхъ письмахъ и сочиненіяхъ царь любилъ пускать въ ходъ книжные обороты,употреблять цвѣтистые афоризмы . тѣмъ не менѣе онъ не похожъ на тогдашнихъ книжниковъ -риторовъ,любившихъ кстати и некстати употреблять цитаты изъ Св.Писанія,часто даже не осмысливая ихъ, у царя каждый афоризмъ подуманъ,изъ каждой фразы глядитъ живая мысль.Онъ много читалъ и при этомъ думалъ ,и привыкъ высказывать то,что надумалъ. Поэтому его

Литогр.Богданова,Эртелевъ пер.№ 1|12.-

умственный обликъ выступаетъ передъ нами очень яснымъ.

Чтеніе, которое Алексѣй Михайловичъ очень любилъ развило въ немъ очень глубокую и очень сознательную р е л и г і о з н о с т ь . И этимъ чувствомъ онъ былъ проникнутъ весь, онъ много молился, строго держалъ посты |нѣкоторые дни въ Великомъ посту даже ничего не ѣлъ| , зналъ всѣ церковные уставы .Его главнымъ духовнымъ интересомъ было спасеніе души, и съ этой точки зрѣнія онъ судилъ и другихъ, напоминая при каждомъ выговорѣ виновному, что тотъ губитъ душу и служитъ сатанѣ.По представленію общему въ то время, путь ко спасенію души Алексѣй Михайловичъ видѣлъ въ строгомъ послѣдованіи обряду, и былъ поэтому очень приверженъ къ обрядамъ. Въ этомъ отношеніи для насъ любопытны записки дьякона Павла Алеппскаго , который былъ въ Россіи въ 1655 году съ патріархомъ Макаріемъ Антіохійскимъ и описалъ намъ Алексѣя Михайловича въ церкви и среди мира. Изъ этихъ записокъ, какъ и изъ вопросовъ , которые царь задавалъ патріарху Макарію, всего лучше видно какое значеніе царь придавалъ обрядамъ, какъ онъ ихъ зналъ и какъ слѣдилъ за точнымъ ихъ исполненіемъ. Но обрядъ и нѣкоторый аскетизмъ , который иногда проповѣдывался и считался обязательнымъ, не подавлялъ и не исчерпывалъ религіознаго сознанія Алексѣя Михайловича: изъ-за формы онъ не [illegible] сущности и религія у него была не только обрядомъ, но и нравственной дисциплиной. Будучи глубоко религіознымъ, онъ, по его мнѣнію, не грѣшилъ смотря комедію и лаская нѣмцевъ".

|Сами иностранцы свидѣтельствуютъ о милостяхъ къ нимъ

царя Алексѣя Михайловича. Въ глазахъ послѣдняго это не былъ грѣхъ и преступленіе противъ религіи, а совершенно позволительное и полезное, а въ тоже время и пріятное новшество. Онъ ревниво оберегалъ чистоту религіи и былъ конечно, одинъ изъ православнѣйшихъ Москвичей, но дѣло въ томъ, что его ясный практическій умъ и начитанность позволяли ему не такъ узко понимать православіе, какъ понимало большинство.

Религіозное сознаніе Алексѣя Михайловича несомнѣнно шло дальше обряда. Онъ былъ философъ-моралистъ и его философское міровоззрѣніе было строго религіознымъ: онъ все судилъ съ религіозной точки зрѣнія и на всѣ окружающія явленія отзывался съ высоты своей религіозной морали. Но эта мораль, развившись въ мягкой, доброй и свѣтлой душѣ, являлась не сухимъ кодексомъ отвлеченныхъ правилъ, суровыхъ и безжизненныхъ, а сказывалась мягкимъ прочувствованнымъ, любящимъ словомъ или жизненнымъ, полнымъ яснаго смысла положеніемъ. Склонность къ мышленію и наблюденію (Алексѣй Михайловичъ былъ прекрасный наблюдатель, какъ большинство охотниковъ) вмѣстѣ съ добродушіемъ и мягкостью выработали въ немъ замѣчательную для того времени тонкость чувства, почему и его мораль высказывалась имъ порою поразительно хорошо, тепло и симпатично, особенно тогда, когда ему приходилось кого-нибудь утѣшать. Такая теплота чувства сквозитъ напримѣръ въ каждомъ словѣ письма царя къ князю Одоевскому, о которомъ мы уже упоминали выше: " Да будетъ тебѣ вѣдомо", пишетъ Алексѣй Михайловичъ, "судьбами всесильнаго и всеблагого Бога на-

мего и страшнымъ его повелѣніемъ изволилъ Онъ ,Свѣтъ, взять сына твоего первенца,князя Михаила,съ великою милостью въ небесные обители,а лежалъ огневою три недѣли безъ двухъ дней, а разболѣлся при мнѣ, и тотъ день былъ я у тебя въ Вешняковѣ, а онъ здравъ былъ,потчивалъ меня да радъ таковъ,я его такова радостна николи не видалъ, да лошадью онъ да князь Ѳеодоръ челомъ ударили ,и я молвилъ имъ:" потоль я пріѣзжалъ къ вамъ, что грабить васъ. И онъ плачучи да говоритъ мнѣ:" Мнѣ де государь,тебя не видать здѣсь ,возьми де ,государь,для ради Христа,обрадуй батюшка,и насъ,намъ же и до вѣка такова гостя не видать. И я,видя ихъ нелестное прошеніе и радость несомнѣнную взялъ жеребца темносѣраго. Не лошадь дорога мнѣ ,всего лутчи ихъ челницемѣрная служба и послушанье и радость ихъ ко мнѣ, что они радовалисъ мнѣ всѣмъ сердцемъ. Описывая далѣе болѣзнь князя Одоевскаго,царь обращается затѣмъ къ отцу его съ такими словами:" И тебѣ боярину нашему и слугѣ,и дѣтямъ твоимъ чересъ мѣру не скорбѣть ,а нельзя, что не поскорбѣть и не прослезиться и прослезиться надобно ,да въ мѣру, чтобы Бога наипаче не прогнѣвить и уподобиться въ тебѣ Іову праведному. Тотъ отъ врага нашего общаго ,дьявола,пострадалъ:

сколько на него напастей приводилъ? Не претерпѣлъ ли онъ и одолѣлъ дьявола, не опять ему далъ Богъ сына и дщери ? А за что?- За то, что ни во устахъ не погрѣшилъ, не оскорбился, что мертвы быша дѣти его. А твоего сына Богъ взялъ, а не врагъ полатою подавилъ. Вѣдаешь ты и самъ Богъ все на лучшее намъ строитъ, и взялъ его въ добромъ покаяніи....Не оскорбляйся ,Богъ сыну твоему помощникъ радуйся, что лучшее взялъ, и не оскорбляйся зѣло, надѣйся на Бога и на Его Рождшую и на его всѣхъ святыхъ. Потомъ, аще Богъ изволитъ ,и мы тебя не покинемъ и съ дѣтьми и, помня твое челобитье, ихъ жаловали и впередъ радъ жаловати его |т.е.князя Михаила| князь Юрій, а отца радъ поминать. А князя Ѳеодора я жаловалъ ,отъ печали утѣшилъ , а на вынос и на всепогребальная я послалъ, сколько Богъ изволилъ, потому что впрямъ узналъ и провѣдалъ про васъ, что опричъ Бога на небеси , а на земли опричъ меня, никого у васъ нѣтъ, и я радъ ихъ и васъ жаловать, только ты князь Никита помяни Божію милость, а наше жалованье. Какъ живова его жаловалъ, такъ и поминать радъ. А прежде того мы жаловали, къ тебѣ писали, какъ жить мнѣ государю, и вамъ боярамъ, и тебѣ боярину нашему уповать на Бога и на Пречистую Его Матерь и на всѣхъ святыхъ и на насъ, [illegible] го государя, быть надежнымъ, аще Богъ изволитъ ,то мы васъ не покинемъ, мы тебѣ и съ дѣтьми и съ внучатами по Бозѣ родители, аще пребудете въ заповѣдехъ Господнихъ, и всѣмъ безпомощнымъ и бѣднымъ по Бозѣ помощники: на

то насъ Богъ и поставилъ, что бы безпомощнымъ помогать. И тебѣ бы учинить противъ сей нашей милостивые грамоты однокоечно послушать съ радостью, то и наша милость къ вамъ будетъ безотступно." Окончивъ это письмо царь дѣлаетъ на немъ такую приписку: " Князь Никита Ивановичъ! не оскорбляйся, токмо уповай на Бога и на насъ будь надеженъ."

Въ этомъ письмѣ вы видите человѣка чрезвычайно добраго, умѣющаго любить, умѣющаго говорить, думать и чувствовать очень тонко. Та-же тонкость пониманія, та-же способность нравственно оцѣнить свое положеніе и свои обязанности сказалась между прочимъ и тогда, когда Алексѣй Михайловичъ былъ душеприказчикомъ у патріарха Іосифа и не рѣшался ни взять, ни купить себѣ что-нибудь изъ вещей патріарха. Изъ послѣднихъ его особенно прельщала серебряная посуда, но онъ "воздержался" и пишетъ Никону, что не хочетъ ничего покупать: " Не хочу, для того, се отъ Бога грѣхъ, сей отъ людей зазорно, а се какой я буду прикащикъ самому мнѣ |вещи| имать, а деньги мнѣ платить себѣ-жъ".

Не не стѣснялся царь Алексѣй Михайловичъ, если ему приходилось кого нибудь не утѣшать, а бранить и наставлять, тогда онъ имѣлъ обычай въ своемъ посланіи очень пространно доказывать вину и показывать, противъ чего именно и какъ много погрѣшилъ виновный. Рѣчь царя въ этихъ случаяхъ была строгой нравственной сентенціей, иногда очень жестокой и рѣзкой, но всегда доказательной. Въ такихъ посланіяхъ особенно ярко сказывается, какъ мно-

го царь думалъ и какъ основательно думалъ.

Намъ нѣтъ возможности обстоятельно излагать философскія воззрѣнія царя, хотя они и очень любопытны, и мы ограничимся здѣсь лишь отдѣльными примѣрами. Выходя изъ религіозно-нравственныхъ основаній, Алексѣй Михайловичъ напримѣръ имѣлъ ясное понятіе о значеніи царской власти, какъ власти происходящей отъ Бога и назначенной для того, чтобы разсуждать людей вправду" и "безпомощнымъ помогать". Въ письмѣ къ князю Одоевскому царь разсуждаетъ о томъ, "какъ жить мнѣ, государю и вамъ боярамъ", и пишетъ: "Богомъ и государю и боярамъ дарованы люди....разсудите вправду, всѣмъ равно".

Слѣдовательно и боярство было имъ осмыслено, и роль, стоящаго при царѣ боярства онъ оцѣниваетъ по своему. Вотъ и другой примѣръ: царь унимаетъ религіозное рвеніе Никона, когда послѣдній во время пути въ Соловки за мощами митрополита Филарета, насильно заставлялъ сопровождавшихъ его свѣтскихъ людей молиться по монашескому обычаю. Въ письмѣ своемъ къ патріарху, по этому случаю Алексѣй Михайловичъ соглашался съ тѣми, кто жаловался на Никона, "что никого де [Никонъ] силою не заставитъ Богу вѣровать."

При такой вдумчивости и религіозномъ настроеніи была въ Алексѣѣ Михайловичъ одна черта, придающая ему еще болѣе симпатичности, и въ тоже время многое въ немъ объясняющая: Алексѣй Михайловичъ былъ замѣчательный э с т е т и к ъ. Эстетическое чувство сказывалось въ его занятіяхъ соколиной охотой, а позже въ старости къ

сельскому хозяйству. Кромѣ обычнаго удовольствія охоты, помимо прямыхъ охотничьихъ ощущеній, царь находилъ въ охотѣ удовлетвореніе и чувству красоты. Въ своемъ сокольничьемъ уложеніи, носящемъ названіе "Книга, глаголемая Урядникъ", царь очень тонко разсуждаетъ о красотѣ ловчихъ птицъ, птичьяго лета и боя, видимо, что охота для него есть въ то-же время и эстетическое наслажденіе. Тоже чувство красоты заставляло его далѣе любоваться благолѣпіемъ церковнаго служенія и строго слѣдить за "чиномъ" его. Въ одномъ изъ писемъ царя къ Одоевскому, гдѣ онъ описываетъ перенесеніе мощей митрополита Филиппа въ Москву, отражается тоже чувство красоты, особенно ярко выдается оно при описаніи крестнаго хода: царя увлекаетъ мысль, что когда-то гонимый святитель Филиппъ съ подобающей честью возвращается къ своей паствѣ. Даже въ выборѣ любимыхъ мѣстъ у Алексѣя Михайловича сказывается это поэтическое чувство: онъ любилъ село Коломенское, отличающееся живописнымъ мѣстоположеніемъ, хотя далеко не величественнымъ, а изъ такихъ свойственныхъ русской природѣ, которыя порождаютъ ощущенія спокойствія. Чрезвычайно любилъ онъ также Савинъ Сторожевскій монастырь |около Звенигорода|, это одно изъ прекраснѣйшихъ мѣстъ кругомъ Москвы, но опять таки красота этого мѣста мирная, веселая, спокойная, соотвѣтствующая вполнѣ характеру царя.

Своеобразное соединеніе глубокой религіозности съ охотничьими наслажденіями и очень свѣтлымъ оптимистическимъ взглядомъ на жизнь, однако, не было противорѣчіемъ

въ натурѣ и философіи царя. Въ немъ религія и молитва не исключаютъ удовольствій охотничьихъ и "комидійныхъ", напротивъ онъ сознательно допускалъ эти удовольствія, не считалъ ихъ преступленіями, не каялся послѣ нихъ, какъ это дѣлалъ Иванъ Грозный. И на удовольствія былъ у него свой собственный взглядъ: "И зѣло потѣха сія полевая", пишетъ онъ въ своемъ Урядникѣ, "утѣшаетъ сердца печальные и забавляетъ веселіемъ радостнымъ и веселитъ охотниковъ сія птичья добича". Далѣе въ томъ же сочиненіи онъ такъ наставляетъ охотниковъ: "Будите охочи, забавляйтесь утѣшайтесь сею доброю потѣхою зѣло потѣшною, угодно и весело, да не одолѣютъ васъ кручины и печали всякія. Этотъ взглядъ на охоту, какъ на противодѣйствіе печали, не случайно соскользнулъ съ пера у Алексѣя Михайловича: по его мнѣнію жизнь не есть печаль, и отъ печали нужно лечиться, гнать ее: такъ и Богъ велѣлъ. Припомнимъ, что писалъ онъ Одоевскому: "Нельзя, что |бъ| не поскорбѣть и не прослезиться, и прослезиться надобно, да въ мѣру, чтобъ Бога напаче не прогнѣвить". Но если жизнь не тяжелое, мрачное испытаніе, то она и несплошная забава для Алексѣя Михайловича. Цѣль жизни -спасеніе души, и достигается эта цѣль хорошею и строго благочестивою жизнью. Алексѣй Михайловичъ тогда бывалъ доволенъ собою, когда на душѣ у него было свѣтло и ясно, когда кругомъ было все свѣтло и спокойно, и все на мѣстѣ", все по чину". Объ этомъ то внѣшнемъ порядкѣ и внутреннемъ равновѣсіи и заботился болѣе всего царь, мѣшая дѣло съ потѣхой, аске-

тизмъ съ удовольствіемъ. И эта его забота позволяетъ намъ сравнить Алексѣя Михайловича |хотя аналогія здѣсь, можетъ быть ,лишь очень отдаленная| съ первыми очень симпатичными эпикурейцами,искавшими душевнаго равновѣсія въ разумномъ и сдержанномъ наслажденіи. Если умѣстно здѣсь припомнить Гейне съ его дѣленіемъ людей на Эллиновъ и Іудеевъ,то мы можемъ сказать,что Алексѣй Михайловичъ былъ очень типичный Эллинъ.

Въ своихъ общественныхъ симпатіяхъ Алексѣй Михайловичъ былъ передовой человѣкъ своего времени: онъ очень послѣдовательно проводилъ церковную реформу и не былъ противъ реформъ гражданскихъ. Онъ охотно принималъ кіевскую науку и былъ милостивъ къ кіевлянамъ и грекамъ , какъ и вообще къ иноземцамъ ,но въ то-же время онъ оставался чисто русскимъ и православнымъ человѣкомъ,не подвергаясь вліянію иноземцевъ |что случилось съ его сыномъ |,не проводя новыхъ идей въ общество и не будучи дѣятелемъ партіи,стороны| что опять таки было съ его сыномъ|.И при концѣ своего царствованія ,подавляя консервативный расколъ, Алексѣй Михайловичъ не терпѣлъ и слишкомъ явныхъ подражаній западу. Онъ на все отзывался, но вполнѣ не отдавался ничему,и въ этомъ отношеніи его можно назвать личностью вполнѣ отражавшею въ себѣ все общество XVII вѣка.

Главные моменты въ исторіи Южной и Западной Руси въ XVI-XVIIвв.

Западныя и южныя Русскія области, какъ извѣстно въ XIII и XIУ вв. стали достояніемъ Литовскихъ великихъ князей. Внѣшняя опасность сплотила Литовское племя, подняла въ немъ воинственный духъ и создала Литовское государство, въ которомъ стали жить совмѣстно и Литва и Русь. Но это государство, созданное Литвою становилось Русскимъ, потому что Русь преобладала надъ Литвой, не только числомъ, но и культурою. Русскій я з ы к ъ сталъ господствующимъ въ Литвѣ, употребляясь при дворѣ и въ законодательствѣ. П р а в о с л а в і е вытѣснило древнюю религію Литвы безо всякой острой борьбы, женатые на русскихъ княжнахъ, Литовскіе князья были полурусскими по крови, русскими по языку и вѣрованіямъ. Созданная православіемъ и долгою историческою жизнью русская к у л ь т у р а дѣлала быстрые успѣхи среди полудикихъ Литовцевъ. Словомъ культурная русская народность успѣшно ассимилировала себѣ некультурное Литовское племя.

Но Литва, вошедшая въ историческую жизнь позднѣе всѣхъ своихъ сосѣдей Поляковъ, Нѣмцевъ и руси чувствовала на себѣ не одно русское вліяніе. Нѣмцы съ двухъ сторонъ |Тевтоны и Меченосцы| крестили ее въ католичество и обращали въ своихъ рабовъ. Поляки, сперва враждебные старались затѣмъ встать въ союзныя отношенія къ Литвѣ, своему прежнему недругу, чтобы съ помощью Литвы дѣйствовать противъ нѣмцевъ, одинако ненавистныхъ имъ обоимъ. Путемъ для сближенія Польши съ Литвой могли служить

браки Литовскихъ и Польскихъ владѣтелей. Они и заключались: Польскій король Казиміръ III женился на дочери Гедимина, но этотъ бракъ не имѣлъ политическихъ послѣдствій за-то имѣлъ ихъ бракъ Литовскаго великаго князя Ягелло на королевѣ Польской Ядвигѣ. Онъ былъ заключенъ съ условіемъ д и н а с т и ч е с к о й уніи Литвы съ Польшей подъ властью Ягеллоновъ. Иниціатива этого брака и самой уніи вышла не изъ Литвы, а изъ Польши. Польскимъ панамъ страшны были и нѣмцы и Литва, отъ Литвы они желали получить нѣкоторыя ея области и союзъ противъ нѣмцевъ. Династическая унія давала возможность постояннаго и крѣпкаго союза, давала надежду провести въ Литву Польское вліяніе. На этихъ возможностяхъ и надеждахъ и была построена въ Польшѣ политическая комбинація, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ для Польши. Въ 1386 году Ягелло сталъ не только королемъ Польскимъ, но и католикомъ.

Унія Литвы съ Польшей заключена была на двухъ главныхъ условіяхъ: внутреннее устройство и управленіе государствъ остается прежнимъ, независимымъ отъ союзнаго государства, но дипломатическія сношенія ведутся обоими государствами сообща. Такимъ образомъ внутренняя автономія Литвы была сохранена. И однако Литовско-Русское Общество было страшно недовольно уніей. Перемѣна религіи Ягелломъ, дозволеніе его обращать въ католичество языческую Литву и другія уступки Польшѣ вызвали рѣзкій протестъ Литвы и Руси. Оскорбленное народное чувство поддержало притязанія Витовта, сильнѣйшаго удѣльнаго кня-

зя въ Литвѣ и доставило ему полное господство надъ Литвою и титулъ великаго князя Литовскаго, еще при жизни Ягелло.

Витовтъ довелъ могущество Литовскаго государства до его высшаго развитія и вмѣстѣ съ тѣмъ положилъ начало его упадку. Витовтъ былъ весьма популяренъ въ Литвѣ: и католики и православные и язычники считали его своимъ. Это помогло Витовту совершить рядъ подвиговъ, усилившихъ славу его государства. Но желаніе ладить со всѣми, отсутствіе яснаго взгляда на значеніе Литвы, католичества и Польши, привели Витовта къ тому, что онъ не смогъ дать отпора Польскому вліянію, не съумѣлъ отгадать на кого онъ долженъ былъ опереться, и въ концѣ концовъ отшатнулъ отъ себя русское населеніе Литвы. Это обстоятельство поработило Литву Польшѣ и обусловило паденіе Литвы.

Въ 1410 году въ Грюнвальдейской битвѣ соединенныя силы Литвы и Польши сломили могущество нѣмцевъ, чѣмъ и былъ оправданъ союзъ этихъ государствъ. Но въ 1413 году на общемъ сеймѣ Литвы и Поляковъ въ Городлѣ рѣшено было уже не только династическое, но и р е а л ь н о е соединеніе Польши съ Литвой, причемъ особенности Польскаго государственнаго строя переносились на Литву: Литовское дворянство, принявшее католицизмъ, получало устройство и права польской шляхты, въ Литвѣ учреждались сеймы и должности на подобіе Польскихъ. Этотъ Городельскій актъ, подчинявшій Литву Польскимъ [illegible], не былъ вызванъ никакою политическою необходимостью, не

оправдывался исторіей .Витовтъ сближаясь съ Польшей искалъ опоры противъ нѣмцевъ и русскихъ, покровительствуя католичеству,онъ былъ прельщенъ королевскимъ титуломъ ,который могъ придти къ нему только съ католическаго запада.Но онъ не чувствовалъ,что въ своемъ государствѣ о славѣ котораго онъ такъ заботился ,онъ создавалъ почву для религіознаго междуусобія,тѣмъ болѣе опаснаго, что за религіозною рознью стояла рознь національная.

Послѣ Витовта (1430г) въ XV и XVI вв.,несмотря на Городельскій актъ ,Литва строго оберегала свою независимость и автономію въ политическомъ отношеніи.Несмотря на всѣ попытки Поляковъ ,имъ не удавалось добиться признанія реальной уніи отъ Литовско-Русскаго общества :въ Литвѣ на Поляковъ смотрѣли,какъ на иностранцевъ,старались имѣть отдѣльнаго отъ нихъ князя и неохотно допускали Поляковъ въ Литву. Католичество распространялось далеко не съ тою быстротою,какъ желали бы Поляки.За русскія земли Волынь и Подолію,Литва держалась крѣпко и не хотѣла уступать ихъ Польшѣ. Словомъ государственная унія не удалась Полякамъ ,несмотря на то,что въ 1501 году Литовскій князь и Польскій король Александръ сдѣлалъ рѣшительную попытку настоять на уніи.

Лучше удавалось Полякамъ культурное вліяніе на Литовское общество .Съ Городельскаго сейма въ Литвѣ привелись нѣкоторыя черты Польскаго общественнаго порядка .До 1413 года устройство Литвы близко подходило къ русскому: подъ великимъ княземъ правили удѣльные ,вокругъ нихъ группировалась дружина,города имѣли вѣчевое устройство

крестьянство было переходнымъ свободнымъ работникомъ. Съ введеніемъ польскихъ порядковъ ,съ 1413 года въ Литвѣ начинаетъ развиваться шляхта на манеръ Польской и среди нея распространяется католичество и польскіе нравы: города получаютъ "Магдебургское право" Польскихъ городовъ,крестьянство близиться къ крепостной зависимости. Въ Литвѣ являются сеймы и сеймики |мѣстные сеймы|, какъ были они въ Польшѣ,появляются и пожизненныя должности по Польскому образцу: г е т м а н ъ | | начальникъ войска и судья военныхъ людей,которому были подчинены м а л ы е или п о л ь н ы е г е т м а н ы, к а н ц л е р ъ -хранитель государственной печати,государственный секретарь ,п о д с к а р б і й :з е м с к і й | министръ финансовъ| и н а д в о р н ы й |княжескій казначей|, областями управляли в о е в о д ы ,во власти которыхъ находились всѣ мѣстные управители :с т а р о с т ы , к а с т е л я н ы ,д е р ж а в ц ы . Представителями шляхты и представителями ея сеймовъ были м а р ш а л к и :з е м с к і й |представитель шляхты всего княжества|,п о в ѣ т о в о й |областной| и д в о р н о й | представитель придворныхъ княжескихъ дворянъ. Представителями городскаго самоуправленія были в о й т ъ и б у р м и с т р ы: первый назначался королемъ изъ дворянъ,вторые избирались горожанами |мѣщанами| изъ ихъ среды. Необходимо замѣтить,что рядомъ съ городами свободными,княжескими,было мн городовъ,принадлежавшихъ на частномъ правѣ Литовской аристократіи.Такимъ образомъ съ развитіемъ Польскаго строя въ Литвѣ ,

дворянство получало преобладающее значеніе:оно постепенно закрѣпляло за собою крестьянство и часть мѣщанства, напъ другою же частью являлось управителемъ.

До второй половины XVI в. изложенное нами общественное устройство только формировалось ,мало по малу вытѣсняя старыя Русскія формы быта. Болѣе всего Польскому вліянію поддавалось Литовское дворянство,стремившееся занять въ Литвѣ тоже положеніе,какое Польская шляхта занимала въ Польшѣ. Но для полученія Польскихъ правъ дворянамъ нужно было стать католиками ,а принятіе латинства вело за собою полное ополяченіе. Отступленіе отъ вѣры возбуждало протестъ со стороны тѣхъ,кто оставался вѣренъ православію: стремленіе завладѣть крестьянскимъ трудомъ открывало бездну между католикомъ -дворяниномъ и православнымъ-крестьяниномъ ,желаніе получить политическія права въ странѣ возбуждало противъ Литовской шляхты Литовскую аристократію ,потомковъ удѣльныхъ князей Литовско-Русскихъ. Такъ Польское вліяніе вносило въ жизнь Литовско-Русскаго государства рядъ острыхъ антагонизмовъ и могучая партія -верхъ и низъ Литовскаго общества -сильно противилась всякому сближенію съ Польшей.

Съ первой половины XVI в. Московское государство рѣзко поставило Литвѣ вопросъ о возвращеніи Москвѣ старинныхъ Русскихъ "отчинъ"- западныхъ Русскихъ земель . Много сочувствія возбудила Москва въ Литвѣ ,много западно-русскихъ владѣтелей охотно переходили подъ власть Москвы (князья Черниговъ-Сѣверскіе,Новосильскіе,Вяземскіе,Одоевскіе,Воротынскіе,Глинскіе и т.д.) Москва

счастливо добывала себѣ земли войнами и простымъ принятіемъ подданствъ со стороны Литовской знати, уходившей отъ католичества и Польши. Существованіе Литвы подвергалось опасности, тянувшая къ Польшѣ сторона въ Литвѣ крѣпче держалась Польскаго союза. Но до уніи съ Польшей было еще далеко, если бы не наступили въ Москвѣ времена Грознаго и не началось обратное движеніе княжатъ изъ Москвы въ Литву. Въ Москвѣ въ XVI вѣкѣ развивался порядокъ демократическій и строго монархическій, и Литовская знать оказалась въ такомъ положеніи, что должна была выбирать или потерю политическаго вліянія съ присоединеніемъ къ Москвѣ или потерю религіозно-національной самостоятельности съ присоединеніемъ къ Польшѣ. Средины не было, потому что и Польша и Русь наступательно шли на Литву. Въ серединѣ XVI вѣка въ 60-хъ годахъ Московскія войска взяли Полоцкъ и хозяйничали въ Литвѣ, а послѣдній Ягеллонъ, Сигизмундъ II Августъ, настаивалъ на уніи съ Польшей. На страшный протестъ Литвы Польша отвѣчала угрозой оставить Литву на жертву Грозному царю. Сеймъ 1569 года въ Люблинѣ полгода разсуждалъ объ уніи, Литовскіе послы уѣхали даже съ сейма, но важнѣйшіе Западно-Русскіе вельможи |кн. Острожскій и др.| стали за унію и она состоялась. Власти Ивана Грознаго была предпочтена потеря національной самостоятельности.

Условія реальной уніи 1569 года были таковы: Литва и Польша сливались въ одно нераздѣльное государство, имѣли одного монарха, общій сеймъ, общій сенатъ |по литовски Рада|, но особые законы, особыхъ правительственныхъ лицъ

Лекціи по Русской Исторіи .-Листъ 23-й.-

Литогр. Богданова, Эртелевъ пер. № 1|12.

и отдѣльныя войска. Часть Западно-Русскихъ земель |Волынь, Украйна, Подляхія|, присоединялась отъ Литвы къ Малой Польшѣ. Поляки не считаются иностранцами въ Литвѣ и имѣютъ право занимать тамъ должности и пріобрѣтать земли. При такихъ условіяхъ польскія формы быта быстро переходили въ Литву. Литовская шляхта, не имѣвшая еще большого политическаго вліянія подъ давленіемъ сильной Литовской аристократіи, быстро достигла его на общихъ съ Поляками сеймахъ, крестьяне были формально закрѣпощены, города рѣзче замыкались въ узкія мѣщанскія корпораціи и наводнялись иноземцами и евреями. За-то Польша помогла Литвѣ противъ Москвы и воспрепятствовала присоединенію западно-Русскихъ областей къ восточной Руси.

Трудно передать отчаяніе той части западно-Русскаго общества, которая не сочувствовала Польшѣ и понимала всю опасность Польскаго гнета, говорятъ, что представители Литвы на колѣняхъ со слезами просили Сигизмунда Августа не губить Литвы присоединеніемъ къ Польшѣ. Однако это соединеніе совершилось волею короля и согласіемъ вельможъ и имѣло два роковыхъ послѣдствія для Литвы и Литовско-Польской Руси: во-первыхъ острую религіозную борьбу, во-вторыхъ, острую общественную борьбу. Первая породила религіозную унію, вторая - рядъ крестьянско-казацкихъ возстаній. Обратимся къ разсмотрѣнію этихъ послѣдствій.

I. Хотя актомъ Люблинской уніи свобода православнаго исповѣданія была сохранена, но Польско-Литовскіе государи не сочувствовали этой свободѣ: пока Западная Русь была православной, она не могла прочно слиться съ Польшей. Для сліянія народностей необходимо было единство религіи, и потому Польское правительство желало искорене-

нія православія.Но въ его владѣніяхъ развился протестантизмъ ,зашедшій изъ Германіи и особенно радушно принятый въ Литвѣ. Для борьбы съ нимъ въ Польшу и Литву явились въ 1565 году іезуиты и съ помощью латинской іерархіи и правительства скоро задушили протестанство,не успѣвшее еще пустить прочныхъ корней. Когда іезуиты сладили съ протестантами,они обратили свои силы на другихъ "схизматиковъ"- православныхъ. Трудно рѣшить,они ли натолкнули Стефана Баторія на мысль извести греческую схизму, или Стефанъ Баторій указалъ имъ эту цѣль въ своихъ политическихъ видахъ. Интересы Польши въ этомъ совпадали съ видами папской куріи.Стефанъ Баторій одновременно былъ и дальновиднымъ Польскимъ политикомъ и вѣрнымъ союзникомъ папы, желая распространенія католичества на Руси.

Дѣло въ томъ,что у папства въ эту эпоху была вѣковая идея ,которую папы желали ввести въ общее сознаніе Европы,-идея крестоваго похода для изгнанія Турокъ изъ Европы. Эта идея владѣла и недюжиннымъ умомъ Стефана Баторія. Планъ борьбы съ Турками одинаково прилежно разрабатывался и въ Римѣ и въ Польшѣ. И тамъ и тутъ помагали , что для успѣшнаго дѣла необходимо привлечь къ нему въ качествѣ орудія Москву. Но добиться помощи Москвы можно было,лишь истребивъ православіе или подчинивъ его папству. Иванъ Грозный высказывался сочувственно о борьбѣ съ Турками,но не хотѣлъ и думать объ уніи съ папствомъ, а это дѣлало союзъ его для папства ненадежнымъ. Москвѣ нужно было навязать католика-государя: это,какъ думали Стефанъ Баторій и Поссевинъ,лучшее средство окатоличить Москву и заручиться ея помощью. Православіе же въ западной Руси можно было истребить и прямо: это будетъ не

лишній шагъ къ побѣдѣ надъ православіемъ въ Москвѣ.

Такъ широкая политическая утопія сплеталась съ реальными интересами Польши и католичества въ западной Руси и вызвала въ ней оживленную пропаганду католичества. Іезуиты принялись за истребленіе православной схизмы, сперва теоритическими выходками противъ нея въ видѣ книги "О единствѣ Церкви Божіей" Петра Скарги, которая проводила мысль о необходимости церковной уніи съ католическими догматами и православной обрядностью, потомъ настала очередь и практической пропаганды. Народное образованіе переходило въ руки іезуитовъ и православное юношество воспитывалось въ католическихъ взглядахъ. Создалась масса непріятностей православнымъ во всѣхъ сферахъ ихъ жизни и дѣятельности, отъ запрещенія крестныхъ ходовъ, до простыхъ уличныхъ побоевъ. Много лицъ изъ высшаго дворянскаго класса прямо совращалось въ католичество и это совращеніе шло такъ успѣшно, что скоро въ православіи осталось меньшинство западно-русскаго дворянства.

Православные люди почувствовали опасность и поняли необходимость энергическаго запрета. На правительство они не могли надѣяться : и въ Стефанѣ Баторіи и въ его преемникѣ Сигизмундѣ III они видѣли гонителей своей вѣры. Православная іерархія въ западной Руси не стояла на высотѣ своего положенія, по распущенности нравовъ, чисто свѣтскимъ стремленіямъ и разладу въ своей средѣ, къ тому же она не имѣла политическаго значенія въ странѣ. Общество такимъ образомъ было предоставлено своимъ силамъ. Сперва его поддерживала сильная аристократія западно-Русская. |кн. К о н с т а н т и н ъ О с т р о ж с к і й, напримѣръ заводилъ школы и типографіи для печатанія православныхъ книгъ и всячески заботился о поддержаніи православія

Но аристократія вслѣдствіе пропаганды іезуитовъ мало по малу поддавалась обаянію католицизма, вооруженнаго въ Литовско-Польскомъ государствѣ большими политическими правами. Съ измѣной аристократіи борьба всей тяжестью легла на мелкій западно-Русскій людъ. Онъ и выносилъ ее на своихъ плечахъ, пользуясь для борьбы тѣми средствами, какія давала ему его церковная организація. Городское населеніе западной Руси имѣло свои б р а т с т в а, рачителей и покровителей церкви. Они создались въ условіяхъ городскаго самоуправленія |на Магдебургскомъ правѣ| и получили большое развитіе въ нѣкоторыхъ городахъ |Львовѣ, Кіевѣ|. Заботясь о благосостояніи церквей, братства приняли на себя и заботу о цѣлости и чистотѣ православія и привлекли къ этому дѣлу не только горожанъ, но и дворянство, уцѣлѣвшихъ отъ латинства. Въ борьбѣ своей съ католиками, стараясь о сохраненіи своей вѣры о развитіи просвѣщенія, объ исправленіи нравовъ, братства не могли не замѣтить недостатковъ своихъ іерарховъ. Виднѣйшія западно-Русскія братства, въ видахъ исправленія іерархіи, добыли себѣ отъ восточныхъ патріарховъ право контроля и суда надъ своими архіереями |въ концѣ XVII вѣка|. Обороняясь отъ латинства они преслѣдовали свою іерархію и этимъ невольно создали антогонизмъ въ средѣ православныхъ.

Преслѣдованіе со стороны паствы сдѣлало положеніе православныхъ пастырей невозможнымъ; ихъ тѣснили и свои люди, и католики, и правительство. Не желая передѣлывать свою жизнь на болѣе строгій ладъ, не желая пріобрѣсти лучшее положеніе въ государствѣ, нѣкоторые православные епископы задумали выйти изъ своего положенія путемъ уніи съ католичествомъ. Мысль эта созрѣла въ головѣ Луцкаго епископа К и р и л л а Т е р л е ц к а г о, понравилась

многимъ епископамъ и встрѣтила поддержку у Брестскаго епископа И п а т і я П о т ѣ я и Кіевскаго митрополита М и х а и л а Р о г о з ы .Готовность къ уніи была заявлена королю С и г и з м у н д у подъ строгой тайной ,а затѣмъ Терлецкій и Потѣй поѣхали въ 1595 году въ Римъ и отъ всѣхъ западно-Русскихъ епископовъ заявили папѣ готовность подчиниться его авторитету.

Когда Западная Русь узнала объ дѣлѣ своихъ епископовъ,она не пристала къ нему и готова была оружіемъ противиться введенію уніи. На В а р ш а в с к о м ъ сеймѣ Русскіе вельможи потребовали сверженія епископовъ за самовольную унію. Въ западно-Русской церкви произошелъ такимъ образомъ открытый расколъ,который думали потушить церковнымъ соборомъ |въ Брестѣ осенью 1596г.|. На Брестскомъ соборѣ этотъ расколъ былъ только оформленъ: православные извергли епископовъ уніатовъ изъ ихъ сана,уніаты же наложили проклятіе на духовенство,вѣрное православію. Унія такъ и не состоялась.

Но папство имѣло право считать и считало унію состоявшеюся, потому что имѣло въ рукахъ грамоту на унію отъ лица всей западной Русской іерархіи. На эту точку зрѣнія стало и Польское правительство: оно разсматривало теперь православныхъ ,какъ ересиковъ,ослушниковъ и своей іерархіи и ,Польскаго правительства. Полноправная Литовско-Русская рѣчь обратилась въ "презрѣнную хлопскую схизму" |ибо исповѣдывалась по преимуществу низшими классами| и подлежала преслѣдованію. И преслѣдованіе нача - лось страшное :православныя не имѣли священниковъ богослуженіе совершалось въ поляхъ,ибо въ городахъ было запрещено ,дѣтей возили крестить на 100 верстъ,въ иныхъ

мѣстахъ церкви отдавались на откупъ.Евреямъ и они облагали въ ихъ богослуженія и требы произвольными поборами. Уніатъ владыко Полоцкій І о с а ф а т ъ К у н ц е в и ч ъ выбрасывалъ изъ могилъ православныхъ на съѣдение собакамъ. Но и при такихъ условіяхъ православные держались :они отстояли за собою Кіево-Печерскую Лавру и митрополичью каѳедру въ Кіевѣ,устроили въ Кіевѣ Духовную Академію |трудами Петра Могилы|,добивались нѣкоторыхъ постановленій ,благопріятныхъ для православія на сеймахъ, заводили школы и благотворительныя учрежденія .Все это были легальные способы борьбы съ Польско-католическимъ гнетомъ.Но были и нелегальныя возстанія,въ которыхъ главная роль принадлежала казачеству.

II. Казачество на окрайнахъ Литовско-Польскаго государства формировалось довольно рано. Съ появленіемъ Крымской орды ,на степныхъ границахъ Литовско-Польскихъ стали появляться вольныя общины, какъ бы пограничная милиція для борьбы съ Татарами. Они не только отбивали татарскіе набѣги на Литву и Польшу,но и сами нападали на Крымъ и Турцію. Они считались подданными Литвы и Польши и не повиновались своему государству. Ихъ борьба съ татарами была полезна для государства,а ихъ разбои на Черномъ морѣ вели къ крупнымъ непріятностямъ для Польши со стороны Турціи и Крыма. И то и другое обстоятельство заставляло Польское правительство въ XVI вѣкѣ дать Днѣпровскимъ казакамъ правильную организацію и забрать ихъ подъ контроль. Сигизмундъ I и Сигизмундъ II Августъ старались устроить казаковъ въ правильную милицію ,но достигъ этого только Стефанъ Баторій. Онъ далъ казакамъ право самоуправленія: они выбирали г е т м а н а, в о й с к о -

в у ю с т а р ш и н у |судья,писарь,полковники и др.| они раздѣлялись на п о л к и |округи|,но въ полкахъ было лишь опредѣленное число |6000| полноправныхъ казаковъ,называемыхъ р е е с т р о в ы м и ,т.е.занесенными въ списки |реестры|.Остальное населеніе Приднѣпровья считалось какъ бы простыми крестьянами,хлопами.Въ 1590г. были приняты стѣснительныя мѣры противъ всего казачества,съ цѣлью обуздать его своеволіе и въ особенности противъ нереестровыхъ казаковъ;ихъ исключили въ хлопство и начали вмѣстѣ съ землями отдавать Польской шляхтѣ,селившейся въ казачьей Украйнѣ. А между тѣмъ отъ этого хлопства ,отъ усилившагося гнета Польши и пановъ крестьянство массами спасалось именно на Днѣпрѣ, выходя изъ Польши и Литвы.

Особенности Польскаго строя водворились въ прежде вольной Украйнѣ послѣ Люблинской уніи въ 1569 г. ,когда она стала Польскою областью .Но въ тоже самое время эти особенности стали торжествовать и во всемъ Литовскомъ государствѣ,и въ самой Польшѣ аристократическо-дворянскій порядокъ обозначался все болѣе и болѣе рѣзкими чертами. Эти обстоятельства вызывали усиленное выселеніе недовольныхъ людей изъ средины государства въ южную степь, а Польское правительство усиленно старалось завладѣть этою степью ,подчинить ее Польшѣ и папству. Такимъ образомъ Украйна переставала быть убѣжищемъ недовольныхъ Какъ разъ тогда,когда число недовольныхъ возросло. И это вызвало крупные общественные безпорядки. Нереестровые казаки отъ панскихъ рукъ уходили все южнѣе,ближе къ Татарамъ и образовали за порогами Днѣпра своеобразный оплотъ вольнаго казачества - С ѣ ч ь - З а п о р о ж - с к у ю .Такъ продолжалась казаческая традиція:про -

должалась борьба съ магометанскимъ міромъ, туда стремились всѣ недовольные государственными порядками въ Польшѣ и Украйнѣ. Когда же Польша думала наложить руку и на Запорожье, поднялся рядъ извѣстныхъ казачьихъ возстаній |1593-1638|. Подъ предводительствомъ своихъ гетмановъ |Каминскій, Лобода, Наливайко, Тарасъ Павлюкъ, Остраница|, казаки опрокидывались на Польшу, дѣйствуя во имя религіозной и гражданской независимости Русской народности. Эти возстанія не удавались: Поляки разоряли даже Сѣчь, забирали крѣпче и крѣпче Украйну, больше и больше давили народъ. Послѣ усмиренія возмущенія обыкновенно совершался новый приливъ польскаго элемента, пановъ и ксендзовъ, въ Украйну, казачество обращалось въ хлоповъ этихъ пришельцевъ. Понятно, что это не могло умиротворить страны: чѣмъ больше стремились сравнять казаковъ съ крестьянствомъ, тѣмъ болѣе крѣпла связь между казаками и хлопами, возстанія принимали характеръ не казачьихъ, а земскихъ и поддерживались крестьянами всей западной Руси.

Къ половинѣ XVII вѣка недовольство не только за порогами, но и во всей Украйнѣ возросло до апогея. Когда въ 1648 году съ помощью Крымскихъ татаръ войской писарь Богданъ Хмѣльницкій поднялъ новое возстаніе казачества, за него оказалась вся Украйна, и казачья и крестьянская. Поднялась вся народность, а не одни казаки, возстали не за казачью вольность, а за свободу и вѣру народную. Сказались словомъ результаты религіознаго и общественнаго Польскаго режима.

Съ помощью Татаръ Хмѣльницкій побѣдилъ Поляковъ и подъ Сборовомъ заставилъ короля Яна Казиміра согласиться на возвращеніе казачеству

его прежнихъ вольностей. Число реэстровыхъ казаковъ было доведено до 40.000. Но выигрышъ казачества не удовлетворилъ Украйны,потому что возстала вся Украйна,а улучшилось положеніе однихъ казаковъ, остальные же русскіе и православные люди должны были снова стать подъ власть Поляковъ .Поэтому возстаніе поднялось снова и снова во главѣ его былъ Хмѣльницкій. Союзникъ казачій Крымскій ханъ,измѣнилъ Хмѣльницкому и подъ Б ѣ л о й Ц е р к о в ь ю былъ заключенъ съ Поляками невыгодный для казаковъ договоръ,уменьшившій число казаковъ на 20.000. Для Хмѣльницкаго было ясно,что этимъ дѣло не кончится. Но ясно было и то,что у Украйны нѣтъ силъ одной бороться противъ Польши.Это и обратило Хмѣльницкаго къ Москвѣ.

Въ 1651 году Хмѣльницкій обратился къ царю Алексѣю съ просьбою принять "Малороссію подъ свою высокую руку". Въ Москвѣ не рѣшились сразу на присоединеніе Польской области и,стало быть,на войну съ Польшей. Царь Алексѣй дипломатическимъ путемъ заступился за Малороссію,но это не привело ни къ чему. Хмѣльницкій былъ вынужденъ снова воевать и снова просить Москву о подданствѣ .Тогда земскій соборъ въ Москвѣ рѣшилъ въ 1653г. принятіе Малороссіи,и 8 января въ 1954 году Украйна присягнула царю Алексѣю. Число казаковъ опредѣлено было 60.000. Малороссіи оставлено было ея общественное устройство и самоуправленіе,гетману -право дипломатическихъ сношеній | кромѣ Польскихъ и Турецкихъ|.Соединенныя силы Украйны и Москвы нанесли Полякамъ въ 1654-1656г. рядъ сильныхъ пораженій поставившихъ Польшу на край погибели. На Польшу въ это время наступали и Шведы. Но Польша была спасена раздоромъ враговъ,Россіи и Швеціи,и добилась перемиріи съ Рос-

ією съ уступкой Россіи Малорусскихъ и Бѣлорусскихъ земель.

Такъ пріобрѣла Москва русскія земли, давно утерянныя Русью. Но удержать эти земли за собою Московскому государству было не легко при тѣхъ затрудненіяхъ, какія создавались и самой Малороссіей и ея сосѣдями. Въ Малороссіи вся вторая половина XVII вѣка была временемъ смуты: въ этой прежде-устроенной „казачьей Украйнѣ въ XVI и XVII вѣкахъ подъ вліяніемъ Польско-Литовскаго государства сложился извѣстный общественный порядокъ: рядомъ съ казачествомъ вольнымъ, записаннымъ въ реестры, появляется польское панство, закабалявшее себѣ казаковъ, незаписанныхъ въ реестры, умножается городское населеніе, получавшее особые отъ казачьихъ права, изъ среды самаго казачества выдѣляется классъ болѣе зажиточныхъ и вліятельныхъ людей, "старшина", которая стремится отожествить себя съ дворянствомъ. Когда произошло отдѣленіе отъ Польши и исчезло Польско-Литовское дворянство изъ Малороссіи, новые владѣтели дворянскихъ земель, "старшина", стремятся выдѣлится изъ казачества "или въ видѣ шляхты польской, или въ видѣ дворянства Московскаго", по выраженію С.М. Соловьева. Такое стремленіе ихъ къ преобладанію въ странѣ встрѣчаетъ отпоръ въ остающейся массѣ освободившагося отъ панства казачества. Между казачествомъ демократическимъ и старшиной идетъ глухая борьба. Города Малороссійскіе заботятся лишь объ утвержденіи Московскихъ правъ и тамъ, гдѣ ихъ интересы сталкиваются съ казачьими, не жалѣютъ послѣднихъ. Духовенство поступаетъ, какъ города. Въ Малороссіи все идетъ врозь и каждая общественная группа

добивается въ Москвѣ обезпеченія исключительно своихъ правъ и интересовъ въ ущербъ другимъ. Въ этой войнѣ "всѣхъ противъ всѣхъ" Москвѣ приходится играть роль примирительницы и умиротворительницы, удовлетворяя однихъ и возбуждая недовольство другихъ. Медленно справлялась Москва съ своей задачей въ Малороссіи, не имѣя твердой опоры въ странѣ и утверждая свое вліяніе лишь на симпатіи демократическихъ слоевъ, тогда какъ верхніе слои населенія большею частью тянули къ Польшѣ съ ея аристократическимъ складомъ. Несмотря на постоянные смуты и "измѣну" Малороссіянъ Москвѣ, Москва крѣпко держится за Малороссію и все крѣпче и крѣпче привязываетъ ее къ себѣ |особенно лѣвый берегъ Днѣпра|.

Уже въ 1657 году казачья старшина стала давать себя знать Москвѣ. По смерти гетмана Богдана Хмѣльницкаго гетманство было захвачено писаремъ Иваномъ Выговскимъ, человѣкомъ польскихъ симпатій, представителемъ казачьей старшины. Но противъ него всталъ Полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь, простое казачество и запорожье. Началось междоусобіе, въ которомъ погибъ Пушкарь и восторжествовалъ Выговскій. Въ 1568году Выговскій передался Польшѣ и нанесъ въ 1659г. страшное пораженіе Московскимъ войскамъ подъ Конотопомъ. Но онъ былъ свергнутъ самими казаками и гетманомъ сталъ Юрій Хмѣльницкій.

Юрій Хмѣльницкій присягнулъ Москвѣ, но когда началась вторая война у Москвы съ Польшей, передался Полякамъ. Однако лѣвая сторона Днѣпра осталась вѣрною Москвѣ и избрала въ 1662 году особаго гетмана Запорожца Брюховецкаго. По Андросовскому миру

въ 1667 году между Польшей и россіей лѣвобережная Украйна осталась на вѣки за Москвой. Брюховецкій явился покорнымъ подданнымъ Москвѣ и самъ хлопоталъ объ уменьшеніи Малороссійской автономіи. Но это вызвало общее недовольство на Украйнѣ, которое увлекло самого Брюховецкаго въ 1668 г. къ отпаденію отъ Москвы. Не имѣя твердой политики, Брюховецкій скоро погибъ въ смутахъ, и населеніе лѣваго берега снова потянуло къ Москвѣ, не желая Польскихъ порядковъ. Представителемъ этихъ демократическихъ симпатій явился гетманъ М н о г о г р ѣ ш н ы й, котораго старшина успѣла свергнуть и обвинить въ Москвѣ. Только съ 1672 года съ гетманствомъ И в а н а С а м о й л о в и ч а, наступило внутреннее спокойствіе на лѣвомъ берегу Днѣпра.

За-то явилась внѣшняя опасность. Правая Польская сторона Днѣпра отъ Польши передалась Турціи. Турецкій султанъ Могометъ IУ въ 1672г. предпринялъ походъ для покоренія в с е й Украйны. И это обстоятельство создало для Москвы войну съ Турками, тянувшуюся до 1681 года на правомъ берегу Днѣпра. Этого берега Москвѣ не удалось вернуть, за-то крѣпко она завладѣла лѣвымъ берегомъ Украйны.

И въ этомъ заключался уже громадный успѣхъ Москвы. Присоединеніе Малороссіи было первымъ наступательнымъ шагомъ Московскаго государства относительно Польши. До сихъ поръ Москва только оборонялась и перевѣсъ силъ былъ на сторонѣ Польши, съ этого же момента отношенія сосѣдокъ мѣняются. Москва явно сильнѣе Польши и наступаетъ на нее, мстя за прежнія обиды и возвращая старинныя свои земли. Вмѣстѣ съ тѣмъ еще недавно обезсилена смутой,

она теперь съ каждымъ годомъ выростаетъ въ глазахъ прочихъ своихъ сосѣдей и получаетъ все большій дипломатический вѣсъ, не смотря на внутреннія свои затрудненія. Московскіе дипломаты, дѣйствовавшіе въ то время, могли быть вполнѣ довольны своею дѣятельностью.

ѲЕОДОРЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ

| 1676- 1682г. |

Въ борьбѣ стараго и новаго порядка побѣда скоро склонилась на сторону новшествъ, получившихъ право гражданства въ умахъ и перешедшихъ въ жизнь при сыновьяхъ Алексѣя Михайловича. Для того, чтобы узаконить новшества необходимо было, чтобы Московскій государь склонился на сторону новаго порядка, сталъ за него самъ, - и мы видимъ, что оба сына Алексѣя Михайловича Ѳеодоръ и Петръ стояли очень опредѣленно на его сторонѣ. Но исторія культурной реформы при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ имѣетъ большое различіе отъ послѣдующей преобразовательной эпохи.

При Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ реформа не выходила изъ Москвы и придворнаго міра, она касалась только верхнихъ слоевъ Московскаго общества. и только въ нихъ развивалась. Въ глазахъ народа въ это время государственныя мѣропріятія еще не были реформаціей. При Петрѣ же реформа стала общегосударственнымъ дѣломъ и охватила собою всѣ стороны народной жизни.

Затѣмъ при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ и характеръ реформы былъ иной, чѣмъ при Петрѣ. При первомъ мы наблюдаемъ вліяніе Кіевское и Греческое и культурныя новшества служатъ

преимущественно интересамъ церкви, а заимствованіе съ запада идетъ, какъ прежде, какъ при Алексѣѣ Михайловичѣ, еще безъ системы и удовлетворяя частнымъ, лишь практическимъ нуждамъ государства, что мы видимъ напримѣръ, въ устройствѣ войска по европейскому образцу. При Петрѣ Великомъ дѣйствуетъ не только Кіевское вліяніе, но вліяніе переходитъ ко всему Западу, въ то-же время и область реформы расширяется: не ограничиваясь одной церковной сферой и высшимъ классомъ, новшества систематически охватываютъ весь государственный организмъ.

Но и при Феодорѣ и при Петрѣ, какъ уже замѣчено для успѣха новшества необходима была не одна санкція, но и починъ верховной власти. Хотя само Русское общество въ значительной своей части и понимало необходимость реформы, тѣмъ не менѣе своими силами оно не могло ей итти на встрѣчу, такъ какъ оно не представляло въ себѣ никакихъ крѣпкихъ и самостоятельныхъ общественныхъ союзовъ, которые могли бы осуществить реформу, мѣстные же союзы, установленные государствомъ, всѣ существовали въ интересахъ послѣдняго, не проявляя самостоятельной дѣятельности. Только отдѣльныя лица въ предѣлахъ своей частной жизни могли вводить новшества, но это такъ и осталось личнымъ дѣломъ, которое казалось бы, |какъ это и бывало при Алексѣѣ Михайловичѣ, запрещавшемъ, напримѣръ, носить иноземное платье| не развивалось, если бы само правительство не сочувствовало реформѣ. Поэтому осуществить реформу могло одно только правительство своимъ авторитетомъ.

Слабый и больной Феодоръ Алексѣевичъ немного сдѣлалъ въ этомъ направленіи, но драгоцѣнно и то, что онъ лаконичными

симпатіями опредѣленнѣе своего отца сталъ на сторону ре-
формы. Воспитанникъ Семеона Полоцкаго, знавшій Польскій
и латинскій языки, слагавшій по ученому вирши. Ѳеодоръ
самъ сталъ Кіевлянином по духу и далъ просторъ Кіевском
вліянію, которое вносило къ намъ съ собою и нѣкоторыя, ма-
ло, впрочемъ замѣтныя, Польскія черты.

Ѳеодоръ Алексѣевичъ вступилъ на престолъ четырнадца-
ти лѣтъ. Еще мальчикомъ онъ смотрѣлъ чрезвычайно слабымъ
и болѣзненнымъ. Въ царской семьѣ царствовалъ раздоръ,
происходила борьба между двумя партіями: съ одной сторо-
ны стояла партія Натальи Кирилловны Нарышкиной, мачихи Ѳеодора, съ-другой сестеръ и
тетокъ царя, около которой группировалась родня первой же-
ны царя Алексѣя, Марьи Ильиичны, - Ми-
лославскѣе. Послѣдніе одержали верхъ, результа-
томъ чего было паденіе Артамона Сергѣевича Матвѣева. За
приверженность къ западной наукѣ онъ былъ обвиненъ въ
чернокнижіи и отправленъ въ ссылку въ Пустозерскій ост-
рогъ. Но вліяніе Милославскихъ, погубившихъ Матвѣева не
долго длилось: ихъ замѣнили любимцы царя Ѳеодора, постель-
ничій Языковъ и стольникъ Лихачевъ, люди
образованные, способные, насколько можно судить, добросовѣ-
стные. Близость ихъ къ царю и вліяніе ихъ на дѣла были
очень велики. Немногимъ меньше было значеніе извѣстнаго
князя В. В. Голицына. Въ наиболѣе важныхъ
внутреннихъ дѣлахъ времени Ѳеодора Алексѣевича необходи-
мо нужно искать почина этихъ именно лицъ, какъ руководив-
шихъ тогда всѣмъ въ Москвѣ.

Въ первое время царствованія Ѳеодора Алексѣевича
Московское правительство всецѣло было поглощено внѣшними

дѣлами, вмѣшательствомъ Турокъ въ Малороссійскія дѣла и безпорядками въ самой Малороссіи. Съ большими только усиліями удалось ему въ 1681 году | удержать за собою новоприсоединенный край. И благодаря такимъ внѣшнимъ усложненіямъ, во внутренней дѣятельности правительства при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ незамѣтно никакого почти движенія до послѣднихъ лѣтъ его царствованія. За то въ самомъ его концѣ подъ вліяніемъ новыхъ любимцевъ царя оживилась эта внутренняя дѣятельность и оставила по себѣ нѣсколько любопытныхъ мѣръ и проэктовъ.

Въ самые послѣдніе дни царствованія Ѳеодора Алексѣевича былъ напримѣръ составленъ проэктъ высшаго училища или такъ называемой Греко-Латинской Академіи |. Этотъ проэктъ напечатанъ въ VII томѣ Древней Россійской Виблиѳики |. Онъ возникъ такимъ образомъ: съ Востока въ Москву пріѣхалъ монахъ Тимоѳей, сильно тронувшій царя разсказами о бѣдствіяхъ Греческой церкви и о печальномъ состояніи въ ней науки, такъ необходимой для поддержанія на востокѣ православія. Это подало поводъ учредить въ Москвѣ духовное училище на 30 человѣкъ, начальникомъ котораго былъ сдѣланъ самъ Тимоѳей, а учителями два грека. Мыслью этого предпріятія было такимъ образомъ поддержаніе православія. Но этимъ неболь шимъ училищемъ не довольствуются, - и вотъ появляется проэктъ Академіи, характеръ которой выходитъ далеко за предѣлы простой школы. Въ ней должны были по проэкту, преподаваться: грамматика, пііитика, риторика, діалектика и фило-

Литогр. Богданова, Эртелевъ пер. № 1 | 24. -

софія "разумительная","естественная" и "правая". Учителя Академіи должны были всѣ быть съ востока и кромѣ того съ ручательствомъ патріарховъ.Но этимъ еще не исчерпывалась задача Академіи: Академія должна была слѣдить за чистотою вѣры, быть орудіемъ борьбы противъ иновѣрцевъ, изъ нея должны были выходить апологеты православія, ей присвоивалось право разсужденія о правовѣріи всякаго,и иноземца и Русскаго, "Московская Академія по проэкту царя Ѳеодора", говоритъ Соловьевъ,"это цитадель,которую хотѣла устроить для себя православная церковь при необходимомъ столкновеніи своемъ съ иновѣрнымъ западомъ,это не училище только,это страшный инквизиціонный трибуналъ: произнесутъ блюститель съ учителями слова:" виновенъ въ неправославіи",-и костеръ запылаетъ для преступника.|Ист. Россіи,XIII,гл.II|. Нужно замѣтить,что Академія была учреждена уже послѣ смерти Ѳеодора,и первыми ея учителями были вызванные изъ Грузіи |?| ученые братья Л и х у д ы |Іоаннисій и Софроній|.

Другимъ замѣчательнымъ актомъ царствованія Ѳеодора было у н и ч т о ж е н і е м ѣ с т н и ч е с т в а. Въ концѣ 1681 года въ Москвѣ были собраны двѣ комиссіи: одна изъ нихъ состояла изъ выборныхъ отъ служилаго сословія и была призвана съ цѣлью обсужденія лучшаго устройства военныхъ силъ или,какъ сказано въ указѣ,"для устроенія и управленія ратнаго дѣла", а другая состояла изъ выборныхъ отъ тяглыхъ людей и занималась выработкою новой системы податей.

Этотъ съѣздъ выборныхъ давалъ полный контингентъ для земскаго собора, но комиссіи тѣмъ не менѣе не соедин-

нялись въ соборъ ни разу и засѣдали въ разное время ,хотя представитель у нихъ былъ одинъ и тотъ-же,именно Василій Васильевичъ Голицынъ .Тяглая комиссія кончила ничѣмъ, хотя показала,по крайней мѣрѣ,лишній разъ неудовлетворительность податной системы Московскаго государства и дала собою лишній прецедентъ Петру Великому при замѣнѣ поземельной подати подушнымъ окладомъ. Служилая комиссія, напротивъ,имѣла важныя послѣдствія: кромѣ того,что ею были проэктированы различныя реформы въ военномъ устройствѣ выборные люди въ своихъ работахъ пришли къ мысли подать государю челобитье объ уничтоженіи мѣстничества. По этому поводу 12 января 1682 года государь созванъ торжественное собраніе духовенства,думы и выборныхъ придворныхъ чиновъ для обсужденія челобитья и уничтоженіи мѣстъ. Можетъ показаться страннымъ съ перваго раза ,почему въ засѣданіи участвовала не служилая комиссія,а только выборные высшихъ чиновъ, но дѣло въ томъ,что,во первыхъ ,государь зналъ изъ самаго челобитья мнѣніе комиссіи относительно этого вопроса,и,во вторыхъ,именно въ высшихъ слояхъ мѣстничество и было крѣпко,высшіе преимущественно слои практиковали его,они и были наиболѣе заинтересованы въ вопросѣ объ уничтоженіи этого обычая. На вопросъ царя о мѣстничествѣ духовенству патріархъ отвѣчалъ:" Азъ же и совсѣмъ освященнымъ соборомъ не имѣемъ никоея достойныя похвалы принести великому вашему царскому намѣренію за премудрое ваше царское благословеніе. " Бояре же и придворное дворянство сами просили его уничтожить "мѣста": "для того въ прошлые годы во многихъ ратныхъ посольствахъ и всякихъ дѣлахъ чинились отъ тѣхъ случаевъ великія пакости, нестроенія, разрушенія, непріятелемъ радованіе, а между нами |служилыми| богопротивное дѣ-

великія продолжительныя вражды". Руководствуясь подобными отвѣтами, царь указалъ сжечь разрядныя книги, въ которыхъ записывались мѣстническія дѣла и "отнынѣ всѣмъ быть безъ мѣстъ". На это собраніе единодушно отвѣчало:" Да погибнетъ въ огнѣ оное богоненавистное, враждотворное, братоненавистное и любовь отгоняющее мѣстничество и впредь да не восполняется во вѣки". Такъ передаетъ Соборное Уложеніе 1682 года объ уничтоженіи мѣстничества. Но еще за 70-80 лѣтъ передъ тѣмъ боярство очень крѣпко держалось за право мѣстничества, а бояре говорили:"то имъ смерть, что имъ безъ мѣстъ быть". По какой же причинѣ порушился старый обычай безъ малѣйшаго сопротивленія со стороны тѣхъ, которые шли когда то подъ опалу и въ тюрьму, отстаивая родовую честь ? дѣло въ томъ, что мѣста " были относительны, само по себѣ низкое мѣсто не безчестило родовитаго человѣка, "если только такія же мѣста занимали съ нимъ одинаково родовитые люди. Поэтому, чтобы считаться мѣстами, надо было помнить относительную честь стародавнихъ честныхъ родовъ. Но въ XVII вѣкѣ родовитое боярство или повымерло, одними изъ знатнѣйшихъ въ то время считались, напр. князья Одоевскіе, которые въ XVI в. далеко не были родовиты| или же упало экономически: у нѣкоторыхъ изъ тѣхъ же Одоевскихъ не было ни помѣстій, ни вотчинъ. Вслѣдствіе этого при частыхъ пробѣлахъ въ рядахъ боярства и при многихъ захудалыхъ линіяхъ считаться мѣстами было очень трудно. Далѣе въ счеты родовитой знати въ XVII в. впутывается постоянно неродовитое дворянство, поднявшееся по службѣ , благодаря упадку стараго боярства |Въ 1668г. напр. изъ 62 бояръ и думныхъ людей только 28 принадлежали къ тѣмъ старымъ родамъ, предки которыхъ въ XVI в. были въ Думѣ|.

Но хотя это новое дворянство и мѣстничалось, однако оно врядъ ли могло дорожить этимъ обычаемъ, для него было выгоднѣе замѣнить возвышеніе помощью мѣстничества нача - ломъ личной выслуги. Старое же боярство ,затрудненное въ своихъ счетахъ убылью и пониженіемъ своихъ членовъ,проигравшее на службѣ при столкновеніи съ новыми передовыми членами Московской администраціи,равнодушно смотрѣло на частыя отмѣны "мѣстъ",которыя постоянно бывали въ XVIIв. Мѣстничество практически становилось неудобнымъ ,вслѣдствіе распаденія стараго боярства и именно потому теряло свою цѣну для борства стараго, не пріобрѣтая живаго смысла для новой служебной аристократіи. Ключевскій по этому поводу справедливо замѣчаетъ,что:" не боярство умерло потому,что осталось безъ "мѣстъ",чего оно боялось въ XVI в.,а мѣста исчезли потому что умерло боярство и некому стало сидѣть на нихъ". |Бояр.Дума,изд.I,535|.

Въ связи съ уничтоженіемъ мѣстничества тотъ же Ключевскій ставитъ возникшій при Ѳеодорѣ такъ называемый "П р о е к т ъ У с т а в а о с л у ж е б н о м ъ с т а р ш и н с т в ѣ б о я р ъ ". Этотъ проэктъ впервые ясно выразилъ необычную въ Московскомъ государствѣ мысль о полномъ раздѣленіи гражданскихъ и военныхъ властей. Съ другой стороны этотъ проэктъ предлагалъ учрежденіе постоянныхъ намѣстничествъ |Владимірскаго,Новгородскаго и др.| и устанавливалъ строго старшинство одного намѣстника надъ другимъ. Однако всѣ эти предначертанія не были осуществлены и замѣны родоваго старшинства |въ мѣстничествѣ старшинствомъ служебнымъ |по должности| не послѣдовало.-

---.---.---.---.---

П Р О Г Р А М М А

ЛЕКЦІЙ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

1895 - 1896 г.-

I. В р е м я И в а н а IУ В а с и л ь е в и ч а .
Значеніе этого времени. Дѣтство Ивана IУ, правленіе Елены и бояръ, воспитаніе Грознаго. Событія 1547 года и нравственный переломъ въ Иванѣ. Главнѣйшія событія 1550-1560 г.г.:внутреннія и внѣшнія.

2. Разрывъ Ивана съ боярствомъ и событія 1560-1572 гг. Курбскій, учрежденіе опричнины и ея значеніе, Иванъ IУ въ Новгородѣ. Завѣщаніе Грознаго и его послѣдніе годы. Личность Грознаго въ исторической литературѣ.

3. Отношенія Ивана къ Западу и причины Ливонской войны. Состояніе Ливоніи въ половинѣ XУI вѣка. Поводы къ войнѣ и ходъ ея въ первое время. Распаденіе Ливоніи и война Ивана съ Польшей и Литвой до Стефана Баторія. Стефанъ Баторій и окончаніе войны. Завоеваніе Сибири. Охрана южныхъ границъ государства.

4. С м у т н о е в р е м я . Ближайшія причины Смуты. Прекращеніе династіи: сыновья Ивана IУ, ихъ характеристика, смерть царевича Дмитрія, слѣдствіе о его смерти и сказанія объ его убіеніи ,степень достовѣрности ихъ и мнѣнія изслѣдователей объ его смерти.

5. Кончина Царя Ѳеодора Ивановича, болѣе видные боярскіе роды того времени, избраніе Бориса Годунова въ цари. Земскій соборъ 1598 года, разборъ извѣстій объ обстоятельствахъ избранія Бориса, вѣроятныя причины этого избранія |отзывы современниковъ о Борисѣ Годуновѣ|.Отно-

Литогр.Богданова,Эртелевъ пер.№ 1|12.-

шеніе ученыхъ къ личности Бориса Годунова, историческая роль Годунова, характеръ его правленія, характеристика его личности.

6. Московскій голодъ 1601-1604г., появленіе самозванца и вѣроятное участіе боярства въ дѣлѣ его появленія, мнѣніе изслѣдователей о личности перваго самозванца, его первоначальныя похожденія и отношеніе къ нему Римскаго папы, Польскаго общества и правительства, походъ самозванца къ Москвѣ. Смерть Годунова. Сверженіе Ѳеодора Борисовича, въѣздъ самозванца въ Москву и дѣло Шуйскихъ, характеристика Лжедмитрія, его женитьба и сверженіе.

7. Избраніе Василія Ивановича Шуйскаго въ цари, ограничительная запись Шуйскаго, характеръ, предложенныхъ ему ограниченій, причины дальнѣйшихъ смутъ и окружныя грамоты Шуйскаго. 2-ой періодъ Смуты. Характеръ Смуты при В.И. Шуйскомъ, главные моменты смуты при Шуйскомъ, движеніе Шаховскаго, Болотникова, Ляпунова и др., осада Тулы.

8. Появленіе Вора, свѣдѣнія о его происхожденіи, его движеніе къ Москвѣ, Тушино, стремленіе Тушинцевъ въ сѣверныя области государства и осада Троицкаго монастыря; движеніе сѣверныхъ городовъ. Положеніе Москвы и Шуйскаго въ 1608-1609 гг., союзъ Шуйскаго со Шведами; М.В. Скопинъ Шуйскій и его движеніе къ Москвѣ; война съ Польшей, осада Смоленска; паденіе Тушина и договоръ Тушинцевъ съ Сигизмундомъ, главныя статьи этого договора, смерть Скопина.

9. Битва при Клушинѣ и сверженіе Шуйскаго, обстоятельства избранія Владислава; договоръ съ нимъ и отношеніе этого договора къ договору 4 февраля 1610 года, Жолкѣвскій и Великое Посольство, цѣли Сигизмунда, отношеніе къ нему боярства, движеніе противъ Поляковъ и усиленіе Вора.

10. Смерть Вора и значеніе ея въ развитіи Смуты.-

3-ій періодъ Смуты ,положеніе Московскаго государства въ минуту смерти Бора; патріархъ Гермогенъ; движеніе городовъ и первое ополченіе противъ Поляковъ; составъ этого ополченія и его устройство; приговоръ 30 іюня 1611 года; его значеніе и послѣдствія, смерть Ляпунова и разложеніе ополченія.

II. Положеніе Московскаго государства во второй половинѣ 1611 года, второе движеніе противъ Поляковъ въ городахъ и его руководители :патріархъ Гермогенъ ,власти Троицкаго монастыря, мѣстные дѣятели, князь Пожарскій и Мининъ; начало Нижегородскаго ополченія ,его походъ въ Ярославль, устройство ополченія и свѣдѣнія о земскомъ соборѣ въ ополченіи.

I2. Причины долгаго пребыванія въ Ярославлѣ князя Пожарскаго, освобожденіе Москвы ,походъ Сигизмунда ,земскій соборъ 1613 года; его составъ, свѣдѣнія о ходѣ избранія, избраніе въ цари М.Ѳ. Романова, посольство отъ собора въ Кострому. Значеніе факта избранія царя и результаты Смутной эпохи,мнѣнія ученыхъ о результатахъ Смуты.

I3. В р е м я М и х а и л а Ѳ е о д о р о в и ч а Путешествіе царя изъ Костромы въ Москву и сношенія его съ Земскимъ соборомъ ,вопросъ объ ограниченіяхъ царя Михаила и степень ихъ достовѣрности, постоянные земскіе соборы въ Москвѣ, положеніе государства въ первые годы Михаила Ѳеодоровича ,Заруцкій,казаки, война съ Польшей и Швеціей.-

I4. Характеръ Михаила Ѳеодоровича и инокини Марѳы , придворная жизнь въ Москвѣ до пріѣзда Филарета Никитича , личность Филарета и его значеніе при дворѣ |дѣло Хлоповой| и въ государствѣ ,дѣятельность правительства до Филарета,соборъ 1619 года.-

15. Мѣры правительства Михаила Ѳеодоровича ,направленныя къ улучшенію администраціи и къ поднятію народнаго благосостоянія, устройство и положеніе сословій, торговые и промышленные иностранцы въ Московскомъ государствѣ и положеніе русской торговли въ первой половинѣ XVII вѣка , малоуспѣшность правительственныхъ мѣръ и экономическое разстройство Московскаго общества при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ.

16. В р е м я А л е к с ѣ я М и х а й л о в и ч а . Общій обзоръ царствованія Алексѣя Михайловича .В н у т р е н н я я д ѣ я т е л ь н о с т ь п р а в и т е л ь с т в а А л е к с ѣ я М и х а й л о в и ч а :Морозовъ Милославскій и волненія въ Москвѣ, Уложеніе и т.д. Уложеніе, причины его вызвавшія, земскій соборъ 1648-1649гг. и реформы,проведенныя въ Уложеніи ;волненія въ Псковѣ и Новгородѣ. Мѣдныя деньги и финансовый кризисъ, законодательная дѣятельность правительства послѣ уложенія; Разинскій бунтъ, объясненіе его причинъ С.М.Соловьевымъ и Н.И. Костомаровымъ.

17. Ц е р к о в н ы я д ѣ л а п р и А л е к с ѣ М и х а й л о в и ч ѣ : патріархъ Никонъ,исправленіе богослужебныхъ книгъ, вопросъ объ исправленіи на Стоглавомъ соборѣ, исправленія въ первой половинѣ XVII в.,Греки и Кіевляне,отношеніе патріарха Никона къ исправленію книгъ и обрядовъ, ходъ исправленій при Никонѣ,первая частная мѣра Никона и протесты противъ нея, соборъ 1654г. и вопросы патріархамъ ;новые справщики,общія замѣчанія объ исправленіяхъ и проектахъ противъ нихъ до удаленія Никона съ патріаршаго престола,распространеніе и усиленіе протеста послѣ Никона, расколоучители |Нероновъ,Аввакумъ и др.| и поддержка раскола въ обществѣ |О.П. Морозова|.

Московскіе соборы 1666 и 1667 гг.,вопросъ о возникновеніи раскола,литература о расколѣ.

18. Дѣло патріарха Никона,литература его вопроса и мнѣнія ученыхъ о немъ,отношенія царя и патріарха ,степень вліянія Никона,его характеръ и поведеніе, ссора его съ царемъ и удаленіе изъ Москвы, соборъ 1660г. ,Паисій Лигаридъ и сношенія съ патріархомъ по дѣлу Никона, поведеніе Никона и вопросъ объ отношеніи духовной и свѣтской власти на соборѣ 1666-1667 гг. и вообще въ дѣлѣ Никона.

19. Главные моменты въ исторіи южной и западной Руси въ XV-XVII вв. Русско-Литовское государство до Витовта и Ягелло. Унія съ Польшей и Польское вліяніе въ Литвѣ и Руси. Реальное соединеніе Польши ,Литвы и Руси въ 1569 году,его причины и слѣдствія. Церковная унія ,обстоятельства ея вызвавшія. Усиленіе казачества, его организація въ XVII в. и возстаніе ,мотивы казацкихъ возстаній, Богданъ Хмѣльницкій. Малороссійскій вопросъ и въ московскомъ государствѣ во второй половинѣ XVII в. Роль Москвы въ Малороссійскихъ смутахъ ,борьба за Малороссію и ея результаты.

20. Культурный вопросъ въ Московскомъ государствѣ во второй половинѣ XVII вѣка. Личность царя Алексѣя .Роль Московскаго правительства въ дѣлѣ проведенія культурныхъ реформъ, характеръ реформы при царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ. Личность царя Ѳеодора .Замѣчательныя событія его царствованія: проектъ учрежденія Академіи,военная и податная Комиссія,уничтоженіе мѣстничества.-

---

[10-]